

Роман Покровский

Алая Завеса

Первый лик смерти

12+

Роман Александрович Покровский

Алая Завеса.

Первый лик смерти

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48483565

SelfPub; 2019

Аннотация

Действие книги переносит нас в альтернативную Европу – мир, в котором наука соседствует с магией. Главный герой, семнадцатилетний Юлиан Мерлин, попадает в город Свайзлаутерн, где волей судеб оказывается втянут в интригу, связанную с намечающимся возвращением террориста Молтембера, чья группировка держала в страхе весь Союз Шмельцера 15 лет назад. Роман преисполнен неожиданными сюжетными поворотами, раскрывающимися призраками прошлого главных героев и... И дружбы на фоне настоящей войны. Целевая аудитория – любая. Вкусовые предпочтения – любые. Надеюсь, каждый найдёт здесь то, что хочет найти.

Содержание

1. Беглец	4
2. Арестант	17
3. Прислужник	40
4. Лазутчик	71
5. Присяжный	91
7. Отшельник	145
8. Монроук	166
9. Вервольф	184
10. Студент	211
11. Соучастник	239
12. Потерпевший	264
13. Шпион	302
14. Заключённый	336
15. Защитник	363
16. Похититель	382
17. Охотник	418
18. Странник	443
19. Безумец	458
20. Приманка	485
21. Кульминация	512
22. Реквием	529
23. Эпилог	538

1. Беглец

"Я видел только огонь. Я не знал, что будет, когда я пройду сквозь него."

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

Юлиан сбежал прямо так, в одних кедах и джинсах, не захватив с собой совсем никаких вещей. Ему сейчас было совершенно не до них, ибо волновало многое другое.

Он представлял, что его дед, Джампаоло Раньери, мчится в своём строгом костюме в клеточку за ним, с ружьём в руках, и периодически стреляет из него. Никаких звуков ушами Юлиан не слышал, но они отчетливо звучали в его голове.

Ещё немного и он убил бы деда, подумалось Юлиану. Спроси его за что – Юлиан не смог бы ответить. Он представлял это более чем хорошо, но сформулировать мысль не представлялось возможным.

Он поймал самый первый автобус, идущий по дороге, и без раздумий запрыгнул туда. Юлиан даже не стал читать, куда он уедет, так как ему было глубоко плевать.

Лишь бы подальше отсюда. Хоть на край света. Хоть на холодный север.

В автобусе было всего одно свободное место, да и то оно находилось напротив какого-то старике в шляпе, от которого так и веяло ложной мудростью и бесценным опытом прожитых лет. Если бы он был одет в такой же костюм в клеточку и

не носил такой длинной бороды, Юлиан с легкостью спутал бы его со своим дедом.

Он плюхнулся на сиденье, даже не спросив на это разрешения.

Дед, наверное, спал, потому что в этот момент резко встрепенулся и протер свои очки, после чего наглым взглядом уставился на Юлиана.

Действительно, как есть дед. И на вид лет сто, не меньше.

– Какая дорога завела тебя в Свайзлаутерн, мой юный путник? – после недолгого молчания спросил старик.

Не хватало Юлиану только умных слов. Наслушался от своего деда.

– Честно говоря, я и не знаю, что еду туда, – опрометчиво ответил юноша.

– Едешь, не зная куда. На пути к вечности и неизведанному. Красиво, юный друг.

Юлиан предпочел не отвечать. Не время и нет смысла.

– Наверняка, из дома сбежал? – поинтересовался назойливый дед.

– Что-то вроде того, – не стал скрывать Юлиан.

– Это столь же авантюрно, сколь и бессмысленно. В конечном итоге ты поймешь, что дома лучше и захочешь туда вернуться. Сам много раз так делал, сам много раз жалел и возвращался.

Дедушка, не учи меня жизни, подумалось Юлиану, но вслух он этого сказать не осмелился.

Да и не требовалось. У Юлиана появилось ощущение, что дед прочитал его мысли.

– Не пожалею, – пробормотал юноша.

– Чем тебя так манит неизвестность? Чем отталкивает родной дом? Неизвестность чарует, но чарует до тех пор, пока в неё не вступишь. Ею пресытишься в первый же день, да только вот она может и не отпустить обратно. Она станет проклятием, ты возненавидишь её и не сможешь полюбить.

Юлиан очень не любил таких мудрых и вроде как красивых слов. Если бы ему нравилась подобного рода философия, он бы всё-таки поступил в какой-нибудь университет или академию и там освоил бы всё это до совершенства.

В любом случае, дед смог пристроить бы его куда угодно. Более того, он на этом настаивал. И именно это являлось одной из причин конфликта между дедом и внуком, а скорее всего даже отправной его точкой.

– Я не в неизвестность отправляюсь. Я покидаю человека, который не может оставить меня в покое.

Этот человек, сеньор Раньери, очень уважаемый во многих слоях общества. Но сколь он уважаем, столь же и невыносим.

– Минутная слабость сподвигает нас на очень необдуманные поступки вроде этого. Гораздо проще перетерпеть...

– И это снова случится, – перебил старика Юлиан.

Ему так хотелось сейчас блаженного одиночества. Откинуться на сиденье, закрыть глаза и думать, думать, думать.

Ругать в душе деда, представлять другую жизнь, мечтать о непостижимом. И единственное условие для этого – тишина. Элементарная тишина, которую ему этот старик не может обеспечить.

– Я прожил в несколько раз больше, чем ты, и хорошо знаю, что говорю. Главная ценность – это близкие люди. И беден тот, у кого они отсутствуют. Я стар, у меня уже никого не осталось. И я глубоко одинок. Я был бы несчастен, если бы не нашёл в себе увлечения помогать потерянным душам вроде тебя, мой юный друг.

Только вот Юлиану эта помощь не требуется. Ему требуется тишина. Ему требуется одиночество, по крайней мере, временное.

– Я не потерян, – возразил Юлиан.

– Тебе так кажется, мой юный друг. В тебе говорят гнев и злость. Маленькие люди вроде тебя вообще очень склонны к этому. Я и сам был очень горяч в твои годы. Как уже говорил, сбегал из дома. Ссорился с близкими друзьями, порой даже навсегда. А сколько раз ругался с женой... И не счастье. Но теперь, когда её нет, я понимаю, что всегда любил её больше всей жизни. И все эти ссоры были обусловлены лишь боязнью её потерять. Я могу перечислить сотни причин, почему так часто был ей недоволен, но все они, по сути, ничтожны. А какие причины недовольства своим дедушкой у тебя?

– Дедушкой? – удивился Юлиан. – Я же вам ничего не говорил про дедушку.

– А мне и не надо было. Ты сел в автобус возле усадьбы сеньора Джампаоло Раньери. Как же я мог не догадаться?

– Неужто мой дед и впрямь такой известный?

– Да. Он известный, выдающийся и, несомненно, хороший человек. Когда-то мне приходилось быть его психиатром. Я помог ему, а он помог мне. Помощь, пусть и обоюдная, не забывается никогда.

– Он может только платить, – съязвил Юлиан.

– Я это не имел в виду. Да, он щедро мне заплатил. Но, скажем так, в деньгах я сильно не нуждался. Не буду скромничать – я один из ведущих психиатров Свайзлаутерна, да и всей провинции, стало быть. Когда я лечил его, одновременно он лечил и меня. Он помог мне смягчить тоску по моей жене. На такое способен только золотой человек. Так вернемся, пожалуй к тому, с чего я начал. Какая первая причина недовольства им?

Юлиан секунду помялся и всё же открылся:

– Я закончил школу весной. И он хотел пристроить меня в Академию Принца Болеслава. Не спросив, хочу я того или нет. Надо ли мне это или ему.

– Очень стандартная проблема. Я уже и не сосчитаю, сколько раз ко мне обращались юнцы с этой проблемой. И всегда ответ один. Дед хочет видеть в тебе большого человека, такого же большого, как и он сам. Желает тебе светлого будущего, а не туманного. Академия дала бы тебе не только документ об образовании, но и помогла бы найти себя. Он

видит, насколько ты потерял.

Звучало совсем неубедительно. Юлиан слышал эти слова за прошедшее лето бесчисленное множество раз. От всех, кого только мог. И всякий раз проносил это мимо своих ушей.

Ему и не требовалась помощь психиатра. Ему просто не повезло со спутником.

– Мне хватит того, что я получил в школе, – сказал Юлиан. – Я сам хочу строить свою жизнь. Не обращаясь за помощью к родственникам.

– Но оплатил проезд ты деньгами своего деда. И за всё лето не заработал, наверняка, совсем ничего. Это ли не заблуждение? Можешь ли ты выделить ещё одну причину своего недовольства?

– Он не хочет меня слушать. Он не разделяет моих интересов. Он хочет, чтобы я прочитал огромную книгу про его родословную. А я не хочу. Зачем мне вспоминать его прошлое?

– Незнание прошлого порождает неспособность строить будущее. Твой дед происходит и дворянского рода, однако всего в жизни он добился сам. Без знаний, полученных им из прошлого, этого сделать бы не удалось.

– Сейчас это не очень актуально.

– Я объяснил тебе его мотив. Его правильный мотив. Оба твоих недовольства совсем необъективны. Поэтому прошу озвучить третье.

– Он распределяет мой распорядок дня, – чуть призадумавшись, сказал Юлиан. – Будит меня чуть свет. Не дает мне возможности гулять, сколько я хочу. Держит меня словно в клетке. Заставляет есть, будучи одетым в парадную одежду. Заставляет держать ложку и нож в правой руке, а у меня это плохо получается. Я ненавижу правила этикета.

– Твой дед человек старых устоев. Этикет – это неотъемлемая часть любого дворянина. И поверь, многим это совсем не нравится. И твоему деду не нравится.

Водитель резко тормознул, и Юлиан едва не слетел с сиденья. Автобус подобрал какого-то бедолагу, однако ему пришлось довольствоваться стоячим местом.

– Есть законы, придуманные не нами. В том числе и не твоим дедом, – продолжил старик. – А чтить обычаи мира, в котором ты живешь, ты обязан.

– Я хочу быть свободным. Делать то, что хочу, не оглядываясь на мнения других.

– В твоём возрасте все революционеры. Но, если ты продолжишь мыслить в том же духе, станешь тем, кто следует по течению и ничего не меняет. Сдержанность – один из залогов успеха.

– Вы сказали, что в молодости были примерно таким же, как я. Но видите вы мне вполне успешным человеком.

– Никто и не спорит, – сказал дед. – Но я могу сказать, что однажды тоже встретил... Образно так сказав... Встретил своего старика в автобусе. Который раскрыл мне глаза.

Который убедил в некоторых вещах и помог встать на правильный путь.

– И вы сразу вернулись домой?

– Нет, конечно. Осознание пришло многим позже. Но я безмерно рад, что оно пришло. И до сих пор оно во мне и никуда уже не денется.

– Сожалею, я никогда не слушаю чужих мнений, – сказал Юлиан.

– А ты смел, – похвалил его старик, – наверное, даже смелее, чем я был. Плавно я постараюсь угадать следующую причину. Дед забрал тебя от матери, не спросив твоего мнения?

– Да, – вздохнул Юлиан, – вы правы.

Этот старик определенно умеет читать чужие мысли. Другого объяснения Юлиан придумать не мог.

– И чем же это обосновано, по твоему мнению?

– Тем, что он тиран...

– Нет. Всё однозначно. Он просто любит тебя. Скучает по тебе и хочет тебя видеть. Разве сложно докопаться до такой элементарной истины?

– Если бы любил, понимал бы меня, – возразил Юлиан.

– Я уверен, что даже если бы он слышал всё, что ты о нём сейчас сказал, он простил бы тебя и продолжил любить. И, когда у тебя появится свой внук и тоже станет взрослеть, история повторится. И ты будешь любить его. Всегда.

– Я буду любить свою жену, детей и внуков настоящей лю-

бовью. Буду стараться делать для них то, что они по-настоящему хотят. А не чего хочу от них я.

– Не раскидывайся такими словами, покуда не повзрослел. У меня есть внук и внучка, но они очень далеко и я несколько лет их не видел. Но более всего мечтаю снова обнять их. Думаешь, я никогда не ссорился с ними? Думаешь, они не были злы на меня и не кидали в меня проклятья? Было всё. Но всё перечеркнуто словом "любовь".

Слова звучали всё убедительней, но Юлиан совсем не хотел их слушать. Он сделал свой выбор. И не отступит от него, пока не удостоверится в том, что было лучше. А это, он был уверен, не случится ещё очень и очень долго.

– Сеньор Раньери злится на тебя сейчас, как на дьявола. И завтра будет злиться. А после что? Он впадет в грусть, станет убиваться, что, возможно, обидел тебя, и сделает всё, для того, чтобы вернуть. Тебе охота, чтобы дед переживал и маялся?

– А ему охота, чтобы я занимался тем же?

– Ему неохота. Ему охота сделать тебя человеком. Сейчас ты совершил серьёзный поступок и это, можно сказать, приблизило тебя на шаг к взрослости. А деду добавило седых волос и бессонных ночей.

– Он всегда хорошо спит, – сказал Юлиан, – храпит так, что слышно мне на втором этаже.

Старик неожиданно громко рассмеялся, и Юлиану стало от этого немного не по себе. Он смотрел на старика недо-

уменьшим и серьезным взглядом, но тот не реагировал. Ему было смешно, что его ровесник храпит.

Люди на других местах тоже смотрели на него, но, по большей части, им было всё равно.

– Совсем скоро мы приедем, – оклемавшись от смеха, произнес старик, – тебе приходилось раньше бывать в Свайзлаутерне?

– Я был там много раз, но мне больше нравится Грунндебайтен.

– Ты там живешь? Это совсем маленький город на фоне Свайзлаутерна. Кремовый рай, как многие его называют. Признаюсь, вкуснее шоколадных пончиков, чем там, мне отведывать не приходилось.

– Клубничные пирожные там гораздо вкуснее, – ответил Юлиан, однако теперь в его глазах читалось безразличие.

Он совершенно неожиданно выговорился было совершенно незнакомому человеку, и теперь сомневался, правильно ли сделал. Он не привык доверять чужим людям. Он не открывал душу даже родным. Юлиан всё держал в себе. Потому что все его переживания и проблемы – его. Его достояние и его богатство.

– Сладкоежка, стало быть? – поинтересовался старик.

– Нисколько, – возразил Юлиан, – я бы предпочел жареную колбаску, чем самое вкусное пирожное.

– Похвально. Сладкое часто вредит здоровью. Хотя, думаю, что тебе на здоровье сейчас, грубо говоря, плевать. А к

старости начинаешь задумываться о нём. Когда для ходьбы всё чаще используешь третью ногу, – старик немного улыбнулся и неуклюже указал на стоящую возле него трость.

Она была выполнена в стиле Ренессанса, а ее основание украшала фигура драконьей головы. Наверняка, вещь раритетная и стоит немало.

Сейчас старик прочитает его мысли и назовёт цену трости. Ещё и похвалится этим. Но сего не случилось.

Они въехали в город. Юлиан с лёгкостью узнавал крыши многоэтажек и магазинов, во многих из которых ему уже приходилось бывать. Вечерело. Справа пронесся стремительно уходящий поезд. Что-то подсказывало Юлиану, что поезд уходил в Грунндебайтен. На мгновение Юлиану вдруг захотелось оказаться в нём и умчаться навстречу ночи в родной дом. Проверить свою коллекцию спортивных карточек и погладить собаку. Почему он подумал про собаку?

Всю дорогу до платформы вокзала старик молчал, что не могло не радовать Юлиана. Может быть, он наконец-то устал говорить и предпочел отдохнуть и дать отдохнуть Юлиану? Было бы совсем неплохо.

Но старик снова прочитал его мысли и спросил:

– А куда теперь?

– Я не знаю. Что-нибудь придумаю.

– Скажем так, здесь ты не пропадёшь, – усмехнулся старик, – в гости не зову, потому что дел полно. Но если вдруг понадобится какая-то помощь, буду рад, если обратишься ко

мне.

Он залез в левый внутренний карман своего пиджака, и, пару секунд поковырвавшись там, вытащил небольшую фиолетовую карточку, вручив её Юлиану.

– Мой номер телефона, – сказал он, – тебе никогда не помешает. Меня зовут Грао Дюкс.

Юлиан молча кивнул, но своего имени называть не стал. На карточке черными чернилами были написаны четыре цифры "1166", а снизу замысловатая роспись случайного попутчика.

– Твоего имени не спрашиваю, – произнёс Грао Дюкс и медленно привстал.

Пора было выходить.

Юлиана уже в полной мере пугала способность старика читать его мысли. Все психиатры умеют это делать или только этот экземпляр? Этим положено владеть в данной профессии?

Юлиан тоже привстал и пропустил его вперёд. Какие-то правильные манеры всё же разыгрались в нём.

На вокзале было всё так же сравнительно многолюдно. Кто-то ещё собирался куда-то ехать. Юлиан не собирался никуда.

Справа и слева сновали конвои местной полиции, отлавливающие мелких преступников и следящие за подобием порядка. Но Юлиана они совершенно не интересовали. Теперь его интересовало только то, куда идти дальше. Злоба на деда

не утихла, и возвращаться к нему он не хотел.

Как и не хотел блуждать всю ночь по улице, как бродяжка.

– До скорой встречи, мой юный друг, – улыбнулся Грао Дюкс, и, опершись на трость, двинулся к только что подъехавшему автомобилю.

Он сел на заднее сиденье, а это значит, что за ним приехал личный водитель. Совсем как за дедом. Тот тоже никогда не ездил сам.

Машина загремела и уехала прочь отсюда, оставив Юлиана совсем одного в этом уже не таком приветливом месте.

Что ж, до скорой встречи.

2. Арестант

"Необдуманые действия порой приводят к самым неожиданным последствиям. Но я не думал, что закон подлости имеет такое чувство юмора."

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

Начало новой жизни выглядело не совсем определенным, однако Юлиан ни о чём ещё не жалел. То, что он сделал, выглядело единственным верным выходом из той ситуации, в которую попал, и сомневаться в правильности принятого решения он попросту не имел права.

Само собой, Юлиан не собирался звонить Грао Дюксу, потому что хорошего от него он снова, узнает мало. Убеждать его в правоте деда нет совершенно никакого смысла, тем более, если это делает совершенно незнакомый человек.

Скорее всего, Дюкс был прав, когда говорил, что Юлиан в Свайслаутерне не пропадет. Это утверждение было бесспорным, особенно учитывая то, что кое-какие деньги он с собой взял. Деду, конечно, это не понравится, тем более Юлиан не ставил в его известность об этом. Но какое дело до этого Юлиану, если дед сейчас уже очень далеко?

Он засунул в кошелек визитную карточку Грао Дюкса, однако после недолгих раздумий вытащил её обратно и ещё раз подробно изучил то, что было написано на ней. Не так уж интересно – он убедился в этом ещё один раз.

Сентябрьские вечера были не самым теплым временем, поэтому Юлиан счел первой задачей спрятать руки в карманы. Однако его удивление преумножилось в несколько раз, когда он обнаружил в левом кармане ещё чью-то руку.

Ну конечно, вор-карманник!

Юлиан не смог заметить лица этого парня в капюшоне, тем более что он оказался ловким и с неплохой реакцией, что позволило ему сразу же дать дёру.

Кошелек украсть он успел, поэтому Юлиан сдаваться не собирался. Пару лет назад Юлиан считал своим долгом устраивать каждое утро пробежку в несколько миль, оттого не считал себя обиженным в плане скорости. И погоняться он очень любил.

– Стой! – протяжно заорал Юлиан в спину вору и побежал за ним.

Тот совершенно не обращал на юношу внимания, устремляясь вдаль. Юлиан был быстрее, но когда они достигли темных переулков, всё изменилось. Карманник, похоже, очень хорошо знал все эти лабиринты, а вот Юлиан был здесь впервые.

Но и так он сдаваться совсем не собирался, поэтому только прибавил ход.

Преступник скрылся за старой помойкой и рванул в какой-то переулок направо, намереваясь найти способ обмануть Юлиана. Но не успел.

Тот вытянул вперед длинную левую руку и опрокинул

ей ничего не ожидающего карманника. Воришка с грохотом плюхнулся на грязную землю, и Юлиан запрыгнул сверху на него.

– Верни мои деньги, и я отпущу тебя отсюда живым! – в порыве гнева кричал Юлиан.

Теперь он хорошо видел лицо того, кто его обокрал, и оно явно не выглядело воодушевляющим.

Юлиан думал, ударить его или нет. Это не так легко делать, особенно когда смотришь жертве в глаза и понимаешь, что получать по лицу ей совершенно не хочется.

Мало ли что могло заставить воришку пуститься на такой шаг – винить его полностью было явно нельзя.

– Вытаскивай деньги! – ещё громче заорал Юлиан, не обращая внимания на тщетные попытки карманника выбраться из жесткого захвата.

Особой физической силой Юлиан не отличался, однако преступник был совсем тощим и ростом явно ниже.

– Какие ещё деньги? – слышался голос из-за угла, что заставило Юлиана обернуться.

Одно другого хуже. Это полицейский.

– Впервые что ли на заработок вышел? – спросил появившийся второй.

– Кто ж так громко орёт, совершая грабёж? – продолжил первый.

Спереди появился ещё один полицейский и Юлиан понял, что теперь, даже если воришка и сможет вырваться, убежать

ему никуда не удастся. И деньги свои теперь Юлиан точно вернёт.

– С трудом поймал, – похвастался Юлиан, отпуская воришку.

Он ожидал, что сейчас полицейские поднимут карманника и наденут наручники на воришку, но этого почему-то не случилось.

– Конечно, мы оценили твою работу, – засмеялся один из полицейских, кивая второму. – С трудом поймал он. Хвалится ещё.

– Что? – опешил Юлиан, когда наконец-то понял, что произошло.

Карманник, обокравший пять минут назад Юлиана, сделал совсем уж жалкий вид, когда один из полицейских подошёл к нему.

– Вы не пострадали? – спросил он.

– Всё обошлось, медицинская помощь не требуется, – ответил мошенник, усиленно изображая хромоту.

– Это отлично. Боюсь, вам придётся дать некие показания в отделении.

Юлиан в бешенстве вскочил на ноги и закричал:

– Это не я грабитель, а он! Он стащил у меня кошелёк, и я погнался за ним, чтобы вернуть его! Не более того.

– Ну да, – сказал полицейский, разговаривающий с воришкой, – а я опаздываю на ужин с королевой, и мне некогда трепаться.

– Я... Я с легкостью докажу, что виновен он, – не унимался Юлиан, – он украл у меня кошелёк. Кожаный, коричневый. Там внутри деньги.

– Вот так удивил, – сказал полицейский с самыми большими усами. – А я-то ожидал, что ты носишь в кошельке ключи от машины. Или отвертку, например.

После этого он протяжно засмеялся, что едва не вывело Юлиана из себя окончательно.

– Ну всё, забирайте уже его, – сказал самый старый полицейский, – времени мало. Сколько ещё их шныряет здесь...

Внезапно Юлиана осенило:

– Внутри кошелька находится визитная карточка Грао Дюкса! – с воодушевлением закричал он. – Фиолетовая такая, там ещё его номер телефона из четырёх цифр.

– Да? – остановился усатый полицейский, потеревив свои усы. Он уже успел вытащить металлические наручники и собирался надеть их на Юлиана. – Обыскать его? – обратился он к старому полицейскому.

– Обыщи, – кивнул тот, после чего заворчал: – Итак времени мало, так ещё пытаются уликами кидаться. Тьфу.

– Я сам вам дам его, – сказал преступник и Юлиан увидел в его глазах немалую дозу разочарования.

Он вытащил из кармана куртки кошелек Юлиана и протянул усатому полицейскому. Наконец-то от Юлиана отстанут, увидев неопровержимые доказательства. Однако всё опять пошло не так.

– Нет тут никакой визитки, – сказал полицейский и еще раз перепроверил содержимое. – Четыре сотни фунтов и всё.

– Что? – удивился Юлиан, однако через секунду многое понял.

Всё было кончено. Да, иначе быть и не могло. Закон подлости разыгрался не на шутку. Когда он собирался запихать визитную карточку обратно в кошелек, в кармане он обнаружил руку воришки, и сделать этого не успел.

Карточка могла и выпасть, однако Юлиан нашёл её в своём кармане и выставил всем напоказ.

– Вот дурак-то, – усмехнулся старый полицейский. – Скажу честно, глупее налетчика мне видеть не приходилось. Всё, закрывайте его.

Юлиан понял, что ничего доказывать уже нет смысла, и послушно протянул вперёд свои руки, на которых в то же мгновение оказались сияющие наручники.

– Вам, герр, я настоятельно не советую носить с собой такие большие суммы, – обратился старый полицейский к преступнику и вручил ему обратно кошелек Юлиана. – Марв, оставайся здесь, – обратился он к молодому полицейскому. – А мы поедem в отделение. Сожалею, герр, вам придётся дать показания.

– Но я торопился домой, – собирался надавить на жалость преступник.

– Сожалею, но таковы правила.

Когда Юлиана вели к машине, он мимолетом оглянулся

на настоящего преступника и заметил его наглую ухмылку. Юлиану так хотелось лишить его зубов, но возможности никакой не предоставлялось. Что ж, в следующий раз.

В старую черную полицейскую машину преступника, ставшего жертвой, с честью посадили за переднее сиденье, Юлиана же отправили назад, к усатому полицейскому. Только здесь Юлиан заметил, что усы были рыжими. Наверное, это могло бы быть весело, но только не в этом случае.

Юлиан старался не разговаривать с конвоем, но иногда всё же приходилось. Из разговора он понял, что преступника зовут Ганс и он совсем ещё юн. Разве что на пару лет постарше самого Юлиана.

Дорога не заняла много времени, и вскоре они подъехали к отделению полиции. Это было небольшое трехэтажное здание, выполненное в средневековом стиле, выстроенное из серых камней с остроконечным пиком на крыше.

Место не выглядело приветливо, и вообще мало походило на полицейский отдел. По крайней мере, не так его себе Юлиан представлял, тем более в таком большом городе.

На самом деле Юлиану уже приходилось бывать в подобном месте, только уже в своём родном Грунндебайтене. Около года назад, слишком веселым летом, Юлиан нашёл весьма интересным проникнуть ночью в Галерею искусств и дополнить некоторые картины такими поправками, с которыми они должны были выглядеть лучше.

Разрисовать он успел только два шедевра, после чего его

обнаружили полицейские и тоже забрали с собой. Юному несовершеннолетнему хулигану мало чего грозило бы, только вот весьма внушительный штраф сеньору Джампаоло Раньери выплатить всё же пришлось.

В то время, как Юлиану пришлось получить немало ругани и упреков. Главным образом деда волновала его подпорченная репутация, а к тому же Юлиану пришлось выслушать массу нравоучений о том, как надо ценить искусство и всё к этому прилагающееся.

Время было не из легких, но Юлиану пришлось пережить его.

Он и сейчас был уверен в том, что к утру дед про это узнает и вытащит его отсюда. Разумеется, внеся солидную сумму залога. Юлиан уже был готов к скандалу, который ему устроят, только вот в этот раз он действительно совершенно ни в чем не виноват. Он-то уж точно знал.

– Юлиан Мерлин, – произнёс юноша на допросе, когда у него спросили имя.

Скрывать его не было никакого смысла, так как это увеличивает шансы быть найденным дедом.

– Надо же, – усмехнулся старый полицейский, – веселая фамилия. Впервые слышу такое. Не придумал?

Юлиану очень не нравилось называть свою фамилию. Он стеснялся её, хотя не знал, почему. И, скорее всего, не из-за того, что досталась она ему от отца, которого он никогда в

своей жизни не видел. А из-за того, что на самом деле она могла значить.

Допрос шёл около часа, но ничего путного из него не вышло. Настоящий преступник поплакался и его практически сразу отпустили, а вот от Юлиана упорно освобождать не собирались.

Он тысячи раз пересказывал им всё, что видел, но ему отказывались верить. Для них всё было так, как они себе представляли. Юлиан напал на несчастного паренька, и под угрозой удушья хотел выманить у него деньги, при этом громко, на весь город, об этом крича. Будучи слишком неопытным налетчиком, он даже не взял с собой оружия, а полагался только на свою собственную удачу.

Всё было так нелепо, что Юлиану хотелось смеяться. Только этот порыв вряд ли кто-нибудь бы оценил.

Юлиан даже пытался выманить у полиции зелье правды, но те усмехнулись, и сказали, что такой редкости у них очень и очень давно не было. Потому им и придется искать правду при помощи "старых и более человечных методов".

– Утром разберемся, – сделал вывод старый полицейский и что-то написал на желтом листе бумаги.

Положив перо, он вдохнул глоток воздуха и сказал усатому:

– Запри-ка его в одиночную камеру.

– В одиночную? – удивился тот. – Он разве настолько высокопоставленное лицо?

– Не настолько. Но я не хочу, чтобы этот мальчик прозябал в одном месте с закоренелыми подонками и подлецами. Рано ещё ему. Не понял, что наделал.

Только вот он ничего не наделал. Но за такой отличительный знак, он должен был сказать "спасибо". Только, разумеется, Юлиан такого не скажет. Потому что он вообще не планировал оказываться в этом паршивом месте.

Настроение ухудшалось с каждой секундой всё больше и больше. Само осознание того, где он теперь оказался и кем его считают, пугало.

Заслужил ли он этого? В порывах злости дед именно такое будущее и обещал Юлиану. Что-то вроде "Ты допрыгаешься" и так далее. От этих слов Юлиана просто тошнило, так как постепенно пророчества деда начинали сбываться.

Никто его не запикивал в камеру насильно – он сам добровольно, опустив голову как можно ниже, прошел туда, и безвольно наблюдал за тем, как его запирают на ключ. Появилось ощущение, что его осудили лет на тридцать, и он теперь никогда не увидит свободы и белого света.

Наверное, всё же, нахождение в усадьбе деда было бы лучшим вариантом. Теперь, когда всё поутихло, в юноше появились нотки сожаления.

Камера была весьма тесной и темной, к тому же находилась совсем рядом со столом главного полицейского, и его было оттуда совсем неплохо видно. Он был поглощен своими бумагами и совсем не разговаривал с Юлианом. Надо

сказать, этот факт очень и очень радовал бедолагу-арестанта. Голосов блюстителей закона он уже наслушался.

По истечении получаса невероятной скуки и полного отсутствия желания спать на другом конце помещения раздался грохот, и дверь с грохотом отворилась.

– Что происходит? – закричал старый полицейский, который, похоже, уже впал в лёгкую дрёму.

– Иллиций! Агнус Иллиций пойман!

Юлиан мгновенно вскочил и просунул голову меж прутьев решетки. Он совершенно не знал, кто такой Иллиций, но ему было очень интересно узнать, чьё появление вызывает здесь такой восторг и такой антураж.

– Не может быть! – воскликнул старый полицейский и вскочил с места, отбросив газету, которую читал до того, как задремал. – Ведите его сюда, не тяните время.

Почти сразу же Юлиан увидел, как двое полицейских заводят какого-то небрежно одетого мужчину под руки в помещение. На нём были надеты совсем огромные и ржавеющие наручники, не идущие ни в какое сравнение с теми, что надевали на Юлиана.

– Что вообще случилось? – спросил старый полицейский. – Как это удалось сделать?

– Мы всё расскажем, – ответил один из конвоиров, усиленно держа под руку преступника. – Нам бы поскорее избавиться от него и помыть руки.

– Как жаль, что мы не можем подвергнуть смерти на месте тварь вроде этой, – сказал старый полицейский и приблизился к Иллицию.

Юлиану показалось, что он вдумчиво смотрит в его глаза, однако отсюда было плохо видно, и он вполне мог ошибаться.

– Ещё как жаль, – ответил один из полицейских, – но я уверен, что совет присяжных вынесет правильное решение.

– Ах да, – опомнился старый полицейский и схватил в руки телефон.

Он набрал какой-то номер, и, когда пошли гудки, махнул в сторону подопечных:

– В подземелье его! В подземелье ведите, только оттуда он не сможет сбежать... Герр Карниган! Это инспектор полиции Глесон. Только что арестован опасный преступник Агнус Иллиций. Прошу явиться в отделение полиции номер тринадцать!

В глазах и голосе Глесона читалось всё больше и больше радости. Он понимал, насколько это важно, и какое великое дело совершили его ребята, однако Юлиан ничего не понимал.

Неизвестный герр Карниган ещё долго что-то кричал в трубку, не давая ни слова вставить инспектору, однако того это совсем не волновало. Казалось, дело своей жизни он наконец-то выполнил и теперь мог умирать спокойно. И достойно.

Ботинки преступника были донельзя драными, а походка была такой тяжёлой, что каменный пол был вот-вот готов рухнуть под ним.

– А у вас тут холодно, – хриплым голосом произнёс Иллиций, на что последовал вполне логичный чей-то ответ:

– Заткнись, падаль. Там, куда мы тебя ведём, холоднее ещё в несколько раз. Там тебе и самое место.

Иллиция это, похоже, совсем не напугало. С его стороны лишь последовал необычный и противный смех, который ввел в смятение и самого Юлиана.

Он был вполне себе высокого роста, а длинные черные локоны были разбавлены несколькими седыми волосками. Хотя локонами это можно было назвать с очень и очень большой натяжкой, потому что сальными они были настолько, что напоминали чёрные сосульки. Чёрное кожаное пальто было примерно таким же драным, как и ботинки, оттого Юлиан представил, что Иллиция нашли в помойке и нигде иначе. И срок его годности уже давно истёк.

Когда смех прекратился, Иллиций вдруг заметил Юлиана и выражение его черных глаз резко переменялось.

– Я знаю тебя! – кричал он в лицо Юлиану. – Я знаю, кто ты, черт подери!

На его лице появилась самая отвратная улыбка, которую Юлиану приходилось видеть в своей жизни, и она почти привела юношу в ужас. Наверняка, примерно такого внешнего вида представлял Юлиана дед в сравнительно недалеком бу-

душем.

На желтеющих зубах уже начала появляться чернь, а в некоторых местах торчали и вовсе золотые протезы зубов. Вырастить зуб или заменить его на нормальный протез – во все не проблема, но этому парню наверняка нравилось то, что "украшает" его сияющую улыбку.

Юлиана чуть не стошнило, но он отпрянул назад от решетки, потому что Иллиций потянул в его сторону свою руку, будто пытался схватить за грудь. За что вполне заслуженно и предсказуемо получил удар кулаком в живот от одного из полицейских, который его вёл.

Юноша пришёл в смятение. Что происходит вообще?

– Знаю, знаю! – не унимался Иллиций, всё больше и больше вводя в ступор Юлиана.

Преступник громко закашлял, наверняка почуввав боль в том месте, куда его ударили. Он пытался поднять руку для того, чтобы прикрыть рот, но из-за наручников этого сделать не удалось. Тогда Иллиций нагнул голову к рукам, чтобы прокашляться, но ему и этого сделать не дали – отвесили сзади смачного пинка и заставили инерцией двигаться вперед.

– Он не понимает ничего, – сказал Юлиану Глесон. – Слишком болен. И больше ты его не увидишь.

Юлиан не успел ничего ответить инспектору, так как тот мгновенно скрылся. Легче от его слов парню не стало – теперь он втрое больше захотел покинуть это место, чем

несколькими минутами ранее.

Справа доносился громкий шум – ажиотаж вокруг Иллиция всё никак не хотел кончаться. Что-то подсказывало Юлиану, что он ещё очень и очень долго не закончится.

Интересно, что они там с ним делали? Били? Пытали? Кормили ужином и укладывали спать?

Жаловаться Юлиану не стоило – вряд ли этому бедолаге Иллицию приходилось сейчас лучше, чем ему. Иллицию и спать-то никто не даст, как бы сильно тот не хотел. Хотя... Хотя и Юлиан вряд ли в скором времени уснет.

Вопреки его ожиданиям, через несколько минут шум справа прекратился. Поначалу показалось, что Иллиций был там приговорен к высшей мере и мгновенно убит, однако это были только иллюзии. Шум не прекратился – он просто стал немного тише. Ожесточенные крики сменились на вполне себе спокойные голоса, а восторг сменился на подобие смирения.

Но относительный покой продлился недолго, потому что теперь уже входные двери отворились, что заставило инспектора Глесона мгновенно среагировать и подбежать к ним. Он не обратил на Юлиана никакого внимания, и юноша в душе был этому даже рад.

– О, наконец-то! – воскликнул инспектор, когда увидел гостей, которых, судя по всему, так долго ждал.

– Спать было гораздо приятнее, – слышался чей-то сухой и медленный голос.

– Такое дело не будет ждать, – немного робко ответил инспектор, после чего закрыл дверь.

– А я не спала, Люций, – на этот раз голос был женским. – И больше всего мечтала в этот скучный час о каком-нибудь весёлом приключении наподобие этого.

– И, как я понимаю, Агнус Иллиций был идеальным вариантом, – ответил её напарник всё таким же сухим голосом.

– Именно так. Как же давно я не резвилась на старых костях!

Мужчина выглядел достаточно типично для обычного интеллигентного жителя этого города – монотонный серый пиджак, примерно такие же брюки, и прямоугольные, едва видимые очки. В левой руке он держал короткую трость, но совсем не опирался на неё – вероятно, она служила для украшения. Волосы его почти поседели, но были длинными и спускались даже ниже плеч, будучи гладко зачесанными назад. К слову, две его блестящие залысины всё же были более чем заметны.

Женщина же выглядела заметно ярче. Будучи весьма высокой для своего пола, её рост лишь вызывал ощущение грандиозности, но нисколько не нелепости. На теле было только легкое зеленое платье, что было весьма несвойственно для хоть и летнего, но уже вечера. В то же время, на тонких и стройных ногах находились высокие кожаные сапоги, которые, хоть и добавляли дело вкусу, но никак не отражали сегодняшней погоды. На многочисленные украшения Юли-

ан внимания не обратил – было слишком далеко и тускло для того, чтобы разглядеть, какие камни в перстнях и какой пробы золото. И золото ли это вообще.

Внешне ей было примерно тридцать пять лет, но глядя на одежду и наружность, Юлиан понимал, что мужским вниманием даже в такие годы она нисколько не обделена.

– Ну и где этот подонок? – спросил герр Карниган, немного остановившись напротив камеры Юлиана.

Впрочем, никакого внимания на юношу никто из троицы сразу не обратил. Наверняка, посчитали его за мелкого ворешку или за какой другой отброс общества.

Хотя не им ли Юлиан является?

– Там, в камере четырнадцать, – бегло пояснил инспектор Глесон, однако ответ не очень удовлетворил герра Карнигана:

– Четырнадцать? Почему именно там?

– Так она самая большая! – ответил инспектор.

– Но таких преступников положено отправлять сразу в подземелье.

– Да, мы так и хотели поступить. Но... Там слишком холодно, а со мной, кроме прочего, ещё несколько людей.

– Хорошо, – перебила всех женщина. – Пусть будет так. И нам, Люций, наверное, не стоит мерзнуть вместе с Иллицием.

– Не стоит, – согласился с ней Карниган, бегло окинув её с ног до головы и оценив её слишком лёгкое одеяние.

Когда они уходили, женщина всё же бросила на Юлиана беглый взгляд. Юноша знал, что он длился не более половины мгновения, но ощущение было такое, что этим самым взглядом она изучила его полностью: его самые сокровенные желания и мечты, самые секретные страхи и воспоминания, далекие мысли и ощущения.

Юлиан же не увидел в её глазах ничего. Кроме того, что они были удивительно ярко-зелёными, словно два изумруда, которые она сделала своими глазами. Женщина была красива и сейчас, в свои не юные годы, но, наверняка, с десяток лет назад, она была просто прекрасна.

Юлиан даже и не заметил, как она скрылась и он остался совершенно один в этом мире. Даже не было инспектора Глесона, потому что он тоже отправился выяснять отношения с Агнусом Иллицием. Будь у Юлиана навыки взломщика замков, сейчас было бы проще простого сбежать отсюда и постараться запрыгнуть на ночной поезд до Грунндебайтена или усадьбы сеньора Раньери, попутно ещё и проехав "зайцем". Как можно дальше от всего этого.

Но такими навыками Юлиан не обладал.

Спустя час тихая идиллия, под которую юноша даже начал дремать, закончилась и из конца коридора послышались звуки приближающихся шагов.

– Мы выпытаем из него правду, чего бы нам это не стоило, – послышался сухой голос Люция Карнигана.

– Правду о том, что он делал в Свайзлаутерне? – вторил

ему Глесон.

– Правду об этом, и о многом другом.

После этих слов троица приблизилась к Юлиану. Остальные, похоже, остались с преступником.

– Миссис Скуэйн, вы уверены, что не хотите остаться? – спросил инспектор у женщины.

– Несомненно, хотела бы, – ответила та. – Но сегодня мы от него ничего интересного мы не узнаем.

– Как знаете.

– Вас подвезти? – спросил у женщины Люций Карниган, который уже начинал зевать.

– Пожалуй, да. Не хочу ловить...

После этих слов она вдруг оборвала свою речь и резко посмотрела на Юлиана. Тому был очень не ловок её пронзительный взгляд, но он и сам не мог отвести от нее своих глаз.

– Кто это? – спросила она у Глесона.

– Бродяга, – отмахнулся тот. – Мелкий уличный воришка.

– Как зовут?

– Документов при себе не было. Не помню, как представился... Как тебя зовут? – обратился он в сторону юноши.

– Юлиан, – ответил он, словно именно в этот момент выйдя из того транса, в который его погрузила миссис Скуэйн.

– Юлиан, – прошептала она. – А что с ним будет, мистер Глесон?

– Даже и не знаю. Судить его как-то жаль за такую ерунду. Посидит тут несколько ночей, пока не объявятся родствен-

ники... Наложим на них штраф. Думаю, всё.

После этих слов на душе Юлиана полегчало, несмотря на то, что он и ранее догадывался, что примерно так всё и будет. Только вот теперь он точно знал, что в тюрьму уже не сядет.

– Нет, слишком сложно, – проговорила Скуэйи и немного приблизилась к Юлиану. – Я выплачу за него залог.

– Залог? – удивился инспектор Глесон.

– Я тебя умоляю, зачем тебе всё это нужно? – поразилась Люций Карниган. – Мелкий уличный бродяга, какое дело может быть до него?

– Я же не спрашиваю, зачем тебе нужна трость, – ловко парировала та. – Особенно, учитывая то, что ты никогда и не хромал.

Карниган после этих слов отмахнулся и замолчал.

– Вы уверены? – спросил ещё раз Глесон.

– Да-да, я не подвергаю сомнениям свои слова. Давайте уже быстрее, я домой хочу.

– Да забирайте так, – уступил инспектор. – О каком ещё залоге может идти речь? Выкину я дело, которое завел на него. Какое дело может быть до таких мелких происшествий, когда мы самого Иллиция поймали?

– И то верно, – ответила Скуэйи. – Поезжай-ка домой, Люций, – обратилась она к напарнику.

– Мне не сложно подождать.

– Справлюсь с такси. Я же должна почитать мораль этому бедолаге.

До Юлиана только что дошло, что происходит. Его и вправду отпускают? Но за что? Кто эта странная женщина?

Спустя пять минут Юлиан стоял около выхода из полицейского участка, а инспектор Глесон смотрел на него так, словно парень являлся одним из конгрессменов местного парламента, не меньше. Похоже, эта таинственная миссис Скуэйи была очень большим и уважаемым человеком в этом городе. Интересно, настолько же большим, как сеньор Джампаоло Раньери или чуть меньше?

На улице тем временем заморосил дождь, а время глубоко перевалило за полночь. Скуэйи вызвала такси еще с телефона участка полиции, потому теперь оставалось только ждать.

Она вообще не говорила ни слова, хотя Юлиан так много хотел услышать. Он хотел узнать всё, но видел только её спину. Скуэйи уже стояла совсем мокрая, но, похоже, ей это было совершенно безразлично. Женщина стояла вдоль дороги и размеренно смотрела вдаль, ожидая автомобиля.

Может быть, он не должен стоять здесь? Может, она ждёт того, чтобы Юлиан пошёл дальше по своим делам и никогда больше не появлялся ни в этом городе, ни в её жизни?

Не стоило быть таким трусом, вот что Юлиан знал совершенно точно. Стоило спросить. Едва слышно кашлянув, он всё же проямлил:

– Извините... Кхм... Мне можно идти?

– Нет, – ответила та, даже не обернувшись. – Ты не сказал мне "спасибо" ...

– Ооо... Я очень благодарен вам за освобождение... Спасибо, – процедил сквозь зубы он, выдержав недолгую паузу.

– Нет, – сказала миссис Скуэйн.

– Что нет? – удивился Юлиан.

– Не убеждает. Поедешь со мной.

Юлиан опешил. Такого поворота событий он точно не ожидал.

Как раз в этот момент к ним подъехала ретро-машина черной расцветки и остановилась в самый раз возле лужи. Неудивительно, что эта машина так долго ехала, если учесть её возраст.

Задняя дверь открылась и водитель пригласил миссис Скуэйн на сиденье. Юлиан всё ещё надеялся, что её слова были несмешной шуткой, и никто его в автомобиле не ждет. Но дверь не закрывалась. Именно тогда Юлиан понял, что бежать бессмысленно.

Перешагнув через лужу, он робко залез в машину и уселся как можно ближе к правому окну, подальше от миссис Скуэйн. Но её присутствие даже так он ощущал столь близко, как никогда. И особенно взгляд её ярких зеленых глаз.

Машина мгновенно тронулась и поехала в сторону ночного города.

– Вы... Вы пустите меня переночевать? – осмелился задать ещё один вопрос Юлиан.

– Не совсем. Я оказала тебе услугу, а ты теперь окажешь услугу мне. Будешь работать на меня. Моим личным слугой.

В этот момент Юлиан понял, что пора паниковать и рвать на себе волосы.

В ушах он даже слышал фантомный зловещий смех этой женщины...

3. Прислужник

"Жизнь невообразимо может поменяться буквально за один день. Тебе никогда не узнать, когда именно он наступит. Оттого и прекрасно это блаженное неведение."

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

А уже через несколько минут они въехали в окраину города, где машина и остановилась. К тому времени уже закончился дождь, но упорно не хотела кончаться эта непонятная ночь.

Миссис Скуэйн безмолвно отдала таксисту пару бумажек, после чего вышла из машины и приказала жестом сделать это и Юлиану.

Тот не хотел никуда выходить – он мечтал оказаться на краю этого света, или же, на крайний случай, в усадьбе своего деда. Да-да, в том самом месте, которое он сейчас ненавидел далеко не так сильно, как ещё утром.

Хотелось спросить у загадочной женщины ещё раз – а не шутка ли всё это. Глупый розыгрыш, так называемая прочитанная мораль за необоснованные действия на улицах большого и незнакомого города.

– Пошли уже, – сказала Скуэйн, и Юлиан понял, что это не шутка.

Дом её размерами уступал усадьбе сеньора Раньери, но в пару раз превосходил тот дом, где обычно жили Юлиан и его

мать.

Он включал в себя три этажа – снаружи такие одинаковые и монотонные, нагоняющие только лишнюю порцию тоски, дополняющие весьма насыщенный, но далеко не лучший день его жизни.

Машина отъехала дальше тогда, когда Юлиан и Скуэйн уже зашли на территорию дома и двигались в сторону входной двери.

Юлиан ожидал увидеть во дворе дома небольшой сад с деревьями, такой, как был у его матери, но двор был абсолютно пуст. Зачем вообще иметь двор, если в нём нет даже пары деревьев?

– Улица Златокудрого Орла, дом номер девятнадцать, – сказала Скуэйн и постучала в дверь. – Теперь это твой новый адрес, не вздумай забыть его.

Юлиан сухо кивнул, а дверь отворилась. На пороге стоял пожилой уже и невысокий мужчина, с торчащими на висках остатками седых волос, одетый в парадный костюм по образцу деда Юлиана. Носить в такой поздний час строгий костюм, да ещё и дома, было верхом безумства, но годы знакомства с сеньором Раньери приучили Юлиана смотреть на такое довольно привычным взглядом.

– Я уже не ожидал увидеть вас сегодня, миссис Скуэйн, – сказал мужчина, заметив робко стоящего сзади Юлиана. – У вас гость?

Казалось, его взгляд излучал немалое удивление, потому

что подобных гостей в этом доме ему видеть вряд ли доводилось.

– Не гость, – ответила миссис Скуэйн, зайдя в дом. – А мой новый слуга и твой коллега, Джо.

– Что? – удивился мужчина. – Вы наняли слугу в столь поздний час?

Теперь его удивление преумножилось ещё в сотню раз.

– Скажем так, он доброволец.

В эту самую секунду часы, висящие возле порога, пробили начало нового часа, и Юлиан неловко задрал голову, чтобы узнать, сколько же времени. Ровно два. Что ж, немало. Но дома, тем более летом, Юлиан и вовсе не считал это время за позднее.

– Я могу ему помочь чем-то? – спросил Джо.

– Нет. Он и сам всё может. Заходи уже, нечего порог топтать, – обратилась она к Юлиану, и тому пришлось подчиниться.

Дверь громко захлопнулась, что заставило юношу немного содрогнуться.

– Мне разуться? – спросил он.

– Дело твоё. Всё равно полы с этого дня в доме будешь мыть ты.

Юлиан недовольно кивнул и для приличия разулся.

– В этом доме носят сменную обувь, – сказала Скуэйн и указала рукой на стоящие возле входа строгие ботинки.

Юлиан до ужаса не любил такую обувь, но у него не оста-

валась выбора, кроме как надеть это. При всём этом он ощущал себя выглядящим как полнейший идиот. Как впрочем, и в любой раз, когда он надевал интеллигентную одежду или обувь.

Аккурат его размера – наверняка туфли сами меняют размер в зависимости от того, кто их надевает.

– Принеси мне сухую одежду, Джо, – сказала она слуге. – Аа то я совсем уже промокла. Это мой дворецкий, Юлиан. Теперь ты будешь видеть его едва ли не чаще, чем меня.

Юлиан снова недовольно кивнул и прошёл внутрь. За прихожей сразу простиралась огромная гостиная, середину которой украшал такой же огромный стол, уже уставленный фруктами, соком и тому подобным.

По обеим сторонам гостиной уходили вверх высокие лестницы на другие этажи. И такая структура в целом напомнила Юлиану дом его деда. Дом, который он терпеть не мог. И этот дом он не мог терпеть даже до того момента, как в первый раз увидел его.

– Можешь присесть, – сказала Юлиану миссис Скуэйл. – Как зовут тебя, говоришь?

– Юлиан. Вы только что называли меня по имени.

– Юлиан... Очень красивое имя, – промолвила она таким голосом, словно её мысли отправились в далекое ностальгическое прошлое.

Юлиан промолчал, в глубине души надеясь, что она не спросит его фамилии. Как раз в это время с левой лестни-

цы спустился дворецкий Джо, неся красное платье, практически идентичное тому, какое сейчас было надето на миссис Скуэйн, только, разумеется, другого цвета.

– Значит, промышляешь ты мелким воровством на улицах? – спросила она у Юлиана, взяв в руки платье.

– Ничем таким я не промышляю, – немного заикаясь, ответил юноша. – Я хотел вернуть то, что уличный вор украл у меня...

– Неважно, – парировала миссис Скуэйн.

Она чуть подкинула платье вверх, и уже через мгновение оно оказалось на ней, словно по волшебству. Только Юлиан знал, что ни по какому не волшебству. Вернее, как раз-таки по волшебству, но знающие люди не считали приемлемым называть так хоть и весьма удивительные, но нисколько не противоречащие естественным законам способности. С таким же успехом она могла одним лишь взмахом пальца или ладони высушить зеленое платье, но почему то не сделала этого. Странно, однако.

– Сделай мне глинтвейна на ночь, Джо, – сказала женщина своему дворецкому, на что тот молча кивнул, после чего она обратилась уже к Юлиану. – Смотри внимательнее на его действия, потому что с этого дня глинтвейн мне варить будешь ты.

– Я? Но я не умею, – опешил Юлиан, но всё же посмотрел в сторону Джо, который проделывал какие-то хитроумные операции за кухонным столом.

– Тебе же хуже, – равнодушно сказала Скуэйн. – Но, благо, меня это совершенно не волнует. С этого дня у тебя есть четкий план твоих обязанностей, от которых ты отступать не должен ни на шаг.

После этих слов Юлиан приготовился к чему-то страшному. Каким бы ни был этот план, деньги за это Юлиан хоть получать будет? От этого прямо зависело, кем же теперь он станет – рабом или наёмной прислугой.

– Я должен их записать? – спросил он.

– А ты сообразительней, чем я думала, – сказала женщина и протянула ему невесть откуда появившиеся блокнот и перо. Перо. Обычное гусиное перо. А через секунду появились и чернила.

– Но я не умею писать пером, – недовольно пробурчал Юлиан.

– Тоже не волнует. Должен научиться. Итак... Готов? Первое – каждое утро ты готовишь мне завтрак.

Юлиан неловко взял перо в руку, окунул в чернильницу и неловко начал записывать сказанное его новой хозяйкой. Получалось плохо – чернила размазывалось, да и перо в руке не сидело. К тому же он окунал перо в чернильницу после каждого слова, что провоцировало опять же кляксы.

Миссис Скуэйн тем временем пристально смотрела на его левую руку, которой он имел неуважение при ней писать. Словно бы она увидела что-то неожиданное и невообразимое, и, человек, предпочитающий левую руку в письме, ви-

делся ей впервые.

Юлиана это смущало ещё больше, оттого и почерк начал становиться ещё более корявым. Едва увидев, что Юлиан худо-бедно дописал сказанное, Скуэйн продолжила:

– Второе – обед и ужин ты готовишь не сам, но помогаешь по кухне повару, выполняя все его поручения безукоризненно. Безукоризненно. Запиши это слово дважды.

Юлиан кивнул.

– Третье. Ты мой личный виночерпий, и это огромная честь. Про честь не пиши ничего, ты не должен вспоминать об этом всякий раз, когда перечитываешь эту книгу. Это значит, что в любое время суток ты должен наливать мне вина, когда я прошу, и ходить за ним в погреб.

Странная просьба, и довольно заманчивая. От вина сейчас Юлиан и сам бы не отказался, тем более после такого напряженного дня. Только вот вряд ли ему кто-то это предложит.

– Четвертое. Ответственный по гостям теперь тоже ты, а не Джо. Открываешь им двери, вежливо приветствуешь... И "вежливо" тоже запиши дважды. И... Вешаешь их пальто или другую верхнюю одежду в гардероб. Обслуживаешь их прихоти во время моих встреч с ними, ибо в эти моменты они столь же твои хозяева, как и я.

А эта обязанность Юлиану понравилась меньше всего. Абсолютно меньше всего. Показываться на глаза тысячам людей, словно ряженный попугай, он вовсе не хотел.

Но послушно записал всё, что услышал.

– Ну и медленно же ты пишешь, – проворчала Скуэйн и продолжила. – Пятое. Ты ухаживаешь за моим личным драконом. Кормишь его, убираешь его клетку, чистишь ему крылья и зубы.

Поначалу Юлиан машинально записывал первые слова, но когда понял смысл слова "дракон", словно подорвался на месте:

– Дракон? Что? У вас есть дракон?

– Не удивляйся. У меня много что есть, и сейчас не время всё это обсуждать. Как-нибудь потом покажу.

А лицензия на дракона у неё вообще есть или он тут незаконно? Везде, где Юлиану приходилось бывать раньше, дракон считался холодным оружием. Холодным, но с весьма и весьма горячим дыханием.

Тем временем Джо поднес миссис Скуэйн небольшой поднос со стоящим на нём прозрачным высоким стаканом с дымящимся содержимым внутри. В нос Юлиана мгновенно ударил аромат меда, смешанный с корицей и перцем, после чего ему весьма захотелось отведать того, что собиралась пить эта женщина. Но, увы, никто не предложил.

– Шестое, – сказала миссис Скуэйн, немного отхлебнув глинтвейна. – Ты следишь за моей личной обсерваторией. А именно настраиваешь телескопы.

– Зачем их настраивать? – не удержался и спросил Юлиан. – И как?

– Я пару лет назад приобрела трёх феечек, но спустя это время их вдруг стало около двадцати, и я отправила их жить в обсерваторию, потому что больше некуда. Они очень любопытны, но очень неаккуратны, и каждую ночь после них разруха... Да... Каждое утро эту разруху приводишь в порядок ты. Но это тот же пункт.

Отлично. Ещё и феечки.

– Кормишь феечек, благо, не ты. На этот случай у меня есть отдельный человек.

Юлиану от этих слов если и стало легче, то совсем чуть-чуть.

– Седьмой пункт. С утра ты читаешь мне свежую газету, когда я завтракаю. А когда твой голос надоест мне, включаешь радио и переключаешь на те волны, которые я тебе велю. Самое легкое поручение.

Читать Юлиан любил, но вряд ли вслух и вряд ли то, что не приносит ему удовольствие. Зато радио терпеть не мог. Телевизор был гораздо лучшим другом, только вот в этом доме такой хитроумный аппарат Юлиану увидеть ещё не довелось.

– Восьмой пункт на сегодня будет, пожалуй, последним. И это самая сложная обязанность. Я, Ривальда Скуэйн, являюсь для тебя здесь мэром, королем и губернатором и выполняешь ты все мои просьбы, независимо от степени их абстрактности.

Она на несколько секунд замолчала, но в этот раз Юлиан

только делал вид, что писал. С таким он смириться не мог.

– В этот же пункт входит обязанность не быть таким идиотом, – продолжила Скуэйн, которая теперь стала ещё и Ривальдой.

– Что? – неосмысленно переспросил Юлиан.

– Этому перу не требуются чернила, оно отлично пишет и без них, – недовольно сказала Ривальда, после чего даже немного улыбнулась. – Времена чернил уже давно канули в Лету.

Юлиан соорудил донельзя недовольную мину и попытался нацарапать что-то на листе блокнота пустым пером. И, надо же, писало оно отнюдь не хуже. Только вот на этот раз всё это делать было весьма удобней.

Дурак. На такую удочку попался.

– Дай посмотрю, что написал, – сказала Скуэйн и выхватила блокнот из-под руки Юлиана без его разрешения.

В течение пары секунд она пристально вглядывалась в написанное, после чего недовольно и даже дерзко спросила:

– Какой у тебя отвратительный почерк... Почему не записал последний пункт?

– Он неуважителен, – неожиданно выкинул Юлиан.

– Неуважителен? – казалось, что Скуэйн вот-вот взорвется, но что-то ещё сдерживало её. – Ты нарушил восьмое правило только что и в следующий раз за подобное будешь наказан.

Юлиану очень не нравился её тон, да и опрометчивая его

смелость мигом куда-то улетучилась. Теперь ему предстояло сидеть и, молча опустив голову, ждать дальнейшего развития событий.

– Тебе не нужны чернила, а мне не нужно и перо, – недовольно протороторила и она и протянула блокнот Юлиану.

Теперь там уже красовался пункт "восемь" и включал он в себя следующее: "Я никогда не должен подвергать сомнению свою обязанность повиноваться миссис Ривальде Скуэйи во всём. Во всём. И я полнейший идиот". Причем написано всё это было почерком Юлиана. Ловко это она.

Сзади послышался тихий кашель и незаметный до этого дворецкий Джо, о существовании которого в последние несколько минут все уже позабыли, проговорил:

– Прошу прощения, миссис Скуэйи. Но что тогда буду делать я?

– Ты? – немного озадачилась вопросом она. – А ты будешь учить его.

Тот сухо кивнул и продолжил безмолвно стоять, словно призрак.

– Кончилось, – сказала Скуэйи, глядя в свой бокал. – Новый создать уже не могу, его можно только сварить. Никто не может, даже я.

Неизвестно, кому он всё это говорила, но и Юлиан, и Джо в ответ промолчали.

Однако спустя минуту Юлиан неожиданно выпалил:

– Я внук Джампаоло Раньери!

Скуэйн недовольно обернулась и переспросила:

– Кто?

– Внук. Сеньора Джампаоло Раньери.

– А он известный человек?

Джо в этот момент посмотрел на свою работодательницу довольно удивленным взглядом.

– Известный, – гордо ответил Юлиан, тем временем умоляя в душе фамилию деда спасти его далеко не в первый, но в последний раз.

– А я не знаю такого, – безразлично сказала Ривальда и Скуэйн, и, поставив пустой бокал на стол, обратилась уже к обоим своим визави. – Теперь можете идти спать. Юлиан, знаешь, где твоя новая комната?

– Нет, откуда мне...

– Третий этаж, налево до упора... Повезло, что как раз вчера освободили склад. Почти.

– Позвольте, я провожу нового слугу до его комнаты? – обратился дворецкий Джо к Скуэйн. Та не препятствовала, молча кивнув.

Интересно, а старину Джо она заманила сюда таким же способом, что и Юлиана? Всё-таки уж слишком уважительно он общался с Ривальдой, а такое обращение можно обрести только методом запугивания, не больше и не меньше.

Не пошел же он сюда работать по своей воле. Никто бы не пошёл.

Дворецкий, не промолвив ни слова, развернулся и пошёл

в сторону лестницы. Юлиан понял, что он должен идти за ним, не задавая никаких лишних вопросов.

В это же самое время, наверняка по желанию миссис Скуэйн, в гостиной погас свет и загорелись несколько свечей на столе. Стало быть, эта необычная женщина предпочитала полумрак обычной светлой жизни.

Но даже в таком скудном освещении Юлиан смог заметить, что по всей территории холла и гостиной на стенах висели многочисленные картины, закованные в дорогущие и очень красивые рамки. Юлиан плохо разбирался в искусстве, но догадывался, что среди этих картин немало оригиналов, а возможно и вовсе оригиналом здесь является всё.

На протяжении недолгой дороги Джо молчал, и Юлиан не осмеливался что-либо спросить у него. Несмотря на то, что вопросов у него скопилось за этот вечер очень и очень немало, и его внутренности буквально разрывало желание задать хоть пару вопросов.

Джо вообще показался ему вполне нормальным человеком, особенно если сравнивать его с миссис Скуэйн. И, непременно, едва немного сблизившись с ним, Юлиан выспросит всё, что томится у него в душе и не дает покоя.

На самом конце темного коридора дворецкий повернул невесть откуда взявшийся ключ и открыл помещение, которое, судя по всему, должно стать теперь постоянным жилищем Юлиана.

Джо так и стоял, держа открытую дверь и ожидая, когда

Юлиан в неё пройдёт. Поначалу юноша не осмеливался это сделать, но, не желая огорчать старика дворецкого, всё же сдался.

Загорелся тусклый свет, и Юлиан увидел комнату. Нельзя было сказать, что она удивила его. Она его просто поразила, ибо больше напоминала сарай. Едва ли не весь участок пола был заставлены коробками с книгами и неизвестными запылившимися предметами, а обои на стенах если и были, то больше напоминали голые стены в тюрьме. Окно, выходящее на ночной Свайзлаутерн с тысячами горящих уличных фонарей, не было разбито, и это хотя бы малейшим образом скрашивало все остальные скверные факты.

– Тут немало пыли, но завтра её приберут, – сказал дворецкий всё тем же размеренным, равнодушным голосом.

– Немало? – переспросил Юлиан, так как ему казалось, что пыли здесь было даже больше, чем хлама.

– Доброй ночи, сэр, – предпочел уйти от разговора Джо и мигом закрыл за собой дверь, оставив Юлиана здесь совершенно одного.

С правой стороны помещения находился непонятный деревянный ящик, который, как понял Юлиан, является его новой кроватью.

Он готов был взорваться и разломать здесь всё, потому что такое положение дел абсолютно его не устраивало. Но в этом случае Ривальда Скуэйн просто-напросто убьёт его. А этого Юлиан хотел меньше, чем спать на ящике среди хлама.

Он непременно рассмотрит всё, что находится в коробках, изучит это, и найдёт, как применить весь этот хлам на пользу. Но только не сегодня. Сегодня надо спать. И плевать на чем.

Он осторожно снял ботинки с носками, затем свитер и присел на кровать. Джинсы снимать он категорически отказался, потому что никакой пижамы тут не предусматривалось, а на доске спать с голыми ногами не очень хотелось.

Спать хотелось так сильно, что он уже морально подготовился ко всему этому. Другого выхода всё равно не было.

Однако, перед тем, как уснуть, он заметил на другой стороне комнаты гигантский портрет, висевший здесь словно совсем не к месту. На нём яркими красками был нарисован немного знакомой наружности старик, уже изрядно полысевший, но остатки волос которого длинными седыми прядями свисали с висков. В столь невыразительном свете изучить остальные детали Юлиану вряд ли удалось бы, но он всё же встал с кровати для того, чтобы прочесть, кто же его новый сосед по комнате.

"Меркольт". Всё, что было написано. У Юлиана было это имя немного на слуху, и, вроде бы из школьных уроков истории. Однако углубляться во всё это ему очень не хотелось.

Старик сверлил его неживым взглядом даже тогда, когда Юлиан был повернут спиной к нему. Он вообще очень долго ворочался на жесткой поверхности. Однако, в итоге ему всё же удалось уснуть.

А утром прямо над его ухом зазвенел протяжный и противный звон какого-то колокольчика, который не прекращался до тех пор, пока Юлиан наконец-то не привстал. Очнулся он почему-то уже на подушке и под одеялом, а на кровати, прямо под ним, лежал вполне себе мягкий матрац. Наверное, Юлиану приснилась подобная роскошь и впоследствии воплотилась в реальность.

Или же всё произошедшее вчера было простым сном, а проснулся он у деда или матери.

Но нет. Он проснулся там, где и ложился. А колокольчик, висевший на шкафчике над его кроватью, служил чем-то вроде будильника.

Всё ещё зевая и адски желая снова уснуть, Юлиан медленно обулся и посмотрел в окно. Утро было ранним, потому что солнце только вставало. В такой час юноша просыпаться, увы, не привык. Но боязнь быть наказанным полностью перекрыла все его старые привычки.

Спустившись вниз, он заметил сидящую за столом уже полностью одетую миссис Скуэйи, смотревшую на юношу таким взглядом, словно ждала его два часа, не меньше.

– Пора привыкать приходить быстрее по моему зову, – недовольно сказала она, когда Юлиан приблизился к ней.

Часы показывали только семь. Юлиан последний раз заставал семь часов утра тогда, когда ложился в половину восьмого.

– К вашим услугам, – сонно проговорил Юлиан, не осме-

лившись смотреть в её глаза.

– Завтрак, – коротко ответила ему миссис Скуэйн.

– Какой завтрак вы желаете?

– А ты ещё не знаешь? По утрам я предпочитаю глазунью из двух яиц с беконом. Приступай, а то я на работу опоздаю.

Юлиан кивнул. Ему не приходилось готовить раньше самому, но он вроде бы помнил, как делается яичница. Только вроде без бекона, но он не думал, что это доставит ему дополнительные трудности.

Несколько минут ушло у него на то, чтобы найти сковороду, затем мешалку, полотенце, яйца, бекон, соль и масло.

В качестве кухонной плиты здесь выступало непонятное сооружение, напоминающее что-то вроде камина, только вот с гладкой поверхностью, на которую, судя по всему, следовало ставить ту посуду, в которой приходится готовить.

– Пиромант! – воскликнул Юлиан и огонь в камине немедленно загорелся.

Наверняка миссис Скуэйн удивил тот факт, что Юлиан нашел способ зажечь этот камин другим, не человеческим способом. Ей бы совершенно точно доставило удовольствие лицезреть то, как Юлиан при помощи спичек и дров будет пытаться добыть огонь.

Налив в сковороду обильное число масла, он положил туда аппетитный кусок мяса, который и сам был бы не прочь съесть, и стал ждать, когда тот подрумянится.

Всё это время миссис Скуэйн не произносила ни слова,

но и не отводила от Юлиана глаз. Его это смущало до такой степени, что он готов был погасить огонь и убежать отсюда на край света. Только вот бежать было некуда и края света не существовало.

Он не знал, почему поступил именно так, но, во время того как разбивал яйцо о край сковороды, посмотрел на миссис Скуэйн, не сводящую с него взгляда. В этот раз, по уже ставшему нормой закону логики, яйцо разбилось, и его остатки полетели на пол.

– Так и думала, – закатив глаза, проговорила она и посмотрела на остатки желтка и белка.

– Я всё приберу, – робко пробормотал Юлиан.

– Уберешь, я знаю. Потом приготовишь и съешь.

– Что? – не выдержал Юлиан.

– Что слышал. Я останусь без завтрака, а ты съешь это вкуснейшее яйцо. И не вздумай ослушаться, – на этих словах выражение её лица резко переменилось.

Юлиан опешил. В процессе того как он собирал яйцо с пола, он очень надеялся, что эта злая тетка передумает, но... Бекон уже подгорел и попахивал сажей, и яйцо этого дела не исправило бы, но ужасная женщина продолжала молчать, с вопиющим, как казалось Юлиану, удовольствием, наблюдая за всем этим.

Когда яичница вроде поджарилась, Юлиан поставил сковороду на стол перед собой и взял в правую руку нож, а в левую вилку. Вроде по этикету.

Когда уже вилка с этим отвратительным содержимым приближалась к его рту, Скуэйн резко его остановила:

– Идиот. Ты снова нарушил правило, на этот раз восьмое. Ты не должен быть идиотом.

Она нервно взмахнула рукой, и сковорода беспардонно улетело прямо в окно. Стекло, конечно, разбилось, но уже через четвертую часть секунды снова стало целым.

– Невообразимый идиот, – сказала она. – Пойду на работу голодной. Постарайся в остальной своей работе на сегодня так не наглупить.

– Какую работу я должен выполнить? – угрюмо спросил униженный и пристыженный Юлиан.

– Список возьмешь у Джо.

Она резко встала и удалилась, оставив Юлиана одного в огромной гостиной. Настроение уже с утра было хуже некуда – Ривальда смогла его унижить, не прилагая никаких усилий.

Юлиан дождался дворцового примерно через десяток минут. Джо ворвался в гостиную всё так же с иголочки одетым и с каким-то подносом под полотенцем. Увидев Юлиана, тот только вежливо кивнул ему и протянул небольшую желтую бумажку тому в руку.

Юноша ожидал каких-то пояснений от старика, но тот исчез, едва только Юлиан опустил глаза на список и попытался начать читать.

Придётся разбираться самому.

Он развернул листок полностью и принялся читать напи-

санное идеально каллиграфическим почерком:

" Для Мерлина

Расписание рабочего дня.

Пункт первый – накормить дракона. Дракон, имени Драго Лорис Бенджен II, восьми месяцев от роду, вид Дракон Северный. Принимает завтрак в 9-00 утра, питается сырым мясом, купленным в лавке у Боргса на улице Сверчковой. Покупать следует именно у Боргса, мясо Грэмиша есть он не станет. Кормить шестью кусками по половине фунта в каждом, интервалом в одну минуту ровно.

Сегодня Вам не придется идти в лавку за мясом, так как на ближайшие двое суток мясо закуплено. Инструкции о нахождении корма получите опять же от Дюсо.

Пункт второй – навести порядок в моей обсерватории, а так же настроить телескопы, которые могли испортить феи. Обсерватория находится в левой части чердака, примерно над Вашей комнатой. Убираться следует сразу же после того, как феи позавтракают, иначе все усилия будут тщетны.

Третий пункт – во время подготовки к ужину Вы должны помогать шеф-повару и всем полагающимся работникам. Указания получите от них.

Ривальда Скуэйн

P.S. Ваша зубная щетка уже в умывальнице."

Всё.

Самым странным было то, что Ривальда Скуэйн всё же

знала его фамилию, которую он пытался скрыть от неё. Наверняка узнала её от инспектора Глесона, когда освобождала незадачливого узника Юлиана. Или же просто прочитала мысли юноши, чему он совершенно не удивился бы.

Почистив зубы и дождавшись 8-40, Юлиан отправился на поиски дворецкого, которого нашел как раз на чердаке, ухаживающего за многочисленными цветами. Надо же – при полном отсутствии растительности снаружи такой богатый сад внутри.

Признаться, Юлиан не ожидал увидеть здесь столько яркую красоту, потому что в этом доме ни одного цветка он ранее не замечал. Это была левая сторона чердака, а на правой, стало быть, находится обсерватория, куда он отправится после того, как покормит дракона. По крайней мере, если ему после этого будет на чем идти.

– Простите, сэр, – отвлек Юлиан Джо. – Я пришел за кормом для дракона.

– Возьми в углу, за геранью, – ответил дворецкий, даже не оборачиваясь в сторону юного слуги. – Дракон, если что, на улице, сразу за черным ходом.

Юлиану неожиданно пришло в голову, что эта была первая фраза Джо, которую он адресовал непосредственно Юлиану. Наверное, контакт налаживается, пусть и черепашими шагами.

Больше дворецкий ничего не говорил, но Юлиану и этого было достаточно.

В корзине с мясом, которую он понес вниз, было где-то вдвое больше корма, чем полагалось дракоше, но пришлось взять с собой всё, ибо Юлиан не знал, куда выложить остальное.

С трудом найдя черный ход и, поняв, что на несколько минут опоздал, Юлиан всё же вылез на улицу. Стоит признать, что юноша еще раз удивился, потому что увидел снаружи небольшой летний парк. Надо же – вчерашней ночью он совершенно его не заметил. Несмотря на наступление начала сентября, тут было время июля, не позже. Очередное ухищрение Ривальды Скуэйн. Видимо, и впрямь она была сильна.

– Дракоша, – тихо позвал Юлиан, размахивая корзиной с мясом и боясь спугнуть опасную рептилию.

Несмотря на свой восьмимесячный возраст, размером это чудовище было не меньше Юлиана. Каким же оно станет через пару лет?

– Ну здравствуй, Драго кто-то там второй, – проговорил Юлиан, всё ещё боясь подойти поближе.

На самом деле дракоша был настоящим милашкой, и юноше начинало казаться, что опасности никакой он не представляет. Зубы еще окончательно не заострились, словно сабли, крылья были ещё очень маленькими, к тому же слишком тонкими и едва ли не прозрачными. Когти тоже едва только начали вылезать.

– Прости, что опоздал, приятель, – сказал Юлиан, и, вы-

тащив солидный кусок сырого мяса, кинул его прямо в зубы маленькому дракону.

Тот неловко и по-детски поймал его и принялся неуклюже жевать, на что Юлиан смотрел с непривычным для себя умилением. Он и драконов-то видел только в зоопарках лет семь назад, да и то это были самые безопасные одомашненные породы. А особи северного вида столетия назад вроде как являлись самым грозным оружием на войне.

Спустя минуту Юлиан понял, что пора давать дракоше добавки, но что-то пошло не так. Драго схватил зубами мясо, мгновенно проглотил и тут же кинулся на корзину, в которой находилось столь вожделенная им добавка.

Юлиан мгновенно убрал корзинку, но дракончик сдаваться не собирался, подняв голову вверх и принявшись глубоко и быстро дышать. Юлиан, к счастью, знал, что это такое. Назревал огонь. Всеубивающее жаркое драконье пламя.

Он вытащил еще кусок мяса и кинул в Драго, но тот уже никак не среагировал на еду, увидев более привлекательный вариант в лице самого Юлиана.

Когда дракон обжег легким пламенем правую руку Юлиана, тот в сердцах кинул корзинку с мясом и принялся бежать, что есть мочи. Он не мог найти выход из парка, который почему-то неожиданно потерялся, а дракон в это время короткими, но быстрыми шажками бежал за ним.

Второй заряд пламени был заметно больше первого, но всё же не достал до Юлиана. Рука горела, но юноша старался

не обращать на это внимания. Разберется потом.

В конечном итоге длинная цепь, на которую был привязан дракон, не позволила ему бежать дальше за Юлианом, и он остановился.

– К черту, – пробормотал Юлиан, всё больше и больше проклиная тот день, когда решил сбежать от бабушки. Вчерашний день.

Дракон, похоже, утомился, и, попытавшись снова сделать милый взгляд, уставился на Юлиана. Тот ему ничем подобным отвечать не собирался, осмотрев лишь свой ожог. Не так страшно, наверное, потому что дракончик ещё совсем молодой, и его пламя вряд ли сможет кого-то убить.

Невероятно злой Юлиан выбежал из парка, едва найдя дверь, и зарекся найти любой способ сделать так, чтобы больше не возвращаться к этому маленькому, милому и смертоносному чудовищу.

Он нашел дворецкого всё там же, наверху, но на этот раз он уже не ухаживал за цветами, а смотрел в окно, попивая при этом горячий чай.

– Простите, сэ, – влез Юлиан.

– Я слушаю, – сказал Джо и обернулся.

– Дракон тут немного поджег меня, – принялся жаловаться он, после чего показал обожженную руку, которая уже начала покрываться волдырями.

– Надо же, – усмехнулся Джо, подойдя поближе и начав рассматривать ожог. – Похоже, наш Драго произвел свой

первый огонь. Несомненный успех, миссис Ривальда оценит...

– Оценит?

– Ну да. Она ждала этого последние два месяца, а тут появился ты и смог развести в нём этот огонь.

– С рукой что делать? – вновь перебил старика Юлиан.

– Ах, с рукой, – Джо на секунду задумался, поставив чай на подоконник. – Сейчас чего-нибудь придумаю.

Он подошел к какому-то растению, внимательно осмотрел, после чего сорвал оттуда самый большой лист и обратился к Юлиану:

– Вытяни руку. Что-то вроде подорожника, только крупнее и действует в мириаду раз быстрее.

Джо довольно ловко обернул руку листом, который увеличивался в процессе этого, после чего постучал по месту ранения. Юлиан не почувствовал адской вопиющей боли, хотя ожидал её. Лист плотно прилип к руке, и отлипнуть, похоже, не собирался.

– А освобождения за это не полагается? – недовольно спросил юноша.

– Нет, – резко отрезал дворецкий. – Ты работоспособен, а это единственное и главное. Кажется, ты должен навести порядок в обсерватории?

– Да.

– Тогда попей со мной чаю и иди. Через полчаса они будут сыты.

– Хорошо. Просите, сэр, а что это за растение? – спросил Юлиан про ярко-красное растение, которое сейчас не давало покоя его глазам.

– Красный призрак, – не оглядываясь в сторону Юлиана, сказал Джо. – Сейчас такое время, что он перевозбужден. Вот и трогает всех.

– Красный призрак? Он меня не задушит?

– Нет. Это мирное растение. Совсем скоро его листья мы обрежем. Кстати, если съесть листок красного призрака, станешь невидим и неслышим. Хочешь проверить?

– Нет, – отмахнулся Юлиан. – Ведь тогда я сбегу, и миссис Скуэйн вас накажет.

Увидев, что Джо всё ещё не смотрит в его сторону, Юлиан оторвал несколько красных листьев и положил себе в карман. Пригодится когда-нибудь. Ведь жизнь полна всяких сюрпризов.

Пока Юлиан пил чай, Джо не переставая рассказывал Юлиану про драконов и феечек, словно знал он о них всё. Юлиану было это не сильно интересно, но слушал он с удовольствием, ибо позитивно настроенного к себе человека не видел он очень и очень давно.

Он совершенно точно забудет, в какую неделю какого месяца северный дракон обычно сбрасывает кожу и наращивает себе новую, как размножаются феечки, если среди них особей мужского пола, почему они, хищного вида по факту, питаются только растительной и пищей и многое другое.

Не забудет он помощь Джо.

Обсерватория была маленьким затхлым помещением, в которое, похоже, миссис Ривальда Скуэйн ходила не чаще, чем раз в полгода. Телескопы были запылены, окно, в которое они смотрели, тоже не протирали с пару месяцев, а на полу в изрядном количестве валялись остатки корма, которые феечки не удосужились доесть.

Весь потолок был усеян этими маленькими полуразумными существами, и было их здесь не около двадцати, как говорила Скуэйн, а все сорок. Благо, все они после сытного завтрака спали, сладко похрапывая и даже улыбаясь.

Но не дай кому счастья застать их голодными.

Тут находилось всего три телескопа – один прямо-таки гигантский, и два других заметно уступали ему в размерах. Как их настраивать, Юлиан совершенно не знал, потому решил пока оставить это на потом и тогда уже что-нибудь придумать.

Убираться он очень не любил, но другого выбора у паренька совершенно не было. Получалось весьма неплохо, потому что уже через какие-то полчаса помещение блестело, и Юлиан даже был весьма горд самим собой.

Какая-то феечка на стене слегка дрогнула, тем самым немного напугав Юлиана, но напряжение прошло, когда он понял, что она это во сне.

Юноша подошел к телескопу, стоящему левее всех

остальных, и уставился в него.

Есть ли какой-то толк смотреть в телескоп утром? Оказалось, что есть. Он увидел там огромные газовые облака, отливающие разноцветными красками, словно радуга. И всё это посреди черного космического пространства, усеянного звездами. Довольно неплохо – зачем тут что-то менять?

Другой телескоп понравился Юлиану гораздо меньше, потому что там он увидел какое-то гигантское красное солнце, которое за долю мгновения секунды налил его глаз наивысшим светом и заставило отпрянуть. Перед глазами меркали черные круги, которые еще ближайšie пару минут не давали толком видеть. Юлиан понял, что если попытается что-то там настроить, то попросту ослепнет. И неизвестно, захочет ли миссис Скуэйл возвращать ему зрение.

Оттого и в третий телескоп Юлиан не горел желанием заглядывать, но любопытство его пересилило. Осторожно приблизив к линзе тот глаз, который после атаки неизвестным солнцем видел чуть лучше, он раскрыл его и взглянул. Не было ни космических пространств, ни ослепляющего солнечного света. Была зеленая и долгая равнина, по которой размеренным шагом продвигался отряд странных, едва ли не первобытных людей. Одеты они были только в набедренные повязки да во всевозможные обереги, в силу которых Юлиан очень и очень сомневался.

Когда они приблизились к полю зрения, Юлиан даже смог разглядеть некоторые их лица – загорелые, но весьма об-

ветренные. Человек, которого Юлиан принял за их вождя, неожиданно остановился и жестом приказал сделать то же самое своему отряду. Он посмотрел, казалось, прямо в глаза Юлиану, после чего вскинул левую руку вверх, а правой метнул деревянное копьё прямо в сторону телескопа.

В этот же момент что-то укусило Юлиана за руку, а в наружную сторону телескопа что-то громко ударило. Нет – это было не копьё. Проснулась одна из феечек, которая, скорее всего и укусила Юлиана.

Отпрянув от телескопа, Юлиан с ужасом понял, что феечка вовсе и не одна – они все окружили его и были готовы атаковать. Индивидуально они были совсем неопасны, но вот в стае...

К тому же, бежать было некуда.

Они мгновенно оскалили свои маленькие зубки и кинулись на Юлиана, обратив его в бегство. Их что – не накормили вовсе?

Когда Юлиан кружил по комнате в безнадежной попытке спастись, он посшибал ногами все, что стояло на полу, а потом задел и какой-то телескоп, наверняка сбив его в совершенно другую сторону.

А потом и вовсе споткнулся обо что-то и с грохотом упал на деревянный пол. Это был конец – с полсотни феечек висели над ним и были готовы без раздумий сожрать его.

Первое, что пришло в голову – это заколдовать их. Но в голову Юлиана не приходило совершенно ни одного манев-

ра. Усыпить их было бы отличным вариантом, но он совершенно забыл, как это делается.

– Клефи Драугур! – в порыве гнева, совершенно неосознанно прокричал Юлиан, выставив вперед левую руку.

Сработало – откуда не возьмись, из потолка посыпались железные пластины, которые, окружив всех феечек, сомкнулись в одну большую клетку. Клетка зависла над потолком, оставив фей совершенно не у дел. Теперь злосчастные феечки могут делать совсем что угодно – из прозрачной клетки им никак не выбраться, пока кто-то не расколдует их обратно.

Теперь можно убираться спокойно. До тех пор, пока не вернется миссис Скуэйн и не поинтересуется, почему её любимицы томятся в плену в клетке на потолке.

Интересно – в этом доме всё пытается убить Юлиана?

Третий пункт обязанностей Юлиана на сегодня оказался просто легкой прогулкой – на кухне никто ничего не заставлял его делать. Судя по всему, повара не хотели доверять ничего человеку, которому не удалось даже более-менее годно пожарить глазунью с беконом.

К тому же, здесь его вполне себе вкусно накормили, чем немного скрасили наиотвратнейшим образом сложившийся прошедший день.

Весь оставшийся день он дико проскучал, сидя в своей но-

вой комнате, совершенно не находя возможности хоть чем-то себя занять. Юлиан бы с радостью сходил прогуляться в город, но вряд ли миссис Скуэйи одобрила бы подобное решение.

Сама она вернулась только поздней ночью, когда часы перевалили за двенадцать. Всё это время Юлиан ждал Ривальду – прежде всего желая узнать, что же она сделает с ним за выполненные не самым лучшим образом поручения.

Но она вернулась совершенно поникшей и апатичной – Юлиан ничем её не интересовал.

– Виночерпий! – прокричала она, едва заведя спускающегося с лестницы Юлиана. – Вытащи мне вина из шкафа.

Юлиан открыл первый попавшийся шкаф, и, оценив весь находящийся там арсенал напитков, спросил:

– Какого именно?

– Шотландского. Любого. И стакан дай. Сам иди спать.

Пожалуй, это было лучшим из того, что сегодня услышал от Ривальды Скуэйи Юлиан Мерлин.

Сон всяко лучше её общества.

4. Лазутчик

"Всякий раз, когда любопытство и здравый смысл боролись во мне, побеждало первое. Теперь-то я точно знаю, что именно оно являлось причиной всех моих бед и злоключений."

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

Постепенно Юлиан Мерлин начинал привыкать к жизни в новом доме. Всё ещё считая это место своего рода тюрьмой, он выискивал и плюсы существования здесь. Первым делом – это отсутствие назойливых нравоучений, которыми богато закидывал Юлиана его дед.

В доме Ривальды Скуэйи Юлиан большую часть времени был предоставлен сам себе. Он получал объём работы, причем обычно не такой уж и большой, после чего в течение дня потихоньку выполнял его. Никто не стоял над душой, никто не мешал, а, самое главное, не лишал Юлиана целого полигона действий для воплощения своих фантазий.

К следующей неделе Юлиан смог привыкнуть даже к дракончику Драго, с которым их первое свидание, мягко говоря, как-то не задалось. Всё ещё недолюбливая и немного побаиваясь это чудовища, юноша смог завоевать его любовь и уважение. Во всяком случае, своим вездесущим огнём он на Юлиана более не покушлся.

Глобальным минусом новой жизни, помимо редких издевательств Ривальды Скуэйи, для Юлиана являлась скука. Он

яростно ненавидел скуку всю свою жизнь, но именно здесь оставался с ней наедине как никогда часто. Дворецкий Джо время от времени развеивал её, когда их пути каким-то образом пересекались. Как правило, это были рассказы о бурной молодости Джо, а ещё секреты его профессии, которые, справедливости ради, не интересовали Юлиана никаким боком. Однако в качестве лекарства от скуки они были более или менее годными.

Помимо Юлиана и Джо в доме было ещё несколько слуг. Несколько молоденьких и весьма приятных внешне горничных очень часто мелькали перед глазами Юлиана, однако до сих пор ни разу ни Юлиан, ни они не осмеливались начать разговор. Оттого всё это время они казались юноше безмолвными теньями.

Садовник и повар не жили в этом доме, однако каждый день в девять часов приходили сюда и задерживались до самого вечера. Наличие повара очень смущало Юлиана – ведь завтрак готовил Ривальде не повар, а неопытный Юлиан. Он даже однажды осмелился поинтересоваться у Ривальды, откуда взялась такая нелогичность, на что последовал малоубедительный ответ, что рабочий день повара начинается в девять, а завтракать ей требуется уже в семь.

Юлиан даже приноровился готовить эту злополучную глазунью с беконом, а так же варить кофе. С каждым разом Ривальда всё меньше и меньше морщила нос от этой еды, отчего Юлиан и сделал вывод о своём великом прогрессе.

После завтрака миссис Скуэйн вызывала такси и до самой темноты отправлялась на работу. А работала она, как вскоре узнал от Джо Юлиан, в каком-то департаменте расследования серьёзных преступлений, тесно связанном с полицией, но не являющимся даже её подразделением.

Приходила она очень загруженной, молчаливой и усталой. Сразу же усевшись за стол, она вызывала Юлиана и приказывала наливать ему вина, а повара – кормить её. Причем, как правило, не съедала она и трети того, что ей подносили, так как больше её привлекало вино. Она никогда не позволяла Юлиану пить вина, но он всегда ел то же самое, что и она.

И не удивительно – так много ростбифов, бифштексов, пудинга, запеканки и других всевозможных вкусностей он не ел никогда. И это не значило того, что семья Юлиана бедна, скорее это означало то, насколько богата Ривальда Скуэйн. Неужто в департаменте расследований так много платят? Или наследство?

Но большой двухэтажный особняк, уставленный многими произведениями искусства, куча слуг, роскошные обеды и навряд ли дешевое вино говорили о многом, если не обо всём.

Юлиан вообще очень редко общался с Скуэйн, потому что днём она пропадала в своём департаменте, а вечером предпочитала наслаждаться одиночеством, размышляя о чём-то своём, наверняка связанном с работой.

Однако, в этот раз она попросила Юлиана остаться.

– Как тебе твоя новая жизнь, Юлиан? – сразу же спросила она.

– Я не могу сказать ничего плохого, миссис Скуэйн, – сказал Юлиан, при этом неловко отведя глаза и прикусив нижнюю губу.

– Я рада. Налей мне ещё вина.

Юлиан быстро кивнул и налил её полный стакан. Бутылка ещё только начиналась, а это значило, что просидит Скуэйн здесь ещё не один час.

Заподозрила ли она его ложь?

– Ненавидишь меня? – спросила она, чем ввела Юлиана в ступор.

– Почему я должен вас ненавидеть?

Она пару секунд наигранно посмеялась, после чего, отпив небольшой глоток вина, ответила ему:

– Как меня можно не ненавидеть? Я же ужасный человек. Я захватила тебя в плен. Ты должен замышлять план моего убийства.

– Боюсь, что это не так.

– Очень жаль. Наверное, ты недостаточно смел для этого.

Она секунду промолчала, о чем-то подумав, после чего снова вернулась к разговору:

– Скажи мне кое-что, Юлиан. Скажи мне – кто ты?

– Я немного могу вам сказать. Меня зовут Юлиан Андерс Мерлин, я родом из Грунндебайтена.

На этом познания Юлиана были закончены.

– Твой мир действительно так скуден или ты притворяешься? Всё это я знала и раньше, даже, кажется, помню имя твоего деда. Но досье на тебя я могу найти за пару секунд, и, будь мне интересно, уже нашла бы.

– Тогда что вы хотите услышать?

– Хочу знать, какой ты. Что ты любишь, что ненавидишь, о чём мечтаешь, чем увлекаешься. Я могла бы перечислять вопросы бесконечно, но хочу я слышать тебя, а не себя.

– Я люблю... Ну свой город я люблю. Люблю кино...

– Глупо, – перебила она его. – Ты глупый, замкнутый и у тебя парализован язык. Любишь ли ты, например, вино? – она подняла свой уже наполовину пустой бокал.

Юлиан был готов опрокинуть на эту женщину свой стол. Но внутренний его демон ещё сдерживал его, и жесткий прагматизм побеждал.

– Нет, не люблю, миссис Скуэйн. Я ещё слишком мал для этого.

– А я люблю, – усмехнувшись, она допила содержимое бокала до дна и жестом приказала Юлиану наполнить его заново. – И отлично знаю, что ты не из тех, кого остановили бы рамки возраста и законы морали. Так ведь?

– Так, – сказал Юлиан. – И я бы осушил бы эту бутылку до конца, но...

Он едва не выпалил что-то ужасное, но внутренний демон снова вовремя остановился.

– Но? – спросила Скуэйн. – Что но? Но только не в моём

обществе?

– Живот болит.

– Живот... А ведь, быть может, я не просто так забрала тебя к себе. Может, я увидела в тебе человека, который сможет стать моим достойным другом, разделить мои увлечения. Почему бы нет? Зачем разочаровываешь меня, Юлиан?

– Потому что я не тот. Мне трудно быть достойным другом, трудно разделять с кем-то увлечения. И я терпеть не могу преступления. И шотландское вино. И домработник из меня никакой!

Демон открыл глазки, но ещё не поднял лапы, прежде чем Юлиан остановился. Он выпалил что-то ужасное? Скуэйн уже тянется за ножом? Можно прощаться с жизнью?

Или, напротив, попрощаться с работой и тем самым покончить с этим кошмаром?

– Отлично, – улыбнулась Ривальда. – Хоть что-то я про тебя узнала. Сам того не заметив, ты мне многое рассказал. Только я хочу, чтобы ты говорил это не в ответ на обиды, а в качестве теплой беседы.

– Я могу пойти в свою комнату?

– Можешь. Но ты хочешь оставить меня здесь одну?

– Я думал, что вы любите быть одна.

– Не люблю. У меня просто никого нет. Совсем. Одиночество – это не мой выбор. Одиночество – это мой единственный выход.

К сожалению, этого Юлиану было понять не дано. Оди-

ночество для него являлось практически синонимом скуки. А скука, как было замечено немного раньше, была его злейшим врагом.

И бутылка вина никогда не была компаньоном.

– Мне просыпаться рано, – попытался оправдаться Юлиан.

– Мне тоже. Но я ещё и вино пью. Посиди ещё немного, и я тебя отпущу. Кто-то же должен мне наливать вино.

Юлиан понял этот намек и наполнил её следующий бокал.

– Простите за невнимательность, – невнятно пробормотал Юлиан.

– Не прощаю. Ты за это будешь когда-то наказан. А, если честно, за эту неделю ты меня убедил в своей профпригодности. Поэтому ты уже готов к выполнению нового задания, которое немного важнее всех твоих предыдущих.

– Важнее, чем наливать вино?

– Не пытайся шутить. У меня есть несколько очень важных и интересных писем, с которых нужно снять копии.

– Снять копии? Это же дело секунды?

– Но только не этих писем. Они заколдованы, их можно только переписать. Рукой и чернилами.

– Вы же знаете, что у меня отвратительный почерк, – начал оправдываться Юлиан.

Ему казалось, что он всегда неправильно держал ручку, отчего рука уставала довольно быстро. По этой причине он очень не любил писать. Даже в школе он по возможности

сидел вне поле зрения учителя, чтобы валять дурака вместо записи лекций.

– Дам такое перо, которым можно писать только красиво.

– Перо? Может быть, ручку?

– Такой ручки у меня нет. Учись пером.

Юлиан молча кивнул. Оставалось надеяться, что писем там не так много.

– Будем надеяться, что мы с тобой договорились. Хотя, справедливости ради, выбора я и не давала.

Юлиан промолчал и сделал вид, что привстает со стула.

– Значит, всё же решил меня оставить?

– Я хочу лучше подготовиться к завтрашней работе. Как следует выспаться.

– А вот я ко своей, скорее всего, даже близко выспаться не сумею.

Сон за это время стал едва ли не лучшим другом Юлиана и самым практичным средством от скуки. Ему, как правило, удавалось выспаться к семи утра, потому что от всё той же скуки ему приходилось ложиться сразу же после того, как его обязанности прислужника заканчивались. А это случалось не позднее десяти часов вечера.

Однако последующие два-три часа в кровати на душе Юлиана скребли кошки. Ему казалось, что он вёл себя в этом откровенном разговоре с Ривальдой не так, как должен был. Он должен был найти способ изменить хоть что-то посредством этого диалога. Но в итоге показал себя только полней-

шим идиотом и, скорее всего, только усугубил ситуацию.

А утром, после завтрака Ривальды Скуэйн, Юлиан узнал, что в этом доме есть ещё и библиотека. Причём столь обширного размера и богатого содержимого, что в голову приходили мысли о том, смогла ли миссис Скуэйн всё это прочитать. И вообще, возможно ли осилить всё это за всю жизнь?

Для любителя книг уровня Юлиана, однозначно нет.

– Итак, – сказала Ривальда Скуэйн, захлопнув изнутри дверь в библиотеку. – Я опаздываю на работу, но, думаю, они смогут это пережить. Вряд ли такому, как ты, будет интересно читать, но, если угодно, на сегодня это твоё рабочее место.

Юлиан уселся за единственный стул, который увидел в этом немалого размера помещении. На столе у этого стула уже стояли перо с чернильницей, а так же лежали кipa желтой бумаги и несколько потрепанных старых книг.

– Молодец, Юлиан, – усмехнулась Ривальда. – Работа библиотекаря создана для тебя. Попробую устроить в департамент. Шучу. Ещё не удостоверилась, что ты умеешь читать.

Юлиан с легко читаемой улыбкой снова заметил желание своего внутреннего демона запульить в Ривальду стол и покончить с этим позором раз и навсегда. Но тогда на Юлиана обрушатся сами небеса.

Удостоверившись, что юноша готов, Ривальда вытащила откуда-то связку распечатанных конвертов с письмами и

протянула Юлиану. Не так уж их тут и много – не больше пятнадцати штук.

Это позволило Юлиану вздохнуть полной грудью. Рутинной и нудной работы на несколько дней тут не будет.

– Это только на сегодня? – спросил он, взяв в руки связку и оценив её вес.

– Это пока всё. Сегодня перепиши, сколько сможешь.

Не получив убедительного ответа, Юлиан всё же кивнул и принялся обустраивать своё рабочее место. Начал он, конечно же, с перестановки чернильницы на противоположную сторону стола.

– Удачного дня, – улыбнулась Скуэйи и молча удалилась.

Итак. Книги, Юлиан, чернила и письма. Вроде всё. Они наедине.

"Госпоже М.

От господина Р.

март 1993 г.

Я знаю, что Вы не ожидали получить от меня письма после того дня, но устоять не смог. Прошу прощения за эту дерзость, даже наглость. Но наша с Вами случайная встреча всё никак не может вылететь из моей головы.

Быть может, Вы уже забыли меня, как забыли и тот вечер. Но я хочу напомнить Вам – бал в Местобольском Дворце по поводу окончания Часа Гроз. Очень надеюсь, что помните. Помните тот танец? Мне показалось, что по его окончании Вы чего-то напугались. Иначе не покинули бы так

поспешно моё общество.

Госпожа, меня бояться не следует. Напротив, это я боюсь Вашего общества, ибо стеснялся Ваших обаятельности и красоты. Но больше всего на свете мне не терпится увидеть Вас снова. Хотя бы краем глаза.

Скорее всего, я получу вежливый отказ. А, может быть, Вы и вовсе проигнорируете меня. Но, если хотя бы в самом глубоком уголке Вашего сердца нашлось место мне, прошу – откликнитесь на мою просьбу встретиться ещё раз.

Уверяю, Вам не будет плохо. А если и будет, то в любом случае Вы сможете покинуть меня и больше не возвращаться. Я восприму это как должное.

Если вы согласны на встречу – отпишитесь по этому адресу и назначьте место и время. Мне всегда и везде будет удобно.

*Ваш покорный слуга,
господин Р."*

Юлиан недовольно положил перо на стол. Долго же он ничего не писал, иначе почему так сильно устала его рука? Может быть, при написании следующего письма использовать другую руку? Всё-таки, если перо заколдовано всегда писать красиво, значит, неважно, какой рукой это делать?

Отличный вариант, только нужно немного отдохнуть. С легкой долей удивления Юлиан заметил, что прошёл аж целый час с того момента, как он взял перо в руку.

Быстро же время пролетело, хотя занятие отнюдь не было

привлекательным!

Юлиан привстал из-за стула, но в этот момент его взор заполонили черные круги, в глазах помутнело, а голова стала тяжелой, будто он начинал терять сознание.

Что это за колдовство?

В попытке удержаться на ногах Юлиан облокотился о первую попавшуюся книжную полку. Однако книга, на которую он нажал, углубилась внутрь вместе с его рукой, а внутри сработал какой-то механизм.

Прямо на его глазах стеллаж начал подниматься всё выше и выше, открывая проход в холодное и тёмное помещение. Стены его были каменными, а вглубь уходила лестница, и при такой темноте Юлиан не видел, где был её конец.

Когда головокружение немного прошло, Юлиан понял, что наилучшим вариантом сейчас было бы найти механизм, закрывающий этот проход обратно. И забыть этот момент, словно его и не было совсем.

Но внутренний демон Юлиана не давал ему покоя. Он буквально разрывал Юлиана изнутри истошным криком "Спустись туда! Будет интересно!".

А ведь и действительно будет интересно. Хоть и очень опасно.

Собравшись с мыслями, Юлиан всё же проиграл битву своему внутреннему демону и отправился внутрь.

Лестница сразу же налилась искусственным светом, и наконец-то стало всё видно. Это было небольшое шестиуголь-

ное помещение, но...

На полу из горящих камней была выложена оккультическая семиугольная звезда, скрепленная ещё какими-то яркими нитями и наполненная то ли дымом, то ли паром. Юлиан плохо разбирался в тёмном волшебстве, но всегда представлял себе, что с помощью таких кругов вызывают тёмных духов и направляют на какие-то тёмные дела, или меняют свою душу в обмен на сокровенные желания.

А на стене висел человеческий скелет, который привёл Юлиана в ещё большой ужас. Бутафорский или настоящий? Как же Юлиан надеялся, что его опасения не сбудутся!

Любопытство же победило страх и заставило Юлиана приблизиться к скелету, чтобы проверить его подлинность. Передние руки были почему-то связаны, и Юлиану стало очень интересно, почему же.

Он легонько дернул за ниточку, но, его огромному несчастью, весь узел мгновенно развязался, после чего скелет начал вибрировать и оттуда появился полупрозрачный то ли призрак, то ли демон, то ли чего ещё хуже.

– Спасибо, что освободил меня, Юлиан Мерлин! – послышался сухой скрипучий голос со всех сторон, после чего дух со скоростью звука улетел куда-то в стену и исчез.

Это уже пахло настоящим кошмаром. Что он скажет Ривальде Скуэйну?

Да что вообще скрывает в себе Ривальда Скуэйну? Незарегистрированный дракон, оккультический круг, челове-

ский скелет, спрятанный внутри него демон! Да этого хватит, чтобы на всю жизнь загреметь в подземную тюрьму где-нибудь на северных островах!

Как только Юлиан покинул этот ужасный тайник, он закрылся. Сейчас всё выглядело так, словно проход никогда и не открывался, но, ясное дело, Ривальда Скуэйн заметит всё.

Сейчас у Юлиана была два варианта – бежать отсюда или же покорно ждать судьбы, с невинным видом переписывая письма дальше.

Был ещё и третий вариант – разобраться во всём. Узнать, зачем Ривальде всё это, что она скрывает в себе. А ещё узнать, для чего ей понадобился Юлиан в качестве домработника.

У него ещё было время подумать о своих дальнейших действиях по крайней мере до вечера. Но вечер наступил, а в голову так ничего и не пришло.

Дошло до того, что миссис Скуэйн вернулась с работы, а Юлиан всё так был растерян и переполнен неуверенностью.

– Сколько смог переписать писем? – спросила она, едва увидев его.

– Простите, но всего одно, – ответил Юлиан, усиленно пряча взгляд, будто ожидая, что во взгляде она прочитает всю правду о сегодняшнем дне.

– Одно... Я думала, что осилишь два. Не удивляйся – кто-то заколдовал их. Я вообще удивлена, что ты увидел их содержимое. Я думала, что письма прочитать могут толь-

ко отправитель и получатель. Значит, ошиблась. Но ничего страшного – просто переоценила это колдовство.

Да уж. Переоценила. Юлиан после одного письма чуть не упал в обморок. Чего она ожидала? Что он совсем упадёт в кому?

После ужина и обоюдного молчания Юлиан отправился в свою комнату готовиться ко сну. Только вот сон всё никак не приходил, потому что его перебивали мысли о сегодняшнем неприятном случае.

Он должен узнать что-то про Ривальду. То, что сможет обезопасить его. Отправиться в полицию и рассказать о том, что он сегодня видел, Юлиан не мог, потому что Скуэйи всё равно перехитрит его. И демона там больше нет – он сбежал, а значит, доказательств и нет.

Дракон вполне может оказаться зарегистрирован, тогда Юлиан будет выглядеть совсем глупо, к тому же положение его усугубится ещё глубже.

Он должен узнать ещё больше. Найти на Ривальду столько компромата, что ей уже не останется ничего, кроме как позволить Юлиану освободиться. Он очень сильно сомневался, что весь день она работает в полицейском департаменте и помогает бороться за справедливость. Что-то Ривальда скрывает и там.

Надо проследить за ней.

И внезапно Юлиана осенило. Ведь он располагал несколькими листами красного призрака, который позволял стано-

виться невидимым. Это ли не выход? Если грамотно распорядиться тем, что он имеет и не попасться на какой-нибудь глупости, он сможет следовать за миссис Скуэйл весь день и узнать все её тайны!

В глубине души Юлиану не доставало смелости, и он втайне надеялся, что не придётся идти на такие отважные и безумные поступки. Что есть шанс, что он будет смиренно ждать и в конечном итоге всё как-то уладится само.

Но даже недолгий жизненный опыт подсказывал, что всё нужно брать в свои руки. Даже то, что, казалось бы, является абсолютно безнадёжным.

Как и полагается перед такими важными миссиями, Юлиан спал этой ночью донельзя плохо. И просыпался ранним утром с невиданной доселе неохотой. Он так хотел спрятаться под это одеяло, чтобы никто никогда не нашёл, но... К хорошему это бы не привело.

Глазунья, кофе, испепеляющий взгляд Ривальды. Интересно, она уже о чём-то догадалась? Уж слишком подозрительный у неё был взгляд.

– Опять забыла вызвать такси перед завтраком, – проворчала она, допивая кофе. – Снова опоздаю.

– Я могу вызвать, – откликнулся Юлиан.

– Нет, это в твои обязанности не входит. Иди лучше в библиотеку.

– Хорошо, – с блеском в глазах сказал Юлиан и мгновенно исчез с её глаз.

Для того, чтобы за ближайшим углом съесть противный на вкус лист красного призрака. Не самый приятный завтрак, но между тем очень полезный.

В этот момент мимо прошёлся уже полностью одетый в наряд дворецкого Джо, однако абсолютно никакого внимания на Юлиана он не обратил.

Сработало? Можно к делу.

Ривальда несколько минут молча стояла у ворот своего дома, прежде чем подъехал таксист. Машина очень напоминала ту, на которой Юлиан в первый раз приехал сюда. Может быть, это она и была? Или в Свайзлаутерне они все одинаковые, словно на подбор?

В Грунндебайтене Юлиан никогда не пользовался услугами такси, потому что это было не очень выгодно, а к тому же не имело и большого смысла. Гораздо уместнее до школы было добираться на школьном троллейбусе. А то и вовсе пешком. Не такой уж его родной город и большой.

Самым сложным для Юлиана было забраться на заднее сиденье такси так, чтобы ни Ривальда, ни таксист этого не заметили. Но каким-то образом Юлиану это удалось. То ли красный призрак сделал его таким незаметным, то ли сыграло свою роль элементарная невнимательность Ривальды. Всё-таки спала она не более четырёх часов, и так последние несколько суток. У любого человека голова набекрень пойдёт. Даже у Скуэйн, которую человеком было назвать с большой натяжкой.

– Можно побыстрее, я опаздываю! – проворчала Скуэйн, посмотрев время на своих наручных часах.

– Я не нарушаю правил, – равнодушно ответил таксист.

Ривальда недовольно вздохнула, но ничего не ответила.

Минут через пятнадцать они добрались до Департамента, где Юлиана ждала небольшая неприятность.

Ривальда выскочила из машины мгновенно, да ещё при этом и демонстративно хлопнув дверью. Юлиан остался внутри такси, которое вот-вот должно было тронуться дальше. В этот момент он сильно сожалел, что не смог найти ещё какого-нибудь зелья или травы для того, чтобы проходить и сквозь стены.

Скуэйн уходила всё дальше и дальше, а таксист уже начал заводиться, когда вдруг вспомнил о чём-то важном.

– Простите, миссис! – выскочил он. – Вы не взяли сдачи!

Однако Скуэйн его проигнорировала. Юлиан выскочил из машины в мгновение ока, как только заметил, что таксист обернулся в другую сторону. Наверняка бедняга остался в недоумении, почудился ли ему хлопок задней двери или случился действительно.

Только Юлиана уже и след простыл. Он всё же успел не потерять из виду Скуэйн и галопом кинулся за ней.

Она действительно шла в сторону Департамента – большого, похожего на бывший замок каменного здания, на входе которого так и было написано "Департамент Расследования Особо Важных Преступлений".

Никакого пропускного режима тут и в помине не было, что удивляло не мало, ибо места такого типа должны быть в меру засекречены. По крайней мере, это предотвратило бы угрозу терроризма в этом здании.

Или же тут есть какой-то невидимый щит, который пускает только своих. И он, само собой не заметил Юлиана, который под действием заклятия незаметности.

Департамент был очень многолюдным местом, и с Ривальдой здесь здоровался абсолютно каждый. Откуда такая честь? Надо сказать, что отвечала тем же самым миссис Скуэйи в лучшем случае каждому второму, а то и ещё реже.

Она спустилась по лестнице на два этажа ниже, наверняка в подземные уровни, где уже никого не было. Щёлкнула два раза пальцами по каменной стене, после чего на ней появилась ярко сияющая дверь. Скуэйи пару раз оглянулась, вероятно для того, чтобы убедиться, что на неё никто не смотрит, и открыла дверь.

За дверью находилось что-то вроде учебного класса, только совсем без учеников. Что это за место? Здесь она проводит свои тайные опыты?

Скуэйи решительно шагнула туда, после чего исчезла. Юлиану нужно было торопиться, пока не исчезла дверь, поэтому он повторил то же самое.

Однако твёрдой почвы под ногами он не обнаружил и с криком, который никто не слышал, полетел вниз. Он пролетал через десятки таких же учебных классов, после чего

уже начались облака. Какие-то ненастоящие, будто бы нарисованные. Но полёт нарисованным не казался.

Однако приземление было безболезненным, после чего Юлиан услышал откуда-то знакомый голос:

– Опаздываете, миссис Скуэйн.

5. Присяжный

"Как же сложно описать чувство, когда уже готовишься к смерти, но выходит всё таким образом, что начинаешь радоваться жизни всё больше и больше. И всё больше осознавать, насколько же она прекрасна."

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

– Опаздываете, миссис Скуэйн, – сказал Люций Карниган таким тоном, словно только что его отвлекли от очень важного дела.

Последний, двенадцатый член Совета Присяжных наконец-то появился, однако начать они успели и без Ривальды Скуэйн.

– Нерадивый таксист, – проворчала она и уселась за своё законное место.

Судя по ощущениям, это место находилось на самом верхнем этаже Департамента, ибо прямо из сплошного, на всю стену окна, был виден пейзаж Свайзлаутерна, словно с высоты птичьего полёта. Можно было спокойно лицезреть Парламент, а чуть к северу располагалась Академия Принца Болеслава, откуда выделялась высоченная башня Харрайд. На западе были видны очертания другого учебного заведения, конкурирующего с вышеназванным и носящим звание государственного – Высшего Университета Свайзлаутерна.

– А мы собирались начать без вас, – съязвила Ровена

Спаркс, женщина небольшого роста, уже входящая стадию в пожилого возраста, и носящая всегда один и тот же неприметный серый костюм.

– Надеюсь, ничего интересного я не пропустила, – ответила Ривальда, поправляя причёску.

– Тогда я начну с формальностей, – привстал со своего места Люций Карниган. – Сегодня состоится второе заседание закрытого суда над Агнусом Иллицием, подозреваемым в измене государству и совершении нескольких убийств. Присяжные, вы готовы?

– Готовы, – синхронно ответили все и возложили руки на сердца.

Этот ритуал был необходим, так как он исполнял роль своеобразной клятвы о честном и беспристрастном судействе.

– Напоминаю, что второе заседание по традиции происходит с опроса подозреваемого, – сказал Карниган и взмахнул правой рукой.

После этого плиты посреди зала начали расходиться, образовав восьмиугольный люк, откуда медленно начала подниматься узкая стальная клетка с преступником внутри.

– Как же он мерзок, – проворчал Грао Дюкс, едва увидев очертания тела Агнуса Иллиция.

Несмотря на то, что в тюрьме Иллицию выдали чистую форму заключенного и насильно помыли, выглядел он всё так же грязно, как и в момент своего первого появления в

Свайзлаутерне.

– Подсудимый Агнус Иллиций, клянётесь ли вы говорить правду и только правду на этом суде? – спросила Ровена Спаркс.

– Мне плевать, – холодно ответил тот. – В этом мире нет правды.

– Есть правда, – перебил его Грао Дюкс. – Она заключается в том, что ты, грязный выродок, предал Алюю Завесу и едва не подставил под удар весь наш город!

– Герр Дюкс, – остерег его Карниган. – Не стоит выводить его из себя. Агнус Иллиций, как вы можете прокомментировать подозрения в измене государству?

– Измена измене рознь, – с улыбкой произнёс преступник. – Расскажите поподробнее, что я сделал.

– А то ты не знаешь, грязный подлец! – снова вспылал Грао Дюкс, но Карниган опять его поостерег:

– По правилам мы должны зачитать все обвинения. Агнус Иллиций, будучи тайным агентом Алой Завесы, в 1996 году совершил предательство, убив своего боевого напарника и выдав тайны Департамента и Сената террористам и лично Молтемберу. Отрицаете ли вы это?

– Отрицаю, – с той же улыбкой ответил Иллиций. – Я был верен Алой Завесе и государству.

– Тогда как вы прокомментируете гибель Уильяма Монроука?

– Несчастный случай. Мы попали в засаду повстанцев, в

результате чего Уильям погиб, а я чудом выжил, но потерял секретные сведения.

– Нет, – сказала Ровена Спаркс. – Я не верю, что Молтембер кого-то отпустил бы живым.

– Я сбежал. Никто меня не отпускал.

Ривальда Скуэйн всё ещё молчала. Это могло вызывать подозрения, но те, кто хорошо её знал, понимали, что она усердно думает и анализирует происходящее, чтобы в один момент поймать Иллиция на слове и раскусить его.

– На этот счёт у нас есть другие сведения, – сказал Стюарт Тёрнер, самый молодой из числа присяжных, приятно одетый и выглядевший, однако уже в своём возрасте носивший очки. – Они касаются способа вашего общения с Молтембером. Невидимые письма. Уильям Монроук научился их читать и узнал всю историю вашего служения Молтемберу.

– Ты сливал ему всю информацию Департамента, из-за чего мы чуть было не проиграли войну, – выпалил Грао Дюкс. – Монроук был героем, ведь если бы он не раскусил вашего предательства, мы могли бы проиграть и кануть во тьму. Ты же знаешь, чёртово отродье, что могло бы случиться?

– Откуда мне знать планы Молтембера?

– Монроук научился читать невидимые письма, – продолжил Тёрнер. – Узнал о вашем предательстве. После чего собирался донести эти сведения до Департамента, но не успел. Каким-то образом ты узнал об этом, и, заманив в ловушку, убил Уильяма.

– Да, Уильям был героем, – сказал Грао Дюкс. – И отдал свою жизнь для нашей победы. Его имя останется в наших сердцах, а не твоё.

– Мне плевать. Я не собираюсь сознаваться ни в каких обвинениях.

Однако в глазах Иллиция читалось, что ему всё равно, на что его приговорят, будто бы ощущал свою безопасность и неприкосновенность. Или замышлял какой-то план.

– Ты не понял нас, Иллиций, – отрезал Карниган. – Нам никакие признания не нужны. Как уже сказал мой достопочтимый коллега мистер Стюарт Тёрнер – вся вина доказана. Нам же остаётся только выбрать – эшафот или пожизненное заключение. Что бы выбрал ты сам?

– Плюнуть тебе в морду. Может быть, даже каждому сидящему здесь. Я не верю в правосудие.

– Неубедительный ответ, – сказала Ровена Спаркс. – Или ты предоставляешь доверять свою судьбу нам?

– А у меня есть выбор?

– Нет.

– Подожди, Ровена, – перебил её Люций Карниган. – По правилам приговор выносится на третьем заседании, а это только второе. К тому же, оно только началось. Нам ещё рано заикаться о приговоре.

– Рано? Все же здесь понимают, что эти три заседания – пустая формальность! Каждое заседание отдельно тоже формальность. Вина Иллиция доказана очень давно, никому и

не придёт в голову оспорить её. Не права ли я, что все сидящие здесь готовы отправить подлеца на эшафот?

В зале мгновенно поднялась тишина, изредка нарушаемая поскрипыванием зубов Агнуса Иллиция. Однако уже через полминуты послышался робкий голос Грао Дюкса:

– Ну, в целом... Конечно эшафот.

– Да, я думаю так же, – уже более уверенным тоном подтвердил Тёрнер.

– Более чем, – дополнила Елена Аткинсон, после чего в зале уже начал подниматься шорох, постепенно переходящий в шум.

И все эти голоса твердили в унисон, что подлеца нужно казнить.

– Не нужно, – неожиданно выпалила Ривальда Скуэйи, доселе уныло молчавшая.

– Не нужно? – переспросила Ровена Спаркс, всё ещё надеясь, что Скуэйи оговорилась. – Ты в своём уме, Ривальда?

– В своём. И думаю прагматично, а не со стороны эмоций, как вы. Все мы пострадали на той войне, и не в последнюю очередь благодаря ему, но друзья... Внемлите разуму. Этот человек просто ценный клондайк с сокровищами в виде важной информации.

– Информации? – спросил Карниган. – Какой ещё информации, Ривальда?

– Мы так мало знаем. Так мало знали. Из Иллиция можно выбить кучу информации касательно планов повстанцев.

– Повстанцев? – недовольно проговорил Карниган. – Их восстание было повержено четырнадцать лет назад. Тогда же погиб и Молтембер. Какое нам дело до них?

– Значит, Иллиций вернулся просто так? Люций, такие, как он просто так не возвращаются. Он что-то знает и что-то замышляет.

– Плевать, – выпалила Спаркс. – Если придётся, узнаем как-нибудь и без него. Появится новый Уильям Монроук. Они появляются всегда.

– Не забывай, что решение должно быть единогласным, – сказала Скуэйн. – А я не отдам свой голос в пользу эшафота, пока мы не выйдем из него всё.

– Прошу, оставьте свои соображения до следующей недели, – перебил всех Люций Карниган. – Даже при великом желании мы не сможем вынести приговор сегодня. Ривальда, в твоих словах есть правда, и, я уверен, что каждый обдумает твоё предложение. Благо, на это у каждого есть ещё целая неделя. Пока я и сам за эшафот, но всё может... Подождите. Это ещё кто?

Одиннадцать остальных присяжных мгновенно повернули головы в ту сторону, куда смотрели глаза Люция Карнигана и пришли в смятение.

Как ни в чем не бывало в сторонке от стола присяжных стоял совсем ещё юный паренёк лет семнадцати в потертых кедах и джинсах, с висящим неуклюжим пиджачком на теле. Он, похоже, ещё не понял, что на него смотрят, поэтому с

нетерпением ждал продолжения увлекательнейшего суда.

– Этот тот мальчишка из тюрьмы! – выпалил Агнус Иллиций, словно это известие его обрадовало больше всего на свете.

– Какой ещё мальчишка? – недовольно выпалила Ровена Спаркс, готовая уже сейчас выкинуть нерадивого искателя приключений прямо из окна.

– Ривальда, ты не постарайся объяснить, как он тут оказался? – спросил Карниган.

– Клянусь, Люций, я понятия не имею.

Он недовольно вскочил из-за стола, глядя бегающими глазами попеременно то на мальчишку, то на Ривальду.

– Мальчик, ты чей-то шпион? – спросила Ровена. – Скажи лучше сейчас, иначе окажешься на месте Агнуса Иллиция.

– Постой, – перебила её Ривальда. – Никакой это не шпион, а любопытный дурень, которого я устроила к себе на работу слугой.

– Что? Он работает на тебя? – удивилась Ровена.

– Что здесь постыдного? Мне стало жаль мальчишку, который загремел по глупости, и я временно взяла его под опеку. Свою глупость он демонстрирует и сейчас. Так ведь, Юлиан?

Но Юлиан стоял и молчал. Он был ошарашен не меньше остальных.

– Насчёт глупости согласен, Ривальда, – тихим голосом сказал Карниган. – Но ты же понимаешь, что он услышал

слишком много. Молтембер, Алая Завеса, Монроук. Пони-
маешь, что никто, кроме нас, этого не должен знать.

– Просите, – выпалил ставший невероятно бледным Юлиан. – Я обещаю, что никому ничего не расскажу.

– Этого мало, мальчик, – сказал Тёрнер. – На честное слово здесь полагаться нельзя.

– Не трогайте его! – перебила одновременно всех Ривальда. – Я несу за него ответственность и буду нести дальше. В конце концов, это моя вина, что я не смогла уследить за ним.

– Решение должно быть единогласным, – словно в отместку сказала Спаркс. – Сама же так говорила, Ривальда. Никто не согласится положиться на никому неизвестного мальчишку. Даже если ты готова отвечать.

– Вы предлагаете убить его? Семнадцатилетнего парня!

– Вот оно, правосудие! – закричал из своей клетки Агнус Иллиций. – А я ведь говорил, что никакого правосудия в этом месте нет!

– Уберите уже его, – приказал Карниган и щелкнул пальцами, после чего клетка под вопли Иллиция стала опускаться вниз. – Нам остаётся только одно. Придётся ему тоже стереть память.

– Я знаю этого мальчика, – сказал Грао Дюкс. – И он мне как-то говорил, что он внук сеньора Джампаоло Раньери. Мы не должны вредить внуку столь уважаемого и хорошего человека!

– Герр Дюкс, на кону сейчас не уважение, а государствен-

ная тайна, – с неохотой сказал Карниган. – Чем ему навредит единичное удаление памяти?

– Ты же знаешь, Люций, – попыталась отговорить Карнигана Ривальда. – Ты же знаешь, как негативно это может повлиять на юношу. Многие сходят с ума после такой операции.

– Прости. Другого выхода нет. И голосование тут неуместно. Я думаю, что никто не будет против, если заседание объявится закрытым.

– Уже всё равно, – сказала Ривальда. – Делайте всё, что считаете нужным.

Она обратила грустный взгляд в сторону Юлиана, в котором читалась незамысловатая фраза "Прости, я сделала всё, что могла". Но Юлиан был уверен, что не всё.

– Стюарт, доставь его в Комнату Забвенья, – сказал Карниган. – Ривальда, я думаю, что тебе лучше отправиться с нами. Кто-то должен привести мальчика в чувство.

– Что? – начал негодовать Юлиан. – Я не хочу, чтобы мне стирали память!

– Тебе сотрут только сегодняшний день, – не глядя на юношу, ответила Ривальда.

– Ага, после чего я тронусь умом.

– Не факт. И ты сам во всём виноват. Сегодня же отправлю тебя обратно в Грунндебайтен.

В стене открылся проход с ведущей вниз лестницей, а уже через несколько минут Юлиан, Ривальда, Карниган и Тёр-

нер оказались в маленьком и душном помещении. Посередине комнатки стоял огромный сосуд с какой-то жидкостью, а на стенах висело с десятков ослепительных белых фонарей, каждый из которых горел яркостью света солнца в зените, не меньше.

Юлиан невольно поморщился.

– Окупись всей головой в сосуд, – приказал Карниган.

– Чего? Я не хочу туда!

– Тогда придётся сделать это силой!

Переглянувшись с Тёрнером, они одновременно схватили Юлиана за голову и опустили в чан с водой.

Не сказать, что ощущение было самым приятным, ибо уже через минуту Юлиан начал задыхаться и биться в яростных конвульсиях.

Поняв, что нужен перерыв, Карниган вытащил обратно. Юлиан жадно вдохнул воздуха, но Люцию показалось, что этого мало, и он снова запихал голову Юлиана в этот чан.

На этот раз Юлиан находился там по меньшей мере в полтора раза дольше, и, когда ему уже начало казаться, что он умер, Карниган и Тёрнер его вытащили.

У Юлиана не было сил даже жадно вздохнуть, и он просто смиренно ждал продолжения. Например, следующего погружения.

– Лошадиная доза, – прокомментировала происходящее Ривальда.

– Согласен. Думаю, с тебя хватит. Ты меня слышишь? Как

тебя зовут?

– Юлиан. Юлиан Мерлин.

– А я кто?

– Люций Карниган. Вы тут главный.

– Тут? – мгновенно подбежала миссис Скуэйн. – Где тут?

– В Комнате Забвения. Он тут главный присяжный.

– Не может быть, – резко отпустил Юлиана Карниган. –

Ты знаешь, кого мы судили?

– Агнуса Иллиция. Похоже. За измену государству.

– Герр Карниган, – вступил в разговор Тёрнер. – Давайте опустим его ещё раз. Похоже, что не подействовало.

– Не могло не подействовать, – размеренным тоном проговорил Карниган. – Такое я видел только раз. И не ожидал увидеть снова. Внук Раньери, говоришь?

– Да, – ответил Юлиан.

С волос буквально водопадом лилась бесконечная вода.

– Ещё предстоит разобраться, – недовольно пробурчал Карниган.

– А сейчас что предстоит делать? – спросил Тёрнер.

– Выхода у нас есть только два. Первый – это убить его. Простой способ. Второй сложнее. И, похоже, что мы должны использовать именно его.

– И какой это способ? – с нетерпением спросила Ривальда.

– Сделать его тринадцатым присяжным.

Он это сказал, словно выносил вердикт лучшему другу. Карниган опустил глаза вниз, словно провожал что-то важ-

ное в последний путь.

– А остальные одобряют? – подозрительно спросил Тёрнер.

– Уже неважно. По делу Иллиция первым председателем назначили меня. Мне и решать технические детали. Мы все представляем какие-то важные отрасли деятельности нашего города. Полиция, образование, здравоохранение, наука, экология, пресса... Отчего бы не принять в наши ряды представителя столь недооценённой ячейки, как молодёжи?

Присяжные не нашли что ответить на это. Даже Ривальды молчала. Никому никогда и в голову не приходило, что молодёжь созрела для того, чтобы иметь право голоса.

– Какой ещё присяжный? – вмешался Юлиан. – Депортируйте меня обратно в Грунндебайтен, и я больше никогда не выйду из дома!

– Нет, мой мальчик, – ответила ему Ривальда. – Ни в какой Грунндебайтен ты не поедешь.

Её слова звучали как вызов.

Всю дорогу обратно Юлиан не давал покоя Ривальде, расспрашивая её обо всём, чём только мог. Но та прямо-таки нагло его игнорировала. Неизвестно, что подумал о таком методе общения таксист, но Юлиану было на это абсолютно наплевать. Всё, чего он хотел – ответов на то, что произошло сегодня.

Ривальда снизошла до ответов, только когда они вылезли из такси и пересекли ворота её особняка.

– Что ты такое устроил, Юлиан Мерлин? – спросила она. –

Какого чёрта ты орал во всеуслышание про присяжных и суд? Ты в своём уме?

– Я хочу ответов! – гордо прокричал Юлиан, уже не боясь ничего.

– Я не хочу тебе их давать. Знал бы ты, как я хотела, чтобы ты тронулся умом от полоскания в Куполе Забвения, но, к сожалению этого не случилось.

– Чего-то вы недоговариваете, – стоял на своём Юлиан. – Я видел, как вы меня защищали при остальных присяжных.

– Я не хотела терять своё лицо. Тем более из-за такого болвана, как ты. Ты хотя бы знаешь, куда ты влез? Ты знаешь, что выбраться тебе оттуда скоро не удастся?

– А вам не всё равно? – спросил Юлиан, когда они оказались в гостинной.

– Мне всё равно на тебя. Но смей допустить хоть на секунду, что из-за тебя я готова рисковать своей работой и своим положением. Мне в радость отвечать за тебя? Как думаешь?

В этот момент в гостиную заглянул Джо со своим привычным и доброжелательным:

– Что желаете, госпожа?

– Джо, ты должен уйти! – неоправданно жестоко рявкнула на дворецкого Ривальда и тот поспешно скрылся.

– Не в радость, – ответил ей Юлиан. – И мне не в радость быть этим присяжным. Но что сделано, то сделано. Теперь на правах присяжного я хочу услышать ответы!

Ривальда демонстративно отвернулась от него и полезла в

шкаф за вином. К удивлению Юлиана она вытащила оттуда два бокала вместо одного, которые поспешно и неаккуратно наполнила вином до краёв.

– Значит, желаешь поболтать со мной за столом? В духе "Дорогая миссис Скуэйн, как проходит расследование по Агнусу Иллицию?".

На этот раз пришла черед демонстративных действий со стороны Юлиана. Он осушил стакан залпом, после чего уже сел за стол.

– Я имею право услышать ответы.

– Тогда спрашивай.

– Информация о Агнусе Иллиции, Алой Завесе по-моему и этому М... Не помню дальше. Почему она засекречена?

– Людям не положено знать того, что происходит за ширмой. Что они видели? Что видел ты, Юлиан, во время серии террористических атаках пятнадцать лет назад?

– Я тогда был младенцем и ничего не помню.

– Они видели лишь серию несчастных случаев. Загадочные смерти, взрыв моста, взрыв автобуса, кровавая резня во Франкфурте

– Что-то такое приходилось слышать, – кивнул Юлиан после того, как Ривальда налила ему ещё стакан вина.

– Но никто не знал, кто ведёт их за собой и зачем. Никто не знал лидера террористов, все были уверены, что они одновременно вдруг решили восстать против нашей якобы тирании. На самом деле восстание было аккуратно спровоци-

ровано человеком, от имени которого даже меня бросало в дрожь. Акруп Эодред Молтембер, появившийся из ниоткуда, обладал такой харизмой и таким даром убеждения, что ему без труда удалось повести за собой десятки и сотни новых повстанцев. Он был одержим идеей свержения власти. Там, где он появлялся, умирали господа, оставались без отцов целые семьи. Он считал, что людям не нужны правительства, что они сами для себя хозяева. Он хаотично появлялся в разных точках нашего сообщества, и незаметно исчезал. Его было невозможно выследить, он как тень ускользал из-под наших рук, и всё это время его армия всё увеличивалась и увеличивалась. Лишь со временем, спустя месяцы, нам удалось вычислить, куда его рука тяготеет больше всего. Тебе приходилось слышать об альтернативном аде?

– Не приходилось, – ответил Юлиан. Второй бокал вина уже не шёл так резво, как первый.

– И то добро. Он рвался в Свайзлаутерн, жаждал установить контроль над ним, а всё из-за, что наш город построен на рухнувших некогда воротах альтернативного ада.

– Альтернативного? Как это понять?

– Понимай как хочешь. Говорят, что есть обычный ад, в который я сама слабо верю. есть альтернативный. Я никогда там не была и особо в него не верила. Жуткое место для самых отчаянных и грешных душ. Даже мне неизвестно, что они представляют из себя. Зато Акруп Эодред, похоже знал. И больше всего на свете он хотел открыть эти ворота, что-

бы получить из ада то, что дало бы ему мощь, с которой мы тягаться были бы не в силах. Пополнение в свою армию, какие-то мощные артефакты, или же и вовсе то, что мы вообразить себе не могли. Как очевидно, в одиночку справиться трудно, но использовать для этого наивных людей, которым он накапал в уши идеями о свободе без господ... Для него не было ничего проще. Равно как и обрести союзников среди наших. Например Агнуса Иллиция. Наивного идиота, который с радостью передал Молтемберу схемы устройства нашего Парламента, и распорядок смены охраны. Ты же хорошо помнишь, что случилось с нашим Парламентом пятнадцать лет назад? Помнишь, Юлиан?

– Помню, – сказал Юлиан, допив второй бокал. – Он был взорван.

– Надо ли говорить, сколько было жертв? Думаю, что нет. Почему, по-твоему, был взорван именно Парламент? Потому что под Парламентом находились ворота альтернативного ада. Однако ворота не приняли его. Посчитали недостойным. Но попытку завладеть адом он не бросил. Не бросил до тех пор, пока не был побеждён. Да, Юлиан, он был побеждён и его больше нет. Но кто отменил его деяния? Кто отменил последствия войны? Кто вернул к жизни погибших при взрыве Парламента? И кто залатал раны тех, кто смог выжить?

– Разве кто-то смог выжить? – спросил Юлиан.

– Смог. И одна из них сидит перед тобой. Да, мне повез-

ло во время этого кошмара. Так же, как повезло и Люцию Карнигану. Несколько лет после этого кошмара мы не могли спокойно спать. Жизнь была адом похуже того, что находился под Парламентом. И теперь, когда появилась тварь, которая помогла Молтемберу, как думаешь, кому не охота собственноручно прикончить его?

– Даже мне охота.

– А теперь представь моё желание. Моё чувство мести. Но даже в таком состоянии я понимаю, что смерть одного лишь Иллиция не изменит ничего. Пора бы и тебе поучиться такому терпению.

Юлиан слушал и молчал. Третий бокал словно наполнился сам собой. Бутылка уже кончалась, но юноше казалось, что ею ограничиваться миссис Скуэйн не собиралась.

– Алая Завеса была создана специально для того, чтобы вести скрытую войну против истинных притязаний Молтембера. Только они знали правду. Они и Департамент. Даже Сенат Местоболя не знал. Они только финансировали наши оборонительные действия. И так вышло, что в этом ордене благороднейших и достойнейших людей завелась такая крыса, как Агнус Иллиций. Он знал всё. Абсолютно всё и без разбора сливал информацию Молтемберу. Потом, как ты знаешь, Уильям Монроук смог раскусить его, потому что прочитал невидимые письма. Иллиций его за это заманил в ловушку повстанцев. Может, Молтембер его собственноручно убил. Этого мы не узнаем теперь уже никогда. Только вот

Монроук был застрахован на случай своей смерти и сохранил записи в своём дневнике, который прятал у своей жены. Мы нашли дневник и всё узнали. Хотели убить Иллиция, но он бежал. Но было плевать. Иллиций пешка, он ничего не стоит без Молтембера. Поэтому весь этот суд – пустая трата времени и фарс. Мы должны использовать зелья правды на Иллиции. Использовать и больше узнать. То, что ты в присяжных, может и даст мне плюсы. Если, конечно, ты будешь голосовать за зелья правды. Я знаю, что слушать тебя никто не станет, но даже в таком случае стой на своём до конца.

– Как вы сказали, слушать меня не станут.

– Будь настойчивее. И не кажись полным идиотом, как ты очень любишь. Я искренне верю, что ты поможешь мне. Ведь я сегодня помогла тебе. Кто знает, что сделал бы Люций, если бы не моё влияние на него.

– Убил бы?

– Не убил бы. Но обязательно чего-нибудь придумал бы. Мало тебе не показалось бы.

Юлиан допил третий бокал вина и на этом твёрдо решил, что сегодня больше не будет. Итак он слишком много за день добился.

– Итак, ты хочешь узнать чего-нибудь ещё?

– По-моему, я и так слишком много знаю.

– И то правда. А теперь, будь добр, оставь меня одну. Иди занимайся своими делами.

. Цветочник

"Думаю, что ту самую первую встречу я не забуду никогда. Никогда не забуду того томительного взгляда, который так пристально изучал моё лицо, будто бы оно действительно могло кого-нибудь заинтересовать. Скажу только, что я повёл себя тогда как полнейший идиот, и ещё долгое время был уверен, что упустил всё. Я называл это "проиграл"

Юлиан Мерлин, сентябрь 2010

Юлиан знал, что уже меньше чем через неделю ему предстоит выступить в качестве присяжного по делу Агнуса Иллиция и это одновременно и пугало его, и завораживало. Даже знание неизбежности того, что случится, не давало ему гарантий, что Люций Карниган не провернул какую-то глупую шутку.

Громко вздохнув, Юлиан взял в руку перо и открыл следующее письмо.

"Госпоже М.

От господина Р.

апрель 1993 г.

Без лишней лести спешу сообщить, что встреча с Вами была самым лучшим событием в моей жизни. Вы оказались не только прекрасны внешне. Вы оказались не менее прекрасны внутри. Никогда ещё мне не приходилось видеть в другом человеке частицу своей души. Не приходилось видеть в чужих глазах отражения своих.

Но моему разочарованию не было пределов тогда, когда Вы незаметно исчезли с нашей встречи. Как Вам это удалось? Вы использовали какое-то колдовство для этого или очаровали меня, заставив забыть думать о чём-то ином кроме Вас и уделять внимание мелочам? В любом случае замешано колдовство, ибо иначе Вы бы не смогли пленить моё сердце.

Я не намерен сдаваться и продолжу искать Вас и после этой встречи. На каком бы краю света Вы не оказались, будьте уверены – однажды я приду за Вами и заберу с собой. Я очень надеюсь на то, что вы будете не против.

Я не уверен, дойдёт ли до Вас это письмо, но я сделаю всё для того, чтобы это случилось. В то же время я вынужден сообщить, что и мне придётся на некоторое время отлучиться, ибо меня подстерегают проблемы, от которых мне, увы, не сбежать.

Не верьте надменному обществу – я не причиню Вам зла. Если угодно, я буду любить Вас вечно. Только дайте понять, что Вам это нужно. Тогда я заберу Вас с собой, и мы будем счастливы вместе раз и навсегда.

Я предупреждал, что отлучусь, поэтому Ваш ответ прочитаю не скоро, и, тем более, не скоро отвечу сам. Но я обязательно напишу, поэтому ответьте мне. Ждите, и я вернусь.

Ваш покорный слуга,
Господин Р."

Юлиан отложил перо в сторону и снова вздохнул. Он прочитал очередную бессмыслицу, предназначения которой не знал и не хотел знать.

На этот раз он всё перенёс гораздо легче. По крайней мере, его не штормило, да и в обморок он падать не собирался. Как и не собирался открывать тайный проход к оккультическому кругу.

Он не оставил своих намерений раскусить Ривальду Скуэйн. Теперь он, по крайней мере, знал, где она работает и что для большей части общества является уважаемым человеком и верным борцом за правосудие и закон.

Попытавшись перевести дух, Юлиан решил пошарить в книгах этой библиотеке.

Ботаника, история, биография, опять биография и опять история. Что может быть скучнее? Ах да, философия. В то же время ни единой книги по психологии.

А вот здесь уже гораздо интереснее. "Первичное обучение чёрной магии", "Духи и демоны. Навыки оккультизма", "Священный Экзорцизм", "Навык леворукого колдовства".

Более чем известно, что тёмное колдовство проходит через левую руку. Юлиану часто казалось, что из-за своей леворукости ему нужно было изучать тёмное колдовство, но потом переставал валять дурака и шёл с ранцем в школу. Быть может, эта книга создана специально для него и её стоит изучить?

А ещё лучше опять перестать валять дурака.

– Ты освободился? – неожиданно услышал голос сзади Юлиан, отчего чуть не обронил книгу.

К несчастью, это был не очередной демон, а кое-что похуже. Ривальда Скуэйн удостоила его личной аудиенции.

Поставив книгу обратно на полку, Юлиан ответил:

– Можно сказать и так. Дух переведу и снова стану писать.

– Не стоит. Идём за мной, у меня для тебя кое-что есть.

Этим кое-чем оказался костюм-тройка, который Юлиан ненавидел каждый раз, когда ему приходилось примерять его у деда. И, прямо-таки выглядеть идиотом.

– Этим костюмом вы заплатили мне за работу? – поинтересовался Юлиан, глядя на себя в зеркало.

– Нет. Костюм стоит гораздо больше, чем ты заработал. Знал бы ты, как мне было стыдно за твой внешний вид, когда ты появился в Департаменте.

– Но я не люблю костюмы, – начал противиться Юлиан. – Тем более эти жилеточки.

Он нарочито сделал лицо, выражающее отвращение.

– Ошибаешься. Тебе непривычно видеть себя в таком облики, но тебе очень идёт. Мне даже неожиданно.

– Вообще-то я себя часто таким видел. Надеюсь, что мне придётся побыть в нём только на третьем заседании вашего совета.

– Не разбрасывайся такими дорогими подарками, как этот. Завтра к нам придёт в гости семейство Лютнер и я не хочу, чтобы наш официант выглядел как вчера.

– Что? – удивился Юлиан. – Какой ещё официант? Я поднос-то уроню. И какие гости, когда такое происходит?

– Какое такое?

– Агнус Иллиций вернулся. И не просто так.

– Жизнь на этом не кончается. Эти дни я хочу провести на позитиве.

Семейство Лютнер было довольно стандартным и состояло из троих человек – сидящий и начинающий полнеть герр Моритц, всё ещё старающаяся сохранить красоту и молодость при помощи различных уловок и ухищрений фрау Флеерта, а так же вполне себе миловидная дочка примерно возраста Юлиана, имени которой никто не удосужился назвать.

Юлиан на пару с Джо носился туда-обратно, постоянно меняя блюда, многие из которых нерадивые и искушенные гости не удосуживались даже доесть до половины. Признаться, по многому у Юлиана уже давно текли слюнки, но без разрешения Ривальды он не осмеливался попробовать ничего.

– Как всегда, великолепно, Ривальда, – учтиво сказал герр Моритц, аккуратно вытирая свои роскошные усы.

– И ты бы подтянулась к нам в гости, – дополнила миссис Флеерта.

Одна только дочка молчала и явно получала мало удовольствия от сего действия, тоскливо и обреченно ковыряя маленькой ложечкой какой-то десерт.

Всё это Юлиан удивлялся необычайной и не присущей Ривальде вежливости, которая исходила от неё буквально струёй. А что ещё более странно, от неё просто-таки веяло нормальностью. Вот уж чего в этом доме не было никогда и в помине.

Когда гости уже начинали пить чай, к Юлиану на кухню ворвалась та самая дочка Лютнеров.

– Добрый день, – с подозрением обернувшись по сторонам, произнесла она.

– Добрый, – так же подозрительно ответил ей Юлиан. – Тебя прислали сюда за мной?

– Да, я ищу официанта. Но никто меня за ним не присылал.

Юлиан не знал, что ответить на это, поэтому предпочёл просто промолчать.

Девушка была невысокого роста, не идущего ни в какое сравнение со статью Ривальды. Её светло-русые длинные волосы были убраны в хвост, однако это не мешало нескольким длинным прядям всё же свешиваться со лба. Прямо под её голубыми и добрыми глазами красовались несколько веснушек, оставшихся ещё с детства, а на тонких губах блестели следы непринуждённой помады.

На пальцах красовалось множество колец, но большее внимание привлекало пятно от соуса на её чёрном платье. Как бы Юлиан не старался, он не смог бы напомнить ей об этом.

– Не похож ты на официанта, – продолжила не очень ловко складывающийся разговор она.

– А я и не официант, – с презрением к самому себе ответил Юлиан. – Я в этом доме слуга. Мальчик на побегушках, если угодно.

– Любопытно. А у нас в доме нет слуг. Всё это время я смотрела на тебя, и ты выглядел так, как будто очень хочешь есть. Причём меня съест. Я вот, – она вытащила руку из-за спины и наконец-то присела на первый попавшийся стул. – Принесла тебе кое-что.

На небольшом блюде находилось нетронутое совсем кремовое розовое пирожное.

– Не стоит. Миссис Скуэйн не морит меня голодом.

– Я настаиваю, – тоном школьной учительницы произнесла девушка, протянув блюде Юлиану. После этого она вытащила из-за стола вилку и тоже протянула её Юлиану. Похоже, об этом доме она знала больше, чем Юлиан мог подумать.

Однако оказать столь милой и любезной девушке Юлиан не мог, поэтому с лёгким оттенком стыда принялся буквально пожирать пирожное.

– Пенелопа, – неожиданно произнесла девушка, едва сдерживая смех от зрелища трапезы Юлиана.

– Очень приятно, – едва не поперхнулся десертом новоиспеченный присяжный.

В ответ же он лишь лицезрел молчание Пенелопы.

– Ах, да, – попытался изобразить растерянность её собеседник. – Меня зовут Юлиан.

– Ух ты. Красивое имя. Почти как Пенелопа, – после чего её тон резко переменялся на серьёзный. – Знал бы ты, как я устала от этого так называемого обеда. Как я устала слушать их бессмысленные разговоры о пятом и десятом. Они такие надменные. Все. Изображают вежливость. Так охота сбежать на край света и увидеть наконец простых людей. Безо всяких этих штучек и торжественных приёмов.

– Ну, так сбеги, – не мог придумать ничего лучше Юлиан.

– Так я и сбежала, – улыбнулась она. – Сюда, к тебе.

– Если ты говоришь, что я простой, то ошибаешься. Я хоть и слуга тут, но я внук самого сеньора Джампаоло Раньери. Того самого. Знаешь Джампаоло Раньери?

– Кто ж его не знает. Ну конечно. Внук сеньора Раньери работает официантом, – она всё же нашла в себе силы засмеяться. – Неважно. Шуты, мне это нравится. Ты кажешься настоящим и живым.

– А я и не шучу, – с лёгким недоумением сказал Юлиан, но переубеждать никого не стал.

– Они таскают меня за собой везде. Понимаешь, везде. Как маленькую девочку, а ведь мне уже семнадцать. Даже хуже – как какую-то игрушку. Почему у меня нет младшей сестры, Юлиан?

– Я... Я не знаю, – неуверенно проговорил Юлиан.

– В то же время уже подыскивают мне мужа. А ведь мне

всего семнадцать. Мои родители идиоты, – выдохнула она.

– Не говори так. Могут услышать.

– А мне-то что? Что будет, если услышат? Выгонят меня из дома – так мне же лучше.

– Это к хорошему не приводит. Я вот от деда сбежал, и теперь нахожусь в плену у этой женщины. У Ривальды Скуэйн.

– У каждого свои скелеты в шкафу, – усмехнулась она, после чего с резко появившейся лёгкой улыбкой уставилась на лицо Юлиана. – Ну и свинья же ты.

– Чего?

– У тебя все губы в креме. Иди сюда.

Юлиан с уже присущим ему как черта характера недоверием приблизился к необычной девочке.

– Надо было кормить тебя самой, – пробормотала Пенелопа, аккуратно вытирая губы Юлиану салфеткой.

Такого Юлиану ещё видеть не приходилось. Именно того, что при знакомстве очень милая девушка вытирала ему губы, а он абсолютно не знал, что ему делать.

Очевидно, что она считает Юлиана за простачка и нищелюба, вылезшего из ниоткуда в поисках какой-никакой работы. Знала бы она, что никакая работа Юлиану не нужна и состояния деда хватило бы ему аж на две жизни.

– Вроде всё в порядке, – сказала она, отпустив наконец Юлиана. – Ещё хочешь?

– Нет.

– Я могу сделать чая. Хотя... Стоило подать пирожное с

чаем, а не отдельно. Дурочка. Ну да ладно.

– Успокойся. Я не люблю чай.

– Что ж, – ещё раз улыбнулась она. – Тогда я могу покинуть тебя с чувством выполненного долга. Надеюсь, они уже собираются домой. До скорого, Юлиан Раньери!

– То есть ты здесь частый гость?

– Город не такой большой, как кажется. И мир тесен, – после чего она немедленно исчезла, оставив на душе Юлиана неисправимое впечатление.

Это был второй человек после Джо, который в этом странном месте пришёлся ему по душе. Жаль только, что увидеть её ещё раз шансов у него не так много.

Всё-таки стоило согласиться ещё на чай. Продлил бы тем самым общение по крайней мере минут на десять.

В течение всей этой недели Лютнеры больше не появлялись в доме у Ривальды Скуэйи, зато порой хватало других гостей. Как правило это были скучные коллеги по работе, представляющие из себя одинаково одетых тёток, напоминающих больше всего Ровену Спаркс.

Юлиана ждало разочарование, потому что в эти разговоры никто его не просвещал. Всё время, когда коллеги Ривальды гостили у неё, Юлиан сидел в своей комнате или помогал Джо в домашних делах. Это даже своеобразно задевало душу Юлиана, ведь Люций Карниган обещал ему нечто другое.

Про членство Юлиана в суде присяжных и вообще об этом суде Скуэйи вспомнила только непосредственно в ночь пе-

ред самим заседанием.

– Знаешь, что ты будешь делать завтра? – спросила она у него, когда они привычным образом пересеклись в гостиной.

– Я буду делать вид, что я присяжный? – решил блеснуть остроумием Юлиан.

– Ты будешь присяжным, – уточнила Скуэйн. – И сделаешь всё для того, чтобы Департамент принял меры по извлечению воспоминаний из Агнуса Иллиция. Равно как и всё сделаю я, что могу.

– Я думаю, что логичнее мне будет не открывать рта.

– Это право остаётся за тобой. Ты полноценный тринадцатый присяжный и имеешь такое же право голоса, как и все мы.

– Но сейчас вы навязываете мне свою точку зрения.

– И у тебя есть полное право не соглашаться со мной, – на полном серьёзе ответила Ривальда. – Но только подумай, что будет лучше. Для тебя и нашего общего дела. Уничтожить все хвосты. А отомстить Иллицию мы успеем.

– Я не могу рассуждать так красиво, как вы. Тем более на совете.

– Я умоляю тебя, не кажись там идиотом. Погладь свой костюм, приведи свою причёску в порядок. Кстати, почему ты до сих пор ещё не стригся? Можешь не стричься, но волосы расчёсывай.

Юлиану тоже никогда не нравилось, когда обсуждали его стрижку. Вернее то, что стригся он не так часто, как осталь-

ные его сверстники.

– Я сделаю всё, что смогу, миссис Скуэйн. И на суде тоже.

– А выбора у тебя и не будет. Иначе у Драго будет ужин из тебя.

Зловещая улыбка заставила Юлиана задуматься о том, серьёзно она говорит или нет. Впрочем, у Юлиана выбора никакого и впрямь не было, поэтому уже было всё равно. После этого треклятого суда он узнает все тайны Ривальды, а потом найдёт способ от неё сбежать. Одной той слежкой он не ограничится, Юлиан обещал это себе. Теперь ему приходила мысль проследить за Ривальдой ночью, когда она как бы спит. Не верил он в это, а значит, стоило проверить. С самого раннего утра она выходит на работу, возвращается домой и проводит там весь оставшийся день. Поэтому оставалась только ночь для того, чтобы проделывать все эти штучки с оккультизмом и чёрным колдовством.

Утром, как показалось Юлиану, колокольчик зазвонил раньше, чем обычно, поэтому многим это его не обрадовало. После завтрака Ривальда добрые полчаса заставила провести его около зеркала, приводя якобы себя в порядок. Когда наконец он стал "выглядеть почти идеально для бродяги его класса", они наконец-то отправились в Департамент.

Сказать, что Юлиан волновался, значит не сказать ничего. Как ещё назвать то чувство, когда заставляют делать что-то ответственное, но к которому ты в то же время совершенно не готов? Это сродни тому, что его медленно протягивают

сквозь узкую трубу, которая к тому же всё сужается и сужается, а конца всё нет и нет.

Однако всё пошло не так, как планировалось. Уже около входа какие-то люди перехватили Ривальду со словами:

– Миссис Скуэйн. Вас ждёт герр Сорвенгер.

– Якоб? – удивилась она. – Я опаздываю на очень важную встречу.

– Боюсь, что её не будет, – ответил худой мужчина в чудаконатой мантии. – У него для вас очень важная информация.

– Важная, говоришь? Где его найти?

– Он здесь. В кабинете герра Карнигана.

– Юлиан, отправляйся со мной.

Юлиан кивнул и на этот раз они отправились не в подвал, а на второй этаж. В кабинет Карнигана Ривальда зашла без стука, чем, вероятнее всего, желала показать Юлиану свой вес в этом учреждении.

– Люций, мы же опаздываем, – сказала она, едва заметив коллегу-присяжного.

– Никакого заседания не будет, – послышался голос мужчины, стоявшего возле Карнигана.

Это был высокий, донельзя классический мужчина, будто бы сошедший со страниц романов про викторианскую эпоху. Идеально выбритый, с зачёсанными набок угольно-чёрными волосами, на которых начала появляться лёгкая проседь и коротко подстриженными висками. Его чёрные глаза излучали собой что-то странное, что-то между могуществом, пра-

ведностью и строгостью. На его длинном чёрном смокинге не было ни катышка, а на туфлях с острыми носками не красовалось ни единого пятнышка от грязи.

– Что случилось, Якоб?

– Этой ночью Агнус Иллиций сбежал, – обернулся Сорвенгер с лицом, полным опустошения.

– Чего? – подорвалась Ривальда. – Как вы могли это позволить?

– Ривальда, я прошу тебя, – вмешался в разговор Карниган.

– Люций, с этим надо что-то делать! – не унималась Скуэйн. – О нет, Якоб, скажи, что это шутка.

– Ты же знаешь, Ривальда, что у меня плохое чувство юмора, – холодно ответил Сорвенгер.

– А эта шутка и несмешная. Как это случилось?

– Отправимся в участок, там всё узнаешь. Кто это с тобой?

– Он называет себя Юлиан Мерлин. Не беспокойся, он наш полноправный коллега.

– Да, – Сорвенгер буквально наглым взглядом принялся изучать Юлиана. – Что ж, время терять не стоит. В путь.

Как казалось Юлиану, Сорвенгер выглядел ещё более утончённо, чем Карниган, однако напоминал он человека того же типа. Разве что над своей причёской он наверняка работает каждое утро, да ещё и так усердно, что раз за разом рискует опоздать на работу.

В участок Сорвенгер повёз Ривальду, Юлиана и Карнига-

на на своей машине, которая опять же ничем не отличалась от типичного такси. Всю дорогу он переговаривался с Карниганом о чём-то важном, а Ривальда же просто молчала, судорожно сдерживая дрожащие губы. Юлиан попросту ничего не осмеливался сказать, да и его тут никто практически не замечал.

Они приехали как раз в тот полицейский участок, с которого у Юлиана и начиналось знакомство с этим приветливым городом. На посту сидел всё тот же инспектор Глесон, который не обратил внимания на Юлиана в его новом облики. Вероятнее всего, не узнал или вовсе забыл.

– Весь участок на измене, – сказал Сорвенгер, ведя троицу куда-то вглубь. – Каждый считает, что это его вина.

– А ты как считаешь? – спросила Ривальда.

– Я? Я не из тех, кто недоглядывает. Поэтому понятия не имею, кто это провернул.

Они спустились в подвалы, где, как Юлиан уже знал, располагались камеры для преступников, которые ожидали суда.

– Ну и холодно же тут, – проговорил он, оценив неприветливое помещение.

– Холод – это не самое страшное, что можно ощутить здесь, – зловеще ответил Сорвенгер, что Юлиан решил воспринять как шутку.

В три яруса слева и справа располагались с три десятка тёмных тюремных камер, большая часть которых была заня-

та преступниками, как правило, весьма опасными. В такое место не засаживают рядовых воришек и мошенников. Это место для убийц. Поэтому около половины здесь смертники.

– Замок камеры взорван, – начал отчёт по случившемуся Сорвенгер, но Ривальда его перебила.

– У него же не могло быть с собой пиротехники? Якоб, скажи мне, что не могло.

– Исключено, – уверенно сказал Сорвенгер. – Не могло быть и отмычек. А магия здесь тоже не действует.

– Но тогда как? – не унималась Ривальда. – Как это могло случиться, Якоб?

– Мы лицезреем то, что лицезреем, – ответил вместо него Карниган. – Если Иллиций смог это сделать, то был способ. Сейчас главное не понять, как он это сделал. А попытаться его найти.

– Мы сразу же отправили отряд на его поиски, – сказал Сорвенгер. – Ещё ранним утром. Пока они прочёсывают город и окрестности, и, если он здесь, то будет обязательно найден.

– Обязательно? – возразила Скуэйн. – Он и отсюда сбежать не мог, поэтому нельзя ни о чём говорить наверняка.

Неожиданно в разговор вмешался Юлиан:

– А он не мог что-нибудь пронести внутри себя?

Карниган и Сорвенгер с удивлением на него посмотрели:

– Мальчик, мне кажется, что ты говоришь чушь, – сказал коллега-присяжный.

– Во всяком случае, он пытается, – ответила Скуэйн. – Вы не пробовали опросить других заключённых?

– Пробовали. Никто ничего не знает. Кто-то говорит, что спал, а кто-то элементарно не помнит, – продолжил отчёт Сорвенгер.

– Он самый великий из нас! – воскликнул какой-то старый заключённый вдалеке.

– Он самый жалкий даже среди вас! – возразила Ривальда.

– Не трать время на них, – парировал Сорвенгер. – Я обещаю тебе, мы найдём его. И тогда вы сможете осудить его согласно закону. И приписать ещё побег.

– Память-то ему хотя бы стёрли? – поинтересовалась Ривальда.

– Насколько я знаю, да, – ответил Люций Карниган. – Это даст нам преимущество.

– Если только он не украл свои воспоминания обратно из Купола Забвения, – предостерег работников Департамента Сорвенгер.

– Для этого ему пришлось бы проникнуть ещё и в Департамент, – сказал Карниган. – Не много ли это для столь жалкого преступника?

– Для него слишком много уже того, что он получил, – ответила обоим Ривальда. – Если в ближайшие два дня он не будет пойман, я отправлюсь на его поиски сама. И накажу так, как хочу я.

– Ривальда, – обратился к ней Сорвенгер. – Я хочу знать,

что всё хорошо. Скажи мне, что с тобой всё хорошо, и ты не наделаешь глупостей.

– Со мной всё хорошо, – с тоном, наполненным недовольства, ответила Ривальда.

– Я должен быть уверен в этом. Хочешь ты этого или нет, но вечером я заеду к тебе. Всё проконтролирую.

Когда они покинули полицию, Ривальда выглядела полностью убитой и едва сдерживала истерику и агонию. Юлиану даже страшно было находиться рядом с ней, так как гнева такой женщина как она, он боялся больше всего. На работу она возвращаться не стала, поэтому прыгнула на первый попавшийся троллейбус и уехала домой. Надо сказать, сам факт езды на троллейбусе Юлиана очень удивил, но чего человек не наделает в таком состоянии?

Якоб Сорвенгер своё слово сдержал – к семи часам он и впрямь приехал в гости к Ривальде. К этому времени Джо и Юлианом уже был накрыт стол для ужина, и, надо сказать, он отличался от того, который был предназначен для семейства Лютнер. Юлиан сходу не сказал бы чем именно, но в глаза бросалось то, что еды тут было меньше, а вина больше.

Он протянул мокрое от дождя пальто в руки Юлиана и тот вежливо повесил его на вешалку. При этом в очередной раз ощущая себя полным ничтожеством.

– Приветствую ещё раз, Ривальда, – учтиво сказал он, войдя в гостиную. – Как вышло так, что твой паж оказался просвещён в дела Департамента?

– Я так захотела, – сухо сказала она.

– Многим может показаться, что ты злоупотребляешь своими служебными полномочиями. Хм... Я достал другого вина, – из-за пазухи он вытащил небольшую бутылку с красным содержимым. – Вот, с лучших виноградников моего дяди. Даже у него это выманить трудно.

– Отлично, – равнодушно произнесла Ривальда. – Выпьем сегодня две бутылки.

– О нет, мне ещё вести автомобиль.

– Выпью одна, – всё тем же тоном сказала Скуэйн. – Никаких новых известий нет?

– Обчесали весь город от и до, – с сожалением сказал Сорвенгер, присев наконец за стол напротив Ривальды. – Никого не нашли. Опрашивали очевидцев, так кто-то что-то видел, но до конкретики не доходило. Глесон собирается выяснить, сколько людей этой ночью покинули город на поезде без билета, зайцем.

– Логично, – кивнула Ривальда. – Он же должен был на чём-то уехать. Если его не дожидалась машина со стоворщиками.

– О нет, Ривальда. Не ищи никаких заговоров в этом. Преступник попался и преступник сбежал. Мы его найдём, потому что он один, а нас много.

Неожиданно в гостиную ворвался с Джо с огромным посеребренным подносом с не менее огромной крышкой.

– Ваша рыба, господа, – поклонился он. – Комиссар, – ска-

зал он в сторону Сорвенгера, видимо таким образом его приветствуя.

Сорвенгер в ответ лишь сухо кивнул.

– Юлиан, ты должен помочь мне, – сказал Джо, поставив поднос гордо в середину стола.

Юлиан отправился с ним на кухню, но ничего путного там не услышал.

– Что за дела, Джо? – спросил Юлиан.

– Нет никаких дел. Им надо поговорить о чём-то важном. Тебе и мне там не место.

– Но, Джо! Я очень-очень хочу послушать.

– Даже не думай. Иначе вылетим мы вместе с тобой из этого дома. И не забывай – я здесь живу много лет, и другого дома у меня нет.

– Хорошо, – недовольно кивнул Юлиан, после чего они отправились с Джо на крышу пить кофе.

Как сказал Джо, Ривальда и Сорвенгер их больше не тревожат, поэтому можно отдохнуть. Джо снова без перерыва что-то рассказывал своему юному другу, и половину из этого Юлиан с чистой душой пропускал мимо ушей.

Однако он всё же слышал то, что события пятнадцатилетней давности Джо никак не затронула – в то время он тоже работал дворецким, но на далёких островах, докуда войне было очень и очень далеко. Потом старые хозяева умерли, Джо остался без работы, и вскоре после окончания войны приехал в Свайзлаутерн, так как надеялся здесь найти свое-

го брата.

– Брата я так и не нашёл. Этого старого плута. Зато меня нашла миссис Скуэйн и наняла на работу. На неё тогда ко-совато смотрели. Действительно – невесть откуда появилась молодая ещё девушка с завидным состоянием и чуть ли не сразу заняла должность в Департаменте. Кто ж рискнёт пойти работать к ней? Эх, если бы не эта золотая женщина, что бы было со мной? Был бы бродяжкой на улице. Или гнил в тюрьме, там хоть крыша есть. А, скорее всего, сдох бы в какой-нибудь канаве.

Повеяло холодом.

– У тебя же ведь есть дом? Да, Юлиан?

– Даже два. Я внук Джампаоло Раньери.

– Ну ты и шутник.

Уже наступила глубокая ночь, но признаков того, что Сорвенгер ушёл, Юлиан так и не заметил. Он уже начинал сомневаться, что комиссар вообще собирается отсюда сегодня уходить.

Больше всего Юлиана удивило с утра то, что он проснулся не от звука назойливого и протяжного колокольчика, а от ослепительных лучей солнца из окна. Неужто этот позолоченный злодей всё-таки сломался?

Всё ещё сонными глазами Юлиан взглянул на пристально смотрящий на него портрет Меркольта, в глазах которого читался жуткий упрёк по поводу того, что он проспал и провёл Ривальду Скуэйн. Это побудило Юлиана за считанные

секунды одеться и спуститься вниз.

Но встретил он там лишь безмятежно оглядывающего цветы на подоконнике дворецкого.

– Привет, Джо, – сказал Юлиан, глядя на него с лестницы. – Миссис Скуэйн убьёт меня?

– За что? – удивился Джо. – Она в своей спальне. Взяла выходной.

– Выходной? У неё бывают выходные?

– Не так часто, как хотелось бы.

Гостиная была уже убрана и следов вчерашнего ужина не осталось. Вообще ничьих следов не осталось, в том числе и следов Сорвенгера. Во всяком случае, в прихожей никакого мужского чёрного пальто не висело.

Ривальда Скуэйн спустилась с параллельной лестницы уже через несколько минут. Начала она день с очень любезных приветствий:

– Отвратительный день. Мерлин, почему ты не приготовил мне завтрак?

– Но меня же никто не разбудил, – растерянно проговорил Юлиан.

– А сам не мог догадаться? Будильник поставить или что-нибудь в этом роде. Или ты думаешь, что будить тебя всегда должна я?

– Нет, конечно, – замешкался Юлиан.

– Ну и с глаз тогда долой, – огрызнулась она. – Справлюсь без тебя.

– Я могу сделать глазунью, – принялся оправдываться Юлиан.

– Я сказала – с глаз моих долой!

Она взмахнула рукой, после чего горшок с цветами, за которым как раз ухаживал Джо, взлетел и с силой ударился о противоположную стену. Само собой, он разбился, чем немало напугал Юлиана.

– Простите, – пробурчал он. – Я больше не буду.

– Так, – неожиданно Ривальда остановилась и присела прямо на лестнице. – Теперь ты мне должен цветок. И горшок. Горшок с петуниями.

– Но я же, – начал бормотать Юлиан, однако вовремя успел понять, что к чему и вовремя заткнулся.

– Так, всё. Марш в цветочный магазин за петуниями, видеть тебя здесь не хочу. Джо, сделай мне чай!

– Но у меня нет денег, – с полной обреченностью сказал Юлиан.

– Какой же ты идиот.

Она спустилась в гостиницу и залезла в первый попавшийся шкаф, откуда уже через минуту вытащила несколько двадцатифунтовых банкнот.

– Держи. Это твоя зарплата, которую ты потратишь на цветы. Понял?

– Понял.

– Тогда марш.

Эта фраза придала Юлиану стимула поскорее уйти отсю-

да. По крайней мере, он рассчитывал ещё как можно дольше не видеть Ривальду. По крайней мере, в таком предельно нервном состоянии.

Он не спросил ни о ближайшем цветочном магазине, ни тем более как до него добраться, а оделся буквально за пять минут и убежал из дома.

На улице ему посоветовали магазин "Прелесть Анны" четырьмя кварталами ниже. Ему упорно и подробно описывали правильную дорогу туда, но по своему обыкновению добрую половину услышанного Юлиан пропускал мимо ушей.

Поняв только, что отличным ориентиром будет собачий приют, он бегом отправился вниз по улице. И нашёл "Прелесть Анны" через добрые полчаса. Это магазинчик напоминал частичку лета среди города, который уже почти поработила осень. И справа и слева весь фасад был украшен многочисленными разноцветными цветами, многие из которых Юлиану и вовсе приходилось видеть впервые.

Похоже, что очередь была синонимом этого магазина, поэтому, прежде чем добраться до кассы, пришлось несколько минут постоять. Но и тогда он не смог купить цветов.

Однако, оказавшись первым в очереди, его взгляд упал на человека, который однозначно отличался от десятков, снующих туда-сюда.

– Пенелопа! – радостно закричал Юлиан, увидев девушку, открывшую дверь.

Та сначала не поняла происходящего, так как увлеклась

изучением ассортимента, однако, всё осознав, на её лице появилась широкая улыбка.

– Ого. Привет!

– Не хочешь поменяться со мной? – любезно предложил Юлиан.

– Чего?

– Местами в очереди! – он принялся показывать пальцами то, что хотел. – Поменяться со мной.

– Не стоит.

– Нет-нет. Теперь я настаиваю.

Пенелопа сухо кивнула и в обход всей очереди отправилась на кассу.

– А всё же полон город настоящих джентльменов! – восхвалила Юлиана пожилая женщина, находящаяся в конце очереди.

– И никто не пропускает нас, – парировала её не менее пожилая подружка.

Пенелопа купила букет красивых фиолетовых цветов, после чего ещё минут дождалась вставшего в самый конец очереди Юлиана, покуда он не купил злополучный горшок с петуниями.

Он явно не ожидал этого, когда по истечении срока всё же встретил её в дверях. Фиолетовый букет добавлял изюминку её образу.

– Ну и долго же ты, – пожаловалась она. – Я уже собиралась уйти.

– Пришлось пропускать каждую красивую девушку, вот и задержался, – улыбнулся Юлиан. – Тебе помочь?

– Говорит мне человек, который вот-вот рухнет под напором цветов. Хорошо. Можешь проводить меня.

– Проводить? Ого, – удивился Юлиан. – Отлично. Мне как раз нечем заняться.

Пенелопа поправила волосы и крепче сжала в руках букет фиолетовых цветов.

– Не знал, что ты любитель цветов, – сказала она, когда они вышли на центральную улицу.

– Тайная детская страсть. А ты кому собираешься цветы подарить? Это же... Кстати, что это за цветы?

– Аметистовы слёзы. Редкие цветы, растут в Восточной Европе, поэтому их нелегко достать, – она на секунду задумалась. – Мне совсем некому дарить цветов. Но родители любят, когда в гостинной стоят свежие аметисты.

– Свежие, это значит, что...

– Значит, что я бываю здесь каждый день. Только не так рано, как сегодня, а после учёбы.

– Ты заканчиваешь школу? – поинтересовался Юлиан.

– Нет. Школу я закончила весной. Теперь учусь в Академии принца Болеслава.

– Ого. Академия. Нравится тебе там?

– Я же говорила тебе, что никого не интересуется, что мне нравится, а что нет. Такое ощущение, что за меня туда поступили родители, только вот учусь там я. Ещё и требуют

быть отличницей.

– То есть не нравится? – сделал предположение Юлиан.

– Нравится. Не нравится то, что никто не учитывал моего мнения, когда устраивал сюда.

Родственная душа? Неужто нашёлся человек в этом городе, с которым можно вот так вот душевно и открыто пообщаться?

– Меня дед всё лето пытался заставить поступить в Академию. Кажется как раз в твою.

– И как ты избежал этого? – с улыбкой спросила Пенелопа, очевидно приняв речи юноши за очередную шутку.

– А вот я решил исполнить мечту и стать официантом! И цветами ещё увлекаться.

– Наверняка, это веселее академии. И вообще веселее моей жизни.

– Что-то нет так? – спросил Юлиан.

– А чего тут может быть так? Занятия в академии, цветочный магазин, уроки игры на скрипке, дом. Замкнутый круг. Никаких... Приключений что ли.

– Ну ты и загнула, – усмехнулся Юлиан, вспоминая весь свой бешеный сентябрь. – А друзья как же? В таком большом городе должно быть много друзей.

– У меня есть друзья, – сухо кивнула Пенелопа. – Но как-то и возможности погулять с ними почти нет. Всё моё общение с друзьями ограничивается академией. Почему никто не залезет в окно моей спальни и не заберёт в какой-нибудь

Местоболь?

– Я... Я не знаю, – сказал Юлиан, потому что он действительно не знал, что на это ответить. – Я вот однажды просто убежал от деда и уехал на первом попавшемся автобусе.

– Ха. В Местоболь наверное?

– Почему в Местоболь? Сюда, в Свайзлаутерн. Я расскажу тебе всё, что со мной тут случилось, если вдруг ещё раз встретимся в "Прелестях Анны".

– Хорошо, – сказала Пенелопа. – Наверное, тогда ещё успеешь и мир спасти? От дракона, например?

– Нет. От дракона я себя-то спасти не мог. Знаешь, ведь у нас есть дракон.

– Покатаешь на нём?

– Как только он перестанет меня обжигать.

Наверняка, это очень рассмешило Пенелопу, потому что грусть её словно рукой убрало. Что ж, если Юлиану удалось кого-то развеселить, то может и не такой он идиот, каким расписывала его миссис Скуэйн. По крайней мере, в этот раз идиотом себя Юлиан не ощущал.

– Мы почти пришли. Ой, что это там? – с пугающим взглядом Пенелопа показала куда-то пальцем.

Прямо за домами валил клубами дым, и, вероятнее всего, совсем недавно он был ещё гуще. Где-то разгорелся пожар.

– Быстрее туда! – воскликнула Пенелопа.

– Но цветы же... Хотя какие к чёрту цветы! – воскликнул Юлиан.

Ему очень хотелось схватить Пенелопу за руку и бегом вести её в сторону пожара, только вот его руки были заняты злосчастными петуниями и портили все его планы.

А горел это чей-то жилой дом. Вернее, уже догорал, потому что на дом это было похоже мало. Нельзя было даже сходу сказать, двухэтажным он раньше был или трёхэтажным. Немного поломав голову, Юлиан понял, что этажей было всего два.

Дом уже окружили служба пожарной помощи и несколько полицейских машин.

– Что здесь произошло? – начал спрашивать Юлиан у зевак, которые буквально блокадой оцепили это место и не давали даже приблизиться к пожарищу.

– А то не видно! – ответил ему какой-то мужчина. – Пожар!

– Так, куда вы лезете! – начал ворчать какой-то полицейский, разгоняя толпу. – Не в цирке находитесь. Не мешайте полиции, прошу вас!

Большая часть толпы и впрямь решила рассеяться, но только вот Юлиан и Пенелопа не были частью этой самой толпы.

– Так, детям здесь тем более не место! – теперь полиция накинулась уже на Юлиана.

– Какие мы дети? Мне почти восемнадцать! – буквально воинствующим голосом провозгласил Юлиан.

– А мне уже восемнадцать, – поддержала его Пенелопа.

– Я сказал – вам тут не место!

– Пропусти! – неожиданно окликнула полицейского Ривальда.

Да, и она была здесь. Как же без неё? Как она может оставить Юлиана хоть на пару часов? Даже за мирной прогулкой она словно присматривает за ним. По крайней мере, впечатление складывалось именно такое.

Такого гордого выражения лица как сейчас, у Юлиана доселе ещё не было. И в особенности его радовало то, что случилось это в присутствии Пенелопы. Что же она подумает теперь?

– Что случилось? – спросила Ривальда у дежурных. – Зачем вы подключили к этому делу Департамент? Это же рядовой пожар.

Только что Юлиан заметил, что компанию ей составлял Стюарт Тёрнер.

– Не рядовой, – ответил ей полицейский. – Это поджог.

– С чего вы взяли? – спросил Тёрнер.

– Сейчас устанавливают причины возгорания, но, по-моему, всё очевидно...

– Конечно, – перебила его Скуэйн. – Это Бессмертный Огонь. Таким дом сам собой не загорится. Тем более в нескольких местах сразу.

– Вы правы, – подтвердил полицейский. – Но как вы узнали? Может быть, вы ещё скажете, кто вообще мог достать в этом городе бессмертный огонь?

– Так, подождите. Где Сорвенгер? – спросила она. – Без него мне сложновато всё объяснить.

– Будет с минуты на минуту, миссис Скуэйн.

Но появился он гораздо раньше.

– Что здесь случилось? – незамедлительно спросил он.

– Элементарный поджог методом Бессмертного огня, – кратко описала всё Ривальда.

– Очень интересно, – кивнул Сорвенгер.

– Не просто поджог, – подскочил другой полицейский. – Убийство.

– Так есть жертвы? – спросила Ривальда.

– Да. Отправьтесь за мной.

Естественно, Юлиан и Пенелопа не упустили возможности отправиться туда же. Пожар уже был полностью ликвидирован, а на земле находилось обгоревшее человеческое тело. Если, конечно, это можно было назвать человеческим телом, а не его остатками.

Пенелопа ужаснулась и отвернулась. Юлиан же стойко смотрел.

– Элвиг Золецкий, – начал отчёт полицейский.

– Золецкий? – удивился Сорвенгер. – Бывший преступник?

– Да. Освободился из тюрьмы около семи лет назад, всё это время вёл мирную жизнь и проживал в этом доме.

– Призраки прошлого, стало быть, достали, – с грустным тоном произнёс Тёрнер, хотя вряд ли ему было жаль погиб-

шего.

– Мы установили, что он был убит ещё до возгорания, – продолжил отчёт полицейский. – К тому же заранее были выколоты его глаза.

– Глаза? – удивился Юлиан. – Это ещё зачем?

На это ему ответила Ривальда:

– В зрачках убитого отражается то, что он увидел последний раз. Это-то ты знаешь?

– Понял. Убийца не хотел, чтобы его увидели, – пробормотал Юлиан, после чего нити разговора снова перешли в уста умных мира сего.

– Отчёт закончен? – спросил Сорвенгер.

– Да.

– Тогда оставьте нас.

Полицейские отправились обратно хлопотать на месте преступления, оставив Ривальду, Тёрнера, Сорвенгера и почему-то Юлиана и Пенелопу наедине.

– Что скажешь по этому поводу? – спросил Сорвенгер у Ривальды.

– Золецкий бывший преступник... За что его судили? – переспросила та.

– Банда "Охотничьих Псов". Не помнишь таких? Было время, когда наводили ужас на всю округу. Золецкий был одним из немногих, кто дожил до суда. Большую часть убили охотники за головами. Я вообще думаю, что он последний охотничий пёс.

– Был последний, – кивнула Ривальда, ещё раз взглянув на труп. – Якоб, у меня появился первоначальный план действий. Можешь отследить взаимосвязь между Агнусом Иллицием и Элвигом Золецким?

– Конечно, это возможно, – пробормотал Сорвенгер. – Но, Боже мой, Ривальда. Какой Агнус Иллиций? Он тебе ещё мерещиться не начал? Почему ты во всём ищешь взаимосвязь?

– Это не могло быть спроста, – повышенным голосом ответила Ривальда. – Позапрошлой ночью он сбежал, а теперь из ряда вон выходящее убийство. Либо охотничьи псы враждовали с Молтембером, либо были в сговоре.

– Я сделаю всё, что смогу, Ривальда. Но я уверен, что только зря потрачу наше время. Мой тебе совет – передайте это дело полиции.

– Я когда-нибудь подводила вас? – ставшим уже грозным тоном спросила Ривальда.

– Нет, конечно. Но этот побег Иллиция вывел тебя из себя. Отдохни лучше, а я проверю взаимосвязь Золецкого и Иллиция.

Ривальда кивнула, однако взгляд на Сорвенгера всё равно выражал недоверие. Как и взгляд на Тёрнера. Как и на Юлиана. И даже на Пенелопу.

– Юлиан! – неожиданно переключилась Скуэйн. – А ты как оказался здесь?

– Да мимо проходил здесь. Стало интересно, что случилось.

– Может быть, ты поджег дом?

Юлиан остался в растерянности и понятия не имел, что ответить. Благо, времени на раздумья Ривальда ему не дала.

– Это мог сделать ты, герр Мерлин, – сказала она. – А могли и вы, мистер Тёрнер. И вы, миссис Лютнер. Кстати, что ты здесь делаешь, Пенелопа?

– Она со мной, – ответил за неё Юлиан.

– Тоже мимо проходила, – вторила она.

– Никаких Лютнеров на месте преступления, – отрезала Ривальда. – Они только всё портят. Юлиан, у тебя есть какие-нибудь комментарии?

– Зачем сначала убивать жертву, а потом сжигать её дом? – спросил Юлиан, поочерёдно смотря на Ривальду, Тёрнера и Сорвенгера, чем заставил их на пару секунд задуматься.

– Наверняка, чтобы скрыть другое преступление, – ответила Ривальда. – Которое, судя по всему, скрыть как раз удалось.

– Может быть, убийца не хотел, чтобы все узнали, что он что-то украл? – предположил Юлиан.

– Хороший ход мыслей, – похвалила его Ривальда. – Если не выяснишь ничего касаемо Иллиция, Якоб, то мы передадим это дело вам. Пока выясните, в каких магазинах могут нелегально продавать Бессмертный огонь, или кто в подпольных условиях изготавливает его. Опросите всех, хорошо?

– Хорошо, – ответил Сорвенгер. – Это я уже одобряю. Так, миссис Лютнер, домой!

– В этом случае я с ней! – заступился Юлиан.

– Не стоит. Я итак уже опаздываю.

– Провожу, – кинулся за ней Юлиан, сделав нелёгкий выбор между преступлением и девушкой, которая вдруг неожиданно понравилась.

Всё-таки, самое важное он уже узнал, а детали ему должна рассказать Скуэйн. Если, конечно, не будет в таком же настроении, как утром.

7. Отшельник

"Знаете, что заставило меня на какое-то время полюбить цветы? Прежде всего, их запах, прелесть которого я совсем не замечал раньше. Но, надеюсь, что мою тонкую иронию вы поняли. Ведь ещё долгое время цветы у меня ассоциировались с Пенелопой Лютнер, а сама Пенелопа Лютнер была светлым лучом света в этом тёмном царстве."

Юлиан Мерлин, октябрь 2010

Да, разошёлся Юлиан с Пенелопой тогда достаточно тривиально. Но ему хватило и элементарного "до встречи", особенно учитывая то, что сказано это было в совокупности с милейшей улыбкой.

К сожалению, она не сказала ему, когда у неё заканчиваются занятия в академии на следующий день? и во сколько она нагрянет в цветочный магазин. Была мысль пойти туда в обед и ждать, пока она не появится, но в конечном итоге в Юлиане заиграла какая-то ложная гордость и он никуда не пошёл.

За следующие пару дней он переписал ещё два письма от таинственного господине Р. не менее таинственной госпоже М., но, как и обычно, забыл про них, едва только отошёл от их разрушительного воздействия.

На третий день после злополучного пожара в доме Золец-

кого к Скуэйн наведались гости в лице Якоба Сорвенгера, Ровены Спаркс и Грао Дюкса. Юлиан был очень удивлён увидеть сразу троих здесь, причём эти трое мало чем были связаны. Кроме того, что Дюкс и Спаркс были коллегами-присяжными и носили какие-то созвучные фамилии.

– Как и обещал, я сделал всё, что мог, – сказал Сорвенгер, едва переступив порог дома.

– И какие новости для нас? – с нетерпением спросила Ривальда.

– Боюсь, твоя догадка сошла на нет, – удручающе произнёс он и присел. – Никаких следов связи Золецкого и Иллиция мы не нашли. Кроме того, что по их делам работал наш Департамент. Но это само собой разумеющееся.

– Рейды на его поимку были сосланы в достаточном количестве? – поинтересовался Грао Дюкс.

– Более чем. Ни в одном из уходящих той ночью поездов его следов замечено не было.

– Если поджог устроил Иллиций, то покинул он город не той ночью, а максимум три дня назад, – сказала Ривальда. – Быть может, и вовсе вчера.

– По такой логике он может скрываться среди нас и по сей день, – выдвинула предположение Ровена Спаркс.

– Позвольте мне поподробнее рассказать об инциденте с Золецким, – предложил Сорвенгер. – Как я понял из старых отчётов, "Охотничьи Псы" никогда не враждовали с Молтембером. Но в то же время и не были союзниками.

– Это не исключает того, что когда-то у них мог быть союз и взаимная помощь, – ответил Грао Дюкс.

– Не исключает, конечно, – сказал Сорвенгер. – Но нам до этого не докопаться никогда. Нам стоит искать убийцу Золецкого стандартными методами и след мы получили. Мы прошарили окрестности города и нашли парочку любителей изготавливать пиротехнику типа Бессмертного огня. Уточню, что это не Бессмертный огонь в чистом виде, а кое-что похожее. Если угодно, подделка.

– И что они сказали? – спросила Ривальда.

– Ничего путного, – сказал Сорвенгер. – Но покупатели за ночь до поджога у одного из них были. К сожалению, он ничего описать не смог.

– А понастойчивее ты не мог быть?

– Если передадите дело в полицию, то обязательно сделаем всё, что можем.

– Хорошо, – наконец сдалась Ривальда. – Я согласна, чтобы вы забрали дело. Только дай слово, что найдёшь поджигателя. Герр Дюкс, Ровена? Что вы скажете по этому поводу?

– Почему бы нам не созвать собрание присяжных? – предложила Ровена. – В пятницу, например? Там и решим, что с этим делом делать. И обсудим предложения по поимке Иллиция.

– Я согласен, – сказал Дюкс. – В пятницу я как раз довольно рано освобождаюсь с работы.

– Так или иначе, двое присяжных из трёх здесь присут-

ствующих проголосовали за собрание, поэтому пусть будет собрание, – согласилась Ривальда. – С нами как раз тринадцатый, чтобы не получилось шесть на шесть.

– Тринадцатый? – спросила Ровена, вероятно, сразу не поняв, в чём же дело. – Ах да, этот мальчик, – она уставилась на Юлиана, о существовании которого тут снова все забыли. – Я не очень ему доверяю. Но раз за него поручаешься ты, Ривальда... То в чём я могу сомневаться?

Хотелось сказать великодушно "спасибо", но невесть каким образом Юлиан удержался от этой привилегии.

Покидая гостей, беседу с Юлианом решил завести Грао Дюкс. Этим он немного удивил его, так как Юлиан начинал думать, что старый присяжный его тоже забыл.

– Как дела, мальчик мой? – спросил он, когда они остались наедине в прихожей. Ровена Спаркс и Сорвенгер уехали куда-то на машине второго.

– Отлично.

Юлиан грешным делом подумал, что он всё ещё находится в автобусе и никакой Ривальды Скуэйи и Агнуса Иллиция нет и не существовало. Слишком уж плотно в его разуме Грао Дюкс прижился с сиденьем автобуса, едущего в Свайзлаутерн.

– А я же говорил, что в Свайзлаутерне ты не затеряешься? И вот смотри, кем ты теперь стал. Ни много ни мало – мой коллега!

– Только прежде я едва не оказался в тюрьме, – сказал

Юлиан, уже подумывая о том, чтобы поскорее сбежать от этого надоедливого дедушки.

– Скажешь тоже. Видишь, как оно всё обернулось. Скажи мне только – а Джампаоло про всё это знает?

– Нет, – ответил Юлиан, осознав, что это очень странно. – Он ничего не знает. По-моему он даже не искал меня.

– Тогда, может быть, я напишу ему письмо? Напишу, что у тебя всё хорошо, что ты жив и большой молодец?

– Нет, – с удрученным выражением лица ответил Юлиан. – Пожалуй, не надо. Я сам как-нибудь напишу.

– Как знаешь, Юлиан. Не против, если я покину вас?

– О да, пожалуйста, – проговорил юноша, поняв что это не самое достойное прощание.

Куда делся дед? Почему он не ищет Юлиана? Всё ли хорошо с сеньором Джампаоло Раньери? В одночасье Юлиану захотелось сорваться, поймать тот самый автобус, на котором приехал сюда, и отправиться обратно в усадьбу деда, чтобы проведать его.

А может быть, деду надоел его безмозглый внук, и он решил больше не уделять ему внимания? Не об этом ли Юлиан мечтал?

Не об этом. Он не мечтал находиться в компании мало-знакомых ему взрослых людей, без конца говорящих о каком-то Агнусе Иллиции.

Он мечтал о пикнике в лесу с друзьями. О таком пикнике, за который дедушка запер бы его в подвале по меньшей мере

на неделю. Сеньор Раньери, собственно говоря, даже как-то это делал.

Однако следующее утро заметно приподняло настроение Юлиана. Этому настрою не повредил даже сильный дождь за окном, который обычно нагоняет только тоску и больше ничего.

На том месте, которое можно было назвать подоконником, прямо-таки прыгало небольшое письмецо, так и норовя попасть кому-то в руки. Оно шелестело так громко, что Юлиан не имел абсолютно никакой возможности не заметить его.

Только вчера он вспоминал про деда, а сегодня он уже пишет письма? Грао Дюкс, получается, всё-таки проболтался?

Однако, взяв в руки письмо, он увидел на нём нечто другое:

Получатель: Ю.Раньери

Адрес: Свайзлаутерн, Златокудрого Орла, 19

Отправитель: неизвестно

Увидев фамилию "Раньери" и отсутствие второго инициала, Юлиан сразу сообразил, в чём дело. Про деда забыл он мгновенно.

"Учусь с понедельника по пятницу, до 14-00"

Предельно просто, лаконично и неповторимо. А самое главное, всё понятно. Что может быть лучше? И что может испортить погода?

В 14-00 всё ещё шёл дождь, но Юлиан уже стоял возле

входа в магазинчик "Прелесь Анна" и мок. Он промок до нитки, а про зонт и знать не знал. Зачем он ему нужен вообще? Тут на глазах творится история, и дождь истории абсолютно не помеха.

Пенелопа же появилась только через полчаса. Все эти полчаса Юлиан испытывал сразу два чувства. Первое – это страдание по тому, что дождь превратил его в губку, а второе – это радость от очень приятного предвкушения грядущей радости.

– Юлиан, ты дурак? – именно такими были первые слова Пенелопы, когда она увидела Юлиана.

Она была одета в симпатичное серое пальто до колен, а над головой красовался огромный зонт.

– Я люблю дождь, – решил соврать Юлиан.

– Быстрее пошли в магазин. Чего ты сразу не догадался так сделать?

– Боялся упустить тебя, – сказал юноша, вытирая воду с лица.

– Завтра же купим тебе пальто. Деньги есть?

– Да, – похвастался Юлиан. – Только вчера миссис Скуэйн дала мне зарплату.

Если поход в магазин одежды позволит Юлиану провести побольше времени с Пенелопой, он готов будет надеть даже пальто. То, чего так и не смог сделать дед за столько лет, Пенелопа сделала за секунду. Уникальная женщина.

Пенелопа любезно пустила Юлиана под свой зонт, когда

он провожал её домой.

– Значит, ты у миссис Скуэйн работаешь не только официантом? – спросила она, когда они вышли из магазина и отправились на центральную улицу.

– Что ты имеешь в виду?

– Помогаешь ей расследовать преступления. Может ты и не так прост, Юлиан, как я думала?

– О нет, – поскромничал юноша. – Я очень прост. Даже слишком. Я полнейший прохвост и понятия не имею, что она во мне нашла.

– Так вы его нашли?

– Кого? Иллиция?

– Какого Иллиция? Я имела в виду, нашли ли вы того, кто сжёг дом и этого бедолагу?

– Нет, – сказал Юлиан. – Конечно, мы очень старались, но он ускользнул. Но обязательно найдём. Ты можешь спать спокойно, никто тебя не достанет.

– Ну да. У сторевшего парня же не было такого друга, как ты.

Фактически сейчас она назвала Юлиана другом. Наверное, это хорошо.

Вообще эта прогулка под дождём закончилась очень и очень быстро. Юлиан столько собирался сказать, как правило бессмысленной ереси, но не успел абсолютно ничего.

– Здесь я живу, – сказала Пенелопа, указав в сторону небольшого уютного двухэтажного дома.

Первым делом Юлиан посмотрел на первый попавшийся знак и увидел название улицы. А потом и разглядел номер дома. Сверчковая улица, 4. Отлично. Теперь и он сможет слать Пенелопе письма.

– Красивый дом, – сказал Юлиан. – Мне больше нравится, чем дом миссис Скуэйн.

– Здесь теснее. А я, знаешь ли, свободу люблю.

После этого они ещё пару минут стояли и смотрели друг на друга. Из-за зонта они находились очень и очень близко друг к другу, и Юлиан очень переживал, как бы не накинуться на неё с поцелуями. Он знал, что если поцелуй окажется преждевременным, то испортит всё.

Не дождавшись никаких действий от Юлиана, Пенелопа решила попрощаться:

– Ну что ж, до завтра?

– До завтра, – улыбнулся Юлиан.

– Не забудь про пальто!

Конечно, Юлиан ничего не забудет. Он сбежит от Ривальды, если та попытается его задержать. Когда речь заходит о таких важных вещах, не стоит бояться даже такого странного и переменчивого человека, как миссис Скуэйн.

Благо, на следующий день никакого дождя не было. Снова приветливо выглянуло солнышко, как будто предупреждая, что стоит насладиться им напоследок, ибо совсем скоро оно станет очень и очень нечастым гостем.

На пальто Юлиан потратил все деньги, которые недавно

ему выделила Ривальда. Более того, двадцати фунтов ему и вовсе не хватило, поэтому их любезно доплатила Пенелопа. Юлиан зарёкся вернуть ей их прямо завтра, ибо "забыл дома", но её, похоже, финансовая сторона не волновала никак. Ещё один несомненный плюс в её сторону.

Следующим вечером Ривальда Скуэйи напомнила Юлиану, что с утра состоится собрание присяжных, о котором говорила Ровена Спаркс, когда была у них в гостях.

Юлиан очень надеялся на то, что собрание не будет слишком долгим, и он успеет в цветочную лавку для того, чтобы проводить Пенелопу домой. Стоило предупредить её о том, что он может не прийти сегодня. Но что сделано, то сделано (а вернее не сделано). Придётся найти способ объясниться перед ней в другой день. Должна понять.

Утром Юлиану снова не пришлось готовить завтрак, потому что по каким-то причинам он уже был готов. Поедая глазунью с беконом, приготовленную на этот раз не им, Юлиан заметил волнение Ривальды.

– Ровена опаздывает, – сказала она, едва начав свой завтрак.

– Ровена? – спросил Юлиан. – Вы имеете в виду миссис Спаркс?

– Да, именно её. Ничто меня не пугает так, как катастрофическая непунктуальность людей. Если человек обещал заехать в 7-30, но уже десять минут как он опоздал, как это

можно назвать?

– Мало ли что могло случиться, – сказав Юлиан, покончив с завтраком. На всё про всё у него ушло не более чем десять минут.

– Сопровождающие факторы меня не интересуют совсем. Ты согласен со мной, Джо?

Джо сухо кивнул, хотя вряд ли он слушал то, что говорила Скуэйн.

– Я считаю это за неуважение, – продолжила она. – Я не могу доверять даже самым близким людям из-за их непунктуальности, лжи и неопрятности. Вот скажи мне, Юлиан, зачем ты каждый день ходишь в цветочный магазин "Прелесть Анны"?

Юлиан уже давно догадывался, что для Ривальды это не тайна, поэтому ничему не удивился.

– Мне нравится запах цветов. И прогулки.

– Под дождём и без зонта?

– Нет. Просто так вышло...

– Ты лжёшь. Это я и имела в виду. Все лживы, неопрятны и непунктуальны. Я не против твоей дружбы с Пенелопой Лютнер, но при условии того, что ты ничего не будешь от меня скрывать.

– Я скрывал, потому что не хотел, чтобы её родители узнали. Всё-таки они большие люди, а я прислужка...

– Я тебя умоляю. Нашёл кого называть большими людьми. Знаешь, зачем Моритц и Флеерта приходили ко мне? Они

просили денег взаймы, потому что их фамильная аптека, так называемый источник дохода, терпит убыток за убытком и находится на грани банкротства и закрытия.

– Ого. Я не знал.

– И Пенелопе не положено знать. Они ведь для этого и отправили её к тебе на кухню с пирожным. Чтобы она ничего не слышала.

Итак, одна из вселенских тайн раскрыта. Пенелопа пришла не по своей воле, а её заставили родители. Но со своей задачей, надо сказать, она справилась на "отлично".

– Лютнеры неудачники и так было всегда. Поэтому не стесняйся ничего и никогда. Степень твоего достоинства ограничивается лишь той планкой, которую ты установил сам. Понимаешь, о чём я?

– Больше гордости? – предположил Юлиан.

– Нет. Время 7-48, – сказала Ривальда, взглянув на часы. – А это значит, что степень моего достоинства на сегодня восемнадцать минут. Нравится число "восемнадцать"?

– Да. Мне весной будет как раз восемнадцать.

– Тогда поехали в Департамент. Такси уже ждёт.

– А как же миссис Спаркс?

– Восемнадцать минут, – медленно проговорила Ривальда. – На столько опоздала Спаркс и, столько ехало такси. Занятное совпадение?

– Да.

– А это не совпадение.

Завтрак Ривальда так и не съела, ограничившись только чашкой кофе. Какое расточительство.

Как и полагается в таких случаях, к восьми часам утра Ривальда и Юлиан в Департамент не успели и опоздали на десять минут. На этот раз не на восемнадцать.

– Быстрее, – скомандовала она Юлиану, когда они вылезли из машины. – Из-за тебя опять опоздаем!

Юлиан не стал никак реагировать на эту нелепость, потому что в их общении она уже стала нормой.

Пулей промчавшись по Департаменту и почти ни с кем не поздоровавшись, Юлиан и Ривальда повернули в сторону подвала, где находился тот самый таинственный вход в зал заседания присяжных.

Однако что-то пошло не так.

Вся группа присяжных столпилась возле стены, являющейся входом, и среди них явно затесалось беспокойство.

– Простите, из-за моего ученика мы опоздали, – быстрым темпом выбросила она. – Что случилось? Почему заседание не началось?

– Вход запечатан, – ответил ей Люций Карниган. – Я не знаю, что случилось. Мы ждали тебя и Ровену, чтобы решить, что делать.

– И Ровены ещё нет? А я считала чемпионом по опозданиям саму себя. Пустите меня, вы наверняка что-то делаете не так.

Беспардонно распахнув всех, кто загораживал ей путь к

проходу, она по обыкновению щёлкнула пальцами по стене, но ни к какому результату это не привело. Сияющая дверь не появилась.

– Не может быть, – сказала она, застыв в недоумении.

– Дверь могла быть закрыта только изнутри, – предположил Грао Дюкс. – Кого угораздило запереться там и не пускать нас?

– Надеюсь, это чья-то шутка, – сказала Ривальда.

– Способ остался только один, – возвестил Люций Карниган. – Ворваться в зал присяжных с боем.

– Это как? – спросила Елена Аткинсон, одна из самых неприметных и непонятных присяжных.

– Отправимся наверх и взорвём стену, – ответила всем Ривальда, после чего все, даже Юлиан, уставились на неё недоумевающими взглядами.

– Неужто нет способа туда попасть, не портя имущества Департамента? – спросил Тёрнер.

– Есть, но это наиболее эффектный и эффективный, – парировала Ривальда.

Догадка Юлиана была подтверждена – зал заседания присяжных и впрямь находился на самом верхнем уровне здания Департамента. Это ввело его в глубокое заблуждение, и в голове скрывался лишь один вопрос – "зачем". Зачем делать вход снизу и переноситься наверх?

Впрочем, наверху он лицезрел всё такую же стену, только там не появлялась чудесным образом дверь.

– Прошу вас расступиться, – сказала Ривальда и выставила вперёд левую руку.

Пробормотав что-то невнятное себе под нос, она распрямила пальцы, и из них вырвался огонь, а после раздался и взрыв.

От взрыва никто не пострадал, кроме стены. Но и стена была ранена не фатально – образовавшийся вход был лишь немногим выше человеческого роста. А дыма от взрыва и вовсе не было.

– Позволь мне пройти первым, – сказал Люций Карниган и выставил для Ривальды барьер в виде своей руки. – Неизвестно, кто находится там.

– Но кто-то находится однозначно, – подтвердил из толпы Грао Дюкс.

Люций Карниган глубоко вздохнул и начал свой путь. Но уже через секунду остановился в неистовом оцепенении.

– О, нет, – пробормотал он и замер.

– Что там? – в нетерпении спросила миссис Скуэйн.

– Вреда нам никто не причинит, – ответил Карниган и пропустил в зал остальных.

Юлиан прошёл последним и увидел то, что привело в ужас Люция Карнигана.

На том месте, где в прошлый раз находился как раз Карниган, в гордом одиночестве располагалась Ровена Спаркс.

Только она была мертва.

– Скажите мне, что это шутка, – пробормотала Ривальда

и кинулась к телу своей подруги.

Но это была не шутка.

– Кто? Кто убил её? – восклицал Грао Дюкс.

– Я и следов убийства не вижу, – сказала Ривальда, досконально рассматривая тело Ровены Спаркс. Будто бы она просто села и умерла.

– Такого не бывает, – попытался поспорить Карниган. – О, Боже мой, Ровена, как ты могла... Я отменяю заседание. Надеюсь, такое право у меня есть.

Осознав, что случилось, Елена Аткинсон пустила слёзы, и её мгновенно кинулся утешать не менее обескураженный Грао Дюкс.

– Судя по всему, она от кого-то скрывалась, – сказала Ривальда, осмотрев уже всё, что смогла. – Она пыталась спрятаться в этом зале. Думала, что сюда никто не сможет проникнуть.

– Похоже, ошибалась, – кивнул Карниган.

Только Ривальда Скуэйи и Люций Карниган сохраняли более или менее холодную голову.

– Либо же она была убита раньше, – сказала миссис Скуэйи.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался Карниган.

– Например, яд. Сейчас мне это видится наиболее вероятным исходом. Наверняка, убийца преследовал её, и она спряталась здесь. Но он мог отравить её и раньше. Сюда же она пришла умереть.

Юлиан присел на первый попавшийся стул.

– Ривальда, может быть не сейчас? – сказала заплаканная Елена Аткинсон. – Погиб близкий нам человек, а ты уже пытаешься найти причины смерти.

– Я могла бы плакать вместе с тобой, Елена, но Ровену твои слёзы не спасут. Когда, если не сейчас мне строить свои догадки? Покуда труп ещё тёплый, улик можно найти больше всего.

Елена предпочла ничего не отвечать, жадно уткнувшись в плечо Грао Дюкса.

– Заседание официально отменяется! – громко сказал Люций Карниган. – Срочно вызвать полицию и алхимиков, пусть установят причину смерти.

– Алхимиков? – удивился Стюарт Тёрнер.

– Да. Я доверяю Ривальде и тоже считаю, что Ровена была убита ядом. А это удел алхимиков.

Полиция подскочила довольно скоро, привезя с собой несколько алхимиков. Само собой, полицейскими руководил Якоб Сорвенгер, так же сохранивший холодную голову при виде столь жуткого зрелища.

Юлиану показалось, что в этом доме скорби он провёл ещё не менее четырёх часов, прежде чем что-то узнал. Он совсем плохо знал Ровену Спаркс, но, откровенно говоря, на душе скребли кошки. Душевное беспокойство усиливал и плач женской половины присяжных, а так же и скупая мужская слеза, в изрядном количестве стекавшая с глаз Грао

Дюкса.

Надо сказать, что все присяжные в скором времени отправились домой, особенно когда показалась полиция. Наверняка, не хотели светиться в своём полном составе перед простыми полицейскими и алхимиками.

К концу остались только Ривальда Скуэйн, Юлиан, Люций Карниган и неизменно их сопровождавший Якоб Сорвенгер.

– К вашим услугам Граци Сердо, – сказал один из алхимиков, старик, одетый в неуклюжий синий костюм.

– Что показали ваши исследования? – привстав, спросила Ривальда.

Однако в её голосе читались нотки недоверия к типу людей под названием "алхимики".

– Спешу вас расстроить, госпожа, – сказал Граци. – Но мы не нашли никаких следов яда.

– Как это возможно? – удивился Сорвенгер. – Не найдено абсолютно никаких следов смерти?

– Абсолютно! Она умерла сама по себе. Не болезнь, не травма, не яд. Смерть.

– Будто бы Смерть в аллегорическом обличи пришла за ней, – сказала Ривальда. – Которой захотелось забрать её ни с того ни с сего. Прости, Якоб, но полиция это дело не получит. Разбирайтесь лучше с делом поджога Золецкого.

Поняв, что сопротивляться нет никакого смысла, Сорвенгер лишь сухо и смиренно кивнул.

– И кому только она могла насолить? – подавленно спро-

сил у пустоты Люций Карниган. – Уважаемый человек, святая женщина, любимая едва ли не всем городом...

– Нам будет не хватать её, – сказала Ривальда. – Но лучшей данью чести ей будет найти убийцу.

Сорвенгер опять кивнул.

– Нам пора расходиться, – сказал он. – Ривальда, я провожу тебя.

– Не стоит сегодня, – сухо парировала она. – Сегодня моё общество разделит Юлиан. Понятнее говоря – хочу побыть одна и всё как следует обдумать.

– То есть, у тебя появились какие-то мысли на этот счёт? – спросил Карниган.

– Много, – ответила она. – И одна хуже другой. Мы осудили слишком много человек, месть для нас нормальна.

– Последнее дело – мстить защитнику города.

– Но она не была защитником преступности. Поэтому мы должны рассмотреть всё.

Этот день по сути был закончен, несмотря на то, что только недавно перевалило за полдень. Ни о какой встрече с Пенелопой он сегодня даже не помышлял – сегодня явно не тот день.

Похороны Ровены Спаркс, как и полагается в приличном обществе, состоялись на третий день после её смерти. По этому поводу в Департаменте был объявлен траур, который освободил весь совет присяжных, включая Ривальду и Юли-

ана от работы.

Однако этот день Юлиан проводил не в доме у Ривальды Скуэйн, как он это делал вчера, а на кладбище. Он не сказал бы, что мечтал оказаться здесь, но спорить с миссис Скуэйн он не стал, так как не хотел выглядеть бессердечной сволочью в её глазах. Коим он, право говоря, никогда и не был. Пусть и дед периодически пытался внушить ему это.

– С грустью мир наблюдает за тем, как его покинул очередной достойнейший человек. Ровена Спаркс была не просто хорошей женщиной, она была выдающимся человеком и делала всё, что было в её силах для процветания и благополучия города. За честь города и правосудие она и отдала свою жизнь. И пусть на земле она более не может составить нам компанию, она всегда будет жить в наших сердцах. Город лишился одного из своих защитников. Мы всегда будем помнить миссис Ровену Спаркс как истинный образец для подражания.

Похоже, что Люций Карниган, только что выступивший с этой речью, был неизмеримо доволен собой и тем, как выглядел в глазах других. Несмотря на искрившее самолюбие, слезу он всё же пустил и она, похоже, была истинной и неподдельной.

Юлиан предпочёл остаться в сторонке, не мешая важным людям из этого города провожать Ровену в последний путь.

Именно тогда он и заметил стоящую тоже в сторонке Пенелопу Лютнер. Она была не в компании родителей, как ожи-

дал бы увидеть Юлиан. Она была в компании нескольких своих ровесниц, скорее всего – одноклассниц из Академии.

– Привет, Пенелопа, – тихо произнёс Юлиан, стараясь, чтобы никто не слышал его. – Я не знал, что ты была знакома с миссис Спаркс.

– Да, Юлиан. Это было бы глупо, – довольно расстроенным тоном ответила девушка. – Она была ректором нашей Академии.

– Ректором? Я и понятия не имел. Думал, что она работает на Департамент.

– Одно другому не мешает, – сказала Пенелопа. Юлиана не покидало ощущение, что она хочет поскорее прекратить этот разговор и вообще уйти подальше от юноши.

– Хорошо. Я тут собирался спросить... Сегодня ты не будешь свободна?

– Не сейчас, Юлиан. Прости, но мне не до этого. Может быть, как-нибудь потом...

– Я понял тебя, – с грустью ответил Юлиан.

– Не обижайся, – кинула вдогонку ему Пенелопа, но не обидеться он не мог. В этом был весь характер Юлиана.

Не являясь по сути высокомерным и самолюбивым человеком, он достаточно тяжело переносил такие вот неожиданные отказы или непреднамеренную грубость.

8. Монроук

"Меня сразу начало смущать то, что Ривальда Скуэйн на самом первом заседании так яростно была против казни Агнуса Иллиция. Ведь даже и мне не приходила в голову такая идея. А однажды я проснулся и вовсе узнал, что вместо ушедшей Ровены Спаркс на должность ректора Академии Принца Болеслава была назначена как раз Ривальда Скуэйн! Сопоставив все факты, что я видел, понял я кое-что одно. Эта женщина была явно замешана в чём-то. И явно что-то знала. Теперь же пришла моя очередь узнавать"

Юлиан Мерлин, октябрь 2010

Проснувшись на следующий день в тоскливейшем настроении, Юлиан отправился в библиотеку. Несмотря на этот шаг, больше всего ему сейчас хотелось остаться в этой кровати навсегда. Или, по крайней мере, до тех пор, пока он снова не обнаружит на подоконнике письмо от Пенелопы.

В цветочный магазин Юлиан тоже ни за что сегодня не отправится – уж слишком чувствительным для него был вчерашний отказ.

Раскрыв следующее письмо, Юлиан принялся переписывать его. На этот раз действие хоть сколько-то сдвинулось с мёртвой точки – сообщение уже напоминало не просто дифирамбы безумного влюблённого, а дифирамбы влюблённого и одержимого:

"Госпоже М.

От господина Р.

май 1993 г.

Как бы Вы не пытались избежать моего общества, у вас ничего не получится. Я неизменно буду следовать за Вами, ведь моё сердце – это Вы. Я досконально не знаю, что Вы узнали обо мне. Но смею заверить, что всё это наглая ложь.

Разве Вам не видно, насколько лицемерно и безжалостно общество, в котором мы пребываем? Они грозятся оклеветать каждого, кто хотя бы однажды перешёл им дорогу. А ведь я не из тех, кто пляшет под чью-то дудку и слепо слушается кого-то. Я не намерен терпеть всего этого, но я не замышляю никакого переворота.

Я лишь хотел развенчать те иллюзии, которые преследуют каждого из нас. Я лишь хотел показать Вам, чего стоит человек, если у него есть идея. Своя идея, а не навеянная чьим-то чужим мнением.

В Вас я увидел человека, который способен разделить мои идеи и даже помочь мне. Но, наверняка, Вы меня не так поняли.

Я лишь хочу вам объяснить всё, но только в этом письме. Мне нужна ещё одна встреча, как бы цинично это не звучало. Вам не следует бояться меня – я никому не собираюсь причинять зла. Я искренне верю в то, что несу добро и Вам.

И я уверен, что выслушав меня, Вы поймёте всё, что я пытаюсь донести до Вас. Вы поймёте, что это клевета. Вы

поймёте мои мотивы и простите меня за грубую неосторожность

*Ваш покорный слуга,
господин Р."*

Господин Р. уже порядком поднадоел Юлиану. Ему бы больше хотелось увидеть ответы госпожи М. а ещё больше хотелось не видеть этих писем и вовсе.

А потом пришло время почты, которую в дом приносил тоже Юлиан.

"Экспресс Свайзлаутерна" приходил раз в неделю, и сегодня был как раз такой день. Во всю первую полосу располагалась статья о загадочной смерти Ровены Спаркс, а иначе и быть не могло.

Юлиан обязательно прочитает её, но только не сейчас. Он итак уже знает больше, чем ему нужно, а эта статья может привести его и вовсе в полное смятение. Неизвестно, что напридумывали журналисты и чем приукрасили сей факт.

Так же среди почты Юлиан нашёл журнал "Святой Местоболь", на этот раз ежемесячный, но новости всеобщего масштаба на этот раз его не очень интересовали.

Между журналом и газетой зачесалось неприметное письмецо, которое любопытство Юлиана обойти не смогло. Оно адресовалось Ривальде Скуэйи аж из министерства образования.

– Спасибо, Юлиан, – сказала миссис Скуэйи, когда юноша занёс ей почту в кабинет.

– Не за что, – постарался он быть вежливым.

– А вот это уже интересно, – пробормотала Ривальда, прочитав письмо. – Можешь ли ты поверить Юлиан, что министерство образования назначило меня новым ректором Академии Принца Болеслава?

– Вас? – удивление Юлиана было неподдельным. – Но ведь вы там даже не работали.

– Вообще-то работала. Пыталась преподавать оборонительные искусства, но никому это было не нужно, и пару лет назад я ушла.

– Что вы имеете в виду под оборонительными искусствами?

– Знаешь ли, чёрная магия тоже имеет место в этом мире. И у неё совершенно другой принцип действия в сравнении с остальными. И, как следствие, защита тоже другая. Я пыталась доказать, что надо уметь обороняться в случае чего, но меня мало слушали.

– Я заметил, что вы тоже изучаете тёмную магию.

– Изучаю, – взгляд Ривальды был очень подозрительным. – Ведь чтобы уметь противостоять ей, надо знать её в лицо. Я не просто так пустила тебя в свою библиотеку. Ты тоже должен знать...

– Я не читаю ваши книги.

– А стоило бы. Особенно теперь, когда я совершенно точно введу черную магию в образовательный курс. В убийстве Ровены была замешана чёрная магия, это очевидно. Но из-

за игнорирования её никто не сможет раскрыть это дело.

– Кроме вас.

– Кроме меня, – подтвердила Ривальда. – На самом деле только этого мне сейчас и не хватало. В Департаменте работы выше крыши, а тут ещё Академия. Об этом я могла мечтать раньше, но только не сейчас. Сейчас все мысли поглощены Агнусом Иллицием.

– Прошло уже больше недели, а он не давал о себе знать.

– А что, если он замешан в убийстве Ровены?

– Вы так говорили и о поджоге в доме преступника... Золецкого кажется.

– Говорила. И до сих пор согласна сама с собой. Поэтому и передала это дело лично в руки Якоба, потому что я доверяю ему больше всего. Ох, надеюсь, мне не придётся вести много занятий...

Юлиан поморщился. Учёба всегда вводила его в ступор.

– А разве можно одновременно работать в Департаменте и руководить Академией? – спросил он.

– Ровена же могла. И у неё это неплохо получалось. Кстати, свари мне кофе. А то без него читать газету совсем сложно.

Юлиан коротко кивнул и удалился из кабинета.

А в гостиной его осенило.

Сначала Ривальда Скуэйи была против того, чтобы казнили Агнуса Иллиция, и практически сразу после этого он сбежал. Теперь его сомнения троекратно усилились, ведь

смерть Ровены Спаркс попросту расчистила Ривальде дорогу в ректора Академии.

Такого не может быть, но факты выдают себя. А вдобавок ко всему этому ещё и все эти её штучки. Чёрная магия, драконы, да и вся эта природная загадочность.

Ничего не может быть просто так.

Сварив кофе, Юлиан заперся в своей комнате и принялся размышлять. Он пытался проследить за Ривальдой, но ничего из этого не вышло. Она показалась ему белой и чистой, правозащитником, работающим на справедливый Департамент. Он буквально все дни проводил подле неё и никаких поводов для сомнения она ему не давала.

Его снова осенило. И ключевым словом было "днём". Он видел её только днём, а ночью сладко спал, предаваясь мыслями о прекрасной Пенелопе.

Теперь Юлиан понимал одно – нужно проследить за ней ночью. Ночь – идеальное время для свершения своих дел. Ночью все спят. Ночью никто не подозревает.

Главное – остаться незамеченным. В прошлый раз он довольно легкомысленно выдал себя, потому что действие красного призрака предательски быстро окончилось, тем самым втянув Юлиана во всё это.

Теперь он должен быть более подготовлен. Например – взять с собой несколько лепестков чудесного растения, которое делало его невидимым.

Когда перевалило за полночь, Юлиан спустился вниз и

уселся за стол в гостиной. Вокруг царила крошечная тишина, создававшая ощущение того, что в этом доме давно уже все умерли.

Под рукой у него находился лепесток красного призрака, а в кармане было ещё пять таких, на всякий случай. Очевидная перестраховка, но она никогда не бывает лишней.

Спустя час Юлиан наконец-то понял, что оказался здесь не зря. Услышав шаги сверху на лестнице, он мгновенно зачихал лепесток себе в рот, а уже через половину мгновения оттуда спустилась Ривальда Скуэйн с фонарём в руке.

Она уже была одета в пальто и явно не подозревала, что она здесь не совсем одна. Нашёлся человек, который оказался предусмотрительнее её.

Оглянувшись по сторонам, она направилась в сторону выхода. Такси наружу её не ждало, поэтому Ривальда отправилась пешком. Юлиан отправился за ней следом, преисполненный уверенности, что ей никогда не удастся заметить его.

Ривальда не выпускала из рук фонаря, а шли они достаточно долго. Совершенно точно прошло полчаса и Юлиан, наученный ошибками прошлого, уже держал наготове следующий лепесток, чтобы в случае чего незамедлительно сожрать его.

Облака рассеялись, и на небе появилась полная луна.

Едва ли не на краю города, в одном из самых пустыющих мест, Ривальда наконец-то остановилась. То же самое сделал и Юлиан.

Тут не горели совершенно никакие огни, кроме бесконечного фонаря Ривальды Скуэйн. Создавалось впечатление, что люди в этом месте давно уже покинули свои дома, переехав в более комфортные центральные, оставив эти полуразваленные в полное распоряжение призраков.

Ривальда Скуэйн поставила фонарь на землю и начала бормотать под нос неизвестные заклинания. Невнятно и тихо сказанные заклинания вообще начали становиться визитной карточкой Ривальды Скуэйн, по крайней мере, так казалось Юлиану.

Неожиданно прямо из пустующих домов к Ривальде начали стекаться огромные волки с ярко горящими красными глазами.

Они не очень напоминали обычных волков, скорее, именно такими Юлиан представлял волчьи обличья оборотней.

Ривальда, испуганно замолчав, неспешно ожидала того, что случится дальше. Она пристально смотрела в глаза самого большого волка, а тот так же вглядывался в неё. Такое обычно заканчивается эпичным сражением, но Ривальда пришла сюда явно не драться.

– Вервольф, – пробормотала она, наконец нарушив неловкое молчание.

– Госпожа, – ответил ей волк, явно получая мало удовольствия от того, что назвал её таким титулом.

– Вам удалось что-нибудь узнать?

– Нет. Но мы чувствуем колебания в силе. Какая-то

огромная сила норовит вырваться наружу и вот-вот это делает.

– Какая же? – спросила Ривальда, явно уже предугадывая ответ.

– Мы не можем сказать, потому что не знаем ответа. Мы можем лишь чувствовать. Но нам никогда не удавалось ощущать то, что мы ощущаем в этот раз.

– Молтембер? – осторожно спросила Ривальда.

– Мы не знаем истории прошлого. Мы всегда жили своей жизнью и не лезли в чужую.

– Но о Молтембере и его войне вы слышали.

– Слышали. И держались от неё в стороне. Это не наша война. Отпустите нас, госпожа.

– Я не могу, – сказала Ривальда.

– Тогда чем мы можем послужить вам в этот раз?

У Юлиана душа едва не ушла в пятки, потому что раньше ему вервольфов видеть не доводилось. На всякий случай он проглотил уготовленный лепесток красного призрака в надежде на то, что это обманет обострённое обоняние волков.

– Мне нужен круг, – ответила вервольфу Ривальда. – Если Молтембер жив, я постараюсь вызвать его.

– Молтембер? Я думал, что вы начнёте с чего-то более простого. Например – Агнуса Иллиция.

– Пешки меня не интересуют. Нужно бить в самое сердце. Вы поможете мне?

– У нас нет другого выхода.

– Тогда мы должны приступить.

Главный вервольф дал какую-то команду своим младшим братьям, и они образовали круг вокруг фонаря Ривальды.

Начался таинственный ритуал, главной частью которого был волчий вой, смешанный с непривычными громкими заклинаниями в исполнении Ривальды Скуэйн.

Фонарь довольно быстро взорвался, и на его месте разгорелось адское пламя. Возможно, смертельный огонь.

– Молтембер, приди!

Поняв, что Молтембера видеть он хочет меньше всего, Юлиан кинул вперёд левую руку, мысленно произнеся первое пришедшее в голову заклинание.

Из его руки вышла волна энергии, отбросившая несколько вервольфов назад, но не тронувшая Ривальду.

– Юлиан? – завопила она.

– Что вы здесь делаете? – истошно закричал Юлиан, но его крик прервал возглас главного вервольфа:

– Мы так не договаривались, Ривальда! Тут больше никого не должно было быть. Кроме тебя.

– Я не знала о нём.

– Я никому не верю. Ты раскрыла нашу тайну этому юнцу и теперь поплатишься за это!

– Нет! – закричала Скуэйн. – Юлиан, беги.

Юлиану не очень хотелось, чтобы красноглазые волки растерзали Ривальду, но другого выхода у него не было. Он не помнил дороги обратно, поэтому ринулся куда попало.

К его удивлению, после использования магии действие красного призрака прошло и теперь волки отлично видели его и слышали.

Двое из них кинулись за ним. Вернее говоря, ему казалось, что двое, и он очень надеялся, что их всего столько, потому что времени оглядываться у него не было.

В голову не приходило ни одного заклинания, которое могло бы защитить его, поэтому рассчитывать стоило только на его быстрые ноги.

Каждую секунду он ощущал ужасное дыхание вервольфа на своём хвосте, но всякий раз надеялся, что это был лишь плод его разыгравшегося воображения.

Однако его ноги оказались не всемогущими, и в один момент он обнаружил, что его схватили сзади и опрокинули на землю.

– Кто ты такой? – обратился к нему зловещий волчий голос.

– Я никто! – искренне кричал Юлиан. – Я следил не за вами, а за Ривальдой.

Взгляд его очей невольно коснулся глаз вервольфа. Они были ужасными донельзя, но отвести от них свой взор он был не в силах. Будто бы глаза вервольфа были напитаны кровью сотней младенцев, а глубина этих глазах являлась отражением тысячи душ.

– Она назвала тебя Юлианом, – сказал вервольф. – Не просто так. Нехорошее это имя. Напоминаешь мне Уильяма.

Не ты ли это?

– Я ничего не сделал! Отпустите меня!

– Что ты делаешь в этом городе?

– Я здесь случайно оказался. Я скоро покину его.

– Не покинешь. Этот город уже окутал тебя в свои сети, и из них не выбраться. Никому не верь здесь. Сам город норовит тебя обмануть. Здесь у тебя друзей нет.

– Кто хочет меня обмануть?

– Все. Это город лжецов и клятвопреступников.

– А Ривальда? Она тоже обманывает меня? И о каком Уильяме ты мне говорил?

Однако договорить вервольф не успел – он был сражён сзади неизвестным заклинанием. Его тяжёлая волчья туша свалилась прямо на Юлиана, и ему составило немало усилия выбраться из-под неё.

Это была Ривальда.

– Что вы наделали? – в приступе ярости спросил Юлиан.

– О чём ты? – Ривальда была явно уставшая от долгой погони и от изнуряющей борьбы.

– Вы же убили его! Похоже, что убили. Да, точно убили!

– Я спасла тебя, идиот! У меня не было другого выбора.

– А остальные? Вы их безжалостно прикончили.

– Нет, – сказала Ривальда, подойдя к телу волка. – Только этого. Остальные сбежали.

– Но он не хотел убивать меня! Он разговаривал со мной, а вы даже не дали ему договорить.

– Ты проникся симпатией к вервольфу? Знаешь, сколько душ они погубили? В их природе питаться человеческой плотью. И ты, я хочу сказать, очень аппетитный и лакомый кусок.

– Если они такие плохие, зачем тогда вы связались с ними?

На секунду она замолчала, после чего перевела свой тон в до не приличия спокойный и ответила:

– Не притворяйся. Ты и сам всё слышал.

– Они не помощники вам. Но и этот вервольф не выглядел тем, кто хочет съесть меня. Вы ведь посылали их на поиски Агнуса Иллиция?

– Да. Но он не уловим.

– Почему бы не оставить это дело в покое?

– Потому что для меня это дело принципа.

В голове Юлиана перемешалось много идей, но он не верил Ривальде. Она не могла настаивать на пощаде того, кого ненавидела.

– Какого же принципа? – спросил он.

– Это неважно. Если ты так негативно настроен ко всему этому, я могу сделать это делом принципа и для тебя.

– Перед смертью он сказал мне о том, что я напоминаю ему Уильяма. Какого Уильяма? В голову приходит только ваш легендарный Монроук.

– Мало ли что он мог сказать...

– Нет. Он не сказал бы просто так. Почему он вспомнил

об Уильяме Монроуке? – просьба Юлиана уже стала требованием.

– Хорошо. Я раскрою тебе одну тайну. Которую очень не хотела раскрывать. Уильям Монроук, преданный и убитый Иллицием. Он был твоим отцом.

– Что? Вы в своём уме? Мой отец никогда не был героем. Он бросил меня в младенчестве и возможно, до сих пор жив. И звали его совсем не Уильям, а...

– Вильгельм, – договорила за него Ривальда. – Его звали Вильгельм Мерлин и он много раз просил называть его именно так. Уильям – это же один из вариантов имени Вильгельм!

– Что? – голова Юлиана буквально разрывалась от полученной информации. – Я хочу знать всё.

Рассказ свой Ривальда продолжила уже дома, за столом в гостиной и за стаканом вина. Не обделила она и Юлиана, хотя ему дурман совсем не лез в глотку.

– Вильгельм не бросал тебя. Он с юных лет состоял в Алой Завесе и служил ей верой и правдой.

– Тогда почему? Почему я об этом ничего не знал?

– Это было очень опасно. Никто не должен был знать, что у Вильгельма есть сын. Вильгельм знал очень много и кто-то считал, что информацию он мог передать своему сыну. Или жене.

– Мама. Она ведь тоже мне ничего не говорила.

– И не должна была. Она боялась больше нас, что за её

сыном могут однажды прийти. А ещё она боялась того, что ты разделишь судьбу отца. Ввяжешься в какую-то войну, станешь на ней героем. Но за это геройство отдашь свою жизнь. Никто не хотел такого будущего для тебя.

– Меня обманывали все, – пробормотал Юлиан, опустив голову и уставившись в неподвижно стоящий всё ещё полный стакан с вином. – Почему я не имел права хоть что-то знать?

– Для твоей же безопасности, Юлиан! Для безопасности твоих родных. Почему, по-твоему, его все называют Уильям Монрук?

– Почему же?

Часы с кукушкой пробили ровно три.

– Алая Завеса была секретным обществом. Каждый, вступивший в неё, выбирал для себя новое имя, чтобы никак не быть связанным со старой жизнью. И всё это делалось с целью безопасности – чтобы никто не смог узнать о семье члена ордена и навредить ей. Вильгельм заботился о вас. Он не думал о себе. Ему было плевать, кем ты будешь считать его после смерти. Он был рад уже тому, что дал тебе право жить.

– Но я его сын! Я имел право знать, что мой отец был героем, а не пьяницей и бродягой, коим я его считал. Я ненавидел Вильгельма Мерлина, оставившего нас одних. А теперь я понимаю, что человека, которого я так ненавижу, и нет вовсе.

– Прости.

– Я не могу так скоро простить вас. Я даже матери-то в

глаза боюсь взглянуть. Сколько раз я проклинал отца прямо перед ней? Что она ощущала, слыша это? Слыша клевету в адрес человека, которого любила?

– Она должна была знать, на что идёт. Ты не такой плохой сын, каким считаешь себя. Ты чтить память отца, даже не зная его.

– Это всё лесть. И ложь. Я всё ещё ненавижу человека, бросившего нас. Я ещё не осознал, что этого человека не было никогда. Кажется, на суде вы говорили, что Уильям Монроук погиб в 1996 году?

– Да. И называй его Вильгельм, он так любил.

– Значит, мне было три года тогда, когда он погиб. Всего три, но я мог видеть его. Я мог бы и помнить. Я мог бы быть с ним и сейчас, если бы не ваша Алая Завеса.

– Если бы не война с повстанцами, – поправила Ривальда. – Она погубила не только твоего отца...

– Не хочу ничего слышать, – перебил Юлиан. – Мне вообще нужно побыть одному.

Он опрокинул залпом стакан, несколько минут стоявший перед ним и бросил напоследок:

– И прошу, не беспокойте меня завтра. Я имею право на выходной.

Ривальда ничего не ответила ему на это. Неважно, будет ли она беспокоить Юлиана завтра. Он ничего не будет делать. Он должен всё это переварить.

И сбежать отсюда.

Однако он не лёг спать. Вместо этого он зажѐг свечу, нашѐл клочок бумаги и принялся писать:

"Франциске Мерлин

от сына Юлиана Мерлина

*Здравствуй, мама, это я. Наверняка, сейчас ты ненави-
дишь меня. Но я спешу сообщить, что жив и здоров. Я нахо-
жусь в Свайзлаутерне, именно туда я сбежал от дедушки.*

*В целом у меня всё хорошо. В этом городе я не счастлив,
но обрѐл я больше, чем потерял.*

*Только что я узнал о том, что перевернуло мою жизнь.
Мне сказали, что моим отцом был Уильям Монроук – герой
войны с повстанцами и Молтембером, падший от рук пре-
дателя и изменника Агнуса Иллиция.*

*Ты можешь сказать, что меня обманули, но нет смысла.
Правду я знаю.*

*Хочу, чтобы ты сказала мне, что это так. Возможно,
тогда я быстро прощу тебя. Расскажи, каким был он. Лю-
бил ли тебя, любил ли меня. В каких отношениях был с де-
дом. Кем были его родители. Я очень хочу увидеть бабушку
и своего другого дедушку.*

*Я постараюсь скорее вернуться домой и услышать всё
от тебя сам. Но, возможно, у меня не получится. Поэтому
очень жду ответного письма. Не скрывай от меня ничего.
Пожалуйста.*

Любящий сын,

Юлиан Андрес Мерлин"

Но душа успокоиться всё равно не могла. Завтра он найдёт способ отправить это письмо в Грунндебайтен с голубиной почтой. Но это только завтра, а этой ночью у него едва ли получится сомкнуть глаза.

Возможно, всё это окажется всего лишь сном. Да и Юлиан будет этому только рад. К такой информации он не был готов. Он привык к тому мировоззрению, которое создал для себя сам. Юлиан сомневался, что когда-то примет новую реальность. Поэтому смирился бы с возвращением старой.

Так будет проще. Ибо на сына героя Юлиан не тянул и близко.

9. Вервольф

"Любопытство часто граничит со смелостью. А смелость, в свою очередь, очень близка с безумием. В один момент к такому безумию очень близко оказался и я. Впрочем, вряд ли я когда-то об этом пожалею."

Юлиан Мерлин, октябрь 2010

Прошла неделя с момента похорон миссис Спаркс. Всё это время Юлиан находился в гордом одиночестве, переваривая те новые факты, которые свалились на него.

Но однажды внутренний глас его рассудка тихо пробормотал "Так больше продолжаться не может. Переступи через свою гордость, иначе будет хуже".

И он нашёл в себе силы переступить. Одним утром Юлиан проснулся и мысленно пообещал себе, что этот день будет отличаться от предыдущих.

Словно подыгрывая ему, выглянуло октябрьское солнце, невольно повышающее настроение и побуждающее начать делать что-то новое.

В два часа дня Юлиан, переполненный мандражом и надеждой, стоял возле цветочного магазина "Прелесть Анны". В каждом прошедшем он угадывал Пенелопу, но она появилась ещё не скоро.

А когда Юлиан наконец-то заметил её, то с тоской пронаблюдал за тем, как она демонстративно даже не смотрела в

его сторону.

– Пенелопа! – пришлось окликнуть её.

– Надо же, – равнодушно произнесла она. – Я уже думала, что ты больше никогда здесь не появишься.

– Можно я провожу тебя?

– Так сразу? – Пенелопа изобразила искреннее недоумение. – Ты даже не поинтересовался, а хочу ли я вообще разговаривать с тобой?

– Пенелопа, прости. Я постараюсь всё объяснить.

Юлиан ощущал себя мальчишкой, оправдывающимся после родительского собрания.

– Не надо мне ничего объяснять. Ровно неделю пропадал где-то, а теперь как ни в чём не бывало вдруг объявился. Со мной так нельзя. Понимаешь, нельзя?

– Смерть Ровены Спаркс ударила не только по тебе. Я тоже очень переживал. Мне стыдно, что пришлось тем самым обидеть тебя, но...

– Больше нечего сказать? Ты вообще был знаком с миссис Спаркс?

– Был. Прозвучит глупо, но мы вместе с ней входили в состав совета присяжных.

– Чего? Знаешь ли, шутки были уместны, когда ты мне казался нормальным. Теперь не до этого. Можешь идти шутить в мир своих фантазий. С тобой я говорить не хочу.

Она демонстративно отвернулась, и собиралась уже было идти, но Юлиан не хотел её отпускать:

– Пенелопа! Не убегай от меня. Я не хочу орать на всю улицу, чтобы каждый здесь слышал обо мне. Но я правда как бы работаю на Департамент.

– И к чему всё это? Как это касается твоего исчезновения? Твоего поведения на похоронах миссис Спаркс?

Справедливости ради, на похоронах Пенелопа вела себя ничем не лучше. Но с девушкой порой лучше согласиться даже тогда, когда она не совсем права. Особенно в таких случаях, когда Юлиан пытается извиниться.

– Не касается, – пробормотал он. – Я просто прошу прощения. И мне нужна твоя помощь.

– Какая ещё помощь?

– В этом городе беспокойно. Меня преследует чувство, что меня все обманывают здесь. И доверяю я только тебе. И не хочу лишаться последнего человека, которому доверяю в этом месте.

– А ты был к этому близок.

– Прости за это.

– Не хочу.

– Можешь не прощать сейчас. Я просто хочу, чтобы ты меня выслушала. Простить можешь потом.

– Значит, прощение тебе уже не принципиально важно?

– Да очень важно. Просто есть и другие важные вещи, которые я упустить не могу. Поговоришь со мной?

– А ты упрямый, Юлиан Раньери, – сквозь зубы процедила Пенелопа. – Хорошо. Только если угостишь кофе вон в том

кафе.

Она указала пальцем на небольшую забегаловку в квартале от цветочного магазина.

Юлиан очень надеялся, что он с собой взял хоть какие-то деньги. Но, к счастью, всё обошлось – пара фунтов в кармане завалялась.

В кафе было очень мило, однако шикарным рестораном это место вряд ли можно было назвать.

– Ну так что? – спросила Пенелопа, предварительно заказав латте.

– Я бы хотел побольше узнать о Ривальде Скуэйн.

Себе Юлиан заказал обычный чёрный кофе, потому что он был дешевле.

– Ты спрашиваешь меня? – удивилась Пенелопа. – Это же ты работаешь у неё. И вместе с ней заседаешь в Департаменте. По твоим словам.

– Да, это так. Но она постоянно что-то скрывает от меня. А твоя семья знакома с ней очень долго, и я думал, что вы что-то можете знать про неё.

– Всего два года. Раз в месяц родители таскают меня к ней в гости. Я почти не общаюсь с ней. Теперь она ещё и мой ректор. Может быть, теперь я смогу знать больше.

– Она пугает меня. Она насильно сделала меня своим слугой. Прикидывалась, что не знает деда. И я не знаю, почему именно я. Она допустила меня к совету присяжных Департамента. Понимаешь, меня! Дурака и оболтуса. Но это ещё

не самое страшное.

– Что дурак и оболтус?

– Нет, не это. Ты когда-нибудь слышала о преступнике и изменнике Агнусе Иллиции?

– Нет.

– Значит, информация засекречена. Во время серии террористических атак пятнадцатилетней давности он тайно работал на повстанцев и террористов. И в итоге предал Департамент. Когда-нибудь я расскажу тебе о нём подробнее, но сейчас не это главное. Пару недель назад Иллиций был арестован и предан суду. Суду, на котором случайно оказался и я. В общем, все присяжные выступали за его казнь. Все. Кроме Ривальды Скуэйн.

– И это что-то значит?

– Да! Это многое значит. Потому что уже через пару дней ему удалось сбежать. Понимаешь, Ривальда яростно отстаивала его право на жизнь. Все были против, и в итоге он сбежал. Это подозрительно, но не более того. Но есть ещё кое-что. Через неделю после побега странной смертью умерла Ровена Спаркс. И что ты думаешь? Почти сразу же на её место назначают Ривальду!

– Это всё домыслы, Юлиан. Я уверена, что всё можно объяснить.

– Всё. Но не это. Потому что причина смерти миссис Спаркс не была установлена. Убийца не найден. А Ривальда словно расчистила себе дорогу в Академию. Когда-то она

работала там обычным преподавателем и пыталась ввести в курс обучения тёмную магию. Знаешь ли, она активно практикует её дома. Я был в её библиотеке и там просто уйма книг по чёрному колдовству! А ещё я нашёл тайник у неё дома. Там находится круг оккультизма и скелет. Человеческий скелет. А в нём был заключен демон. Я не знаю какой, но он изрядно меня напугал.

– Хочу пирожное, – перебила его Пенелопа. – Такую информацию не усвоить без пирожного.

Юлиан громко выдохнул. Похоже, что Пенелопа не воспринимает его всерьёз. Незаметно заглянув в карман, Юлиан оценил состояние своих финансов и мысленно понадеялся, что на пирожное хватит. Но только на одно.

Пришлось заказать кремовое пирожное для Пенелопы. Может быть, это очередной шаг к примирению.

– На днях я проследил за ней. Ночью. Она отправилась на край города и там вызвала вервольфов. Я своими глазами видел этих вервольфов. Как я понял, она общается с ними. И они как бы помогают ей найти Агнуса Иллиция. Но всё это на словах. Я же видел, как они помогли ей вызвать самого Молтембера.

– Молтембера? – удивилась Пенелопа. – Про такого слышала. Он очень частый гость на страницах книг по истории. Международный террорист, предводитель повстанцев, сверженец власти.

– Да. И он давно погиб. Но, возможно, что Ривальда зна-

ет что-то, чего не знают остальные. Когда волки увидели меня, они атаковали нас. Я думал, что атакуют. Но в итоге во- жак стаи напал на меня не с целью разорвать. Он пытался мне что-то сказать. Он сказал, что я напоминаю ему Уильяма Монроука. Я принялся расспрашивать дальше, но Ривальда не дала мне дослушать. Она убила вервольфа.

– А кто такой Уильям Монроук?

– Это герой войны, – пояснил Юлиан. – О нём книги по истории молчат, но он был очень важен. Знаешь, что я узнал? Что как раз Уильям Монроук был моим отцом.

– Отцом? Так ты не только Раньери, но ещё и Монроук?

– Нет. Я не Монроук. И не Раньери. Я Мерлин.

– Мерлин? Никогда не слышала, чтобы у кого-то была та-кая странная фамилия.

– Это настоящая фамилия моего отца. А его настоящее имя Вильгельм. Уильям Монроук – это что-то вроде псевдо-нима, чтобы оставаться инкогнито. А сеньор Джампаоло Раньери – мой дед по линии матери, поэтому его фамилию я не унаследовал.

– Очень интересно. Но, я так и не поняла, что ты хочешь сделать дальше?

– Меня смутило то, что Ривальда не дала мне дослушать информацию про моего отца. Значит, вервольфы скрывали кое-что важное. Кое-что такое, что Ривальда не хочет, чтобы я знал. Я же хочу узнать. Я никогда не видел своего отца. Я считал, что он был пьяницей, который бросил меня в

раннем детстве и сдох в какой-нибудь канаве. Пойми меня, мне очень важно узнать о нём хоть что-нибудь. И волки могут помочь.

– Ты хочешь отправиться к волкам?

– Не совсем. Я хочу их вызвать. Я порылся в библиотеке миссис Скуэйи и нашёл пару книг, где сказано, как это сделать. Но для этого нужны люди. Хотя бы трое. Но лучше, если четверо. У меня в этом городе никого нет. И тем более, нет тех, кому могу доверять. Кроме тебя.

– Ты хочешь, чтобы я помогла тебе вызвать вервольфов?

– Да. Мне стыдно просить о таком, но я рискнул. Хочу, чтобы ты меня поняла. Мне важен мой отец. Важна моя семья. И пугает Ривальда Скуэйи. Я хочу разоблачить её.

– Знаешь ли, Юлиан, – сказала Пенелопа, поставив на стол уже пустой стакан. – Я к такому не готова.

– И просто так уйдёшь? Ты же сама говорила, как скучна твоя жизнь. По-моему, вызывать вервольфов очень весело. Запомнишь это на всю жизнь. И окажешь мне неоценимую помощь.

Пенелопа на секунду призадумалась. Сердце её буквально разрывалось, и Юлиан отлично ощущал это.

– Я не могу отказать тебе, – в итоге выпалила она. – Не такая я. Хорошо, я позову своих друзей. И мы постараемся тебе помочь.

– Нет предела моему почтению. Буду должен всю жизнь.

– Завтра в семь вечера. Устроит?

– Где?

– А прямо здесь. Без опозданий. Если не придёшь, я уйду и больше не вернусь.

– Отлично, – улыбнулся Юлиан, наблюдая за уходящей Пенелопой.

Полного перемирия достигнуто ещё не было, но Юлиан знал, что ещё чуть-чуть. Ещё чуть-чуть и всё будет хорошо как никогда.

На следующий день Юлиан пришёл к месту встречи намного раньше, чем договаривались. Во многом, потому что боялся опоздать и что Пенелопа в этом случае сдержит своё слово и исчезнет навсегда. Это было бы совсем некстати.

Она, как и обещала, пришла не одна. Компанию ей составили юноша и ещё одна девушка. Юноша был невысокого роста, ощутимо ниже самого Юлиана. Однако рост не мешал ему выглядеть столь грациозно, что Юлиану он показался по крайней мере работником Департамента. А то и самого Парламента. Строгое длинное пальто с высоким воротником, начищенные до блеска туфли, и гладко зачёсанные назад светло-русые волосы.

Девушка же напротив напоминала выходца из компании мальчишек – белые кроссовки, джинсы и совсем непримечательная зелёная ветровка. На её фоне даже Юлиан выглядел интеллигентным человеком.

– Это Йохан, – представила друзей Пенелопа. – И Хелен.

– Очень приятно, я Юлиан, – представился Мерлин.

– Пенелопа, я правильно тебя понял? – спросил Йохан – Мы будем вызывать вервольфов?

– Да, – ответила вместо Пенелопы Хелен. – Йохан, ты что, боишься их?

Даже голос Хелен напоминал что-то мальчишечье.

– Да нисколько...

– Есть одно место, – пояснила Пенелопа. – Заброшенный завод неподалёку. Там обычно никого нет, поэтому вариант хороший.

– Ещё по старым заводам я не шлялся, – поморщился Йохан.

– Успокойся, – остановила его Хелен.

– Новые туфли жалко.

– А ты знал, куда идёшь. Одейся бы, как я, – сказала ему Хелен.

Йохан недоверчиво посмотрел на одеяние Хелен. Доверия ему эта одежда не внушила.

– Так, Йохан, – перебила всех Пенелопа. – Перестань ныть и пошли за нами. Ты обещал.

– Я и не собирался уходить.

– Отлично.

Заброшенный завод и впрямь был пустующим и зловещим местом. Наверное, тут никаких обрядов проводить не нужно и вервольфы рано или поздно придут сюда сами.

– Итак, я стащил это у миссис Скуэйн, – сказал Юлиан,

вытащив из-за пазухи толстый и ветхий трактат.

– У миссис Скуэйн, – напугался Йохан. – Она же на ректор и убьёт нас за это!

– Она ничего не узнает, – пообещал Юлиан и продолжил. – Для обряда нам потребуется волчья кость, волчий клык и волчий глаз.

Юлиан поочерёдно вытащил всё это из карманов. Глаз был ненастоящим, но здесь главное символизм, а не достоверность.

– А я слышала ещё про клочок волчьей шерсти, – вспомнила Хелен.

– Необязательно, – ответил Юлиан. – Достаточно этого и заклинания из книги. Проблема в том, что его надо читать всем одновременно и ни за что не останавливаться.

– Иначе что? – спросил Йохан.

– Я точно не знаю, но к хорошему это вряд ли приведёт. Мы должны крепко держать друг друга за руки и ни за что не отпускать друг друга. Пока всё не закончим. Вы готовы?

Каждый поочерёдно согласился. Последним был Йохан.

Юлиан аккуратно положил на землю глаз, кость и зуб, образовав треугольник.

– Гори, – тихо произнёс он и все три атрибута мгновенно загорелись ярким огнём.

– Смертельный огонь? – поинтересовался Йохан.

– Молчи, Эриксен, – заткнула его Хелен, которой было очень интересно следить за всем этим.

– Теперь получите это, – Юлиан поочерёдно раздал всем по листочку с написанным на них заклинанием.

Он очень старался писать ровно и надеялся, что все слова более-менее понятны. Йохан, как и полагается, смотрел на всё это недоверчивым и утончённым взглядом, но сбегать всё ещё не помышлял.

– Если мы будем держаться за руки, то как держать заклинание? – спросил он у всех.

– Попробуй левитацию, – предложила Пенелопа и все с ней согласились.

Собравшись с мыслями, вызыватели вервольфов крепко сцепились за руки. Юлиану пришлось держаться за руки с Хелен и Йоханом, что его немного расстроило. Всё-таки он надеялся на Пенелопу.

– Недостойные почитатели ваши, – в унисон послышались голоса четырёх. – Хранители вашей обители и вашего покоя. Смертью не тронутые, горем не павшие, требуем искренней помощи. Не убей, не сожги, не ударь. Приди не с мечом, но с советом. Не под полной луной, ибо силой она наделена немереной. Великий Вервольф, гроза всех животных и рода человеческого. Великий Вожак, обремененный властною силою. Заклинаю – приди ко мне! Не убей, не ударь, не насыться кровью нашей! Заклинаю, приди! Приди, приди, приди.

Юлиан ощутил, что рука Йохана потеплела и стала мокрой. Хелен же сохраняла спокойствие.

Клубы огня вспыхнули вверх и начали перемежаться меж-

ду собой, образовывая какой-то причудливый узор.

– Огонь! – в гневе закричал Йохан.

– Не мешай обряду, – оговорила её Хелен.

Когда огонь рассеялся, на его месте образовался тонкий прозрачный шар, который начал медленно увеличиваться в размерах, пока не заполнил собой почти всё пространство между отважной четвёркой заклинателей.

В шаре они и увидели волка. Когда шар лопнет, волк выйдет наружу, но не сможет пройти между крепко сжатыми руками заклинателей и останется в их плену, пока они добровольно его не отпустят.

Но Йохан не понимал. В его глаза проникла паника и он попытался вырвать свою руку из руки Юлиана.

– Что ты делаешь, Йохан? – закричала Пенелопа. Похоже, от неё Йохан тоже собирался вырваться.

– Эта тварь сожрёт нас!

– Да, сожрёт, если ты отпустишь свои руки! – пояснил Юлиан.

– Нет. Я не верю. Пустите меня.

– Йохан! – крикнула Хелен. – Перестань.

– Не могу. Пустите!

– Не будь таким трусом. Стой до конца!

Но было уже поздно. Юлиан довольно крепко держал Йохана, но вот Пенелопа не смогла. Шар мгновенно лопнул и вервольф вырвался наружу. Только с намерениями явно не дружескими.

– Зачем вы меня вызвали? – гневным рыком спросил он.

– Простите, мистер Вервольф, – попытался реабилитироваться Йохан, но никто не захотел его слушать.

Из огня начали появляться и другие вервольфы, и все они держали в голове лишь одну мысль – еда сама вызвала их.

Спасаться можно было лишь бегством.

Друзья кинулись врассыпную, но волков хватало на каждого.

Увидев, что Пенелопа споткнулась, Юлиан решил не оставлять её и вернулся. Схватив девушку за руку, он побежал вместе с ней вверх по лестнице завода, надеясь найти помещение, в котором можно запереться и обдумать план дальнейших действий.

Он знал, что Пенелопа только затормозит его, но оставить её не мог. Не хотел он оставлять и Хелен с виновником торжества, но они уже исчезли из виду.

– Что мы наделали, Юлиан? – кричала Пенелопа в безнадёжном порыве кошмара.

– Я что-нибудь придумаю...

– Что?

– Вот это!

Он вспомнил, как одним движением руки в прошлый раз откинул около пятерых вервольфов назад и решил повторить то же самое.

Надо сказать, что получилось, и они с Пенелопой получили необходимое пространство.

Наверху нашлось небольшое помещение, где они смогли наконец-то запереться и выдохнуть. Неизвестно, выдержит ли дверь наплыв голодных вервольфов, но хотя бы какое-то время им даст.

– И что теперь? – спросила Пенелопа, глядя на Юлиана и ожидая увидеть в нём спасителя.

– Книга. Я взял с собой книгу. Там должно что-нибудь быть.

Он вытащил книгу и расторопно начал искать нужную страницу. Через пару минут он наконец-то окликнул Пенелопу.

– Вот вариант, – сказал он. – Тут не написано конкретно про этот случай, но вот кое-что. На какое-то время их можно обездвигить. Они очень боятся солёной воды. Она парализует их. Ещё лучше солёную воду разбавить огненным порошком, но его здесь нет.

– А соль с водой есть?

– Я вижу там кран, – ответил Юлиан, оценив содержимое этой кладовки. – А соль... Так, соль...

Он принялся яростно рыться в кладовке.

– Ура! – крикнул он. – Нашёл... Так, и шланг есть.

– Что ты задумал?

– Польём их из шланга солёной водой, – предложил Юлиан.

– Как мы подсолим воду в кране?

– Будем импровизировать! Придётся одновременно лить

на них воду и сыпать соль.

– И это сработает? – спросила Пенелопа.

– Придётся надеяться. Другого выбора. Итак, сейчас они сломают дверь и ты включишь воду и будешь лить на них. Я применю левитацию на соль. Глупо, но вдруг?

Думать долго не пришлось, потому что в этот момент щелчка двери отвалилась, и четверо волков с красными глазами кинулись на напуганных Юлиана и Пенелопу. Особенно растерянной казалась Пенелопа, но она всё же смогла направить на вервольфов сильный порыв воды. Те, верно, сразу не поняли, в чём дело, но когда Юлиан включил в дело соль, они наконец остановились.

Сначала они просто замедлили шаг, а затем поняли, что уже не могут идти. Кинув недоуменные взгляды на Юлиана и Пенелопы, они наконец-то свалились на землю.

– Сработало, Юлиан! – в истерике прокричала Пенелопа.

– Они ещё не парализованы! Льем воду!

Дождавшись полной капитуляции вервольфов, Пенелопа неожиданно опомнилась.

– Надо спасти Йохана и Хелен!

– Точно!

Если он ещё живы.

– Надо набрать воды, – сказала Пенелопа. – Вёдра подойдут?

– Есть кое-что получше, – внезапно осенило Юлиана. – Больше четырёх ведер мы не унесём. Но мы сможем полить

вервольфов водой сверху?

– Это как? – спросила Пенелопа.

– Здесь есть система антипожарная система водоорошения. Она должна срабатывать при сигнализации. Она отключена, но активировать можно. Где-то должен быть рубильник.

– Ого, – удивилась Пенелопа. – Не знал, что ты такой изобретательный.

– Сам только что узнал.

Рубильник они нашли довольно скоро, потому что находился она на этом же самом ярусе.

– Хелен! – закричала Пенелопа, когда они вышли из каморки.

– Мы здесь! – послышался голос девушки.

Юлиан взмахнул рукой и соль начала кружиться над вервольфами. А потом с неба полился дождь. Тогда Юлиан ощущал себя властителем стихий и настоящей грозой вервольфов, потому что все они в итоге попадали прямо как замертво.

Лишь бы хватило надолго.

– Что вы сделали? – спросила Хелен, когда они все наконец встретились внизу.

– Солёная вода, – похвалилась Пенелопа. – Юлиан придумал.

– Ещё секунда и мы бы с Хелен погибли, – пожаловался Йохан.

– По твоей вине! – крикнула на него Хелен в ответ.

– По моей? Это Пенелопа позвала нас сюда.

– Я?

– Так! – перебил всех Юлиан. – Во всём виноват я и это обсуждению не подлежит. Мы должны поскорее убираться отсюда, потому что скоро они очнутся.

– Очнутся? – удивилась Хелен. – Я думала, что вы убили их.

– Нет, – ответила Пенелопа. – Их всего лишь парализовало. Не знаю, сколько это будет длиться.

– А вот мы, похоже убили, – сказала Хелен.

– Убили?

– Да! Йохан ответил за свою трусость и порезал одного из них слоновой костью.

– Откуда у тебя слоновая кость? – спросил Юлиан.

– Подарок отца. Всегда ношу с собой.

– Покажите это вервольфа, – попросил Юлиан.

Хелен и Йохан дружно кивнули и повели остальных к тому месту, где они скрывались от вервольфов.

– Вот, – показал Йохан на небольшого волка, лежащего на земле и истекающего кровью.

– Волчонок совсем, – сказала Пенелопа. – Не знаю, почему, но мне его даже жаль.

– О чём, ты Пенелопа? – спросила Хелен. – Это существо пыталось убить нас. Сожрать наши сердца и запить кровью.

– Знаю я только одно, ребята, – сказал Юлиан. – Нужно

поскорее убираться отсюда и больше никогда не возвращаться обратно.

– И не встречаться впредь, – съязвил Йохан, глядя прямо в глаза Юлиану.

– Можно и так.

Дверь завода они закупорили на замок, чтобы ограничить себя от преследования. Эксперимент не вышел удачным. Он вышел катастрофическим посмешищем, едва не убив людей, которых Юлиан едва знал.

К этому он тоже был не готов.

– Сегодня ты выступил в роли героя, – сказала Пенелопа, когда они остались вдвоём.

– Скажешь тоже. Скорее, в роли злодея, который хотел убить вас всех.

– Это неважно. Важно то, как ты себя показал. Каким находчивым являлся. Я не ожидала увидеть тебя таким.

– То есть ты сейчас не пошлешь меня к чёрту за то, что сегодня случилось? Не скажешь, чтобы я обходил тебя стороной, потому что ты хочешь жить?

– Не скажу, Юлиан. Ты был прав – именно этого моей жизни и не хватало. Безумной погони за волками. И ужаса, наступающего на пятки. Ты мне дал больше, чем я могла предположить, Юлиан Раньери.

– Мерлин, – поправил ей Юлиан. – Или Монроук, так мне больше нравится. Я всё же извинюсь перед тобой за сегодня.

– Лучше я извинюсь за то, какой холодной была вчера.

– Не стоит.

– Ой. Кажется, я сейчас упаду в обморок.

За долю секунды Юлиан опомнился, потому что ноги Пенелопы и впрямь подкосились. Но он успел поймать её, пока не случилось страшное.

Однако она смогла остаться в сознании.

– Всё таки, я не такая храбрая, – сказала она, находясь в объятьях Юлиана.

Она была самым тёплым существом на свете.

– Забудем про этот случай. Всё-таки по нашей вине умер вервольф.

– Да.

Её глаза застыли на месте и уставились на Юлиана. Только сейчас он заметил, в какой близости находятся их лица. В подозрительной близости.

Наверное, подходящий случай для поцелуя. Юлиан не стал противиться животным инстинктам, да и Пенелопа тоже.

Но они остановилась в самый ответственный момент.

– Родители могут увидеть, – сказала она, покинув объятия Юлиан. – Из окна хорошо видно. Прости, Юлиан.

– Ничего страшного, – Юлиан постарался изобразить лёгкую искреннюю улыбку.

– Тогда до встречи?

– Мы встретимся?

– Всё в твоих руках.

И она ушла, оставив Юлиана одного среди чёрных улиц в чувстве лёгкого смятения. Поцелуй не вышел, но Юлиан-то знал, что это не главное. Он понимал, что сделал большой шаг вперёд. Теперь самым главным было не сделать два огромных шага назад, ведь ошибаться он так любил.

Но сейчас он будет максимально осторожен. Этот шанс ни в коем случае нельзя упускать.

Юлиан плохо помнил, как добрался до дома и лёг спать. Мысли были загружены совсем другим.

Зато утро развеяло их как ветер. Потому что ошарашило другим.

– Вставай, Юлиан! – в этот раз Ривальда Скуэйи разбудила его лично.

– Департамент? – сквозь сон пробормотал Юлиан. Встать он не хотел. – Мы поедем в Департамент?

– Нет, Юлиан. Мы поедем в гости к герру Люцию Карнигану.

– Зачем?

Юлиан наконец привстал кровати и немного привёл себя в бодрое состояние.

– Смотреть на его тело.

– Что? Что вы имеете в виду?

– Люций Карниган умер. Мне только что позвонили и сказали. Поехали, я сама ничего не знаю.

Юлиан сразу не понял в чём дело, но отголоски разума предупредили его, что случилось что-то страшное.

– Одевайся уже! – начала кричать Ривальда. – Сегодня без завтрака, такси ждёт!

Юлиану хватило буквально пяти минут. Именно тогда, умывшись, он понял, что этот день тоже будет особенным.

Они приехали к роскошному каменному особняку, в котором и жил Люций Карниган. Дом Ривальды был довольно уютен, этот же внушал только холод и строгость.

По периметру уже сновали туда-сюда полицейские, но Ривальда, традиционно недолголюбивающая их, полностью игнорировала существование блюстителей закона.

В гостиной восседала вдова Люция, имени которой никто не называл, а все величали "фрау Карниган".

– Не плачьте, – сказала Ривальда, присев к ней на диван.

– Не сейчас, – ответила она. – Я не хочу ни о чём говорить.

– Но я должна знать, что случилось...

– Оставь несчастную женщину, – сказал неожиданно появившийся Якоб Сорвенгер. Создавалось ощущение, что Сорвенгер расследует абсолютно все преступления в Свайзлаутерне.

– Здравствуй, – сказала ему Ривальда.

– Я уже взял показания. Ей было очень тяжело, но пришлось высказаться. Ещё раз приношу соболезнования, фрау Карниган. Ещё раз она не перенесёт. Спрашивай меня, я уже знаю всё.

Ривальда ожидала, что Сорвенгер сразу начнёт рассказывать, но он ожидал разрешения от Ривальды.

– Ну, начинай. Что случилось?

– Ничего не случилось, – развёл руками Якоб. – Он просто был найден в своём кабинете ранним утром. Предлагаю отправиться туда и посмотреть на это своими глазами.

Ривальда глазами позвала Юлиана с собой, и вскоре они оказались на втором этаже, в кабинете Люция Карнигана.

Он гордо восседал на своём уютном кресле за столом, со всё ещё открытыми глазами, безнадёжно глядящими куда-то в потолок. В его правой руке находился револьвер, но, похоже, использован он не был.

– Когда он был обнаружен, дверь была закрыта изнутри, – сообщил Сорвенгер. – Ничего не напоминает?

– Ровена...

– Да. Мы пока ничего не знаем о причине смерти, но... С первого взгляда мы имеем то же самое, что и с миссис Спаркс. Мёртвое тело без следов насильственной смерти.

– Они пугают меня... Что здесь делает револьвер?

– Он пытался защититься с его помощью, – предположил Юлиан.

– Может быть, – ответил Сорвенгер. – Но ни одного выстрела совершенно не было.

– Убийца мог пробраться через окно, – предположила Ривальда, глядя как раз в него. – Только оно тоже закрыто изнутри. И дверь изнутри. Мы имеем дело с чем-то очень странным. И необычайно интересным.

– Не сейчас, Ривальда, – вздохнул Сорвенгер. – Не до ин-

тереса. Горевать нужно, а не искать средство от скуки.

– Ты не понимаешь, Якоб. Это не средство от скуки. Это барьер внутри головы. Который не даёт ей взорваться. Я жажду найти эту тварь Иллиция и оторвать ему голову.

– Иллиций? Опять думаешь на него?

– Да. И в сто раз более увереннее, чем десять дней назад. Умирают присяжные, Якоб. Не просто так. Убийство Спаркс могло оказаться случайным. Но не два убийства. Ты понимаешь, о чём я?

– Понимаю. Но Иллиций не столь силён и умён, чтобы планировать столь изощрённые убийства. Я не верю.

– Тогда, может быть, его кто-то ведёт? – вставил свою лепту Юлиан. – Кто-то более умный и сильный.

– О чём ты? – спросила Ривальда.

– Молтембер например, – уверенно выпалил Юлиан.

– Молтембер мёртв, – грозно произнёс Сорвенгер. – Оттуда не возвращаются. Иллиций – пережиток прожитого, и ему очень повезло, что он сбежал.

– Миссис Скуэйн, но вы же сами...

– Что? – испепеляющий взгляд этой женщины едва не убил Юлиана.

– Я думал, что вы согласны со мной.

– Свои догадки оставь при себе. Мы тут работаем, а не в эти игрушки играем.

Однако тень мандража в её голосе Юлиан заметил. Что-то они все скрывали, но боялись сказать. Или не хотели.

– Тогда я не нужен вам? – спросил Юлиан.

– Нужен, – ответила Скуэйн, наведя на себя подозрения Сорвенгера. – Вдруг, твои догадки когда-нибудь окажутся правильными.

Юлиану пришлось промолчать. Он уже начинал привыкать это делать, и сия перспектива не совсем радовала его. Пора брать дело в свои руки. Но не сейчас.

Ривальда ещё долгое время узнавала всё, что хотела, но получила очень мало ответов. Вдова герра Карнигана уверяла, что ничего ночью не слышала, и, более того, они вместе легли спать, прежде чем она обнаружила его холодное тело ранним утром.

Сорвенгер терялся в догадках, потому и не озвучил ни одну из них.

В итоге, потратив на всё это добрые пару часов, Юлиан и Ривальда остались вдвоём на веранде особняка теперь уже вдовы Карниган.

– Что ты думаешь об этих убийствах? – спросила она

– Вы думаете, что убийство?

– Два раза – не совпадение. Что ты думаешь?

– Иллиций необычайно коварен. Я никогда не слышал о таком убийстве. Без колдовства тут не обойтись. Мы должны найти, что это за магия и узнать способ спасения от неё.

– Правильные мысли, я думаю. Но слишком поверхностные. Нужно копать глубже.

– И вы что-нибудь нашли?

– Может быть. Но тебе необязательно знать об этом.

– Я такой же присяжный, как и вы! – попытался уточнить

Юлиан.

– Не такой. Ты случайный человек среди нас. И никто не рад, что приходится делиться с тобой столь секретной информацией.

– Хорошо. Не буду никуда лезть. Отлично. Буду просто ходить за вами и ничего не знать.

– Не преувеличивай свою значимость. Пойми – присяжные умирают. Ты формально тоже присяжный, поэтому тоже в опасности. Я постараюсь защитить тебя и воспользуюсь своими полномочиями. Я ректор Академии и мне можно всё.

– Что, например?

– Устрою тебя в Академию. Будешь учиться там и находиться под моим присмотром не только вечером, но ещё и днём.

– Нет, – решительно ответил Юлиан. – Я точно не хочу учиться. Я уже закончил школу.

– Этого мало. Во-первых, не хочу видеть своего пажа дурачком. Во-вторых, это действительно твоя безопасность.

– Карниган и Спаркс тоже вроде как находились в безопасности, но всё же умерли. Никакая Академия меня не спасёт в случае чего.

– Мы не знаем, как проходили эти убийства. Поэтому любая мера предосторожности лишней не будет.

– Но не Академия.

– Академия, Юлиан. И, знаешь ли, я умею убеждать. Хочешь учиться вместе с Пенелопой Лютнер?

А это больное место. Так не договаривались.

– Я могу видаться с ней и без этого. Знаете ли, встречами с ней я не обделён.

Однако тень сомнения уже нависла над душой Юлиана.

– Я знаю, что ты хочешь. Сидеть за одной партой с ней. Ваших прогулок от цветочного магазина до её дома тебе явно недостаточно.

– Достаточно.

– Тогда что? Что тебе ещё нужно?

– Есть кое-что, – Юлиан на секунду задумался, но всё же решил предъявить своё условие. – В Департаменте же хранятся досье на бывших членов Алой Завесы?

– На что ты намекаешь?

– Вы знаете на что. Мне нужен свободный доступ туда.

– Хочешь побольше узнать про отца? Знаешь ли, мне ничего это не стоит. Посещай архив. Посещай. Но и занятия тоже. Все до единого.

– С Пенелопой?

– С Пенелопой. Но не считай, что обдурил меня. В понедельник в 8-30 чтобы был на занятиях. Вернее, будешь точно. И учиться будешь. А не валять дурака, как привык в школе. Я заставлю быть тебя примерным студентом.

Если получится. Вызов принят.

10. Студент

"Закончив школу, я был преисполнен уверенности, что больше никогда в жизни не сяду за парту. Но кое-что заставило изменить моё мнение. Теперь же началась моя новая жизнь. И в один момент я понял – учиться не так уж и плохо"

Юлиан Мерлин, октябрь 2010

Юлиан открыл новый выпуск "Экспресса Свайзлаутерна" прежде, чем успел отнести газету Ривальде.

Ожидания Юлиана оправдались – первая страница выпуска была посвящена загадочной кончине Люция Карнигана. Его чёрно-белое фото украшало едва ли не половину страницы, а общее её траурное оформление только нагнетало тоскливое настроение.

"Вот уже во второй раз октябрь забирает у Свайзлаутерна очередную знаменитость. В ночь на 4 октября мы понесли потерю в виде Ровены Маргарет Спаркс. Обстоятельства её смерти оказались окутаны пеленой тайны, и до сих пор лучшие умы нашего города вязнут в спорах относительно того, как это могло случиться."

В прошлом выпуске мы выражали глубокие соболезнования родственникам Ровены Спаркс, а так же всем студентам Академии Принца Болеслава, ректором которой она являлась.

Спустя 10 дней, в ночь на 14 октября, случилось не менее шокирующее событие. В своём доме мёртвым был найден Люций Огастес Карниган, официальный представитель посольства Свайзлаутерна, а так же сотрудник Департамента Расследований Особо Важных Преступлений и один из Защитников нашего города.

Обстоятельства смерти до сих пор не выяснены, известно лишь, что на момент смерти Люций Карниган был заперт изнутри в своём кабинете, а в руке сжимал револьвер, которым, вероятнее всего, собирался защищаться.

Согласно официальной версии, эта смерть являлась не убийством, а несчастным случаем, так как ни орудия преступления, ни следов насильственной смерти найдено не было. Догадки по поводу этой загадочной смерти вы можете увидеть на странице 8.

Люций Карниган являлся не только добропорядочным гражданином Свайзлаутерна. Он был тем, кто отдавал этому городу самого себя, ничего не требуя взамен. Он никогда бы не пожалеел своей жизни взамен на процветание нашего города, поэтому мы свято верим в то, что его смерть была не напрасной, а виновные, если они есть, не окажутся безнаказанными.

16 октября в Главном Доме Культуры Свайзлаутерна нашей редакцией будет организован вечер памяти Люция О. Карнигана. Приглашаются все желающие, вход свободен.

Светлой Памяти Люция Огастеса Карнигана"

И это было всё. Версии убийства и многочисленные комментарии были опубликованы на другой странице, но Юлиану не очень хотелось их видеть, так как там он не ожидал увидеть ничего стоящего. Разве что высосанные из пальца вселенские заговоры и перевороты, коими этот мир полнился не первый год.

Этими лжефактами Свайзлаутерн всегда был сыт по горло.

Новое заседание совета присяжных, к удивлению Юлиана, открыла Ривальда Скуэйн.

– Я приветствую вас, дорогие друзья, – начала с формальностей она. – Сегодня состоится внеплановое заседание совета Присяжных, и я прошу вас быть максимально откровенными друг перед другом. Вы готовы, присяжные?

Послышался гул, подтверждающий готовность.

Юлиан сидел дальше всех от главы стола, и никто на него совершенно никакого внимания не обращал. Он и сам с радостью готов был отсюда исчезнуть.

– Прежде всего, хотелось бы обсудить шокирующее событие прошедшей недели номер один. Как вы понимаете, это смерть нашего бывшего коллеги Люция Карнигана. Мы официально отклонили запрос полиции Свайзлаутерна по получению этого дела, и теперь оно полностью в наших руках.

– А хватит ли нам ресурсов? – спросил Грао Дюкс.

– Неважно. Главное, что мы умнее. Очевидно, что прослеживается недвусмысленная связь между убийствами Ровены

и Люция с побегом из тюрьмы Агнуса Иллиция.

– Рядовая месть, – сказала Елена Аткинсон.

– Но ведь он не был казнён, – ответил на это Грао Дюкс. – За что же мстить?

– За желание казнить, – возразила мисс Аткинсон. – Возможно, он посчитал это всё за оскорбление.

– Почему никто не интересуется, как он сбежал? – неожиданно решил сказать своё слово Юлиан Мерлин. – Это не менее подозрительно, чем сами убийства.

– Потому что дело побега Агнуса Иллиция в руках полиции, а не в наших, – пояснила Ривальда. – Мы отвечаем за убийства.

– Но как собрать картину целиком, если мы даже не обращаем внимания на солидную её часть? Полиция хоть что-нибудь узнала?

– По словам герра Сорвенгера, ничего, – сказала Ривальда.

– Он не мог справиться один! – неожиданно заявил Юлиан и все остальные обернулись на него. – Очевидно, что кто-то помогал ему.

– Кто-то из полиции или Департамента? – спросил Стюарт Тёрнер. – Ты имеешь в виду это?

– Никому нельзя доверять, – сказал Грао Дюкс. – Мальчик прав. Да, Ривальда, я тоже недоволен тем, что мы делим с полицией разные части одного и того же дела. Если мы не поймаем Иллиция, убийства могут продолжиться и дальше.

– Мы можем умереть все, – дополнил Юлиан.

– Чтобы знать мотивы убийцы, нужно думать, как убийца, – сказал Тёрнер. – У нас такой возможности нет.

– И нам уготовано только молиться, чтобы судьба Ровены и Люция нас миновала? – вспыхнул Грао Дюкс. – Нет, я не согласен с этим. Догадки Юлиана могут быть верны – в городе у Иллиция может быть союзник. Быть может, он даже среди нас!

– Громкое заявление, мистер Дюкс, – перебила его Ривальда. – Прежде найдите доказательства существования предателя, а потом уже ищите его.

– Я найду, Ривальда. Я найду. И ты знаешь, что найду.

– Сейчас нам остаётся только ждать, – пояснил Стюарт Тёрнер.

– Чего ждать? – удивились сразу несколько человек.

– Следующих шагов того, кто всё это делает. Если, конечно, это действительно убийства, а не несчастные случаи.

– Причину смертей не установили, – согласилась Скуэйн.

– Надеюсь, что эксперты этим активно занимаются, – понадеялся Грао Дюкс. Не подумав о том, что тела уже похоронены.

Он посмотрел на Скуэйн таким взглядом, будто тоже подозревал её в чём-то. Получается, что Юлиан нашёл единомышленника? Было бы отнюдь неплохо. Вместе бы они смогли вывести Ривальду на чистую воду.

– Хорошо, – решила сменить тему миссис Скуэйн. – Если

разговор непосредственно о деле у нас не заладился, предлагаю поставить другой вопрос. После смерти Люция Карнигана нас осталось одиннадцать, а должно быть двенадцать.

– А по-моему, нас десять, – съязвил Тёрнер, явно намекая на Юлиана.

– Юлиан полноправный член нашего совета! – оговорил молодого присяжного Грао Дюкс.

– Предлагаю кандидатуру Якоба Сорвенгера, – сказала Ривальда.

– Сорвенгер? – удивилась Елена Аткинсон. – Он же комиссар в отделе полиции.

– Нам же лучше. Представителю полиции всегда полагалось место в совете Присяжных, но вот уже с добрый десяток лет мы такого не имеем. Человек из полиции в наших рядах будет бесценным информатором. По сути, мы объединим наши усилия с полицией. Кто за?

Ривальда первой подняла руку. Практически синхронно с ней это сделал Стюарт Тёрнер, а потом и Елена Аткинсон. С пару секунд помялся Грао Дюкс, но в итоге тоже согласился. Последним Сорвенгеру отдал свой голос Юлиан, как это ни странно.

– Единогласно, – констатировала факт Ривальда. – Отныне герр Якоб Сорвенгер – полноценный член совета Присяжных!

Юлиан не знал, радоваться ему этому факту или нет, но Сорвенгер по крайней мере пока что казался ему весьма

честным и ответственным человеком. Хотя Юлиан не сомневался, что и он что-то скрывает. В этом же городе верить никому нельзя.

Сегодня был понедельник, а это значило, что в Академию Юлиан так и не попал.

Он очень надеялся, что так и не попадёт, и всё это известие было лишь шуткой Ривальды. Либо же, она просто передумала.

Но зря надеялся, потому что за завтраком она поставила его перед фактом, что прямо сейчас они отправляются в Академию.

– Я готов, – с долей неохоты проговорил Юлиан.

Ривальда же в ответ посмотрела на него так, словно он только что вылез из канализации.

– В этом? – она указала рукой на его одежду.

Юлиан осмотрел себя, надеясь найти какие-то пятна или дырки, но ничего такого не обнаружил.

– Вы же сами говорили, что это дорогой костюм, – недоумённо сказал он. – И я только вчера вечером гладил его.

Ривальда поджала губы.

– Это Академия, а не Департамент. Потребуется другая одежда.

– Что?

– Что? – передразнила его Ривальда. – Никогда не слышал об учебной форме?

Собственно говоря, Юлиан сейчас окончательно удосто-

верился в том, какой же он идиот, потому что академия и школа Грунндебайтена были вещами немного разными.

– Конечно, – сухо ответил Юлиан.

– На стуле, – махнула Ривальда рукой и Юлиан обнаружил аккуратно сложенный комплект. – У тебя есть ровно две минуты, – взглянув на наручные часы, дополнила она.

Ровно через две минуты он вертелся около зеркала и наводил последний марафет. Стоило отметить, что эта форма нравилась ему куда больше уже поднадоевшего костюма тройки. Зауженные тёмно-синие брюки, того же цвета жилет, белая рубашка с полосатым галстуком и замшевые ботинки на шнуровке явно шли Юлиану куда больше, чем костюмы, которые носят пятидесятилетние присяжные. Не говоря уже об удобстве.

В зеркале появилась Ривальда с недовольным взглядом:

– Слишком долго любуетесь собой, – после этих слов она собственными руками приколола ему на левую сторону груди золотистую брошь с изображением феникса. – Это моя новая придумка. Так будет легче идентифицировать тебя.

Юлиан поправил брошь рукой, после чего они наконец-то покинули дом.

– Я точно буду учиться с Лютнер? – в сотый раз спросил Юлиан, когда они уже подъезжали к зданию Академии.

– Ещё раз спросишь и всё изменится, – предупредила Ривальда. – Отправлю тебя на исторический факультет.

– Он так плох?

– Нет. Только там ты ничему не научишься.

А Юлиан и так не собирался ничему учиться.

– А какой у меня факультет? – вспомнил он.

– Фениксы.

– Фениксы? Так и называется?

– Да. Универсальный комплекс знаний и навыков. Скоро всё узнаешь.

Юлиан ничего не узнал. Он ожидал заполнения кипы бумаг и всего подобного в течение нескольких часов, но, оказалось, что всё это за него уже сделано. Оставалось только зайти в нужный кабинет и приступить.

Академия не представляла собой грандиозного здания, но снаружи казалось вполне себе милой. Три четырёхэтажных здания, соединённых между собой своеобразными мостами, а сзади них грандиозно располагалась высоченная башня, конец которой можно было увидеть, только солидно задрвав голову.

К огорчению Юлиана, Ривальда решила сама привести юношу на его первое занятие и представить новому окружению.

– Добрый день, – сказала она всем присутствующим, на что послышала гул взаимностей в ответ.

– У вас в группе прибавление, – продолжила она. – Юлиан Андрес Мерлин, ваш новый одгруппник. Прошу любить и жаловать, не сделайте его чужим.

Юлиану хотелось сгореть на месте, когда он всё это слу-

шал. Он посчитал это сущим позором и мысленно пообещал себе больше никогда не появляться в Академии в присутствии Ривальды.

– Пусть займёт любое свободное место, – сказал высокий худой учитель, уже стоявший у доски и написывающий чего-то там мелом.

Юлиан осмотрелся. Ривальда, благо, долго ждать себя не заставила и поспешно покинула кабинет. Пенелопу он нашёл глазами почти мгновенно, но место рядом с ней, к величайшему сожалению, было уже занято какой-то неприметной невысокой девушкой.

А вот Йохан, который тоже здесь оказался, сидел в конце один. Идеальное место, пусть и подле трусишки, который пару дней назад едва не погубил Юлиана и его Пенелопу.

– Не против? – для приличия спросил Юлиан, хотя ответ его не очень интересовал.

Йохан едва заметно кивнул и немного отодвинулся к краю стола.

Юлиан достал ручку и тетрадь, но писать ничего не собирался. Через пять минут он понял, что занятие вроде как по естествознанию, а значит, интересного тут будет мало. Впрочем, Юлиан и вовсе сомневался, что здесь будет хоть что-то интересное.

Однако через пять минут писать ему всё же пришлось. Пусть и не конспект по естествознанию.

С передней парты ему незаметно передали записку. Рас-

крыв её, Юлиан улыбнулся, потому что было оно от Пенелопы:

"Я в шоке. Что ты здесь делаешь?"

Юлиан недолго думал, как ему объясниться, поэтому выпалил самое очевидное, что могло прийти в голову:

"Я теперь здесь учусь."

Та с серьёзным выражением лица прочитала эту короткую фразу, явно ожидая большего, и прислала ответ:

"Мог бы мне сказать. Я только решила простить тебя, а ты снова меня обижаешь."

"Не обижаю. Я сам только позавчера вечером узнал об этом." – ответил Юлиан.

По выражению лица Пенелопы Юлиан не мог до конца понять, всерьёз Пенелопа обижается или не совсем. И ответ её выглядел не вполне однозначным:

"Давай на перемене в буфете поговорим. Есть хочу."

Юлиана всё же это скорее обрадовало, чем нет, потому что он написал лишь короткое "Хорошо". К его удивлению, все предыдущие сообщения Пенелопы исчезли с бумаги, будто их и не было.

Пенелопа же ничего не ответила и принялась писать конспект дальше. Йохан тоже усердно был занят учёбой. В конечном итоге, Юлиан понял, что пообщаться ему тут не с кем и придётся либо скучать, либо слушать преподавателя. Что, справедливости ради, почти приравнялось друг другу.

Как он понял, в этом семестре они изучали природу Прок-

симы – шестого человеческого чувства, помогающего ему управлять реальностью. Иначе говоря, это была способность к колдовству. Основные постулаты Проксимы Юлиан знал, ведь это вбивают детям в голову едва ли не с пелёнок, но всё, что он слышал сейчас, попросту вводило его в ступор.

Преподаватель, которого все называли мистером Тейлором, пытался объяснить всю механику действия Проксимы путём математических законов, причём настолько сложных, что явно запутал всю аудиторию.

Спустя полтора часа зазвенел звонок и, перемена его обрадовала как никогда, потому что её он ждал вдвое дольше обычного.

Пенелопа была одета в похожую форму, с той лишь разницей, что вместо брюк у неё была синяя юбка до колен, а вместо ботинок открытые серые туфли.

– Ты всё интереснее и интереснее, – сказала она ему, когда они спускались на первый этаж в буфет.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Юлиан.

Новое окружение очень напоминало Юлиану школу, хотя и смотрелось очень непривычно в свете последних событий.

– Удивляешь и удивляешь. То ты присяжный, то разрушаешь репутацию миссис Скуэйн. Теперь ты посреди семестра умудрился поступить в Академию.

– Всё ради тебя, – улыбнулся Юлиан.

– Ну не надо. Помнится, ты говорил, что не хочешь учиться.

– Времена меняются.

– Наверное, хочешь разузнать что-то, и Академия входит в твои планы.

– Как-нибудь всё расскажу, – пообещал Юлиан. – Тебя угостить?

Они уже стояли в очереди буфета.

– Необязательно, – ответила девушка. – Кофе и пирожного хватило. Может быть, тебя угостить?

– Нет-нет. Точно нет.

Они снова заказали по кофе и пирожному.

Однако поговорить не удалось, потому что к ним подскочила Хелен с подносом, на котором находились кофе и два пончика.

– О, Юлиан? – улыбнулась она. – Не объяснишь мне, что ты здесь делаешь?

– Учусь, – чуть подумав, выбросил из уст юноша. – Ты тоже здесь учишься?

Хелен вылупила глаза, словно только что её проткнули шпагой:

– То есть на занятии ты меня не видел?

– Надо же. Прости, наверное, плохо выспался.

Он и впрямь её не заметил.

– Хорошо, прощаю, – сказала девушка, отцапав одним куском половину пончика. – Пенелопа, у нас следующим этот гном?

– Гном? – переспросил Юлиан.

– Да, гном. Дибадру. Я тут предлагаю занятия сорвать.

– Чего? – удивилась Пенелопа.

– Разве он не смешной? – расхохоталась Хелен. – Представь его лицо, когда он зайдёт в кабинет, а там никого нет!

– Но ты же не увидишь его лица. Потому что тебя на уроке не будет, – сомневаясь в правильности сказанного, сказал Юлиан.

– И что? Не суть, прогуляемся часок. Пенелопа, ну давай!

– Полная глупость...

– А все остальные согласны? – спросила Пенелопа.

– Ещё как согласны. Их Дибадру тоже бесит.

Хелен попыталась изобразить, как этот таинственный гном стучит указательным пальцем по доске, когда кто-то из группы не понимает материала.

– То есть пока осталась я одна? – спросила Пенелопа.

– Брось, Пенелопа! – вклинился в разговор Юлиан. – Я бы тоже не прочь развеяться. Прогуляемся. Покажешь, что представляет из себя Академия.

– И ты туда же! – едва ли не закричала Пенелопа. – Я сбегу с занятия, но только чтобы не отбиваться от стаи. Здесь, кажется, легко можно стать изгоем.

Юлиану уже не терпелось воплотить в жизнь задуманное. В школе он сам часто выступал в роли инициатора срыва уроков, и именно такие вот эпизоды больше всего нравились Юлиану в бытность его обучения. Более того, только эти эпизоды он и помнил.

Однажды Юлиан сбежал едва ли не с десяти уроков на неделе и такая новость в который раз дошла до его матери. Франциска Мерлин была очень понимающей и доброй женщиной, но тут и её терпение лопнуло. На полном серьёзе тогда она позвонила деду и спросила, что делать, в ответ на что он предложил просто шокирующую идею – отправить Юлиана в закрытую школу-интернат, где за ним будут следить в оба глаза и никуда не отпускать.

Эта идея так напугала Юлиана, что он чуть не поседел, а потом буквально умолял родных это не делать и обещал, что теперь будет посещать абсолютно все занятия, даже факультативы.

И, действительно, аж месяц он продержался. Но ошибки прошлого его ничему не научили, и в итоге он снова взялся за старое. И сейчас берётся за то же.

– Отлично! – воскликнула Хелен. – Обожаю тебя, Пенни!

– Просила же не называть меня Пенни. Всё, иди, Хелен.

Встретимся во внутреннем дворе.

– Ты меня прогоняешь?

– Хочу поговорить с Юлианом.

– О чём?

– Про тебя, Холли! Будем обсуждать, как тебя убить...

– Да ладно тебе, Пенелопа, – сказал Юлиан. – Пусть остаётся.

– Действительно, – сделала обиженный вид Хелен. – "Холли" – это такая месть за "Пенни"?

– Именно.

– Но я же Хелен!

– Кстати, Пенелопа, – обратился к девушке Юлиан, оставив не у дел Хелен. – Куда исчезли твои записи из нашей переписки?

– Заметил всё-таки, – Пенелопа порылась в сумочке, и вытащила оттуда нечто, напоминающее металлическое перо. – Подарю тебе такую. А то мало ли кто прочитает твою секретную информацию.

– Секретную? – спросила Хелен. – О чём вы, ребята?

– Ни о чём.

– Ну вы как всегда. Пойду обижусь на вас!

Она и впрямь ушла, но не из-за того, что обиделась, а потому что доела свой обед и отправилась относить поднос.

– Ох уж эта Хелен, – пожаловалась Пенелопа. – Покоя не даёт.

На самом деле Юлиан всерьёз рассчитывал погулять по Академии с Пенелопой, но, сам себя ненавидя за это, передумал.

Уже подходя ко внутреннему двору, он сказал ей всё как есть:

– Прости, Пенелопа.

– О чём ты?

– Я должен оставить тебя. Мне нужно сбежать в Департамент.

– Ты в своём уме? – удивилась она. – Какой Департамент?

Я только по твоей наводке ушла от Дибадру.

– Прости. Но я должен там кое-что найти. И не хочу, чтобы Ривальда знала об этом. Это возможно, только пока она в Академии.

– Я долго буду прощать тебя за это, – сказала Пенелопа. – Одним кофе не отделаешься.

– Что угодно, Пенелопа. Что угодно.

Неожиданно послышался голос сзади:

– Лютнер! Нового дружка себе нашла?

Юлиан резко обернулся, но в толпе не смог вычислить того, кто это сделал.

– Это Браво, – закатила глаза Пенелопа. – Ненавижу его...

– Всё, пока!

Юлиану очень хотелось чмокнуть на прощание Пенелопу в щёчку, но до такой стадии знакомства он ещё не дошёл. Тем более, сейчас, когда по факту он провинился.

Хватит ли ему полтора часа на дорогу в Департамент и обратно? Юлиан рассчитывал, что да, хотя многого он не терял. Прогуляет ещё одно занятие – с него не убудет.

Он впервые пришёл в Департамент один, без Ривальды, и Департамент позволил ему войти. Он вообще был устроен таким образом, что проникнуть через его двери без разрешения охраны мог только его работник, а Юлиан таким уже стал являться.

На входе в архив сидел неприметный низкий старичок и

заполнял какие-то очень важные бумаги, если судить по его крайне напряженному выражению лица и исключительной сосредоточенности.

– Извините, – таким образом Юлиан поприветствовал зрителя. – Могу я пройти в архив?

– А кем вы будете, молодой человек? – спросил старик, оторвавшийся от бумаг только через несколько секунд.

– Юлиан Андрес Мерлин. У меня должен быть доступ.

– Доступ, говорите, – он уткнулся в другие бумаги, и через полминуты нашёл то, что искал. – Никаких проблем, проходите.

Что ж, слово своё Ривальда сдержала. В архив Юлиан проник спокойно.

Помещение архива было очень огромно, и включало в себя бесконечно выстроенные вдоль стены заветшалые коробки с непонятным содержимым. На каждой коробке было что-то написано, но Юлиан не особо утруждал себя чтением, так как искал только одну-единственную.

Отдел преступников, отдел преступлений, отдел работников... Отдел "Алой Завесы" располагался в самом дальнем углу, и именно он был нужен Юлиану.

Он пододвинул к себе огромную лестницу и принялся искать нужное ему имя.

Агнуса Иллиция он тут не нашёл, вероятно, его данные давно уже изъяли для досконального изучения, а вот Уильям Монроук был здесь своей персоной.

Юлиан спустил грузную коробку за стол, раскрыл её и принялся изучать. К досье была прикреплена чёрно-белая фотография отца, но Юлиан уже видел её раньше. Настоящего имени Монроука не было указано нигде, вероятно, в "Алой Завесе" был очень высокий уровень конфиденциальности.

В других бумагах он не нашёл ничего особо интересного, равно как и в фотографиях. Но были ещё на дне коробки две запылённые киноплёнки. Кинескопа в архиве и подавно не было, поэтому только оставалось предполагать, что же на них записано.

Либо же просмотреть в другом месте.

– Могу ли я забрать досье Уильяма Монроука для изучения? – спросил Юлиан, когда выбрался из душного помещения.

– Не можете, – равнодушно ответил старик. – Тут нужен особый доступ.

– Я присяжный, – уточнил Юлиан, чтобы зритель понял, с кем имеет дело.

– Простите, молодой человек, но права полного доступа это не даёт. Вы можете взять на пару дней только некоторые элементы досье.

– Видеоплёнки можно? – в надежде спросил Юлиан.

– Можно, – сказал старик. – Только впишите своё имя в список должников. И не забудьте про список посетителей.

– Без проблем, – улыбнулся Юлиан и за считанные секун-

ды заполнил надлежащие бумаги.

Обратно в Академию он отправился не в особо хорошем настроении, потому что узнал он мало чего. Тем более, что Юлиан планировал просмотреть досье не только на отца, но и на великого Агнуса Иллиция, но подобной привилегии он был лишён ещё заранее.

На третье занятие он опоздал едва ли не на полчаса, поэтому не посчитал нужным искать нужную аудиторию и добросовестно отчитываться перед преподавателем за "случайное" опоздание.

Однако самую добросовестную свою миссию он выполнил – дождался Пенелопу, чтобы проводить после учёбы сначала в цветочный магазин, а потом и домой.

Академия дала ему в этом плане неоспоримое преимущество – теперь ежедневная порция прогулки с Пенелопой увеличилась для него по крайней мере втрое.

– Я и не ожидала, что ты вернёшься на занятия, – сказала она, когда они наконец-то встретились.

– Я очень хотел, но не вышло.

– Нашёл чего-нибудь про своего отца? – спросила Пенелопа.

– Нашёл полное досье. Но вряд ли там было что-то важное. Другое дело киноплёнки, – Юлиан аккуратно, чтобы никто не заметил, показал их ей.

– Ух ты, – удивилась Пенелопа. – Украл? Хотя не отвечай, не хочу этого знать. В Академии есть кинескоп, можешь по-

смотреть там. И мне покажешь?

– Своего отца? Без проблем, главное устрой мне просмотр.

Пенелопа лишь улыбнулась, но по выражению лица было очевидно, что кинескоп обеспечен. Всё-таки золотая она девушка – уже второй раз на неделе выручает Юлиана. Без такой неоценимой помощи вряд ли у него что-то получилось бы когда-нибудь вообще. Но заглядывать наперёд не стоит.

На следующий день, прямо после занятий, он и Пенелопа отправились в кабинет к некоему преподавателю, с которым Пенелопа была в очень хороших отношениях. Долгое время пришлось отбиваться от попыток Хелен разузнать, в чём дело и увязаться за ними, но Пенелопе большими усилиями удалось всё уладить.

Юлиану вообще начинало казаться, что Пенелопа порой излишне грубо относится к своей подруге, которая большую часть времени выглядела вполне себе дружелюбно настроенной. В дела девушек Юлиан лезть очень не хотел, поэтому и у Пенелопы ничего не спрашивал, но такая вопиющая неясность не могла не бросаться в глаза.

Преподавателя Юлиан сразу же узнал – это был Лиам Тейлор, как раз преподаватель естествознания, занятие которого для Юлиана оказалось самым первым в этой Академии. Мистер Тейлор и впрямь был очень дружелюбен:

– Герр Мерлин! Рад вас видеть. Ещё больше, чем на вче-

рашнем занятии. Надеюсь, киноплёнка как-то связана с наукой?

– Непосредственно, – соврал Юлиан. – Надо же как-то нагонять учебный курс!

– Не могу не согласиться с вами, – кивнул мистер Тейлор. – А то на моём занятии вы, мягко говоря, витали в облаках.

– О, нет. Вернее, простите, я больше не буду. Первый день в Академии, а я ещё не привык.

– То ли ещё будет, герр Мерлин, – улыбнулся Тейлор и протёр свои очки. – Кстати, почему вы так поздно пришли к нам в первый раз? Семестр в разгаре. Вы работали где-то?

Юлиан поначалу немного подрастерялся:

– Я? Ах, да, я работал. И сейчас работаю, но теперь хотя бы появилось время посещать уроки.

После этого он улыбнулся, как настоящий олух.

– А где работали, если не секрет? – похоже, мистер Тейлор сговорился со всем городом не давать покоя Юлиану.

– Официантом, – уверенно выкинул он. – Приходите как-нибудь в наше кафе.

– Приду. Обязательно.

На этом месте Юлиан начал молиться, чтобы мистер Тейлор не стал спрашивать адреса кафе, в котором "работает" Юлиан. Но он, к счастью, не спросил.

– Однако ваша работа, герр Мерлин, не сможет освободить вас от меня. Поэтому на следующем занятии я вам тему

для доклада. И, надеюсь, вы отнесётесь к этому ответственно. Мы договорились?

– О, да, сэр. Я был готов к тому, что придётся отработать и сентябрь, и октябрь.

– Тогда не буду мешать. Очень приятно было познакомиться с вами, – по интонации Юлиан понял, что Тейлор на уловку не повёлся, но в дела вмешиваться всё равно не хотел. – Через час вернусь!

Излишне дружелюбен. Подозрительно. Юлиан уже и сам не замечал того, что у него развивается самая настоящая паранойя.

– Он самый лучший, – сказала Пенелопа, когда преподаватель вышел.

– Боюсь представить, какие же тут все остальные. Если мистер Тейлор лучший.

– Нет, ты не понял. Он очень хороший. Но одинокий какой-то. Всегда один и один. Ему бы Хелен в подружки...

После этих слов Пенелопа сама засмеялась и больше в этот день не вспоминала Лиама Тейлора.

Юлиан включил кинескоп, вставил в него первую киноплёнку, которая называлась "Я и Йозеф" и начал крутить ручку. Юлиан всегда мечтал когда-нибудь покрутить ручку кинескопа – потому что он часто это лицезрел, но делать самому такое не приходилось. Мечты имеют свойство сбываться.

На стене высветилось цветное изображение зимнего леса,

в котором Юлиан не узнал ничего знакомого, зато первое появившееся в кадре лицо неизвестным быть не могло – это был отец.

Совсем ещё молодой, разве что двумя годами старше Юлиана, он смеялся, как ребёнок, отряхивая свою смешную шапку от снега.

– Это же он? – спросила Пенелопа. – Твой отец? Красивый. Очень похож на тебя.

Несомненно, Юлиан понял, что это комплимент, но не нашёл, что ответить, потому что плёнка его на данный момент интересовала чуть больше.

– Ну ты и осёл! – закричал Уильям на человека, который его снимал, но в это время выражение его лица чуть поменялось и он вопросительно посмотрел в самую камеру. А Юлиану казалось, что он смотрит прямо на него. – Что, ты уже включил? Тогда... Здравствуйте, меня зовут Уилл и сегодня я бы хотел показать вам фрагмент самых весёлых каникул в моей жизни!

Он снова нелепо и по-детски засмеялся, что едва не спровоцировало слезу у Юлиана. Его отец выглядел совсем не так, как он себе представлял его предыдущие семнадцать лет жизни. Он был живым во всех смыслах и вправду напоминал Юлиану самого себя.

– Ну, куда он опять убежал? – продолжил отец и кинулся в снег что-то искать.

Через секунду он нашёл и представил в камеру какой-то

маленький чёрный пушистый комочек, яростно пытающийся согреться в руках Вильгельма.

– Вот же он, – улыбнулся отец. – Это не какой-то там дворовый щенок. Это великий и ужасный вервольф! Так, ты что, уснул? Не смей! Тебе ещё предстоит позировать перед камерой.

Щенок приподнял свои красные глаза и посмотрел ими в камеру. Маленький вервольф на самом деле был очень милым созданием, только вот кем он вырастет...

– Итак, будущее поколение. Знакомьтесь, это вервольф Йозеф. Йозеф, это зрители, и я не знаю, как их зовут. Мы нашли Йозефа новорождённым. Его мать была убита, а из щенков выжил только он. Нам стало очень жаль малыша, и мы забрали его и стали выхаживать. Смотрите, какой богатырь вырос!

Вильгельм снова попытался направить мордочку вервольфа в камеру, но тот принялся облизывать руку отца, и тот в конечном итоге сдался.

– Проголодался, наверное, – сказал Уилл. – Ничего, малыш, скоро накормим. Наш маленький вервольф просто обожает мясо. Как-то раз я делился с ним стейком и Йозеф был просто в восторге. К вегетарианскому образу жизни я его не приучил. Поэтому вырастет из Йозефа жуткий монстр, который всех вас съест.

– А начнёт с тебя, – кинул Вильгельму оператор, но тот лишь отмахнулся:

– Не начнёт. Меня он любит и будет мне верен. Такой вот у нас сторожевой пёс. Ну, полай уже, пора учить тебя командам! Нет, лаять ему рановато. И, тем более, разговаривать. Но лет через пять сделаю из него человека. Будет у меня новый лучший друг!

– Ещё чего, – снова вмешался оператор.

– И вообще, тебя он тоже любит. Не так сильно, как меня, но, думаю, есть не станет. Если со мной что случится, то ты будешь за ним ухаживать!

– Да я его уже сейчас боюсь!

– Меня бойся. Оставишь Йозефа на произвол – вернусь и накажу.

– Убедил, Уилл. Убедил.

– Ой. Кажется, нас заметили. Выключай камеру, выключай!

– Волка прячь!

На этом видеоплётка закончилось, и картинка угрюмо остановилась. Столь печально и скоротечно, но ничего лучшего Юлиан не ждал.

– Ты впервые увидел его? – спросила Пенелопа.

Юлиан только что вспомнил, что она тоже здесь.

– Да, – грустно ответил Юлиан, проверив прежде, нет ли слёз на его глазах.

– Правда, похож на тебя. Такой же весёлый и таинственный.

– И мёртвый, – взгрустнул Юлиан. – Зато теперь я пони-

маю, почему вервольф сказал мне, что я очень напоминаю Уильяма.

– Что ты понял?

– Мой отец вырастил волчонка и воспитал его. Наверняка, позже сдружился и с другими. Не думал, что у вервольфов могут быть друзья среди людей.

– Могут. В них же есть какая-то собачья верность. Вот и любили твоего отца как своего. Надеюсь, что мы убили не Йозефа.

– Не могли, – тоже понадеялся Юлиан. – Тот совсем молодой был, а Йозефу могло быть лет двадцать. Ривальда только. Она могла убить как раз Йозефа. Чтобы помешать ему сказать мне какую-то правду про отца. Йозеф же, судя по всему, многое про него знал.

– На плёнке указан 1989 год, – сказала Пенелопа.

– Значит, Йозефу было шесть лет, когда мой отец погиб. Наверное, особенный возраст для вервольфа.

– Они развиваются быстрее, а живут дольше.

– Люди и тут проигрывают, – усмехнулся Юлиан. – Пенелопа, подай мне вторую плёнку.

Однако, это обернулось разочарованием – плёнка оказалась пуста. Неизвестно, для чего Вильгельм запрятал её в свой архив. Или же данные были удалены – это Юлиан вряд ли когда-то узнает. Во всяком случае, не сегодня.

– Пенелопа, можешь забрать записи себе? – попросил Юлиан. – Не хочу, чтобы миссис Скуэйи заметила, что я их

брал. У тебя будут в безопасности. Как-нибудь ещё посмотрю на отца.

– Без проблем. Даю слово, не потеряю.

И Юлиан очень ей верил. Или надеялся верить. Всё-таки доверил ей самое важное, что имел на данный момент – частицу своего отца на киноплёнке. Это мало, но что-то – лучше, чем ничего.

11. Соучастник

"Да, мой нос длиннее, чем у большинства людей и из чужих дел никогда не вылезает. Сколько я не убеждал себя, что пора остановиться – подсознание не слушало. В итоге однажды наступил один момент, когда я оказался втянут во всё это по уши и обратной дороги уже не было. Тогда я и начал корить себя за излишнее любопытство..."

Юлиан Мерлин, октябрь 2010

Несмотря на приближающийся ноябрь, листья с деревьев Свайслаутерна ещё не опали, окрасив его в приятный оранжевый цвет. Деревья в этом городе были в обильном количестве и являлись местным достоянием наравне с Департаментом и Парламентом.

Однако порой золотая осень нагоняла на душу ноющую тоску, которую могло снять только общение с близкими друзьями. Одиночество загоняло в полный тупик и являлось на данный момент злейшим и опаснейшим врагом, грозящим полностью разрушить психику молодого человека.

Поэтому Академия, к величайшему удивлению, стала не врагом, а другом, потому что была единственным способом спасения от угрожающего одиночества, которое начало преследовать Юлиана Мерлина в доме миссис Ривальды Скуэйн.

Она стала очень закрыта внутри себя после смерти Люция Карнигана. Хоть Юлиан активно подозревал её саму в этом

злодеянии, скорбь она выражала очень правдоподобно. Кто кого обманывает – выяснять не приходилось.

– Ты снова не заметил меня! – угрожающим тоном воскликнула Хелен, словно из ниоткуда появившаяся в буфете и нарушив тем самым идиллию, которая сопровождала Пенелопу и Юлиана.

– Ты мне? – спросил Юлиан. – В смысле, привет. Присаживайся.

– Я стояла на крыльце, когда ты подъехал к Академии. Можешь себе представить, Пенелопа – он прошёл мимо меня, не обратив никакого внимания!

– Прости, – улыбнулся Юлиан, едва сдерживая смех. – В следующий раз обязательно буду внимательнее.

– Да-да, сколько раз я уже это слушала.

– Хелен, ну почему ты всегда мучаешь его? – пожаловалась Пенелопа. – Он же едва тебя знает!

– Надо же. Вы называете это "едва"? Мы все – братья по оружию. Или вы забыли тот случай с волками?

– Йохан тоже наш брат по оружию? – спросила Пенелопа.

– Да. Брат по оружию, но неудачник. Кстати, о волках... Он не погиб.

– Кто не погиб? – пристально прислушался Юлиан.

– Ну, тот вервольф. Которого Йохан пырнул слоновой костью. Он сейчас находится в больнице и, по-моему, у него всё хорошо.

– По-твоему или со слов твоей матери? – спросила Пене-

лопа.

– И то, и то. По крайней мере, он не в реанимации, а значит, идёт на поправку...

– Йохана ты уже обрадовала? А то он на измене весь сидит после того случая.

– Обрадовала, – ответила Хелен. – Сняла грех с его души. Только он всё равно напоминает унылую старую губку. Вы тоже замечали?

– Постой, – вмешался Юлиан. – Он там находится в обличии волка?

– Нет! Ты что, ничего не знаешь? Вервольфы могут на какое-то время обращаться в человека... Кстати, надо посмотреть на него. Вдруг симпатичный..

– Ты свихнулась, Холли? – остерегла её Пенелопа. – А что, если он тебя узнает?

Хелен недовольно фыркнула носом.

– Я же незаметно. Попрошу маму, даст мне халат...

– Не вздумай! – стояла на своём Пенелопа. – Если он нас узнает, то крышка...

– Постой, – сказал Юлиан. – Я бы очень хотел пообщаться с этим вервольфом. Пенелопа, ты понимаешь, о чём я, и что хочу узнать.

– Всё! – в голосе Пенелопы были замечены нотки нервозности. – Делаете, что хотите. Самоубийцы. Но меня во всё это не вмешивайте.

Юлиан уткнулся в тарелку. Ссориться с Пенелопой из-за

какого-то юного вервольфа ему очень не хотелось. Оставлять своё любопытство неудовлетворённым тоже.

Но выбор он сделал:

– Хорошо. Ты права, Пенелопа. Бредовая идея. В конце концов – что я от него узнаю? Он же юный. Совсем не Йозеф.

– Йозеф? – спросила Хелен. – Кто это?

– Это старый друг Юлиана. Тебе о нём знать не положено.

– Ну, как всегда. Ничем не удивлена. Снова Хелен в стороне – ничего ей знать не надо. Злые вы! Но, если что, Юлиан – его зовут Теодор и лежит он в 404 палате.

– Даже не думай, Хелен! – ещё раз оговорила её Пенелопа.

Пенелопа состроила какую-то кислую рожицу в адрес Хелен, и ты немного успокоилась. Учитывая болтливость это неугомонной девчонки, секреты в её голове надолго не задержатся и выйдут в свет.

После скучного занятия физической культуры ни капли не уставший и не вспотевший Юлиан переодевался в общей мужской раздевалке, наблюдая за общением своих сокурсников. Знал из них он только Йохана, но тот был не особо разговорчивым парнем, поэтому друга в его лице Юлиан ещё не обрёл.

Когда Йохан пытался открыть свой шкафчик, его там ожидала небольшая неприятность – оттуда вылетел непонятный серый пузырь, реактивно устремившийся прямо в сторону его несчастного лица.

Когда пузырь разорвался, из него прямо на лицо Йохана вылилась фиолетовая слизь, буквально полностью покрывшая его лицо и заставившая недовольно сморкаться и плевать.

Зрелище было одновременно и смешным, и грустным.

– Ну, вы и уроды! – неистово воскликнул Йохан в сторону нескольких яростно смеющихся сокурсников. – Аарон, это уже перебор!

– Неужто Йохан разозлился? – спросил задира, пародирующий голос маленького мальчика.

– Однажды ты заплатишься за это! – утерев прямо костюмом лицо, кинулся на обидчика Йохан.

Если Юлиан правильно понял, кто такой Аарон, то был это совсем невысокий мальчишка крепкого телосложения и одетый едва ли не в самый бедный костюм. Но, справедливости ради, костюм был подобран весьма по вкусу.

– Что!?! – выскочил из толпы Аарон. – Хочешь поговорить со мной? Что ты хочешь мне сказать?

Йохан пару секунд пристально всматривался в глаза Аарона, после чего не вполне себе уверенно ответил:

– Ничего.

И, пнув ногой свой шкаф, он хлопнул дверью и убежал из раздевалки. Йохан был немногим выше Аарона, но вряд ли крепче. А за спиной задиры еще располагалась пара ребят, которым явно было очень весело наблюдать и за шуткой, и за микроконфликтом.

– Впрочем, так я и думал, – сказал Аарон своим друзьям и принялся дальше переодеваться.

Почему-то в этот момент Юлиану очень хотелось догнать Йохана и поговорить с ним на эту тему, но в определённый момент ему не хватило решимости. Или желание отпустило, а оставшееся место заняло равнодушие. Или что-то ещё.

Пошёл Юлиан в итоге не к Йохану, а к Пенелопе.

– Этот парень, – спросил он у неё по дороге. – Который задирает Йохана в раздевалке. Кто он?

– Ты думаешь, что я была в это время в мужской раздевалке? – изобразила иронию Пенелопа.

– Нет, конечно. Но я за эту неделю здесь заметил, что это не в первый раз. По-моему, его называют Аарон.

– Так и думала, – сказала Пенелопа. – Аарон Bravo. Задира, провокатор, лицемер. По-моему всё, что про него думаю, я перечислила.

– А тебя он не трогает?

– Нет. Да, я его ненавижу, но меня он не обижает. Пусть и не пытается. Своё жалкое обличие под прикрытием лживой крутости ему не спрятать.

– Жалкое? – удивился Юлиан.

– А какое ещё? Такие люди, как он, пытаются скрыть какую-то свою неполноценность контратаками на других.

– Громкие слова, Пенелопа. Я и сам-то счастливым человеком себя не назвал бы. Но разве я искал утешения в подобном?

– Ты ищешь в другом. Съешь свой нос, куда не надо. Не думаешь о завтрашнем дне. Тебе наплевать на то, что будет дальше. Главное – это утолить твоё любопытство.

– Что ты имеешь в виду?

– Хотя бы тех вервольфов. Ты не думал, что это может быть опасно. Теперь, я уверена, ты меня не слушаешь и залезешь в окно в тому вервольфу, который в больнице. Он узнает тебя, выдаст полиции, и тебя арестуют за покушение на убийство.

– Будешь скучать по мне? – не без доли иронии спросил Юлиан. – Когда я буду сидеть в тюрьме лет сто?

– Тебе опять только шутки. Почему не ведёшь себя серьёзно?

На что же она намекает?

– Я могу быть серьёзным, – попытался оправдаться Юлиан. – Хочешь, например, позову тебя на свидание?

Он выпалил это, не задумываясь, и теперь остерегался последствий. Так хотелось поймать всемогущими руками неумолимо вылетающие в сторону Пенелопы слова и забрать их обратно, больше никогда не выкидывая больше, но Юлиан не владел такой магией. Если, конечно, такая магия существовала вообще.

– Весело, – пробормотала Пенелопа, лишь немного удивившись. – По-моему, всё это очень быстро.

– Пусть быстро. Я рискну, – теперь отпираться назад не было никакого смысла. – А что, устрою самое лучшее свидание?

ние, какое было в моей жизни. Как тебе такая идея?

– А ты думаешь, что у меня раньше были свидания?

– Не знаю, – чуть приостановился Юлиан. – Я как-то не спрашивал у тебя и пока не хочу. Ты не скажешь мне?

– Не скажу. Но заявление сделать лучшее свидание в моей жизни – это заманчиво.

– Вообще лучшее свидание на свете, – не унимался Юлиан.

– На свете, говоришь... А ведь интересно. А что, попробуйся.

– Попробаться? Это что значит? Да или нет? Или какие ещё ответы бывают?

– Где твоя уверенность, Юлиан? Не боишься вервольфов и Ривальды Скуэйл, но начал заикаться во время разговора со мной. Это, конечно, "да".

Юлиан выдохнул. На душе было такое ощущение, что он только что выбрался из кишашего змеями смертельного лабиринта или прошёлся по канату толщиной с лезвие, протянутым над пропастью. Хотя и то, и то, казалось ему гораздо проще того, что произошло сейчас.

– Тогда когда? – спросил он у Пенелопы.

– Что когда? – удивилась девушка.

– Ну, когда свидание?

– Опять ты за своё. Ты собираешься пригласить меня. Поэтому и время, и место, и всё остальное стоит за тобой.

– Хорошо, – Юлиан ещё никогда не чувствовал себя таким

идиотом. – Прямо завтра всё расскажу. Мне нужно только подумать... Всё, Пенелопа, давай уже поговорим о другом.

Голова кругом. Ривальда Скуэйи была права – Юлиан Мерлин невообразимый идиот.

Всю ночь он не спал, ворочаясь в кровати и размышляя о том, как ему обеспечить идеальное свидание для Пенелопы. Он отлично понимал, что явно переборщил с лучшим свиданием, но подводить её очень и очень не хотел. Юлиан хотел казаться в её глазах решительным и серьёзным мужчиной, отвечающим за свои слова и поступки, а не напыщенным, верящим во всё, мальцом. Для такой, как Пенелопа, этого мало, и Юлиан всё понимал.

Ресторан, столик для двоих, романтическая музыка... Таким обстоял первый вариант, и был он одновременно и самым банальным, и самым дорогим. Тем более что сейчас он в кармане вряд ли бы наскрёб денег даже на поход в кафе.

Как вообще уверенные в себе парни проводят свидание? В голову не приходило совершенно никаких идей. Всё общение Юлиана с девушками ограничивалось подобными прогулками и в итоге останавливалось на этой ноте, не имея никакого логичного продолжения. Этого Юлиан боялся и в случае с Пенелопой, причём в гораздо большей мере, чем когда-либо.

Не считая пары случаев, Юлиан выходил из войны с расположением девушек проигравшим. Но и эта пара случаев

явно не дала ему в полной мере того, что он хотел.

Толком не выспавшись, он пошёл утром в академию явно в не самом лучшем расположении духа. Мыслей толковых в голову ему не пришло, поэтому и на глаза Пенелопе было показываться стыдно.

Но пришлось. Пенелопа ему о свидании не напоминала, и Юлиан испугался было того, что она предпочла забыть не только его, но и весь вчерашний разговор. В какой-то момент Юлиан начал надеяться, что она и впрямь забыла обо всём этом, и он сможет наконец сбросить с себя этот назойливый груз ответственности.

Во время большой перемены во внутреннем дворе Юлиан оказался один, потому что Пенелопа ушла со своими подружками по каким-то важным делам. Юлиан никоим образом не обиделся на неё, потому что эгоистом и собственником никогда себя не считал и уважал её решение проводить время и с подружками.

Но лучше бы он провёл время с ней, чем с Аароном Браво. Он подсел к нему на лавочку совсем неожиданно, что немало удивило Юлиана. Чего это парень хочет?

– Ты же новенький? – спросил он, подозрительно посмотрев на него.

– Да, – в голову Юлиану пришёл только этот лаконичный ответ.

– Уже вторую неделю здесь, – пробормотал Аарон. – А всё один. Ни с кем не знакомишься. Знаешь ли, такое у нас не в

чести. Тут ты либо со всеми, либо изгой.

– То есть я изгой?

– Пока ещё нет. Тут выбор у каждого свой – друг или изгой. Если друг – то никогда не будешь один. Ты же Юлиан Мерлин? Меня зовут Аарон Браво.

Он протянул руку, и Юлиан её пожал. Крепкое рукопожатие, надо сказать. Невысокий рост не преграда для силы.

Но кем этот Браво себя возомнил? Главным здесь?

– То есть, ты как бы предложил дружбу сейчас? – спросил Юлиан.

– Расторопный ты. Я предложил знакомство, и ты согласился. Знаешь, я то же самое предложил и Йохану Эриксену. Он тоже руку мне пожал, но другом и близко не стал.

– За что ты, кстати, так его не любишь? – поинтересовался Юлиан.

– А за что его любить? Я видел, как ты смотрел вчера на нашу разборку в раздевалке. Хотел защитить. Я легко читаю по глазам и могу тебя только за это похвалить. Только Эриксен здесь – это не тот человек, которого стоит уважать.

– А кого же стоит? – спросил Юлиан, всматриваясь в Браво и явно намекая на него самого.

– Тебе выбирать. Но в Эриксене я не вижу ничего настоящего. Знаешь, фальшивый он какой-то. Ненастоящий. Я заметил это с первого взгляда. Смотрит на всех так, как будто он самый лучший среди нас. А знаешь, почему?

– Почему же?

– А он и впрямь потомок некогда известного и богатого рода Эриксенов. Да, я узнал про него многое. Эриксены потеряли и богатство, и власть, и уважение, оставив только одно. Это своё высокомерие, утончённость, желание что-то доказать... Йохан именно из таких.

– Я не замечал такого. Но если он живёт своей жизнью – зачем ему мешать?

– Наша группа – это братство. Я же говорил – либо друг, либо изгой. Эриксен встаёт на путь изгоя, и это его право.

– А ты толкаешь его туда всё дальше и дальше.

– Нет. Я каждый раз даю ему право выбирать, и он всегда делает неправильный выбор. Одевается, как раскрашенная курица, хочет похвастаться своим якобы богатством. А внутри-то что скрывается что? А ничего. Я – человек из простого народа. Он – нет. Нам не по пути.

– А я внук Джампаоло Раньери.

– Что-то не скажешь по тебе. Ты не Эриксен, Юлиан. Ты умеешь правильно жить. И я это вижу. Я мало слышал про твоего деда, но про отца Йохана наслышан достаточно. Сейчас он простой нотариус и мало получает, но раньше, лет так пятнадцать назад, ещё чего-то стоил. Знаешь, что он сделал, когда война с повстанцами Молтембера достигла нашего города? Он сбежал. Как крыса. Отказался защищать свой город. И Йохан такой же. Трус. И он, и его отец трусы.

– А ты на той войне воевал? – спросил Юлиан.

– Я знаю, к чему ты клонишь. Я сам ничего не стою и ни-

чего не доказал, зато говорю тут громкие слова. Молодец.

Не хотелось бы, чтобы ровесник учил Юлиана жизни по подобию Грао Дюкса. Напыщенный малец этот Аарон, хоть и по большей части во всём прав.

Почему всех тянет учить Юлиана жизни?

– Я просто подошёл познакомиться, – сказал Аарон. – Интересно было, кто ты такой. И я узнал.

– И что ты скажешь мне?

– Ты мне нравишься, Мерлин. В нормальном смысле. Так ты друг или изгой? Со всеми или один?

– Я никогда не был один.

Аарон уже собирался уходить обратно к своим друзьям, но, услышав это, развернулся и обратно сел.

– Ах, вот оно что. Пенелопа Лютнер – смазливая девчонка, с которой ты каким-то образом был знаком до поступления сюда...

– Тоже напыщенная, высокомерная и пустая? – спросил Юлиан.

– Не скажу такого. Я вижу, как она тебе нравится, и переубедить не буду. Знаешь ли, мне тоже не всё равно. Я когда-то даже был к ней равнодушен. Но мой типаж как-то ей не по душе.

– Да, я заметил.

– Она что-то говорила про меня?

– Нет. Ничего. Совсем ничего.

– Мы с ней из одной школы. Вообще то. Давно и хорошо

знакомы, – углубился в воспоминания Аарон. – У меня с девушками проблем как таковых нет, но с этой было всё иначе. Красивая, вроде добрая, но требовательная и заводится по каждому поводу. Люблю таких, но с Пенелопой вышло не по пути. Я её Пенни называл, а ей никогда не нравилось.

– Да, тоже знаю такое.

– Так у тебя с ней что-то есть?

Юлиан встал перед выбором – сказать правду или приукрасить таким образом, чтобы Аарон о ней больше не думал.

– Мы близки, – сказал Юлиан. – И, я думаю, что всё хорошо.

– Целовал? На свидания ходите?

– К чему такой повышенный интерес?

Юлиан уже сейчас не доверял Аарону Браво.

– Вдруг, помочь тебе хочу? Я тоже на свидания не раз её звал. Совсем недавно тоже. Сказала, что подумает, но, видно, что приняла опять неверный выбор. Она же тоже из известной семьи. А я? А я кто? Красавчик, но простолюдин. Не пара ей.

Он ещё и скромный, похоже.

– Есть у меня одно место в памяти, – продолжил воспоминание Аарон. – Водопад на восточной окраине города. Живописное место, идеальное место для первого поцелуя. Всегда мечтал туда сводить свою самую-самую единственную туда и начать с ней там обоюдную вечность.

– И как? Сводил?

– Не нашёл. Ту самую. Но Пенелопу я звал именно туда. Уверен, ей бы понравилось. Стоило бы только увидеть это место, и она бы стала моей. Стоило только уговорить её пойти туда. Но не уговорил. И я не всемогущ.

– Так всё просто?

– Не так. Но моя природная обаятельность дополнила бы водопад. А что, мне не жалко. Пригласи Пенелопу туда. Я буду рад за вас, если получится.

– А вдруг там засада?

– Все вы на измене, – отфыркнулся Браво. – Это по доброте душевной. Подлости в нашем братстве не место.

Он подробно объяснил Юлиану, где находится этот заветный волшебный водопад. Юлиан и понятия не имел, что близ Свайзлаутерна может течь водопад.

– Так что, удачи, Мерлин, – пожелал Аарон. – Будет твоей, главное – руки протянуть. Только Лютнер не та девушка, которой стоит разбрасываться. До встречи, в общем. Засиделся.

Встреча с Аароном Браво оставила очень двойное впечатление. С одной стороны, в свои семнадцать или чуть больше он уже производил впечатление того, каким должен быть настоящий мужчина. С другой стороны – слова о прошедшей (или нет) симпатии к Пенелопе давали дополнительную пищу для размышлений. Этого ещё не хватало.

После занятий, когда Юлиан и Пенелопы заглянули в кафе, он не вытерпел и спросил у неё:

– Пенелопа. У меня к тебе очень важный вопрос. И я хочу, чтобы ты мне ответила честно.

– Ты меня пугаешь, Юлиан, – отмахнулась девушка.

Юлиан оглянулся по сторонам и оценил ситуацию, в которой они сейчас находились. Они двое, столик в кафе на двоих. Почему это не свидание? Даже корректнее было бы спросить – чем всё это называется, если не свиданием?

Вопрос важный, но сейчас в голове висел ещё более важный.

– Так ты ответишь честно? – ещё раз спросил Юлиан.

– Хорошо, отвечу.

– Всё, – он прокашлялся, прежде чем набраться духу. – Когда в последний раз Аарон Браво звал тебя на свидание?

У Пенелопы полезли глаза на лоб, и резко поменялось выражение лица.

– Почему ты спрашиваешь об этом? – поинтересовалась она.

– Потому что он мне рассказал, что ты ему нравишься. Вернее говоря, нравилась. Когда-то.

– Да, он прав, – резко ответила Пенелопа. – Когда-то, давно, но не сейчас.

– Но почему ты просто не можешь мне сказать, когда это было? Когда он звал тебя на свидание, и ты ему отказала?

– Я не хочу про это вспоминать! – сказала Пенелопа. –

Ты нарочно меня всем этим достаёшь. Браво, Браво. Вчера, сегодня.

– Почему ты злишься? – не мог понять, Юлиан. – Я понимаю, тебе неприятно. Хорошо, я больше ни разу не вспомню про Аарона. Прости меня.

– Да не твоя это вина. А его.

– В чём?

Юлиан снова ступил на лезвие ножа в страхе оступиться и всё потерять.

– Надеюсь, он тебе рассказал и то, что мы знакомы много лет? – спросила она. – Наверное, и приукрасил ещё? Что он там про меня рассказал?

– Да ничего плохого не говорил. Он, собственно говоря, и вспомнил-то тебя всего раз. И так, мимоходом.

– А ты общайся с ним почаще. И много нового узнаешь. Не только про меня. Но в основном, про меня.

– Так может быть, ты сама скажешь чего-нибудь?

– Мои истории не сравнятся с историями Браво. Он же настоящий мастер.

Юлиан очень пожалел, что завёл этот разговор. В этот момент официант принёс кофе, и на минуту Пенелопе и Юлиану пришлось промолчать.

– На прошлой неделе, – сказала Пенелопа, когда официант ушёл

– Что на прошлой неделе?

– Он звал меня в гости. Аарон Браво звал меня к себе.

– На прошлой неделе? – удивился Юлиан. – И ты ничего не говорила?

– А какая разница? Наш с ним разговор был недолгим. Он позвал, я отказала. Всё. Ни больше, ни меньше.

Юлиан не обратил внимания даже на то, что кофе был очень горячим и, отхлебнув солидный глоток, больно обжёг себе язык.

– Получается, что тем самым Браво и меня оскорбил, – задумался Юлиан, едва язык и губ остыли.

– Что ты имеешь в виду?

– Да ничего...

– Только я умоляю, не ссорься из-за всего этого с Браво. Я ненавижу этого человека. В своё время он был очень близок к тому, чтобы испортить мою жизнь. И я этого ему никогда не прощу. Как бы он не пытался загладить свою вину.

– Расскажешь об этом? – спросил Юлиан.

– Как-нибудь, пожалуй, да. Но не сейчас. Не хочу вспоминать ничего, связанного с ним.

Юлиану показалось, что этот разговор пора заканчивать. Иначе всё это может спровоцировать необратимые последствия, которые загонят Юлиана в такой угол, что пути оттуда не будет.

– Так и не будем больше вспоминать, – кивнул Юлиан.

– Спасибо за понимание.

– Знаешь, что ещё хотел спросить. После того, что я сегодня сказал... У меня ещё есть шанс пригласить тебя на сви-

дание?

И он застыл в томительном ожидании, однако лёгкая улыбка Пенелопы начала её выдавать:

– Они и не исчезали никуда.

– Тогда приглашаю. Официально. Прямо завтра. Как и договорились, вся организация с меня.

Впервые за долгое время Юлиан начал чувствовать себя подлинным хозяином положения. даже место в кресле выбрал подходящее.

– Во сколько?

– А в полночь. Ровно в полночь.

– Ты что? Прямо в полночь? Меня же родители в такое время из дома не выпустят.

– Меня Ривальда Скуэйи тоже. Но я-то найду способ. И тебе подскажу. Парящий порошок, – при последнем словосочетании Юлиан прикрыл рот рукой так, будто тайно передавал секрет государственной важности.

– Плохая идея...

– Да брось, Пенелопа. Это же весело. Долой скучную жизнь, долой правила. Я сделаю так, что никто ничего не заметит.

– Убьёшь моих родителей?

– А это нужно?

– Пока ещё пригодятся, – улыбнулась Пенелопа. – У меня есть та болевая точка, на которую нужно надавить и я буду готова на всё. И ты её у меня нашёл.

– Даже на...

Юлиан начал крутить пальцем, пытаясь сформулировать нужную мысль, но Пенелопа была точнее:

– Нет. Я имела в виду покататься на драконе там, забраться на гору. Или пойти войной на самого Молтембера.

Слово "Молтембер" она прошептала, будто бы оно тоже являлось государственной тайной.

– Тогда не подводи меня. Буду ждать тебя в полночь на начале твоей улицы. У старого гаража. Поняла, где это?

– Примерно. А почему именно там?

– Всё узнаешь потом.

– Знаешь ли, сейчас я начинаю ждать самого неприятного сюрприза.

– Неприятного? – удивился Юлиан. – А что, сюрприз может быть приятным? Неважно... Ты же согласилась. Так что можешь довериться мне.

– Конечно, доверюсь, – улыбнулась Пенелопа. – Даже учитывая твою тягу к приключениям на свою душу.

Юлиан понял, к чему девушка клонит, но оправдываться в очередной раз не стал.

На следующее утро ощущения у Юлиана были такие, словно только что он проснулся новым человеком. Небо словно стало ярче, а воздух свежее, а на душе смешался странный коктейль из радости и мандража.

Этот день совершенно точно станет революцией в жизни Юлиана в Свайзлаутерне. А, если подумать, то и всей жиз-

ни в целом. Существовал риск того, что Юлиан всё испортит, но думать об этом он совершенно не хотел. Вероятность ошибки он и не рассматривал, потому что, как никогда, был уверен в своих силах.

Полного плана грядущего свидания он не продумал, что могло по идее выйти ему боком, но, опять же, Юлиан верил в себя.

В этот раз и утренний завтрак с Ривальдой Скуэйи не выглядел пыткой, и кормёжка Драго не казалось пугающей, и даже визит к зловещим феечкам. Они были так подозрительно спокойны сегодня, что будто бы и сами желали удачи Юлиану.

Занятия в Академии впервые в жизни пронеслись незаметно, потому что головой Юлиан был совершенно не на уроках. Он уже представлял красивейший водопад, которого никогда в своей жизни не видел, и пламенный поцелуй под ним, знаменующий начало новой счастливой жизни.

И факт того, что на дворе осень, и под фонтаном холодно, его не пугал.

Однако после Академии время вдруг остановилось. Свидание не приближалось, а приближалось чувство тревоги и неуверенности. Вдруг он что-то сделает не так?

Спустя пару десятилетий раздумий в голове Юлиана стукнуло одиннадцать часов, и он понял, что пора. Пусть придёт на полчаса пораньше, но это же ведь гораздо лучше, чем сидеть на измене здесь, с дрожащими ногами, ожидая непонят-

ного будущего.

Он открыл окно на своём втором этаже, кинул туда горстку пороха, после чего выпрыгнул и сам. Порох завис в воздухе и позволил Юлиану не с грохотом упасть на землю, а плавно, будто в условиях низкой гравитации, приземлиться.

Мешочек такого же чуда Юлиан сегодня дал и Пенелопе. Оставалось надеяться, что она распорядится им правильно и не сломает себе какую-нибудь ногу. Или шею.

Вообще Юлиан мог выйти и через входную дверь, как и положено нормальным людям, но уж очень он хотел опробовать способ передвижения при помощи пороха. К тому же это действие создавало ощущение выхода ночного тайного смотрящего города на свою тайную охоту за преступностью.

Окрылённый мечтами, он добрался до нужного места совершенно незаметно. Наручные часы, подаренные когда-то дедом, показывали 23-30, а это означало, что Юлиан очень переборщил со своей пунктуальностью.

Пенелопа явится ровно в 00-00, в этом Юлиан был более чем уверен.

Если бы не горящие фонари на ночных улицах, тьма была бы непроглядная, и сзади вполне мог напасть какой-нибудь преступник и забрать у Юлиана всё, что у него имелось с собой.

Спустя десять минут томительных ожиданий вдалеке показались горящие фары автомобиля, который стремительно, на всей возможной скорости, приближался прямо в сторо-

ну Юлиану.

Он отошёл к середине дороге, ожидая, что машина незаметно проскочит мимо него, но этого не случилось.

Машина остановилась прямо перед ним, и за открывшейся дверью показалось напуганное возбуждённое лицо Грао Дюкса.

– Юлиан! – воскликнул он. – Наконец я нашёл тебя.

– Что? – удивился юноша. – Вы меня искали? Зачем?

– Нет времени объяснять! – мистер Дюкс был серьёзен как никогда. – Быстрее залезай в машину.

– В машину? Я никуда не поеду с вами!

Таким Юлиан не видел Грао Дюкса ещё ни разу. Из привычного доброжелательного дедушки он превратился в какого-то беглого преступника, скрывающегося не только от правосудия, но и от других злодеев, которые норовили вот-вот убить его.

Обычно аккуратно причёсанные волосы на этот раз были растрёпаны, очки скошены набок, а нижняя губа дрожала.

– Не теряй времени, мальчик. Ты должен многое узнать?

– Чего ещё узнать? Не сегодня. У меня свидание, и осталось всего полчаса!

– Не до свиданий сейчас. Может быть, мы успеем, может быть, нет. Но это неважно сейчас.

– Нет. Я сильно расстрою свою девушку! Осталось всего двадцать минут!

– Не заставляй меня принимать мер.

– Каких ещё мер? – спросил Юлиан, но уже через секунду понял сам, что это за меры.

Его тело будто парализовало полностью, и двигать он мог только головой.

– Залезай в машину, или я затащу тебя сюда сам.

Поняв, что Грао Дюкс настроен очень серьёзно, Юлиан наконец сдался и сел на переднее сиденье. В это же мгновение герр Дюкс с силой ударил по педали газа, а через полминуты уже на четвёртой передаче что есть мочи гнал вперёд.

– Вы объясните мне, что происходит? – буквально кричал на Грао Дюкса Юлиан.

– Да, объясню. Надо только добраться до моего дома.

– Почему именно сейчас?

– Потому что больше возможностей не будет. Я могу доверять только тебе, ты можешь доверять только мне. Нас обманывали, и ты должен всё узнать!

– Узнать о чём? – насторожился Юлиан.

– Не мешай мне вести! Время дорого!

Ни на какие светофоры и правила приоритета Грао Дюкс внимания не обращал. Пару раз их чуть не сбили встречные машины, но безумного старика это совершенно не волновало.

Что-то и впрямь не терпело отлагательств. Что-то такое, ради чего стоило пожертвовать счастьем с Пенелопой. Возможно, что навсегда.

Почему именно сегодня?

– Это касается Ривальды Скуэйл? – не унимался Юлиан.

– И её тоже. И меня, и тебя. Никому ничего не рассказывай. Никому не верь.

– Где-то я уже это слышал.

– И услышишь не раз. Ну же! – закричал Грао Дюкс на какую-то машину, которая мешала проехать. – Ну и чёрт с тобой!

Он выскочил на встречную полосу, где снова чуть было не столкнулся с гудящим автомобилем. Пронесло уже в третий раз.

Юлиан вернётся из этого приключения с целой головой?

– Не успеваем! – закричал Дюкс, глядя на бортовые часы, которые показывали уже 23-57.

– Не успеваем до чего? – спросил Юлиан, но старик молчал.

И через три минуты всё резко поменялось. В долю секунды Грао Дюкс застыл и его тело будто бы парализовало. Глаза налились туманом, и машину он вести уже не мог.

– Нет! – закричал Юлиан.

Он оттеснил ногу Грао Дюкса и принялся искать педаль тормоза, но с первого раза этого не получилось. А, когда наконец нашёл, до упора нажать не успел, и машина врезалась в первое попавшееся дерево.

Машина всё-таки остановилась. Иначе и быть не могло.

Юлиан с силой ударился в боковое стекло и потерял сознание.

12. Потерпевший

"Почему всегда я?"

Юлиан Мерлин, октябрь 2010

К утру, вполне возможно, что к следующему, Юлиан очнулся. Голова гудела, в мозгах смешались все мысли, какие только могли, а в глазах всё ещё витал туман, и юноша плохо понимал, где находится.

Юлиан почесал шишку на голове и попытался вспомнить, что произошло. Прежде всего – он прогулял свидание с Пенелопой и теперь ещё долго не заслужит её прощения. Только потом до него дошло, что он и Грао Дюкс врезались в дерево, и это событие завершило тот прекрасный вечер.

Подняв голову, он заметил сидящую рядом с ним Ривальду Скуэйн. Незнакомая кровать, знакомое кресло... Всё это очень напоминало больницу.

– Где я? – первым делом спросил Юлиан.

– Воды не хочешь? – спросила Ривальда Скуэйн, но Юлиан отмахнулся:

– Не очень. Где я нахожусь?

– Больница Святых Павла и Петра. Тебе о чём-то говорит?

– Что случилось? – спросил Юлиан.

Туман в глазах начал рассеиваться и юноша начал приходить в себя.

– Случилась авария, – поведала Ривальда. – Ты и Грао

Дюкс яростно удирали от кого-то и врезались в дерево. Это я надеялась, что ты расскажешь мне, что случилось.

– Мне надо поговорить с герром Дюксом.

– Не поговоришь. Грао Дюкс погиб.

– Погиб? Что? – Юлиан аж привстал с кровати.

В это время в палату вошёл Якоб Сорвенгер, нелепо одетый в больничный халат поверх своего строгого костюма. Вездесущий Якоб Сорвенгер. Местное привидение. Местный герой, знающий всё.

– Он очнулся? – спросил комиссар. – Отлично. Один выживший есть.

– Грао Дюкс погиб не в аварии, – сказал Юлиан. – Это авария случилась из-за того, что он умер и машину занесло.

Лицо Ривальды налилось багровой красой, перенесся в какие-то не очень приятные воспоминания.

– Давай по порядку, – насторожился Сорвенгер. – Ты говоришь, что Дюкс погиб за секунду до аварии. Что его убило?

– Я не знаю. Он вдруг неожиданно застыл. За долю мгновения. Я пытался остановить машину, но не мог найти тормоз. Скорость была высока.

– Грао не было здоров, – сказала Ривальда. – Временный паралич мог с ним произойти. Может быть, ты заметил какие-нибудь судороги, стоны, пену у рта?

– Нет! – воскликнул Юлиан криком беспомощности. – Он умер той же самой смертью, что и Ровена Спаркс с Люцием

Карниганом. Я уверен! Я видел своими глазами!

– Твоя память может быть повреждена, – начала говорить Ривальда Скуэйн не самым уверенным своим тоном.

– Постой, Ривальда, – сказал Сорвенгер. – И впрямь много совпадений. Три похожих смерти – это уже закономерность. Мы в опасности. Надо что-то делать.

– А что мы можем? Нам остаётся только говорить об этом и ожидать лучшего будущего. Как бы мне хотелось, чтобы смерть Грао была следствием аварии...

– Мы ещё разберёмся в этом. Точную причину смерти установим.

– Как установили причину смерти Люция и Ровены? – выразила недовольство Ривальда. – Так вы работаете? Вы хоть что-нибудь полезное сделали?

– Не стоит срываться на полиции, – Сорвенгер оставался спокоен. – Мы делаем всё, что можем, но видно, что дело из ряда вон выходящее. Никаких улик.

– Тогда стоит искать закономерность.

– А она не очевидна? – выпалил Юлиан. – Погибают присяжные. Так называемые защитники города. Кто-то хочет ослабить Свайзлаутерн. Кто-то сбежавший месяц назад из вашей же тюрьмы!

Юлиан показал пальцем в сторону Сорвенгера, чем заставил его смутиться.

– Слова не лишены смысла, – кивнул он. – Как видите, теперь и я присяжный. И в такой же опасности, как и трое

погибших.

– Да. И мы все умрём. Я, вы и вы. Если конечно, кто-то из вас что-то не знает.

Юлиан буквально протыкал взглядом Ривальду.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она.

– Неважно.

– Мы должны усилить охрану всех присяжных, – сказал Сорвенгер. – До максимума.

– Держать их взаперти. Не давать пошевелиться.

– Это не поможет, – сказал Юлиан. – Я видел смерть Грао Дюкса своими глазами. Убийце не требуется никакое оружие – он убивает на расстоянии. Ему достаточно только желания.

– Тогда, может быть порча? – предположил Сорвенгер. – По крайней мере, я знаю только такой способ убийства на расстоянии.

– Надо проникнуть в дом герра Дюкса, – сказал Юлиан. – Он что-то знает. Что-то пытался мне рассказать.

– Да, мы обязательно это сделаем, – пообещал Сорвенгер.

– И я должен пойти с вами.

– С нами? Нет, юноша, простите. Тебе нужен покой в больнице. Правда от тебя всё равно не уйдёт. Ты же должен попасть на заседание.

– Если доживу, – сказал Юлиан. – Мне плевать на сотрясения, я хочу попасть в дом Грао Дюкса! Он пытался что-то сказать мне! Мне, а не вам!

Ривальда Скуэйи неожиданно с силой ударила по столу.

– Перестань! – воскликнула она. – Перестань устанавливать свои правила! Мы знаем лучше, что делать. А твоё дело – лежать здесь и ждать.

– Чего ждать? Смерти?

– Ты всерьёз думаешь, что в опасности? Кому ты нужен? Кто-то пытается ослабить город. И явно не считает, что ты его защитник.

Сорвенгер подскочил к ней:

– Успокойся, Ривальда. Не ругай его. У Юлиана стресс, и я это понимаю. Мы все сейчас неспокойны.

– Он выводит меня из себя. Считает, что умнее тебя. Я сама разберусь во всём, Якоб. Сама. Одна.

Больше всего на свете Юлиану сейчас хотелось оторвать ножку у стула и убить ей Ривальду. Заодно зацепив и Сорвенгера, так достоверно изображающего заботливого папашу.

Душа Юлиана кричала "Все лгут!", но он не мог произнести это вслух. Покойный Грао Дюкс пытался донести что-то именно до Юлиана, и вмешивать в это дело Ривальду явно не хотел.

Он усилил сомнения Юлиана в сотни раз, и душа его сейчас умоляла, чтобы Грао Дюкс вернулся из мёртвых. Начинало доходить, что этот старик и впрямь был единственным, кто желал добра Юлиану, но его забрали у него, так и не дав выговориться.

Юлиан снова подозревал Ривальду в этом. Кто, если не

она, всё это организует?

– Отправимся к тебе? – предложил Сорвенгер. – Налю тебе кофе или виски. Ты должна успокоиться.

– Пожалуй, да. Надо только приковать Юлиана цепями, чтобы не наделал глупостей. Почему, оборванец, ты оказался к той машине?

– Да случайно! – воскликнул Юлиан.

– Почему ты не был ночью дома?

Однако Сорвенгер буквально силой увёл её с собой. Они оба оставили его одного в этом неизвестном месте.

Пенелопа тоже не придёт, так как, скорее всего, видеть его она не хочет. И правильно делает – Юлиан не заслужил.

В то же время демон внутри разрывал его от свершившегося акта несправедливости. На данный момент Юлиан ненавидел весь мир. Даже Пенелопу какой-то частью сердца, так как сейчас она сидит в своей комнате или за партой в Академии, проклиная Юлиана и считая за последнего лгуна. Ненавидел за то, что когда он всё объяснит, она не поймёт и не поверит.

Не поверит тому, кто прав. Тому, кто всего лишь жертва.

Даже на похороны Грао Дюкса Юлиан не попал, потому что из больницы его выпустили только на пятый день после аварии. Эти дни даже самыми скучными в жизни Юлиана было назвать сложно, потому что слово "скучно" в данном случае означало бы неумолимое веселье.

Дни и ночи напролёт в этом месте Юлиан размышлял о случившемся и приходил раз за разом к одному и тому же выходу – Ривальда нарочно заключила его сюда, чтобы Юлиан не препятствовал её гнусным делам.

Как-то раз Юлиан вспомнил о вервольфе, который тоже лежал в больнице, и в голову пришла мысль, что, если он лежит здесь же, есть возможность его навестить.

Но это оказалось неосуществимым, потому что отделения были разные.

На пятый день, утром, едва покинув больницу, Юлиан сразу же отправился в Академию. Ривальду он и вовсе не видел, надеясь, что не увидит и вовсе.

Во внешнем дворе Академии Юлиан сразу встретил Хелен.

– Ничего себе, – сказала она. – Где ты всё это время пропадал?

– Да так, – почесал Юлиан голову. – Залечивал старые раны.

– Ну, ты вояка. А я уже по тебе начала скучать. Так где пропадал?

– В больнице лежал, – сознался Юлиан. – Честно. Немного не повезло. Сел в такси к пьяному водителю.

– Не сломал ничего? – спросила Хелен.

– Ничего. Жив и здоров. Пара царапин.

– Тогда пошли на занятия. Опаздываем.

– Уже опаздываем? – удивился Юлиан. – Так быстро... А

где, кстати, Пенелопа?

Хелен застыла на месте и начала всматриваться в глаза Юлиана, ожидая подвоха. Но тот стоял с идиотским видом и впрямь ничего не понимал.

– То есть ты не знаешь? – спросила Хелен. – Пенелопа уже пятый день под домашним арестом.

– Домашним арестом? – глаза Юлиана едва не полезли на лоб. – Как она там оказалась?

– Ты сейчас из меня дуру делаешь. Ты же сам вытащил её на улицу ночью. И не пришёл. Вот она обиженная пришла домой и во всём созналась. Родители такой порыв не оценили. Что случилось, Юлиан? Зачем ты обманул её?

– Я не обманывал, – начал оправдываться Юлиан. – По дороге на свидание со мной случилось это, – он указал на проходящую шишку на голове. – И я оказался в больнице.

– Надеюсь, что это правда. А то звучит как-то не очень.

Юлиан ощущал себя семилетним мальчонкой, стоящим перед дедом в кабинете и сгорающим от стыда и его испепеляющего взгляда. Только вот в этот раз он был абсолютно ни в чём не виновен.

– Где сядем? – неожиданно спросила Хелен, когда они вошли в аудиторию.

– Вместе? – переспросил Юлиан. – Я же с Йоханом сижу.

– Йохан не обидится, – отмахнулась рукой Хелен и указала рукой на вполне себе комфортное место в правом ряду возле окна.

Йохан и впрямь не обиделся. Вернее говоря, он и внимания никакого на Юлиана и Хелен не обратил, всё так же оставшись погружённым в свои глубокие мысли.

А вот Юлиану казалось как-то не по себе, что в отсутствие Пенелопы он делит парту с одной из её близких подруг.

А на перемене случилось опять не самое желанное событие – к Юлиану всё в том же внутреннем дворе подошёл Аарон Браво.

– Вижу, свидание затянулось? – первым делом спросил он.

– Да, – ответил Юлиан. – Самую малость.

– Почти неделю вас не было. Лютнер, наверное, до сих пор отходит?

– Не говори так, – сказал в его сторону Юлиан.

– Ну хорошо. Не хотел обидеть. Так ты скажешь, как всё прошло?

– Что именно?

– Свидание. Водопад и всё такое. Ей понравилось?

– Да, всё отлично, – выпалил Юлиан.

Правдой делиться с человеком, с которым он разговаривает во второй раз в своей жизни, очень не хотелось. Особенно той, которая грозила взорвать мозг.

– Рад за вас. Так где пропадали всё это время? – спросил Аарон. Оставляя Юлиана наедине со своими мыслями он не планировал.

– Слушай, мне пора, – встал с лавочки Юлиан и отправился прочь. – Как-нибудь потом расскажу.

– Пора обхаживать Бергер? – спросил Браво, подозрительно сузив глаза.

– Какую ещё Бергер?

– Хелен. Твоя новая подруга. Или ты не знаешь её фамилию?

– Всё я знаю! – отмахнулся Юлиан. Возникло желание бежать отсюда со всех ног. – И что значит "обхаживать"?

– Лютнер наскучила уже за пять дней, да? Теперь захотелось Бергер?

Теперь возникло желание не бежать, а убивать некоторых людей. Например, Аарона Браво. Он уже больше не казался правильным человеком, вызывающим уважение.

– Оставь догадки при себе, – нашёл в себе силы не сорваться Юлиан и отправился на следующее занятие, не обращая внимания ни на что.

Благо, в этот раз Браво не было в аудитории, потому что группа на практические занятия делилась на две половинки.

Алхимия не принесла Юлиану новых знаний о создании философского камня или гомункула, но укрепила подозрения насчёт Хелен.

Она вызвалась ему в пару при варке какой-то субстанции, и своей неуклюжестью часто всё портила. Может и не неуклюжестью, но что-то сосредоточиться ей явно мешало. Наверняка то, что глаз с Юлиана она почти не сводила.

– Сходим прогуляемся? – выпалила она, едва группа вышла из аудитории.

– Чего? – удивился Юлиан.

– Прогуляемся. Скучно мне.

Всё выглядело и впрямь так, как говорил Браво.

– Но как же...

На этом месте Юлиан застыл.

– Что как же?

– Как же Пенелопа?

– Пенелопа под домашним арестом. Я не знаю, когда смогу вытащить её оттуда.

– Я не об этом! – сказал Юлиан и остановился. – Что ты делаешь, Хелен? Едва Пенелопы нет, как ты творишь такое за спиной!

Лицо Хелен поменяло выражение, и она остановилась.

– Какое такое? – спросила она, попытавшись изобразить улыбку. – Я же просто хотела как друзья.

– Да не делают так друзья! – крикнул Юлиан, разведя руки в сторону.

Лицо Хелен и вовсе помутнело, после чего она резко развернулась и растворилась в толпе.

Юлиан понял, что чем-то обидел её, и ему стало очень жаль, но теперь он не знал, где найти девушку. Он очень хотел извиниться за то, что не объяснил всё человеческим языком, по-спокойному. Он и извинится, но завтра.

Почему Юлиан теперь ещё должен перед всеми извиняться?

Едва Юлиан переступил порог дома, как заметил, что в гостиной его ждёт Ривальда, а на столе большая зажаренная индейка и прочие аппетитные яства.

– Вы кого-то ждёте? – спросил Юлиан.

– Конечно, – ответила Ривальда. – Тебя. И стол для тебя. Небось еда в больнице не вызвала восторга.

Подозрительная забота, которая буквально пугала.

– С чего бы это? Вы скучали по мне?

– Нет. Без тебя было спокойно, и я могла отдохнуть. Присаживайся, не стесняйся. И руки помой.

– Я думал, что вы держите зло на меня.

– Держу, – сказала Ривальда, отрезая кусок индейки и накладывая еду в тарелку Юлиана. – Но уважить как-то должна. Я тоже была не права. Все эти события выбивают из колеи.

– Вы были в доме у герра Дюкса?

– Полиция была. Ничего интересного, по словам Якоба, там не нашли. Ешь, не стесняйся, еда не отравлена.

– Я вам верю.

Юлиан и впрямь не стал стесняться, поэтому без компромиссов начал набивать себе рот той едой, по которой за эти пять дней соскучился чуть меньше, чем по Пенелопе.

– Убийства происходят через каждые десять дней, – сказал Юлиан. – Это вы заметили?

– Заметили, и очень давно. Через пять дней ждём чего-то интересного?

– Интересного? – удивился Юлиан. – Вы называете это так?

– Как бы то ни было, это интереснее, чем жалкое существование обывателей.

– Но ведь можем и мы умереть. Это не так интересно.

– На этот случай у меня кое-что есть.

Ривальда вытащила откуда-то однотонный серебряный кулон и протянула его Юлиану.

– Что это? – спросил Юлиан, оценивая вес вещицы. Возможно, что и не серебро вовсе.

– Оберег от порчи, – ответила миссис Скуэйн. – Я в него вложила всю свою душу, и, надеюсь, что он нам поможет.

Юлиан надел его себе на шею. Надо сказать, не очень удобный.

– А у вас такой же? – спросил Юлиан.

– Да, – она вытащила из своего платья свой серебряный кулон и немного повертела в руке. – Не стала обижать тебя и сделала нам одинаковые.

– Почему бы не раздать такие всем оставшимся присяжным?

– Это было очень сложно, Юлиан. Я потратила много сил, создавая эти два, и так скоро третий не сделаю. Возможно, тогда будет поздно. Но самые ценные кадры в строю и, я думаю, мы в безопасности.

– Я и вы? – удивился Юлиан.

– Именно так. Тем более, ты знаешь даже больше меня. Я

хочу, чтобы ты подробнее объяснил мне, почему в ту роковую ночь ты оказался в машине у Грао Дюкса?

Аппетит Юлиана мгновенно перебило, и он на какое-то время отложил вилку в сторону.

– Я всё рассказал в больнице. Всё самое важное. Я отправился на свидание, и прямо перед ним подъехал герр Дюкс и заставил сесть к себе в машину.

– Собираясь рассказать тебе что-то важное? Ты говорил это, но до моего сознания не доходит, почему именно тебе? Почему мы доверия не заслужили, а заслужил ты?

– Поверьте, меня этот вопрос интересует не меньше вас. И ответов у меня так же мало. У герра Дюкса была очень важная информация для меня. Вполне возможно, он хранил её в своих дневниках и записях. При обыске дома вы должны были что-то найти!

– Мы и нашли, – сказала Ривальда. – Но ничего стоящего там не было. Почему ты не принимаешь во внимание предположение о том, что Грао мог везти тебя в ловушку? И кто-то просто тебя спас от него.

– Знаете ли, на злодея он не очень похож.

"В отличие от вас" – промелькнула в голове Юлиана мысль, но вслух озвучивать её он не стал. Стоило быть максимально осторожным.

– Ты же сам предположил, что в городе может быть сообщник убийцы, который освободил Иллиция из тюрьмы, а потом помогал ему совершать все эти убийства.

– Точно не Дюкс. Он прямо предчувствовал свою смерть, он опаздывал куда-то. Может быть, он зашифровал что-то важное именно для меня? Миссис Скуэйн, я должен увидеть то, что вы нашли в доме у мистера Дюкса.

– Довольно смело. Ты возомнил себя тем, кто может спасти город?

– Вполне возможно. Потому что остальные сидят и ждут, пока что-то случится. Я, в отличие от всех, пытаюсь сделать хоть что-то.

– Как правило, тщетно.

– Покажите мне найденное в доме герра Дюкса, – медленным тоном повторил Юлиан, будто бы ставил дерзкое условие более старшему товарищу.

Ривальду, похоже, это немного задело.

– А хорошо, – сказала она. – Я всё покажу. Докажи, что умнее меня. Одевайся. Мы едем в Департамент.

– Прямо сейчас? – удивился Юлиан.

– Да. Именно сейчас. Тебе же твои тщетные расследования дороже праздничного обеда, который я тебе устроила от чистого сердца.

– Я не хотел обидеть вас. Я не настаиваю на том, что вы должны это сделать сегодня. Я могу потерпеть и до завтра.

– Нет. Либо сейчас, либо никогда.

Сейчас Юлиан понял, что с удовольствием съел бы ещё ломоть индейки с подозрительно вкусным соусом, который ранее он никогда не пробовал. Но Ривальда была очень на-

стойчива.

Таким образом, Юлиан стал жертвой своей же храбрости.

Департамент практически пустовал в такой час, но охрана всё же не дремала. Юлиан впервые в жизни увидел кабинет Ривальды в Департаменте, и он был практически полной копией того, что был в её доме.

– Садись, – приказала она и полезла в свой огромный шкаф, скрывающий немало загадок и секретов.

Долго искать не пришлось, и уже через минуту она вывалила на стол перед Юлианом кипу бумажной рутины, среди которой скрывались толстые тетради, исписанные дневники, оборванные листы бумаги и старые фотографии.

– Вот, в твоё распоряжение, – сказала Ривальда и показательно уселась напротив.

Она явно не была довольна тем, что пришлось наведать Департамент уже после работы, и в особенности в компании Юлиана. Но если бы ей так сильно не хотелось соглашаться с Юлианом, она могла бы запросто запереть его насильно в комнате и ещё несколько дней не выпускать.

– Это всё? – спросил Юлиан.

– А тебе мало? – удивилась Ривальда. – Это всё, что было найдено на его рабочем столе и под ним.

– Но этого и впрямь мало! Он мог спрятать что-то важное, например, в книгах. Написать что-то на стене.

– Бурная фантазия у тебя. Грао Дюкс был самым прямолинейным человеком из тех, что я знала. Даже тебе дал бы

фору. Смотри и убеждайся, что этот старик не знал ничего. Светлая ему память, – словно в знак уважения дополнила она.

Юлиан недовольно поджал губы и принялся рассматривать содержимое того, что получил в распоряжение. Дневники являлись описанием скучной жизни герра Дюкса, не неся ровным счётом ничего интересного. Письма адресовались неизвестным людям, но и в них главным образом были отчёты за жизнь. То же самое представляли из себя и полученные письма. Даже письма, которые Юлиан переписывал для миссис Скуэйн, несли в себе больше смысловой нагрузки.

– Что, меж строк много интересного? – спросила Ривальда, выдержав едва ли не полчаса мучительных ожиданий.

– Надо ещё раз проникнуть в его дом, – настоял Юлиан.

– У тебя такого права нет. Есть только у Якоба Сорвенгера, и он свою задачу выполнил добросовестно.

В этот момент Юлиан наткнулся на желтую папку с надписью "Агнус Иллиций" и раскупорил её.

– Он собирал какое-то досье на Иллиция, – предположил Юлиан, на что Ривальда лишь недовольно закатила глаза:

– И что он собрал? Фотографии Агнуса из следственного изолятора? Кажется, их видел весь мир.

Юлиан одну за другой перебирал фотографии, подробно вглядываясь в каждую из них и изучая каждую мелочь. Обратные стороны он тоже рассматривал, но они тоже были пу-

сты.

– Подождите! – внезапно осенило Юлиана и он чуть ли не в нос ткнул Ривальде одну из фотографий.

– И чего тут интересного? Иллиций пьёт вино, для человека его типа это довольно распространённое увлечение.

– Да я не об этом! Посмотрите на кольцо на его руке! Я где-то уже его видел!

– Это родовое кольцо Иллициев, – пояснила Ривальда. – Агнус никогда не снимает его. А ты видел его аж два раза в жизни. При кольце! Ты думаешь, что он убивает при помощи кольца?

– Нет, – задумался Юлиан. – Я об этом и не думал. Есть фотография кольца в лучшем качестве?

– Сейчас посмотрю, – недовольно фыркнула Ривальда и снова отправилась в свой бесконечный шкаф.

Наверняка, в её шкафу была спрятана какая-то волшебная страна, потому что там найти можно было всё. Быть может, и самого Иллиция, а с ним и Молтембера. И трупы Спаркс, Карнигана и Дюкса. Всё возможно.

– Вот, – она кинула перед Юлианом старую чёрно-белую фотографию руки Агнуса Иллиция.

Юлиан поднёс её к своим глазам. Существо, похожее на ящерицу, обвивалось вокруг огромного яйца. Что значил этот герб рода Иллициев, Юлиан не знал, но кольцо это точно видел совсем недавно. После побега Агнуса.

– Я видел это кольцо, – повторил Юлиан. – И я должен

кое-что проверить.

– Что? Тебя допустить к секретным архивам?

– Нет. Только к Пенелопе Лютнер. У неё есть кое-что поважнее архивов.

– По-моему, вы с ней очень близки. Так что иди и узнавай, что хочешь.

– Нет. Наверняка, она сейчас в обиде на меня. И ещё сидит под домашним арестом. Не могли бы вы позвать как-нибудь в гости герра и фрау Лютнер?

К концу предложения уверенность в тоне Юлиана пропала, потому что Ривальда Скуэйн сделала такое выражение лица, что убийство не явилось бы неожиданностью.

– Слишком много просишь! Всё, мы уходим отсюда. Надоели твои игры. Больше в это дело не лезь!

Недолго у Ривальды Скуэйн получилось быть хорошей. Ой, как недолго.

Юлиан уже начал жалеть, что оказался с ней так откровенен. Потому что он всё ещё очень подозревал её в содействии преступности и явно мог в чём-то проколотся. Если вдруг Ривальда узнает про киноплёнку, которую Юлиан прятал у Пенелопы, она не постесняется убить и её. Или оградить от общения с Юлианом.

– Простите, – не очень уверенно пробормотал он.

– Прощаю! Но хватит тебе уже лезть в дела взрослых! Всё! Меня больше не беспокой. Ты вводишь меня только в заблуждение.

Сейчас Юлиану очень хотелось выложить Ривальде свою безумную догадку, но это могло обернуться очень чреватыми последствиями. Вплоть до самого страшного.

На следующий день он пришёл в Академию в надежде, что домашний арест Пенелопы закончился, и он сможет наконец поговорить с ней, но этого не случилось. Оставалось верить, что её домашний арест затянется только на неделю и уже в понедельник она снова появится в Академии.

Увидев Хелен, он ещё вспомнил и о вчерашнем недопонимании с ней, и это ещё больше загнало его с тоску. Но Юлиан достаточно уверенно прошёл мимо её парты и уселся к Йохану.

– Как дела? – неожиданно сам для себя спросил у соседа он.

– Хорошо, – ответил Йохан, немало удивившись этому тоже.

– Какой сейчас урок?

– У нас не уроки. У нас пары.

– Слушай, а ты с Пенелопой не общаешься?

– На самом деле я считаю, что мы с ней друзья. Она сама так говорила. Но пропала сама на неделю, и я не знаю куда.

– Понятно в общем. Мне ты не поможешь.

Но незатянувшийся разговор прервало приветствие огромного бородатого профессора, которое заставило всех студентов забыть о своих делах и записать тему.

После занятия Юлиан набрался храбрости и подошёл к Хелен:

– Привет, – неуверенно сказал он ей, когда она собиралась прильнуть к своим подругам и отправиться по своим делам.

Юлиан ожидал, что Хелен попросту проигнорирует его и, гордо развернувшись, уйдёт, но этого не случилось.

– Спасибо, что не избегаешь, – сказала она. – Будем считать, что на занятии ты снова меня не заметил.

– Заметил, – ответил Юлиан. – Но постеснялся подойти. Я хотел бы попросить у тебя прощения, в общем.

– За что?

– Вчера как-то неловко попрощались с тобой. Я хочу, чтобы ты поняла кое-что. Мне очень нравится Пенелопа, и я хочу, чтобы у нас с ней что-то получилось, вот и вижу подвохи во всём.

– Да, я заметила. Пенелопа красивая. Одевается красиво. Идеальная девушка. Куда дурнушке Холли до неё?

– Нет, – Юлиан был загнан в угол. Худшие опасения начали подтверждаться. – На самом деле ты вполне себе видная девушка. Скажу по секрету, среди парней я слышал о тебе очень хорошие слова.

– Ты же не общаешься ещё ни с кем.

– Я? С чего ты взяла? Я почти подружился с Аароном Браво, например.

– А ещё?

Юлиан задумался. Хелен загнала его в тупик.

– Многие ещё. Имена сложно запомнить. Но мысль свою я до тебя донёс. Но Пенелопа... Она девушка, будто бы созданная для меня. Как бы я хотел, чтобы она это слышала.

– Могу передать.

– Нет! Ни в коем разе. Я сам всё скажу ей.

– Трусишка. Второй Йохан.

Хелен попыталась засмеяться, но в её глазах Юлиан заметил грусть.

– Впрочем-то да. Полный олух Юлиан Мерлин. Так что? Мы друзья?

Хелен на секунду задумалась, а потом выпалила:

– Да! Друзья. Этого я и хотела, а не того, чего ты там напридумывал. Никаких проблем. И я всё понимаю насчёт Пенелопы. Как ты относишься к тому, чтобы сходить куда-нибудь по-дружески? Ты, я и Йохан. Втроём. Так же можно?

– Можно, – согласился Юлиан. – Но, пожалуйста, только не сегодня. Сегодня я как-то должен попасть к Пенелопе.

– Признаться в любви?

– В любви? О чём ты? Я боюсь этого слова, и на самом деле сомневаюсь. Но что-то сказать я должен. Может быть, у тебя получится её вытащить?

– Нет. Меня уже больше не пускают к ней. Потому что я якобы активная соучастница её ночных походов. Делай, как все романтики! Залезь к ней в окно.

– В окно?

– Да! В магазине шалостей продаётся верёвка. Так и назы-

вается – "верёвка Ромео". Залезешь к ней в окно. Рискнёшь своей жизнью.

– Ты сейчас снова вспоминаешь тот случай с вервольфами?

– Именно его. Так что? Мы всё уладили? На выходных жду тебя и Йохана. Постарайся вытащить её и Пенелопу. Можем в кино сходить.

– В кино? Отличная идея. Сто лет не смотрел кино. Пока, Хелен?

– В смысле пока? У нас ещё две пары!

– У вас, – уточнил Юлиан. – А у меня важные дела.

Оставив Хелен наедине с самой собой, Юлиан пулей выскочил из Академии и побежал в тот магазин шалостей, который посоветовала ему Хелен.

Магазин был истинным раем для старого Юлиана, который любил подшучивать над учителями, друзьями и даже дедушкой, но сейчас он стал ощущать себя другим человеком. Более взрослым и серьёзным. Оказавшись в магазине не для привычных шуток, а для решения жизненно важных проблем. Двоякого смысла.

Пробегая мимо "Прелести Анны", Юлиан вспомнил ещё кое-что и удержаться не смог. Что может быть лучше, чем доставить радость любимой девушке букетом цветов? Особенно букетом свежих аметистовых слёз, ведь именно эти цветы стали символом их столь успешного знакомства!

Теперь он снова был окрылён, потому что начал верить,

что всё хорошо и на этот раз в дурацкое положение он не попадёт. Цветы же многим помогают извиняться. Тем более, вкуче с правдивым рассказом о настоящей причине.

До дома Пенелопы Юлиан бежал, не останавливаясь. Благо, быстрые ноги были его самыми лучшими друзьями в этой жизни.

Представляя себя иноземным шпионом, Юлиан принялся разыскивать нужное окно, молясь, что его не заметят родители Пенелопы, но долго этим заниматься не пришлось.

Из нужного приоткрытого окна на втором этаже донеслись звуки скрипки. Такую приятную мелодию могла сыграть только Пенелопа, и никто больше на этом свете, поэтому сомнений никаких не оставалось.

Ромео должен начинать.

Верёвка волшебным образом приклеилась к верхней части окна и стала поднимать Юлиана вверх. Было бы даже немного страшно, если бы Юлиана не опьяняло чувство предвкушения.

– Пенелопа! – громко шепнул он, заметив девушку, стоящую перед зеркалом со скрипкой.

Она мгновенно отложила в сторону скрипку и оглянулась. Неизвестно, какими были её чувства сейчас, но выглядела она скорее напуганной, нежели радостной.

– Юлиан? – удивилась она. – Что ты здесь делаешь?

– Прошу, не выкидывай меня из окна. И не зови родителей. Нам надо поговорить.

– Родителей нет дома. Но что ты делаешь?

Непонимание выглядело угрожающим.

– Так тыпустишь меня? – спросил он.

– Ты забыл, что ты сделал? Как обманул меня?

– Не забыл. Я всё объясню. Не дай мне упасть и свернуть шею. У меня рука затекла.

– Хорошо, залезай. Но, если мне что-то не понравится, я скину тебя обратно.

– Твоё право, – сказал Юлиан и забрался в окно, свернув веревку и спрятав в сумку.

Оглянувшись по сторонам, он вытащил цветы и протянул их Пенелопе:

– Это тебе, – дрожащим голосом произнёс он.

– То есть так? Думаешь, что подаришь цветочки, и всё будет хорошо? Вообще-то, я не хочу тебя видеть, Юлиан.

– Я знаю, что каждый день ты покупаешь аметисты. А теперь ты под домашним арестом и не можешь. И я вот решил заполнить эту пустоту. У тебя есть ваза?

– Поставь туда, – указала Пенелопа на противоположно стоящий стол. – Я не такая бессердечная, чтобы заставлять тебя забирать их обратно. И присядь уже. Уходить отсюда, как я вижу, ты не собираешься.

Юлиан присел. Чая, похоже, он не дожждётся. Да и не за ним он пришёл.

– Я честно, ждал тебя в ту ночь. Я и пришёл едва ли не полчаса раньше. Но меня отвлекли. А в итоге я оказался в

больнице и провалялся там пять дней.

– И я в это должна поверить?

– Всё так и было! Незадолго до твоего прихода ко мне подомчался один старик по имени Грао Дюкс и буквально силой заставил сесть в свою машину. Он повёз меня куда-то, мы три раза чуть не разбились, я уже и с жизнью попрощался. Герр Дюкс обещал рассказать что-то важное, что должен был услышать только я. Но представляешь – по дороге он ни с того ни с сего умер!

– Да, я знаю, что герр Дюкс в ту ночь умер. Вернее, погиб в аварии. Ты хочешь мне сказать, что был с ним?

– Да! Но он умер не от аварии! Что-то другое убilo его. Что-то очень страшное. Какая-то невиданная сила. Я чудом смог выжить, только повредив немного голову. В больнице легко докажут, что меня из той машины извлекли.

Пенелопа посмотрела на него грустными глазами в ожидании того, что сказать. Похоже, она колебалась между тем, чтобы поверить или нет.

– Не надо ничего доказывать, – сухо произнесла она. – Важно только то, что герр Грао Дюкс был моим двоюродным дядей. Кузеном моего отца.

– Что? – удивился Юлиан. – Я... Я не знал. Прости.

– И я его очень любила. Он был ко мне добрее, чем родители.

– И ко мне был добр. Знаешь, это первый человек, с которым я познакомился в Свайзлаутерне. Он тогда меня едва не

смог направить на истинный путь, но я не хотел его слушать. Теперь очень жалею, что не смог общаться с ним чаще.

Пенелопа подняла голову на него и на её глазах показались слёзы. Юлиан мгновенно подскочил к ней на её кровать.

– Не плачь, – сказал он. – Прошу тебя.

– Я так ненавидела тебя все эти дни, – прошептала она, уткнувшись в плечо Юлиана.

– Я это заслужил, знаю. Я должен был сбежать из этой больницы на второй же день и прийти к тебе, чтобы всё объяснить.

– Не стоило. Не стоило, Юлиан, не стоило. Ты точно был в той машине?

Юлиан не нашёл лучшего способа действия, чтобы обхватить Пенелопу рукой и прижать к себе. Девушка, похоже, не была против. Или вовсе не заметила.

– Точно. Я и сам удивлён. Но, если бы я только знал, что мистер Дюкс был твоим близким. Возможно, всё было иначе.

– Он был очень нездоров. Зачем он сел тогда в машину сам? Почему отказался от водителя?

– Да не в этом дело, Пенелопа. Это не авария. Это убийство. Точно такое же, которое погубило и Ровену Спаркс, и Люция Карнигана. Я всё это видел своими глазами.

– И кто этот убийца? – в надежде спросила Пенелопа, подняв заплаканное лицо.

Было ошибкой напоминать ей о Грао Дюксе, но откуда же он мог знать... Юлиан не хотел приносить девушке боль,

больше всего на свете не хотел.

– У них есть подозреваемый. Я говорил тебе о нём. Агнус Иллиций, который недавно сбежал из тюрьмы.

– Он? Я думала, что это шутка.

– Убийства начались после побега Иллиция. И теперь у нас появился шанс его найти.

Пенелопа вырвалась из объятий, вытерла слёзы и посмотрела на Юлиана уже более живым взглядом:

– Департамент казнит его?

– Я не знаю. Ривальда не слушает меня. Поэтому я могу довериться только тебе. Ты же сохранила ту видеоплётку с моим отцом?

– Да, конечно, – она поднялась с кровати. – Знаешь ли, после того дня, когда ты обманул меня, мне очень хотелось выкинуть её куда подальше. Но потом я подумала, что твой отец-то ничего мне плохого не сделал, и это будет неуважительно.

Юлиан ничего не ответил. Он начинал испытывать чувство вины по тому поводу, что не смог защитить близкого для Пенелопы человека. Будто бы ответственность за её горе переложилась на него, и теперь он является своего рода убийцей её спокойствия.

– Вот она, – протянула она Юлиану в руки киноплётку. – Зачем она тебе?

Юлиан прочитал надпись "Йозеф и я", чтобы удостовериться, что Пенелопа не перепутала запись.

– Кое-что узнать, – сказал он. – Вернее, удостовериться, потому что я и так всё знаю. Кажется.

– Это касается мести за убийство моего дяди?

– Мести? – удивился Юлиан. – Пенелопа, не говори таких вещей.

– А что я ещё должна говорить?

– Позволь мне во всём разобраться. Потом я найду нужных людей, и они помогут. Никакой самодеятельности.

– Ты же говорил, что никому в этом городе верить нельзя.

– Кому-то можно, – сказал Юлиан и приблизился к вкопанной в землю Пенелопе.

Она смотрела на него, не отрываясь, будто требуя одним только взглядом убийства Агнуса Иллиция здесь и сейчас. Но Юлиан об этом думать не хотел.

– Знаешь ли, я верю тебе. Как никогда, – тихо произнесла она и обняла Юлиана.

Поцеловать её не удастся, потому что она уткнулась лицом в грудь Юлиана. Да и не время сейчас. И не место.

– Я очень постараюсь. Прямо сейчас отправлюсь в Академию. Лиам Тейлор пустит меня к кинескопу?

– Я пойду с тобой, – твердо произнесла Пенелопа.

– Не стоит. Не подставляй себя под удар. Не забывай про домашний арест.

– Плевать я на него хотела. Ты научил меня быть сильнее, научил быть решительнее. Научил совершать настоящие поступки. Прямо сейчас спущусь с тобой в окно.

– Нет, – отпустил Пенелопу Юлиан. – Мне запись только посмотреть. Когда я всё узнаю, я приду к тебе. Может и завтра. Не оставлю в неведении.

– Хорошо. Я верю тебе. Но в следующий раз меня тут ничто не удержит.

– Даже я?

– Даже ты.

И он снова оставил Пенелопу одну в этом мире, хотя очень этого не хотел. Но угроза попасться на глаза герру и фрау Лютнер выглядела куда более устрашающей для обоих. Хотя вряд ли Юлиана смогло напугать такое, потому что проходил он здесь и через более страшные вещи. И Пенелопа проходила. И ещё пройдут.

В Академию Юлиан вернулся как раз к середине третьего занятия, и, ясное дело на него не пошёл. И не пошёл бы, даже если бы успевал, потому что были дела поважнее.

Кабинет мистера Тейлора пустовал. Вернее, не совсем, так как сам Лиам Тейлор сидел здесь и писал что-то за письменным столом.

Юлиан для приличия закашлял.

– Разрешите? – спросил он, после того, как мистер Тейлор поднял на него взгляд.

– Герр Мерлин? Рад вас видеть. Полагаю, вы пришли взять тему для доклада?

Было очень неловко, но удовлетворить порыв Тейлора Юлиан не мог.

– Сожалею, сэр, – сказал он, войдя в кабинет. – Но я не думал об этом. Мне нужно ещё раз воспользоваться вашим кинескопом.

– Опять? – убедился мистер Тейлор. – А почему вы не на занятиях? У вас, по-моему, Дибадру. Он сегодня болен?

– Нет, он отпустил меня. Просто дело не терпит. Вы разрешите мне?

– Конечно, герр Мерлин, мне не жаль. Но тему для доклада я вам всё-таки дам.

В глазах мистера Тейлора появился просто детский блеск. Юлиан кивнул, потому что другого выбора у него не оставалось.

– Давайте плёнку, – сказал преподаватель. – Сегодня и я посмотрю, что вы там нашли. Вы же не против?

– Конечно, нет, – любезно ответил Юлиан, хотя такая перспектива не очень радовала его.

Но в противном случае он мог и вовсе остаться без кинескопа.

– Знакомое лицо, – сказал Тейлор, едва увидев в кадре лицо Вильгельма Мерлина.

– Это мой отец, – сознался Юлиан, вновь с грустью наслаждаясь призрачным обществом человека, которого больше не увидит никогда. – Он погиб через шесть лет после этой записи.

– Соболезную, – посочувствовал мистер Тейлор. – Потерять отца... Что может быть хуже. Скажите, а вервольфы ле-

гальны?

– Нет. Но наказывать уже больше некого.

– Буду надеяться, что вы не уроки ухода за вервольфами берёте.

– Подождите! – вдруг перебил преподавателя Юлиана. – Остановите! На секунду пораньше. Вот-вот, так хорошо.

Оба замерли в изумлении, только вот один из них ничего не понимал. И им был мистер Лиам Тейлор.

– И что это? – спросил он.

– Рука! А на ней кольцо! В кадр попала рука того, кто снимал запись. Я прав, именно здесь я его и видел.

Проигнорировав загадочный взгляд Тейлора, Юлиан принялся копаться в сумке, после чего вытащил оттуда фотографию руки Агнуса Иллиция, которую ему удалось незаметно украсть в кабинете Ривальды Скуэйи.

Поднеся фотографию к изображению на стене, Юлиан спросил:

– Это одно и то же кольцо! Не так ли?

– Так. Сомнений быть не может. Но почему этот факт вас ввёл в такую эйфорию? – спросил у студента Тейлор.

– Это фамильное кольцо рода Иллициев. Судя по руке в кадре, моего отца снимал как раз Агнус Иллиций. Судя по всему... Близкий друг.

На этом месте Юлиан слегка опустил голову, чтобы скрыть грусть, но мистер Тейлор это заметил:

– Чей близкий друг?

– Близкий друг моего отца, – хмурым тоном ответил Юлиан. – Агнус Иллиций, который снимал это видео, был близким другом моего отца. Как весело они проводили время. Через шесть лет Агнус Иллиций предал моего отца и убил.

– Бог мой... За что?

– Иллиций работал на Молтембера. А мой отец воевал против него.

– Террористы?

– Да, именно они. Понимаете, что я знаю теперь? На этой видеоплётке отец воспитал волчонка. А потом сказал Иллицию, что если что-то с ним случится, то именно ему придётся ухаживать за ним!

На этом месте голос Юлиана стал более одушевленным, но Тейлор его энтузиазма не разделил.

– И о чём вы догадались?

– Мой отец и Агнус Иллиций вместе ухаживали за вервольфом. Скорее всего, потом и вовсе при помощи Йозефа подружились со стаей волков из нашего леса. Логично?

– Логично. Даже очень. Вервольфы, они очень умные и верные. Они помнят, кто их воспитал и всегда будут защищать. И члены их стаи никогда не будут против, даже если это человек.

– Значит, мой отец и Иллиций могли вполне стать друзьями вервольфов. Как жаль, что я так мало знаю... Но мне кажется, что Иллиций может и сейчас прятаться у них. Полиция прочесала все вокзалы, все поезда, все окрестности. Но

лес они не трогали! Это владения вервольфов, и вервольфы никого туда не пустили бы.

– И глупо было бы полагать, что пустят и этого вашего Иллиция. Но они помнили, что он их друг? Я правильно понимаю тебя?

– Правильно! – глаза Юлиана буквально горели ярким огнём. – Я почти полностью уверен, что Иллиций прячется там!

– А вы очень умны, герр Мерлин. Только не пойму – почему вы рассказываете всё это мне? Я же совсем ничего не понимаю.

– Вот поэтому и рассказываю! – улыбнулся Юлиан. – Вы же ничего не понимаете. Это было что-то вроде мыслей вслух!

Тейлор улыбнулся в ответ, и лицо его напоминало больше лицо неудачливого студента, нежели важного преподавателя.

– Вы меня и пугаете и удивляете одновременно. Но я желаю вам удачи! И не забывайте про доклад.

– Доклад? Но я же город собираюсь спасти.

– Сделав доклад на "отлично", вы точно его спасёте!

Лиам Тейлор на этот раз только расстроил Юлиана. Похоже, что всерьёз его слова преподаватель не воспринял, и посчитал за какую-то шутку.

Ну и поделом. Юлиан и впрямь мыслил вслух, не более того.

Спустя буквально час Юлиан уже подбегал ко входу в полицейский участок. Тот самый, в котором он сидел арестованным и впервые встретился с Агнусом Иллицием.

Юлиан за сегодня запыхался так сильно, что ворвался без стука в первый же попавшийся кабинет. Он не думал о том, что его не так поймут, так как сейчас он ощущал себя самым важным человеком в Свайзлаутерне.

– Это что ещё такое? – гневно спросил сидевший здесь полицейский, мгновенно вскочив и потянувшись за пистолетом.

Юлиан за секунду отдышался и уставился на инспектора. Он был ему знаком с самого первого раза – ведь именно его он посадил в камеру-ночлежку в ту самую ночь, когда Юлиан оказался здесь.

На столе так и было написано – "П. У. Глесон".

– Инспектор Глесон, – через громкое дыхание пробормотал Юлиан. – Мне срочно нужно увидеть герра Сорвенгера.

– Ты? – спросил Глесон, убрав руку с пистолета, но так и не осмелившись присесть. – Мальчишка, который крадёт по ночам кошельки?

– Больше не повторится, – пообещал Юлиан, так как не было времени объяснять, что всё было не так. – У меня есть важная информация для Якоба Сорвенгера.

– К нему тут напрямую не обращаются, – пояснил Глесон. – Всё, что хочешь сказать, говори мне.

– Но мне нужен именно герр Сорвенгер. Это касается Агнуса Иллиция.

– Иллиция, – насторожился Глесон. – Откуда тебе известно про него?

– Я присяжный!

– Ты?

– Что здесь происходит? – ворвался в кабинет Якоб Сорвенгер собственной персоной.

Юлиан выдохнул. Излишних расспросов Глесона он избежал.

– Я ищу вас, – сказал юноша. – Есть очень важная информация. Государственной важности.

– Государственной, – повторил Сорвенгер. – Пройдём в мой кабинет.

Первым же делом Сорвенгер предложил чай, но Юлиан вежливо от него отказался. Тогда комиссар перешёл сразу к делу:

– Что ты собирался мне сказать?

– Я знаю, где искать Агнуса Иллиция. Он находится в лесу, под присмотром вервольфов.

Сорвенгер резко изменил выражение лица и будто бы на секунду застыл на месте.

– Откуда такая информация? – переварив услышанное, спросил Сорвенгер.

– Я знаю, что это нелепо, но Иллиций должен быть там.

– Это исключено. Лес – это владение вервольфов. Они бы

разорвали Иллиция, едва он туда сунулся бы.

Юлиан ожидал такого ответа, но история была уже заготовлена:

– Не в этом случае. Когда-то давно мой отец и Агнус Иллиций спасли волчонка, чью мать растерзали. В благодарность за это вервольфы могли сделать их обоих своими друзьями.

– Могли? – недоверчиво спросил Сорвенгера. – То есть, это не факт? Не проверенный факт?

– Но очень вероятный. Мы должны прочесать лес, найти там Иллиция, и всё это остановить.

Сорвенгер посмотрел на Юлиана таким взглядом, будто бы ненавидел юношу в этот момент всем своим сердцем.

– Это всего лишь догадка, – сквозь зубы процедил комиссар. – К тому же, не совсем логичная.

– Да посмотрите правде в глаза! Где, если не там, прятаться Иллицию?

– Мы не можем разводить войну с вервольфами только ради догадки семнадцатилетнего мальчишки. Ты понимаешь, какими последствиями всё это может обернуться?

– Необязательно воевать! Можно постараться выпросить всё у них мирным путём. В больнице сейчас лежит один вервольф, можно выпытать у него.

– Веками они жили своей жизнью, а мы своей, – продолжал напряжённый рассказ Сорвенгер. – Это своего рода идиллия. Такое табу, которое нарушать не следует. Мы пой-

маем Иллиция, но сделаем это нашими способами, сто раз проверенными.

– Как мне ещё вас убедить? – в отчаянии спросил Юлиан.

– Никак. Ты рассказал мне довольно занятную вещь, но, увы. Прости. Очень рискованно.

– А ждать не рискованно?

– Мы не ждём! Мы работаем. И я очень ценю твоё желание помочь.

– Но ничего не сделаете. Я вас понял. Спасибо за внимание.

Юлиан удручённо встал и отправился к выходу. Сорвенгер не сказал ни слова вдогонку, и это юношу расстроило. Он очень надеялся, что сейчас комиссар вдруг передумает и kinetic лучик надежды. Но, увы... Чудеса случаются не сегодня.

13. Шпион

"Помощь не приходит из ниоткуда. Полагаться можно только на самого себя"

Юлиан Мерлин, октябрь 2010

Что оставалось делать мальчишке, от которого в одночасье отвернулся весь мир? Смиренно ожидать исхода или же безумно кидаться в бой, совершенно не думая о последствиях? Ни одно, ни другое, не выглядело оптимальным и фактически приравнивалось Юлианом к проигрышу.

Ривальда Скуэйи подвела его, расстроил Якоб Сорвенгер, а Грао Дюкс и вовсе погиб. Даже малознакомый Люций Карниган мог бы очень помочь, но и того смерть прибрала к своим рукам.

Был ещё вариант с Джампаоло Раньери, но Юлиан был практически полностью уверен, что дед отнесётся к словам Юлиана не менее скептически, чем Сорвенгер. Более того, придётся объясняться перед ним за тот самый глупый поступок – побег в Свайзлаутерн.

На выходных Юлиан исполнил своё обещание и отправился на прогулку с Хелен и Йоханом, которая совсем не принесла ему удовольствия. Фильм, на который они ходили, Юлиан почти полностью просмотрел, потому что был глубоко погружен в свои мысли. И достойно поддержать разговор не мог, потому что в данный момент все эти пустяки волно-

вали его очень мало.

– Отличный фильм? – спросила Хелен у Йохана и Юлиана, когда после кинотеатра они отправились закусить в кафе.

Юлиан с нетерпением ждал, когда эти посиделки наконец закончатся. При всём уважении к Хелен, гулять он хотел только с Пенелопой и ни с кем более.

– Да, Хелен, – кивнул Йохан, который тоже не выглядел до предела весёлым. – Мне понравился. Пересмотрю ещё как-нибудь потом.

– А ты? – обратилась Хелен к Юлиану, но юноша поначалу на это не отреагировал. – Юлиан, ты меня слышишь вообще?

– Слышу, – чуть слышно пробормотал он. – По мне, так ничего хорошего там не было.

– Где?

– В фильме? Как он назывался вообще? И о чём был? Знаешь, едва я вышел из кинотеатра, как всё забыл. Мгновенно.

Юлиан выпалил всё это мгновенно, совершенно не строя в голове никаких фраз и планов. Будто и не думал вовсе, когда всё это говорил. Но, похоже, автопилот вышел довольно правдоподобным.

– Может, ты и прав, – согласилась Хелен. – Что с тобой вообще сегодня, Юлиан?

– О чём ты?

– Какой-то ты сам не свой. Почти не говоришь, не замечаешь ничего. Весь в себя ушёл. Ты не болен случаем?

– Нет, – отмахнулся Юлиан. – Со мной всё в порядке. Го-

лова немного болит.

– О Пенелопе думаешь? – неожиданно спросил Йохан.

Сначала Юлиану не понравилось такое предположение Йохана, но потом он понял, что логичней и удобней всего будет согласиться с этим, чтобы не вмешивать однокурсников во все хитросплетения насчёт убийств и Агнуса Иллиция.

– Да, – кивнул он. – Вы меня раскусили.

– Так ты виделся с ней? – спросила Хелен.

– Да. Как ты и сказала, я залез в окно. У Пенелопы случилось несчастье – в аварии погиб её двоюродный дядя, а она его очень любила.

– Так она тебя простила? – поинтересовалась Хелен, и Юлиану показалось, что положительный ответ её не очень устроит.

Только помочь он ничем не мог.

– Мне показалось, что да, – ответил Юлиан. – Только явно, ей не до меня. Она плакала.

– Её дядя – это же Грао Дюкс? – спросил Йохан.

– Так и ты был знаком с ним? – удивился Юлиан.

– Не совсем, – ответил Йохан. – Но мой отец был. Грао Дюкс же был известным психиатром, а после того, как мама... В общем, какое-то время отец лечился у него. А теперь герр Дюкс и как раз его дом был опечатан через агентство отца.

– Получается, что он жил один? – насторожился Юлиан.

– Да. Его же жена давно умерла.

Юлиан вспомнил, что в момент первой встречи в автобусе герр Дюкс говорил ему о потере своей жены.

– А наследники? – влезла в разговор Хелен. – Они ещё не растерзали дом на части?

– Я в дела отца не лезу, – сказал Йохан. – Но логично допустить, что герр Дюкс был слишком одинок и наследников найти не так-то просто. По крайней мере, в течение месяца дом точно будет опечатан.

Юлиан не понимал, зачем они завели этот разговор. Гораздо интереснее сейчас было бы узнать, что случилось с матерью Йохана, но, судя по всему, юношу не очень приятно было вспоминать о ней. Получается, что покинула она семью Эриксонов отнюдь не по своей воле.

Любопытство Юлиана было очень глубоким, но не до такой степени.

– А что в городе говорят о смерти герра Дюкса? – спросил Юлиан у однокурсников.

– Ты не читаешь газет? – удивился Йохан.

– Иногда читаю, но в больницу ко мне их не носили.

– В "Экспрессе" писали про аварию, – поведала Хелен. – Папа читал мне. Герр Дюкс всегда пользовался услугами водителя, так как был болен и в любой момент мог потерять контроль над своим телом.

– Так получилось, что потерял именно за рулём, – дополнил Йохан.

– А почему он ехал один? – спросил Юлиан. – Почему на

такой высокой скорости? Почему ночью?

– Никто не знает, – сказала Хелен. – Это осталось как бы тайной. Грао Дюкс был в машине один и унесёт эту тайну с собой в могилу.

– Один? – удивился Юлиан. – Газеты пишут, что один?

– Да. А кто мог с ним быть?

– Ну не знаю, – начал заминаться Юлиан. – Вдруг был свидетель...

Департамент вновь обманывал народ. Без ведома Департамента ни одна газетная статья в свет не выйдет, в этом Юлиан был уверен. Кто-то явно хочет запутать всех людей, в том числе Юлиана, а потом свершить какое-то великое тёмное дело.

Или около того.

– Почему вдруг ты так проникся гибелью герра Дюкса? – поинтересовалась Хелен.

– Погиб человек, которого знал и я. Что тут удивительного?

– Ты знал Дюкса?

– Знал. Но это неважно.

Разговор заходил в тупик, и пора было валить отсюда. Сославшись на головную боль, Юлиан скрылся из кафе, чтобы поскорее залезть в свою комнату или поглубже в библиотеку и долго оттуда не высываться.

Один несомненный плюс проведённый вечер принёс – Юлиан узнал о существовании очень симпатичного кафе

"Хартс", которое явно нравилось юноше больше того, в котором они частенько пили с Пенелопой кофе.

Стоило наведаться сюда как-нибудь ещё.

В библиотеке Ривальды Скуэйи Юлиан вновь углубился в книги по чёрной магии, надеясь найти там что-то похожее на происходящее, но близко ничего не находил. Всё было гораздо сложнее, и в сто крат непонятнее.

Загадочные письма уже вызывали у Юлиана тошноту. Но для чего-то раз за разом он открывал новое и добропорядочно переписывал его волшебным пером, которое делало почерк Юлиана на удивление красивым.

"Госпоже М.

От господина Р.

январь 1995 г.

После столь долгого перерыва я рад сообщить Вам, что со мной всё в порядке. Большие года мне пришлось провести в изгнании. Более того, на какое-то время я даже оказался в тюрьме. Мне удалось оттуда бежать, но теперь меня ищут.

Я в бегах, охотники за головами уже знают цену за меня и ни за что не отступят обратно. Сожалею, но я не уверен, что будет завтра. Сегодня я наслаждаюсь своей жизнью, потому что свободен и до меня трудно добраться.

Но в одночасье всё может поменяться, ибо непредсказуемое нашей жизни нет и не было ничего. В темнице моё сердце согревало только Ваше имя и подарок, оставленный ко-

гда-то Вами. Я ношу его всегда при себе. Он помог мне выжить тогда, когда я, казалось бы, потерял уже всякую надежду.

Более всего на свете мне хотелось сейчас забрать бы Вас с собой, но на данный момент это невозможно. Повторюсь, что я в бегах и подставлять тем самым Вас под удар я не имею никакого права.

Вы не должны пытаться искать меня, потому что не найдёте. Однажды я найду Вас сам. Небо станет светлее, а трава зеленее. А наша с Вами любовь ещё ярче.

Надеюсь, в Вас она ещё не угасла. Ибо во мне пылает пламенем тысяч свечей, разрывая изнутри, не дающая спать и спокойно дышать. Моя любовь к Вам – это всё, что у меня осталось. Не подводите меня.

Вы поймёте, когда всё уладится и мы сможем наконец-то увидеться. Вы знаете, как найти меня. Пустой поезд с номером дня нашего с Вами знакомства в любом депо принесёт Вас ко мне. Не упустите своего шанса.

*Ваш покорный слуга,
господин Р."*

С момента последнего письма прошло и впрямь больше года. Любовная история господина Р. и госпожи М. набирала небывалые обороты и чем-то даже напоминала стезания Юлиана по Пенелопе.

Когда-то у них было всё хорошо, потом Пенелопа узнала правду о Юлиане, не поверила ему и не восприняла всерьёз.

Это можно было принять за небольшой раздор. Подобно тому, как госпожа М. боялась господина Р., Пенелопа не понимала Юлиана.

Потом Юлиан и Пенелопа сплотились вместе, начали друг другу верить и прониклись общими идеями. Даже совершили пару безумных поступков, где особняком стоит заварушка с вервольфами.

И наконец – невольное разлучение. Господин Р. был оклеветан и оказался в тюрьме, и примерно то же самое ждало и Пенелопу. Только тюрьмой оказался для неё её же родной дом, из которого не было ни выхода, ни спасения.

Получила ли история госпожи М. и господина Р. какую-то развязку? Ожидает ли подобное и Юлиана с Пенелопой? Всё это сегодня он не узнает, потому что эти заколдованные письма выматывают из себя, словно после безумного марафона. Сейчас Юлиан уже начинал переносить приступы безумной усталости, но за второе письмо подряд ни за что не рискнул бы сесть.

Перед сном он написал письмо и Пенелопе:

"Завтра в 14-00 буду в кафе Хартс. Очень хочется встретиться с тобой как можно быстрее. Попытайся отпроситься у родителей. Очень скучаю,

Ю.А. Монроук"

Пожалуй, "Монроук" было куда красивее, чем "Мерлин". Довольно лаконичное, но чёткое письмо, взметнуло в воздух и самостоятельно полетело туда, куда шёпотом адресовал его

Юлиан. Через несколько минут оно упадёт на подоконник Пенелопы, но прочитает она его только утром, потому что, скорее всего сейчас уже спит глубоким сном.

Хотелось бы написать более содержательное и длинное письмо, но всё самое важное Юлиан решил сообщить завтра. Если ему, конечно, удастся её там увидеть. В противном же случае, в понедельник Пенелопа точно должна прийти в Академию. Там она от Юлиана уже никуда не скроется.

В кафе Юлиан сам едва не опоздал, потому что не подрастал длительность дороги и отправился пешком. Однако ворвался он туда ровно в 14-00, чем был безумно доволен, и считал себя тем самым педантичным из всех педантов.

Но вместо Пенелопы он там заметил только Йохана. Вряд ли Пенелопа будет опаздывать.

– Ты кого-то ждёшь? – спросил Юлиан, неожиданно подойдя сзади к Йохану.

Тот настороженно обернулся, но, увидев, что это всего лишь Юлиан, выдохнул воздух и сказал:

– Никого не жду. Один здесь. Присаживайся.

Юлиан улыбнулся правой частью губы и присел.

– Ты ходишь в кафе один? – удивился он. – И так вот сидишь здесь с одним кофе?

– Не совсем, – тихо пробормотал Йохан. – Но каждое воскресенье, с половины второго, я должен быть здесь.

Юлиан ещё раз осмотрелся по сторонам, ожидая всё-таки

увидеть где-нибудь здесь Пенелопу, но этого опять не случилось. Похоже, что вырваться из родительского крыла у неё не получилось.

– Интересно, – сказал Юлиан. – Это что-то значит для тебя? Какая-то традиция?

Юлиан начал осознавать, что ему весьма увлекательно знакомится с новыми друзьями.

– Да. Моя личная. Полгода уже.

Он повертел в руках стакан с кофе, после чего решил выпалить всё как есть:

– Понимаешь, я никому про это не говорю. Но если уж ты так интересуешься. Оглянись.

Юлиан оглянулся назад и пристально рассмотрел всех находящихся здесь. Надо сказать, что даже в воскресный день, кафе было забито людьми далеко не до отказа.

– И что я там должен был увидеть? – спросил Юлиан.

– Ты заметил её? – в надежде расширил глаза Йохан. – Она ведь правда очень красивая? Та, в красной юбке?

Юлиан ещё раз оглянулся назад и наконец заметил её. Среднего роста, чуть выше Пенелопы, с интересным сочетанием длинных белых волос и карих глаз, в слишком короткой для такого времени года красной клетчатой юбке. Это была довольно привлекательная девушка, сидевшая так же одна. Она пила тот же кофе, что и Йохан.

– Ты ходишь сюда, чтобы смотреть на эту девушку? – спросил Юлиан, удивлённо скривив рот.

– Это смешно? – недовольно проговорил Йохан. – Да, это так. Каждое воскресенье. Она всегда приходит в половину второго одна. А через час уходит.

– Ну, так подойди к ней, – посоветовал Юлиан.

Реакция Йохана была такой, словно он увидел гигантского ядовитого паука.

– Я не могу, – сознался он. – Такая девушка слишком хороша для меня.

– Да брось, дружище. Вы созданы друг для друга, – само собой, Юлиан немного льстил. – Посмотри на неё ещё раз! Она наверняка всё это время ждёт тебя!

– Меня? – удивился Йохан. – Но она смотрела на меня всего-то пару раз. Нет, Юлиан, я боюсь.

– Нашёл чего бояться. Подойди к ней! Это же глупо – так сидеть и чего-то ждать. Сама она не подойдёт. Девушки так не делают.

Йохан сделал сконфуженное лицо, будто Юлиан предлагал ему заняться прямо сейчас чёрной магией и вызвать какого-нибудь древнего демона.

На самом деле Йохане не казался Юлиану таким уж идиотом, потому что он и сам в такой ситуации вряд ли знал бы, что делать. И к девушке подойти было бы для него немногим проще, чем Йохану. Но давать советы было намного легче, чем что-то делать самому.

Не дожидаясь ответа Йохана, Юлиан сказал:

– Пойду и себе закажу кофе. А ты пока подумай.

Юлиан боялся, что за это время Йохан сбежит из кафе, не оглядываясь назад, но этого не случилось. Он всё так же сидел и смотрел на девушку. Пенелопа всё ещё не появилась, и Юлиан потерял всякую надежду встретить её сегодня.

– Знаешь, а я понял, в чём твоя проблема, – сказал Юлиан, отпив горячего кофе. – Ты мало общаешься с людьми.

– Мало? – удивился Йохан. – Что ты сейчас имеешь в виду?

– То самое, – недовольно пробормотал Юлиан. – Я заметил, что в группе ты одиночка. Это заводит людей в тупик и они теряются в себе. Почему ты не общаешься с ребятами?

– Например, с какими? Меня всё устраивает.

– Я знаю, что Аарон Браво предлагал тебе дружбу. Почему ты отказался?

– Браво? – состряпал тошнотворное лицо Йохан. – Этот подонок? Никогда и ни за что в этой жизни.

– А другие? Есть же много других.

– Все они жмутся к Браво. Он сколотил вокруг себя братство, а мне в его компании не место. Я пытался общаться с ним, но вышло только одно. Он не может вести себя как человек. Вечно подшучивает.

– Но это же канон дружбы! – чуть ли не воскликнул Юлиан. – Если ты не понимаешь безобидных шуток, то не понимаешь и дружбы!

– Я плохо переношу это. И, тем более, от таких людей, как Браво. Отец учил меня, что такие люди не ровня мне. И

извиваться перед ними не достойно.

– Разговоры о чистоте крови, – закатил глаза Юлиан. – Сколько я их уже слышал. Всё это бред. Решают всё люди, а не титулы и имена. Будь проще, и тебе станет проще жить.

– Зачем ты учишь меня жить? – недовольно спросил Йохан.

– Я не учу. Я вижу, что тебе нелегко и пытаюсь помочь. Я не прошу заводить дружбу с Аароном. Он и мне не до конца приятен. Но ты же можешь перебороть себя и подойти к этой девушке?

– Не могу. Я в полном оцепенении. Мне кажется, что она считает меня полным идиотом. Что я скажу ей? Привет, я Йохан и я уже почти полгода пялюсь на тебя, как маньяк? Я люблю тебя, пошли погуляем?

– Нет. Но я же как-то познакомился с Пенелопой. Она тоже считала, что я простолюдин, но меня не оттринула. Я ей нравился и до тех пор, пока она не узнала, что я принадлежу к семейству Раньери.

Вернее говоря, Юлиан надеялся, что нравился. И что нравится сейчас.

– Я не такой. Я ненавижу себя за это. Но друзья вроде Браво мне не нужны. Он прямо заявлял, что ненавидит моего отца. Как можно заводить дружбу с таким человеком?

Услышав про отца Йохана, Юлиана словно осенило. В голову пришла столь безумная идея, что отказываться от неё было бы очень нелепо.

– Постой, Йохан, – сказал он. – Твой отец же работает в агентстве, которое опечатало дом Грао Дюкса?

– Да, а что?

– Получается, у него есть ключи от дома?

– Должны быть. Но к чему ты клонишь?

Меж тем душа Юлиана ликовала. Они сам не знал, почему.

– Мне очень нужна твоя помощь, Йохан, – уверенно обратился Юлиан. – Мне нужны эти ключи.

– Ты в своём уме? – удивился Йохан. – Ты хочешь, чтобы я стащил ключи у отца? Для того, чтобы ты ограбил дом покойного герра Дюкса?

– Не совсем. Но для меня это очень важно. Я могу рассказать тебе правду о том, зачем они мне нужны, но вряд ли ты согласишься.

– И впрямь, – заворчал Йохан. – Мне совсем неинтересно, потому что я на такое точно не пойду.

– Но, если ты согласишься, ты поймёшь меня и согласишься помочь.

– С чего бы это?

– А если я помогу тебе познакомиться с этой девушкой? Сделаю всё так, что она будет твоей? Что тогда?

– У тебя ничего не получится, – уверенно парировал Йохан.

– Нет. Я сделаю так, что получится.

На самом деле Юлиан и понятия не имел, как всё это

устроить. Но это сейчас отходило на второй план, потому что важно было совершенно другое.

– Я не верю тебе. И не хочу играть в твои игры.

– Возможно, что многие жизни зависят от того, попаду я в дом к герру Дюксу или нет.

– Что ты несёшь? – тон Йохана был всё более и более истеричным. – Как это возможно? Что может зависеть от тебя?

– Вспомни вервольфов. Я очень серьёзен и знаю очень многое. В ночь гибели Грао Дюкса я находился с ним в машине. Я не знаю, почему пресса скрыла это. Я выжил в той аварии и провалялся в больнице пять дней.

– Ты убил его?

– Нет. Не убивал я никого. Грао Дюкс вёз меня к себе домой с целью показать что-то важное. Но из-за гибели не смог.

– И ты должен это узнать?

– Должен.

– Знаешь что, Юлиан? Ты чудак какой-то. Разговор окончен.

Он уверенно встал из-за стола и покинул кафе, оставив Юлиана в ещё более удрученном состоянии. Теперь он точно знал, что все отвернулись от него и никто не хотел помогать. Абсолютно. Он один, как корабль, заблудившийся в бескрайнем море.

Утро понедельника едва не заставило Юлиана наконец снова начать радоваться – Пенелопа вернулась в Академию.

Срок её домашнего ареста был окончен, или же она просто была амнистирована своими же родителями за хорошее поведение.

– Привет, – восторженно сказал Юлиан, едва только девушка появилась у входа в кабинет.

Он ожидал сейчас едва ли не объятий, но, то, что случилось, явно не было тем, что он ожидал. Пенелопа демонстративно проскочила мимо, не бросив на несчастного Юлиана даже случайного взгляда.

– Пенелопа! – кинул он девушке вдогонку, но та и не ото-звалась, словно Юлиан принял лист красного призрака и не был замечен человечеству.

Усевшись на самую заднюю парту, изолированно даже от Йохана, Юлиан достал одну из своих тетрадей и что-то туда записал. Ничего важного, просто некоторые фразы, перенесённые на бумагу, порой помогали ему расслабиться и вернуть часть позитива.

Но не в этот раз. Пенелопа чуть ли не убила его таким поведением. И ведь совершенно без объяснимых причин! Та последняя встреча в её комнате оставила за собой многообещающую концовку, пусть диалог и был в целом траурным. Самое главное – он был сплочённым и даже трогательным, потому что объятия и тепло Пенелопы Юлиан вспоминал чуть ли не ночами напролёт.

Едва дождавшись звонка, Юлиан вскочил из-за парты, словно ошпаренный и кинулся за уходящей Пенелопой, но у

самой двери его перехватил Йохан.

– Есть дело, Юлиан, – опрометчиво кинул он, но несчастный влюблённый чуть ли не с силой попытался прорваться.

– Не сейчас, Йохан. Извини, – проворчал Юлиан.

– Не хочешь, как хочешь. Дело не моё, – обиженно про бурчал Йохан, но всё же не уходил.

– Ну всё. Исчезла в толпе, – констатировал печальный факт Юлиан и наконец обратился к Йохану. – Выкладывай.

Мимо Йохана пулей проскочил Аарон Браво, едва не зацепив того плечом, но каким-то образом этого не случилось.

Йохан залез в карман жилетки и прямо-таки с пафосным видом вытащил оттуда добротную связку ключей и помахал ей в воздухе.

– Такое вот дело, – сказал Йохан, показывая глазами на ключи.

– От дома Грао Дюкса? – в надежде спросил Юлиан.

– Да. Я не удержался и решил рискнуть.

Юлиану показалось, что в этот раз Йохан ведёт себя несколько более уверенно, чем обычно. Неужто, какие-то слова Юлиана всё же дошли до сердца потерянного товарища?

– Что-то изменилось?

– Ничего, – сказал Йохан. – Я долго думал, потом понял, что сошёл с ума и пошёл на такой вот шаг. Я всё ещё не уверен в этом.

– Я не подведу.

Йохан всё ещё держал ключи в руке, решаясь, отдавать их или нет.

– Буду надеяться, Юлиан. Я стащил ключи не для того, чтобы отец оторвал мне голову, – сухо произнёс Йохан и всё так же неуверенно протянул ключи Юлиану.

– Йохан, я говорил тебе, что ты самый лучший человек на свете? – с серьёзным видом спросил Юлиан.

– Кажется, ты забыл, что это сделка?

На этом месте взбудораженный стук сердца Юлиана чуть замедлился и он понял, что Йохан имеет в виду. Не самая приятная новость.

– Я обязательно что-нибудь придумаю, – пообещал Юлиан, хотя был далеко не уверен в своих словах.

– Другого выхода у тебя нет. Самое главное – со своими делами не медли. Не хочу, чтобы отец заметил, что ключи пропали.

– Прямо завтра и верну, – сказал Юлиан, нервно теребя ключи в руке.

– Когда-нибудь ты мне расскажешь, зачем мы вызывали вервольфов и зачем ты лазаешь по домам погибших людей. Это обещаешь?

– Я же уже рассказал тебе.

– Не до конца.

– Так или иначе, но мне придётся, – согласился Юлиан. – Только ты всё равно не поверишь.

– Про воскресенье не забудь, – напомнил ещё раз Йохан. –

Я очень боюсь, но что-то в этот день произойти должно.

Юлиан был абсолютно уверен в том, что Йохан не сможет сделать ничего плохого Юлиану, если тот не выполнит свою часть сделки. Но пользоваться этим он категорически не хотел, так как выглядеть человеком, не знающим цену своему слову, явно удовольствие ниже среднего. И совесть, любящая иногда подъедать откуда-то изнутри, явно даст о себе знать.

– Всё будет на высшем уровне, – пообещал Юлиан, явно ненавидя за эту фразу всего себя целиком.

В конечном итоге он может оказаться подлецом и лгуном, а это было даже весьма страшно.

Йохан поколебался ещё раз, словно собираясь выхватить ключи из рук Юлиана и отнести их обратно отцу. Юлиан заметил это, и, не дожидаясь, когда это случится, спрятал их в карман и сказал:

– Прогуляюсь до буфета. Не хочешь со мной?

– Нет, – ответил Йохан. – Найди там Пенелопу.

Но Пенелопу он там не нашёл. И на следующем занятии она снова игнорировала факт его существования. Юлиан уже готов был вскочить с места, перебив профессора и потребовать от Пенелопы немедленных объяснений. Если бы сегодня была третья пара, он непременно сделал бы это, но её не было. Понедельник являлся не самым насыщенным днём.

Следить за Пенелопой он не стал, в одно мгновение осознав, что с точки зрения мужского достоинства это не будет

являться правильным шагом. Дождётся, когда почва уляжется, а потом всё разрешит.

Но через секунду его мнение снова поменялось, и он опять погряз в переживаниях по поводу Пенелопы и её странного поведения. Но для того, чтобы догонять, было уже поздно. В конце концов, несколько дней у Юлиана ещё есть.

Но несколько дней до чего? Юлиан не мог это объяснить, но в голове такие мысли витали. Может быть, это связано с тем, что присяжные умирали один раз в десять дней, а с момента смерти Грао Дюкса минуло уже шесть? Это означало, что впереди ещё четыре дня, после чего жертвой преступника мог оказаться кто угодно, в том числе и Юлиан.

Но в последний путь он себя не провожал.

Зажиточные люди Свайзлаутерна, да и многих других городов тоже, очень переживали за благосостояние своего имущества. Их дома были окружены невидимым щитом, преодолеть который можно было, только открыв входную дверь при помощи ключа.

Таким образом, они ограждали свои дома от возможных ночных проникновений преступников и прочих незваных гостей. Умерший с месяц назад иностранец со странной фамилией "Золецкий" явно не обезопасил свой дом таким образом, и поплатился за это своей жизнью.

Некоторые и вовсе использовали так называемые "заключающие слова", которые позволяли войти в дом только по-

сле непосредственного приглашения его хозяина. Ситуация очень напоминала ситуацию с вампирами, которые тоже не могли проникнуть в чей-то дом без дозволения на это.

Всё это и являлось логическими предпосылками к тому, что попасть в дом Грао Дюкса, забравшись в окно, Юлиан не мог. В лучшем случае наткнётся на невидимый щит и уйдёт обратно, а в худшем – щит ударит его током, обожжёт огнём или совершит какую-нибудь другую пакость. В тот день он и к Пенелопе залезть в окно смог только после того, как она дала ему добро.

Вот такие методы безопасности активно применялись в Свайзлаутерне.

К слову, особо осторожный хозяин дома мог предвидеть похищение ключа и наложить заклятье ещё и на него. Тогда ключ слушался бы только его и более никого, а в руках злоумышленника оказался бы бесполезной железной игрушкой.

Но Юлиан сделал вполне себе обоснованный вывод, что даже если Грао Дюкс свои ключи когда-то заколдовал, то с моментом его смерти заклятье бы пало. Это вообще было одним из основополагающих законов Проксимы – любое заклятье падёт со смертью того, кто наложил его.

Дождавшись, пока стемнеет, Юлиан отправился на своё тёмное дело.

Двухэтажный дом Грао Дюкса был окружён высоким забором, а весь периметр был и вовсе окружён разноцветными лентами, которые водрузили сюда смотрительные полицей-

ские. Они тоже обладали отталкивающим свойством, только вот Юлиан Мерлин входил в совет Присяжных, и такое препятствие не являлось для него закрытой дверью. Одна из привилегий работников Департамента – полицейские барьеры на них не действуют.

Открыв ворота самым тяжёлым ключом, Юлиан оказался в пугающем и мрачном дворе, прилегающим к дому покойного герра Дюкса. Он был практически пуст и было вовсе непонятно – зачем мистеру Дюксу столько территории. Ни сада, ни гаража, ни фонтана, ни собаки тут замечено не было.

Только гладко выстриженный вечнозелёный газон, а также стены забора, создаваемые ощущение нахождения в старинной тюрьме.

Снаружи дом тоже не выглядел самым приветливым на свете. Тяжёлая с виду каменная дверь с неизвестными рисунками, занавешенные окна и разбитое местами крыльцо. В этом доме должен был жить Молтембер, не меньше.

На самом деле, Юлиан преувеличивал. Всё потому, что он находился один ночью возле пустого дома недавно умершего человека и собирался в него проникнуть. И он не считал это актом вандализма или оскорблением чей-то памяти, но ощущение было именно такое.

Говорят, что призраки некоторых умерших могут оставаться в своём доме хоть на веки вечные и охранять его, поэтому с призраком Грао Дюкса Юлиан встретиться не хотел. В таком возрасте призраки никогда не бывают злыми и мсти-

тельными, но они жутки всегда и избежание встреч с ними – естественный путь самосохранения.

Юлиан медленно повернул ключ и открыл входную дверь. Она послушно открылась, заставив Юлиана немного расслабиться, потому что он всё ещё сомневался, откроется ли она.

Разговор с призраком Грао Дюкса мог бы быть очень полезен, но видеться с ним наедине Юлиан не очень хотел. Через такое он ещё ни разу не проходил.

Едва оказавшись в прихожей, Юлиан принялся нащупывать кнопку включателя света и довольно быстро нашёл её. Надо ли описывать внутренне убранство дома Грао Дюкса, если оно ровным счётом ничем не выделялось?

Юлиан не стал тратить на это время и отправился в кабинет мистера Дюкса в попытках что-то там найти.

Он ожидал увидеть призрак Грао Дюкса, сидящий за его местом за столом, но нашёл только глухую тишину. Свет загораться не хотел, поэтому пришлось активировать фонарь, потому что тьма была кромешная.

Из-за окна выглянула почти полная луна и фантазия Юлиана напомнила ему о том, что ночью в окне может показаться страшное лицо Смерти или кого-то ещё, может пролететь стая летучих мышей или послышаться чей-то заунывный вой.

Но стояла тишина, и самым громким звуком здесь сейчас было дыхание Юлиана.

Несколько минут он шарил по комнате в поисках ка-

ких-либо документов, но любезная полиция изъяла их все, не оставив абсолютно ничего. Плохо верилось в то, что набралась только такая небольшая стопка, которую Юлиан тогда получил от Ривальды Скуэйн. Вернее говоря, совсем не верилось, потому что кабинет был очень большим и вмещал в себя явно больше.

Следуя своим теориям, Юлиан принялся шарить ещё и по стенам, ожидая найти какие-нибудь тайные записи, адресованные непосредственно ему и более никому.

В конце концов он нашёл одну-единственную запись "Я помню".

Поначалу он пропустил её мимо глаз, но через секунду до него дошло.

– Комната Воспоминаний, – прошептал он, направив фонарь прямо на фразу.

Комната Воспоминаний являлась творением очень серьёзной и магии и мало кто был способен создать себе такую. Но Юлиан знал точно, что у его деда такая комната точно есть, пусть он никому и никогда её не показывал.

Положив левую руку на надпись, Юлиан что-то прошептал, и этот участок стены отодвинулся назад. После этого оголились кирпичи, из которых была создана стена, отделились друг от друга и по своей воле начали окружать Юлиана.

Парень очень надеялся, что именно так всё и должно быть и это его не убьёт.

Кирпичей становилось всё больше и больше, но Юли-

ан начал догадываться, что это иллюзия, поэтому смиренно ожидал исхода.

Загорелся свет, и Юлиан оказался в тесной квадратной комнате, стены которой, вместе с потолком и полом были исписаны мелкими словами на разных языках.

Юлиан нагнулся к полу, пытаясь прочесть что-то, но слова становились всё меньше и меньше, а их количество всё увеличивалось и увеличивалось. Зрение Юлиана принимало необычайную остроту, но всё же прочесть он ничего не мог.

Тогда он кинулся к стене, но, чем ближе он приближался, тем дальше эта стена становилась.

Похоже, что Грао Дюкс оставил слишком много своих знаний в этой комнате и разобраться в них мог только он.

– Я помню, – сказал Юлиан, обнаружив, что не открывал при этом рта.

– Что ты помнишь? – послышался голос в голове.

– Помню, кто убил Ровену Спаркс, Люция Карнигана и Грао Дюкса!

– А я не помню, – ответил голос.

Интерьер комнаты абсолютно изменился, и теперь Юлиан оказался в какой-то космической туманности, в которой раз за разом мелькали лица Карнигана, Спаркс и Дюкса.

– Я помню, зачем их убили, – сделал второе предположение Юлиан, и обстановка вокруг начала вибрировать.

– И я помню, – послышался голос Грао Дюкса, после чего появилось его огромное лицо.

Он был одет примерно так же, как и обычно, но явно выглядел лет на двадцать-тридцать младше.

– Хочу вернуться в самое начало, – сказал Юлиан, после чего его голос отозвался эхом сзади, а пейзаж начал меняться.

С потолка посыпались цифры, группируясь и образуясь в несколько больших. Вокруг Юлиана переплелась дата "6. 1996", картина со всех боков наконец начала принимать понятный вид.

– Во время восстания Молтембера я работал в Местоболе, и о сегодняшней своей должности мог только мечтать, – сказали воспоминания Грао Дюкса, и весь пейзаж вокруг словно вторил его словам.

Юлиан видел Местоболь с высоты птичьего полёта, его многочисленные башни, знаковые здания. Так выглядел Местоболь из воспоминаний Грао Дюкса и никто не даст гарантий того, что они были точны. Сам Юлиан тоже не запомнит досконального того, что видит. Это отпечатается в его сознании только в виде воспоминаний и примерных очертаний.

– Однако к началу этого года меня срочно отправили в Свайзлаутерн, который зализывал свои раны после известного взрыва Парламента, унёсшего так много жизней видных людей этого города.

Теперь уже Юлиана окружал не Местоболь, а Свайзлаутерн пятнадцатилетней давности, который мало чем отличался от нынешнего. Только вот Парламент представлял из

себя гору чёрных развалин.

– В то время Уильям Монроук как раз раскусил предателя Агнуса Иллиция, отдав за это свою жизнь. Меня всегда такие поражали такие люди, как Уильям. Даже смерть не стала преградой для того, чтобы он смог помочь нам. Ему удалось донести до нас, что предателем был Агнус Иллиций. Но все мы отлично знали, что вряд ли столь предусмотрительный лидер как Акруп Молтембер имеет в наших рядах только одного шпиона. Мы отлично понимали, что шпионы есть и в Департаменте, и в полиции, и даже в Местоболе. Никто не давал гарантий, что их нет в наших семьях и среди наших друзей.

На секунду промелькнуло изображение женщины, которая, похоже, был женой Грао Дюкса.

– Бить нужно было в сердце. Все знали, кто являлся этим сердцем. На какое-то время Молтембер опустил на дно, не стал предпринимать решительных шагов. Мы считали это за передышку. Для его ликвидации мы несколько раз отправляли лучших агентов "Алой Завесы", но каждый они возвращались обратно без головы. Как бы мы не пытались предугадать дальнейших планов Акрура Молтембера, нам не удалось.

Юлиан увидел сожжённые развалины целой территории на окраине города. Вряд ли это был Свайзлаутерн, но события прошедшей войны эта картина отражала довольно точно.

– В конце весны Молтембер снова перешёл в наступле-

ние, – продолжил голос Дюкса. – Теперь его взор был обращён не на Свайзлаутерн, ведь ворота альтернативного ада отринули его и не стали открываться. Молтембер не скрывал того, что собрал больше сил, чем раньше и теперь отправился в самое сердце нашего сообщества – в Местоболь. Уничтожив лидеров этого город, он бы смог обрести настоящую власть, а не только власть над альтернативным адом. Это был рискованный шаг со стороны Молтембера, даже учитывая то, что он владел очень сильными ресурсами. Но мне казалось, что Молтембер не стал бы полагаться только на слепую удачу. В его рукаве был какой-то козырь, о котором мы не знали.

Человек в капюшоне начал было разворачиваться, и Юлиан ожидал увидеть его лицо, потому что догадывался, кто это. Но в последний момент человек передумал оборачиваться и скрылся в бесконечности убывающих звёзд.

– Нас было семеро, когда мы решились на этот отчаянный шаг.

Юлиан увидел семерых человек, сидящих за большим круглым столом, но не смог разглядеть их лиц. Прямо за окном бушевала война, но они не обращали на это внимания, потому что были заняты трапезой и разговором.

– Ни одна из существующих сил не могла оказать нам достойной помощи, поэтому мы обратились к давно забытой и проклятой. Мы обратились как раз к альтернативному аду, который когда-то отринул Молтембера. Он никогда не был

сказкой для детей. Это реально существующее место, адрес ссылки для неупокоенных душ, которые и небеса, и ад отказались бы принимать. Поднебесная Эрхара – именно так назывался альтернативный ад в самых зачекреченных источниках и фолиантах древности. За какую-либо связь с этим местом могли запросто отправить на смертную казнь, даже не дожидаясь суда. Но мы зашли очень далеко – мы заключили договор с Воинством Эрхары. Воинство Эрхары согласилось забрать душу Молтембера на мучения, но и каждый из нас отдал Эрхаре что-то очень важное и сокровенное. Я потерял свою жену, за что очень сильно себя виню и по сей день. Если бы я не связался тогда с Эрхарой, моя жена была бы жива и по сей день, а душа не была бы проклята.

Так вот что случилось с женой Грао Дюкса. Воинство Эрхары убило её взамен на победу над Молтембером. Юлиан видел чёрные лица под капюшонами, на некоторых красовались даже золотые короны.

– Это очень древнее зло. И запретное. Мы поклялись об этом молчать и не вспоминать даже в разговорах друг с другом. Душа Молтембера могла вернуться обратно только в одном случае – если бы все семеро, кто заключил договор, умерли. Рано или поздно мы бы умерли все, поэтому заточение Молтембера не было вечным. Он бы вырвался наружу, но нашим долгом было как можно дольше не давать ему это сделать.

Похоже, что эта тайна была запрятана очень глубоко в со-

знании Грао Дюкса, и даже ему самому было не очень легко добраться до неё.

– А теперь я скажу то, что непосредственно раскроет все карты. Первым из Семи был Арго Невиус.

На стене появилось изображение высокого человека с очень затуманенным лицом.

– Второй – Эмили Бартон.

Показалось лицо молодой девушки, которую Грао Дюкс, судя по всему, запомнил вечно улыбающейся.

– Третьим был Астерис Неменглоу – самый неизвестный человек из нас, которого из-за этой неизвестности было очень трудно найти.

Лицо Астериса было и вовсе чёрным, потому что Грао Дюкс его видел один раз или немногим больше, и то давно, и вряд ли запомнил хоть какие-то черты.

– А четвёртой была Ровена Спаркс.

Юлиан напряг лицо и уставился на появившееся на стене изображение молодой мисс Спаркс.

– Пятым – Люций Карниган.

Сердце Юлиана забило чаще в сотню раз, потому что он начал понимать, что скажет дальше Комната Воспоминаний умершего собеседника.

– А шестым – Грао Дюкс.

Лицо Грао Дюкса улыбалось, но казалось Юлиану несколько старше, чем то, которое он привык видеть.

– Седьмой была Ривальда Скуэйн, – сказало это самое ли-

цо Грао Дюкса, но изображение последнего заклинателя не появилось.

Юлиан был буквально ошарашен.

– Первые трое погибли многим раньше происходящих ныне событий при загадочных и невыявленных обстоятельствах. Таким образом, от возвращения Молтембера отделяют только две смерти – моя и Ривальды Скуэйн.

– Но почему все это скрывали? – сказал он, когда наконец всё переварил.

– Эрхара – проклятое место. Если бы кто-то узнал о том, что мы заключили с ними договор, всех казнили бы. Это означало бы смерть всех семерых и возвращение Молтембера из Эрхары.

Слишком замкнутый круг, чтобы его распутать.

– Осталась только Ривальда Скуэйн, – констатировал факт Юлиан, но Грао Дюкс не стал ничего рассказывать дальше.

– Воспоминание окончено, – сказал он.

Юлиан крепко закрыл глаза, представил кабинет Грао Дюкса, а особенно надпись на стене "Я помню" и телепортировался туда обратно. Из Комнаты Воспоминаний выпустить могла только какая-то досконально засевшая в памяти деталь того места, куда человек собирался переместиться.

Не исключено, что в том месте Юлиан мог остаться на очень долгое время, если бы не запомнил ту надпись на стене. Похоже, что ей же пользовался и Грао Дюкс. Она как бы служила ещё напоминанием того, что воспоминания в искус-

ственном хранилище не являлись настоящей жизнью, а следы настоящей нужно помнить.

– Ривальда, – прошептал Юлиан, снова и снова переосмысляя услышанное.

А что, если это воспоминание было ложным, и кто-то попросту его подкинул сюда? Например, Ривальда Скуэйн, которая хотела бы таким образом застраховать свою жизнь.

Но Юлиан не был сторонником скрытности, которой придерживались Семеро. Всё уже держалось на волоске и Юлиана должны были выслушать.

Выходило, что присяжные тут совсем ни при чём? И то, что четверо из семерых, заключивших договор с Эрхарой, состояли в совете, было лишь совпадением?

Всё это означало то, что весь совет присяжных, в том числе и сам Юлиан, находятся в безопасности. Все, за исключением одного человека, и нет смысла повторять это имя.

На этот раз он просто так не уйдёт, как это случилось тогда, когда Якоб Сорвенгер отказался принимать сведения Юлиана об Иллиции и вервольфах за достоверные.

Эрхара, Договор, Семеро, Скуэйн... Юлиан очень боялся того, что всё это в голове у него перепутается, и он будет нести в полиции полную чушь. Он бы очень мог, тем более, что его внутри буквально раздирало и он очень хотел выпалить всё одновременно, не задумываясь ни о каких последствиях.

Однако на выходе его ожидал крайне неприятный сюр-

приз. Дом был окружён полицейскими машинами, по периметру сверкали магические молнии, а сам Якоб Сорвенгер стоял с огромным ослепляющим фонарём и ждал того, кто выйдет из дома.

– Юлиан Мерлин, кладите оружие на землю, вы арестованы! – возвестил Сорвенгер во всё такой же огромный мегафон.

Что?

Арестован? За что? Почему сам Якоб Сорвенгер, шишка в полиции и Департаменте, выехал на арест?

– Я ни в чём не виновен! – недоумевающе крикнул Юлиан, но всё же руки за голову сложил.

Оружия при нём никакого не было – Сорвенгер явно переборщил.

– Вы имеете право хранить молчание! Всё, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде!

– В суде? – спросил Юлиан, когда сзади на него неожиданно надели наручники.

– Да, – сказал Сорвенгер. – Вы обвиняетесь в убийстве Грао Дюкса.

И тут душа Юлиана ушла в пятки. Этого не может быть. Город решил ополчиться на него, но спорить и бороться сейчас не было никакого смысла. О каком ещё суде говорит Сорвенгер?

Доселе, когда с Юлианом случались неприятности, он как-то слишком легко переживал их. Скорее всего, потому

что твёрдо был уверен, что в конечном итоге выпутается из них.

Но почему этого чувства не было у него сейчас?

14. Заключённый

"Невиновных в этом городе нет. Но если выбрать из них самых честных, я явно оказался бы среди кандидатов. Только в городе, в котором все врут, не верили и мне."

Юлиан Мерлин, ноябрь 2010

– Сейчас ты по порядку и очень подробно расскажешь мне, что произошло, – ещё раз медленно и размеренно проговорил Якоб Сорвенгер.

Нервы комиссарра были явно на пределе, и Юлиан остерегался того, что сейчас Сорвенгер возьмёт в руки какой-нибудь стул и перейдёт к другому методу допроса.

Юлиан и сам был на взводе, потому что в апатию своё удивление он перевести не смог.

– Я не причастен к гибели Грао Дюкса, – сказал Юлиан точно то же самое, что и пару минут назад.

– Правда? – спросил Сорвенгер и приблизился к Юлиану, чем заставил его немного испугаться. – Но всё указывает на обратное, мой юный друг. Теперь я понимаю, что в ночь его смерти ты оказался с ним не просто так.

Часы уже пробили два ночи, но это собрание расходиться не собиралось. Сорвенгер совсем не думал о сне, но стоявший в углу младший инспектор Пол Уэствуд Глесон явно клевал носом.

– Это была случайность. Герр Сорвенгер, я должен вам

кое-что рассказать.

– Ни слова! – шкала спокойствия комиссара явно сдвинулась с места. – Сказки свои будешь рассказывать в тюрьме, где ты окажешься очень и очень скоро.

– Грао Дюкс раскрыл мне план Молтембера и я должен предупредить вас...

– Мы на допросе. Не путай допрос и литературный вечер. Итак, в ночь гибели герра Дюкса ты чудесным образом оказался с ним в машине. Он загадочным образом погиб, а ты выжил. Едва покинув больницу, ты украл ключи у Гёкхана Эриксена и проник в дом к Грао Дюксу. С какой целью?

– С целью узнать...

– Узнать что? – недовольно спросил Сорвенгер. – Знаешь ли, мне ситуация видится совершенно с иной стороны. Ты что-то хотел у него украсть. Что-то такое, что при жизни он ни за что бы не отдал. Моя версия правдива?

– Нет.

Юлиану очень хотелось выпалить всё, что он узнал, но это было определённым риском. Воспоминания Грао Дюкса предупредило его, что договор с Эрхарой в любом случае карается смертью, а этого допустить было нельзя.

– Ты был под подозрением ещё неделю назад, когда случилась авария, – поведал Сорвенгер. – Но я сам настаивал на том, что это не мог быть ты. Но теперь... Когда ты снова оказываешься втянут в дело Грао Дюкса...

– Его убил не я, а Агнус Иллиций...

В это время дверь кабинета открылась и вошла Ривальда Скуэйн. Её появление показалось Юлиану лучиком надежды, ведь только с ней он мог откровенно поговорить о том, что узнал час назад. Но, увидев её промелькнувший взгляд, Юлиан понял, что всё потеряно.

– А я говорила, Якоб, – сходу сказала она, усевшись прямо за рабочее место Глесона.

– Ты всегда права, – согласился с ней Сорвенгер. – Прости, что я не верил. Как ты узнала, что сегодня он отправится в дом к герру Дюксу?

– Он не так неуловим. После гибели Грао он дал промашку. Эта ошибка стоила ему проигрыша.

– Вы серьёзно? – воскликнул Юлиан. – Миссис Скуэйн, вы считаете, что я кого-то убил?

– Да, Юлиан, – сухо произнесла она, рассматривая какие-то важные бумаги Глесона. – И я постараюсь доказать твою причастность к убийствам Ровены Спаркс и Люция Карнигана.

– Ещё и их? Вы с ума сошли? – не вытерпел Юлиан.

Он был готов начать крушить весь кабинет, но руки его были закреплены наручниками к столу. Ещё бы – на данный момент он самый опасный преступник Свайзлаутерна.

– Я тоже так думала. Но мои глаза не врут мне. На задней стороны затылка Грао Дюкса были найдены следы удара тяжёлым предметом. Мы не говорили тебе об этом, чтобы ты считал, что контролируешь ситуацию.

– Но это логично! – воскликнул Юлиан. – Мы же врезались в дерево!

– Рана была нанесена до смерти, а не после, как хочешь сказать мне ты.

– Но я же не такой идиот! Я бы не стал убивать человека в машине, которая ехала на полной скорости! Это чудо, что и я выжил!

– Она не ехала на полной скорости, – сказала Ривальда. – Скорее всего, она не ехала вообще, когда ты убивал Грао Дюкса. Ты ударил Грао Дюкса по голове, что могло привести либо к потере сознания, либо к мгновенной смерти. Ты не мог знать наверняка. Чтобы скрыть следы преступления, ты инсценировал аварию. Так? Отпираться глупо.

– Глупо – это то, что вы сейчас сказали.

– Нет. Глупым был ты, когда проворачивал своё дело. На автомобиле Грао Дюкса не была включена передача. По-моему, на нулевой передаче машины об деревья не разбиваются.

Юлиан оказался загнан в угол. Теперь и впрямь отпираться глупо, потому что правда не значит абсолютно ничего.

– Но вы же врётё, миссис Скуэйн! – в отчаянии крикнул он.

– Будь осторожнее со словами, – сказал Юлиану Сорвенгер. – Ты разговариваешь с работником Департамента.

– Вы все лжётё! – сказал Юлиан. – Не надо сознаваться в этом, миссис Скуэйн. Но знайте – в доме у Грао Дюкса я узнал всю правду. В том числе и о вас.

– Он мне твердил об этом целый час, – проговорил Сорвенгер. – Но в доме Грао Дюкса нет никаких записей. Он был обыскан неоднократно.

– Это Комната Воспоминаний, – поведал Юлиан. – Миссис Скуэйн, мне надо срочно поговорить с вами наедине. Тогда я не выдам вашей тайны.

– Как ты смеешь обвинять меня в чём-то? На данный момент самый лучший выход для тебя – это молиться, что мы не найдём доказательств убийств Ровены Спаркс и Люция Карнигана.

Юлиан опустил голову вниз. Он усердно сочинял в голове умную речь, но слова не приходили в голову. Мелькали образы, картинки, какие-то формулы, но в слова они не преобразовывались. Теперь Юлиан всё прекрасно понимал, но сам стал жертвой своих же знаний.

– А вы ведь всё знаете, миссис Скуэйн, – тихо сказал Юлиан, но потом увеличил тембр. – Вам не может быть неизвестно, о чём же таком я узнал в доме у герра Дюкса. Вы знаете, что произойдёт через три дня. Знаете, что вам никто не поможет. Знаете, что я ни при чём.

– Замолчи, Юлиан. Тебя никто не собирается слушать, – равнодушно проговорила Ривальда.

– Да мне плевать, что не собираетесь! В какую игру вы играете? Скажите прямо! Вы же всё равно всех купили здесь! Сорвенгер открыто говорит вашими словами! Что это? Внушение? Деньги? Или вы умеете убеждать другим способом?

Он с силой ударил ногой в стол, но угодил мизинцем прямо в ножку, и острая боль пронзила всё тело. Но её глушила накапливающаяся злость Юлиана. Демон внутри рвал цепи и грозился вырваться наружу.

Это даже заставило Глесона очнуться и снова прийти к жизни.

– Я умею усмирять людей, – сказала Скуэйн. – Ты хочешь, чтобы я тебя усмирила?

– А мне уже всё равно. Я проиграл. Но правда за мной, а не за вами. Вы знаете, что случится, если через три дня вы умрёте? Вам будет всё равно, поэтому я не понимаю, какой толк в том, что вы оградили меня от общества, посадив сюда. То, что я не выдам вас людям, спасёт вашу репутацию, но не жизнь. Или у вас в запасе другой план, а я ему мешаю?

Ривальда смотрела на него таким взглядом, будто понимала каждое его слово и действительно знала, что юноша прав. Но в то же время это лицо отражало и равнодушие в отношении к Юлиану, не позволяя выйти наружу хоть капле человечности.

– Надо наложить на него какое-нибудь заклятье, – предложил Сорвенгер. – Пусть успокоится, а утром мы вернёмся к этой теме.

– Но вы же не собираетесь меня слушать! Поговорите между собой, придумайте новые улики. Герр Сорвенгер, вы честный человек, вы должны понять, что она обманывает вас! Инспектор Глесон, вы ведь тоже понимаете...

Глесон был слишком молчалив. Юлиан догадался, что на инспектора было наложено какое-то заклятье, которое не позволяло ему выговориться. Или не говорить вовсе.

– Пора в камеру, Юлиан, – сообщила Ривальда. – Пора привыкать к ней.

– Через три дня вы умрёте. Тогда люди поймут, что я невиновен и оправдают меня. Заклятье разрушается со смертью наложившего, значит герр Сорвенгер и инспектор Глесон одумаются.

– Ты угрожаешь мне смертью? – удивилась Ривальда.

– Не я, – сказал Юлиан. – Вы сами знаете, кто.

– Вставай! – перебил его Сорвенгер.

Юлиан встал, но максимально пытался сохранить горделивое выражение лица. Пусть он и проиграл, но честь он сохранит, как может. Ведь на данный момент у него ничего нет.

– А я всё же скажу! Пусть слышат все! Договор с Эрхарой! Я вижу по вашему лицу, оно изменилось. Молтембер оттуда бежит и, мне кажется, что вы как раз этого и хотите.

В это время Ривальда вытянула руку вперёд и волна заклинания едва не вырубил Юлиана. Уже падающего юношу подхватили Глесон и Сорвенгер и вывели вон из кабинета.

Напоследок Ривальда приподняла голову Юлиана и сказала ему прямо в лицо:

– Никогда не смей меня обвинять в связи с чёрными силами. За обвинение, связанное с Эрхарой, я уничтожу тебя собственноручно.

Юлиан попытался бросить ей что-то в ответ, но обнаружил, что его губы не двигаются. Зато голос в голове кричал "Теперь я точно знаю, что вы замешаны", но его не слышал никто.

Более того, никто не собирался слушать.

Юлиана волокли в подвал, куда поглубже, туда, где было холоднее всего. И заключённых тут гораздо меньше, и место мрачнее. Пожалуй, самое идеальное место для того, чтобы провести здесь ночь. Возможно, что и не одну.

Юлиан даже не заметил сразу, один ли он в камере или нет, потому что инспектор Глесон приложил свою руку к его лбу и юноша мгновенно уснул.

А утром он проснётся в надежде, что это сон. И история продолжится.

Но утро началось совершенно не таким образом, каким он планировал. Уже часов в семь над его головой раздался громкий крик, заставивший в мгновение ока проснуться. Это был инспектор Глесон, который снова вызывал Юлиана на допрос.

Идеальное начало утра. Свайзлаутерн – это настоящий город-сказка.

На этот раз не было ничего особо интересного – Сорвенгер задавал все те же самые вопросы, что и ночью, Юлиан примерно то же самое отвечал. На этот раз комиссар не был таким нервным, но явно тепла к Юлиану он излучал мало.

– Я пойду попить кофе, – сообщил он примерно через

час. – Уэствуд, проследи за ним.

Сорвенгер окинул на прощание Юлиана крайней презренным взглядом и отправился восвояси.

Юлиану очень хотелось биться головой о стол до тех пор, пока мозги не вытекут наружу. По крайней мере, это оградит Юлиана от позорного пребывания в этом месте и не менее позорного грядущего будущего в тюрьме за убийство, которое он не совершал.

– Ох, юноша, ваши приключения в этом городе начались в этом месте и, всё идёт к тому, что здесь же закончатся, – печально проконстатировал факт Глесон и присел за своё место.

– Вот ведь ирония, – подыграл Юлиан, опустив голову и уставившись на свои кеды.

Только сейчас он обнаружил, что на ночную работу он вышел в брюках, пальто и кедах.

– Я не пытаюсь шутить, – поведал Глесон. – Всё это печалит меня больше всего.

– Вы верите в то, что я виновен? – спросил у инспектора Юлиан.

Глесон немного покрутил свои рыжие усы, и, прикусив нижнюю губу, сказал:

– Я не знаю, во что верить. Но против тебя и впрямь немало улик, с которыми трудно поспорить.

– А вы своими глазами эти улики видели? – спросил Юлиан, надеясь, что приблизится тем самым к истине хотя бы на

маленький шажок.

– Некоторые видел, а некоторые нет. Я тут собирался у тебя кое-что другое спросить. Вчера вдруг промелькнули слова про Эрхару. Что ты имел в виду?

Юлиан насторожился.

– Это значит, что вы не были заколдованы вчера? – спросил он.

– О чём ты?

– Я думал, что Ривальда Скуэйн заколдовала вас, и вы не могли слышать и говорить. И, наверняка забыли всё.

Глесон около секунды переваривал случившееся, после чего легонько ухмыльнулся и ответил:

– Нет, Юлиан Мерлин. Я слышал твои предположения вчера, и, отлично понимаю, что сделаны они были под воздействием стресса. Это допустимо. Ну, так что? Ты скажешь, что имел в виду, когда произносил слово "Эрхара"?

В другом случае Юлиану могло бы показаться, что Глесона сюда кто-то заслал для того, чтобы он выведал его тайны. Но инспектор выглядел настолько честно, что заподозрить его в таком было совершенно невозможно.

– Я не могу вам сказать, – тяжело произнёс Юлиан. – Обо всём этом я могу говорить только с миссис Скуэйн.

Само собой, Юлиан сомневался в правильности своих решений. Может, и стоило Глесону всё рассказать? Он человек добрый и должен понять всё. Только вот вряд ли Ривальда допустит в свет и его.

Рассказать всё Глесону могло быть равнозначно обречению инспектора на удел Юлиана.

– Но я инспектор полиции, – сказал Глесон. – У меня есть право задавать тебе такие вопросы.

– Я не знаю законов, – сознался Юлиан. – Но при аресте герр Сорвенгер сказал мне, что я имею право хранить молчание.

– Хорошо. Имеешь. Но я с тобой хотел поговорить не как полицейский, а как человек. Понимаешь, мы тут не пойми кого на заключение или казнь не отправляем. Каждое дело досконально расследуется. Я не помню, чтобы невиновного признавали виновным. Не в моём участке и не в мою смену.

– У меня не тот случай. Скоро я и сам поверю, что виновен.

– Если ты и впрямь не виновен, – сказал Глесон. – То ни за что не сядешь в тюрьму. Сорвенгер не позволит. Он очень умный комиссар.

В этот момент вернулся Сорвенгер и более-менее чего-то стоящий разговор с Глесоном прекратился. Всё началось сначала, и начиналось ещё не раз, но к нужному результату не приводило.

Ни тот, ни другой не желали сдаваться.

Юлиан с горечью осознал, что у него опять началась новая жизнь. Слова Глесона о правосудии ничего не значили, потому что если против него придумывает улики тот, кто должен защищать, ничего не добиться.

Если судья хочет признать подсудимого виновным, двух вариантов быть не может.

Если Ривальда Скуэйн хочет чего-то добиться, она сделает это легко и в изящном стиле. Например, так, как сделала сейчас.

Всё-таки, как же хитро она победила Юлиана! Даже сейчас это заставляло только восхищаться ею.

Только вот взгляд этой коварной женщины Юлиан не забудет. Взгляд, обрекающий Юлиана на страдание. Взгляд, открыто признающий, что обманывает. Взгляд, буквально насмехающийся над Юлианом.

Когда Юлиан вернулся в своё новое жилище, обнаружил, что он не единственный поселенец в этой камере. На соседней койке уныло и обречённо лежал коротко постриженный и седой мужчина лет сорока пяти, явно скучая по тому поводу, что он оказался здесь.

– Вчера так и не познакомились, – проговорил заключённый, на что Юлиан предпочёл не реагировать.

О заключённых у Юлиана были не самые лучшие представления до этого момента, поэтому не было предпосылок для того, чтобы он вдруг передумал.

– Тебе не стоит ничего бояться, – проговорил сосед. – Можешь поговорить со мной.

Юлиан вытащил свою голову и посмотрел на соседа. Всё же выглядел он не совсем так, как должен был выглядеть уго-

ловник по мнению Юлиана.

– За что ты оказался здесь? – спросил сосед, не дожидаясь, когда Юлиан начнёт задушевный разговор.

– Убил Грао Дюкса, – не поворачивая головы, ответил юноша. – А ещё Ровену Спаркс и Люция Карнигана.

– Похвально, – кивнул сосед, явно не веря ни одному слову. – Кто-то говорит, что в тюрьме за такое уважают.

Юлиан кивнул. Он очень не хотел общаться с заключённым. На самом деле, называть этого человека заключённым было не вполне корректным, так как пока что он, как и Юлиан, находился всего лишь в следственном изоляторе.

– А ещё через три дня я убью Ривальду Скуэйл, – после неловкой паузы сказал Юлиан. – Не знаю как, но это случится.

– О кончине Спаркс и Карниган я действительно слышал, – ответил сокамерник. – Честно говоря, мне очень жаль. Я нахожусь здесь всего две недели, поэтому знаю, какой пеленой тайн окутаны эти смерти.

– Меня действительно в этом подозревают, – сказал Юлиан, понимая, что из этих стен ничего никуда не выйдет.

– Но ты невиновен? – предположил сокамерник.

– Само собой, да.

– Здесь каждый говорит, что невинный. На то он и следственный изолятор. Такова работа обвинителей – заставить подсудимых сознаться.

Юлиан очень хотел оказаться в одиночке и остаться на-

едине со своими мыслями, но даже такой привилегии ему не оказали.

– Мне сознаваться не в чем, – сказал он.

– А я виновен, – ответил сокамерник. – Меня зовут Эдвард Арчер, если что. Вдруг придётся подружиться.

Это навряд ли. Юлиан не какой-то там зек, чтобы вступать в дружбу с закоренелыми преступниками.

– Я надолго здесь не собираюсь задерживаться, – проговорил он и откинулся на жёсткую подушку, надеясь, что Арчер потеряет его из поля зрения и перестанет разговаривать.

Но он не перестал.

– От тебя это не зависит. Следствие порой ведётся месяцами. Иногда после этого говорят "простите, мы ошибались и вы свободны". И всё. Это справедливо?

– Не совсем, – сказал Юлиан.

– Так как тебя зовут?

– Юлиан.

Фамилии своей он говорить не стал, потому что привык её не любить из-за того, что она досталась ему от отца, которого он совсем ещё недавно ненавидел.

Что подумал бы отец, увидев своего сына подозреваемым в убийстве года номер один?

– А я Эдвард. Говорил уже. Я знаю, за кого ты считаешь меня и поэтому не хочешь со мной общаться. Но я сразу сказал, что бояться меня не следует. Да, я виновен. Но я никого не убивал.

Намёк на то, что он лучше Юлиана, который порешил сразу троих знатных людей города?

– А за что вы здесь? – спросил он, явно не выражая тем самым никакого интереса.

– Как это обычно бывает – поддался на соблазн, не подумал и кое-что украл. Сказали, что в особо крупных размерах, хотя это была всего лишь коллекционная монета. Дело не в том, сколько украл, а у кого украл.

– И у кого же?

Сокамерник совсем не давал Юлиану подумать. Даже неизвестно, что сейчас лучше – допрос у Сорвенгера или это общение. Если слово "общение" здесь вообще хоть как-то уместно.

– У Стюарта Тёрнера. Слышал о таком?

– О да, – сказал Юлиан. – Я его ещё и видел. Не самый приятный человек.

– Похоже, что ты очень много знаешь, Юлиан. Теперь Тёрнер из кожи вылезет, но посадит меня. У меня нет никакого выбора.

Знакомая ситуация. Если хотят посадить, то посадят в любом случае. Безо всяких вариантов. Только кого-то на пару лет, а кого-то на несколько пожизненных сроков.

– Я тоже влез не в своё дело и поплатился за это, – сознался Юлиан.

– Так что же ты сделал тогда?

– Ничего я не делал. Я пытался разобраться во всём, но

никому это не было нужно. Теперь меня спрятали сюда, чтобы не мешал.

Эдвард скрутил губы в трубочку и привстал с койки, так и оставшись сидеть на ней с задумчивым видом.

– Они могут использовать зелье правды, – спустя какую-то паузу сказал он. – Почему не делают так? Это же всё упростило бы.

– Наверняка, причины есть.

– Конечно есть. Во-первых, это ограничивает права и свободу человека. А во-вторых, это зелье можно обмануть. Если знать, что надеть или что принять перед допросом. В-третьих, это зелье токсично и негативно действует на психику.

Юлиан был уверен, что если бы ему дали зелье правды, он чудесным образом сознался бы в убийствах Дюкса, Спаркс и Карнигана. И ещё в парочке, о которых раньше не знал.

– Здесь никто не ценит права человека, – вздохнул Юлиан. – Правосудия в этом городе нет.

– Какая точная фраза, – согласился Эдвард. – Не думал, что услышу её именно от тебя. Я всегда любил этот город. Но чем он стал сейчас... Тут не место честным людям, к сожалению. И народ это знает. Среди людей витает слух, будто бы какой-то мстительный демон вышел на охоту и убивает неугодных ему людей.

– Этим демоном считают меня.

– Не похож ты на демона. И на убийцу тоже. Знаешь, в газетах правду утаивают. И у Спаркс, и у Карнигана вдруг

случился сердечный приступ. Якобы. Как умер Грао Дюкс?

– Газеты пишут в аварии. Но я был на момент его смерти с ним в машине, и он умер до неё. Его сердце остановилось за мгновение.

– И поэтому ты здесь? Ты находился с ним на момент смерти, а значит, и являешься первым подозреваемым. Всё логично. Тут среди заключённых любопытный слушок ходит. Там, в самом низу подвала такой же смертью умер некий Тильман Штрассер.

– Кто это? – спросил Юлиан.

– Какой-то подозреваемый. Попал сюда в конце августа вроде бы. Так вот его тело нашли ранним утром без всяких признаков насилия или приступа.

– Странно, но я об этом не слышал, – задумался Юлиан.

– А кому несчастный зек нужен? Особенно тогда, когда умирают такие видные люди. Но то, что он умер точно такой же смертью, как и они, очень интересно... Не находишь?

– Был бы я умнее, я бы чего-нибудь понял. Но я не такой умный.

Эдвард откинулся обратно на подушку. Похоже, что он тоже очень скучал.

– Но время подумать у тебя будет, – сказал Арчер. – У нас обоих.

До самой ночи Арчер и Юлиан отрывками переговаривались между собой. От скуки и отсутствия альтернативы он изложил ему всю свою жизнь. Он рассказал и о работе в Де-

партаменте, и о побеге Агнуса Иллиция, и о своём известном отце, и отношениях с Пенелопой, и о драках с вервольфами. Не стал затрагивать только самое последнее – договор семейных с Эрхарой. И о подозрениях в адрес Ривальды Скуэйн тоже промолчал.

Дважды за сегодня их накормили какими-то отбросами, которые едва не спровоцировали у Юлиана тошноту. По большей части он так и остался скорее голодным, чем нет. А вот Эдвард Арчер съел всё, и даже остатки порции Юлиана, которыми юноша так усердно поделился.

Внешность явно была обманчива, и Арчер оказался человеком более приятным, нежели казался с первого взгляда и с самых первых своих слов. Его жизнь тоже была достаточно интересна, и не от великого счастья он пошёл на кражу антикварной монеты.

Каждого человека по-своему жаль. Но Арчер был одним из тех, на кого это правило распространялось в особенности. Ему хотелось верить и сопереживать.

Но много разговаривать всё же желания не было.

Наверняка уже время зашло за полночь, когда Юлиан заснул. Во сне он снова представлял себя сначала в Грунндебайтене под крылом матери. Это место так и осталось для него самым счастливым и лучшим. Потом он вспомнил и дом своего деда, который после всех этих событий казался уже более лицеприятным и приветливым, чем ранее.

Но Юлиан проснулся от того, что ощутил над собой нави-

сающую тень человека. Он широко раскрыл глаза и обнаружил стоящего с ножом Эдварда Арчера. Он завёл нож прямо над Юлианом, и в его планы явно не входило то, что парень проснётся.

Это могло оказаться сном, но Юлиан сейчас разницы не ощущал, поэтому попытался вскочить с койки и оказать хоть какое-то сопротивление обманчивому соседу.

– Прости, парень, – покаялся Эдвард и с силой ударил ножом прямо в грудь Юлиана.

Время замедлилось, и Юлиан понял, что отсюда выхода нет. Он чувствовал наступление мгновенной смерти и уже ожидал, как будет отдаваться в её объятия и кружить с ней последний танец.

Но в дюйме от грудной клетки нож вдруг врезался в какую-то невидимую стену, после чего наполнился синей волной тока и ударил им в руку покусителя.

Ощувив острую боль, Арчер отдёргнул свою руку, но это был не единственный сюрприз на сегодня. Словно из груди Юлиана вырвался какой-то клочок силовой энергии и крепко отбросил Арчера прямо к противоположной стене.

– Прости, парень, – сконфузил лицо Арчер, потирая ушибленные конечности и бока.

Юлиан испуганно вскочил и прижался всем телом к стене. Он не ожидал, что таким чудесным образом избежит смерти, но второй заход Арчера никто не отменял. Кто знает, вдруг такой единичный и уникальный случай спасения больше ни-

когда не повторится?

– Что у вас там происходит? – послышался чей-то хриплый и громкий голос снаружи клетки.

Юлиан мгновенно подпрыгнул к клетке и закричал:

– Тут покушение на убийство!

Послышались громкие шаги, после чего дверь клетки с грохотом отворилась, и в камеру вошли два охранника:

– Арчер, кто дал тебе нож? – яростно спросил один из них.

Другой подошёл к Эдварду, сильно ударил ногой по животу, после чего наступил на руку и изъясил оружие.

– Откуда у заключённого оружие? – спросил он, осматривая нож, который при свете фонаря всё больше напоминал элементарную заточку.

– К Сорвенгеру его! – крикнул один из охранников.

Арчера скрутили, и, ударив ещё раз, повели наверх.

Юлиана тоже не оставили без внимания – ему нацепили на руки наручники и заставили волочиться сзади без "всяких этих штучек".

Едва ли не все заключённые других камер пробудились от сна и внимательно рассматривали конвой. Кто-то даже кричал что-то вдогонку, но охранники не отвечали им, потому что главная забота была сейчас другой.

– Он пытался убить меня! – закричал Юлиан Глесону, едва только оказался в его кабинете.

Глесон уже давно клевал носом, и крик Юлиана разбудил его, заставив прийти в недовольство.

– Где герр Сорвенгер? – спросил один из охранников.

– У него сегодня нет ночной смены, – ответил Глесон.

Его лицо было просто апогеем недовольства, потому что он явно собирался таким образом прокемарить до самого утра. А утро было не так далеко – часы показывали четыре ночи.

– Он пытался убить меня! – ещё раз воскликнул Юлиан, которому опять начало казаться, что его никто не слушает.

– Так ты не только вор, Арчер, но ещё и убийца, – поджав губы, сказал Глесон и встал. – Я жду объяснений!

Арчер застыл словно вкопанный и побледнел.

– Я не хотел. Я не хотел, сэр, я не хотел!

Юлиан нахмурил брови. Из беспощадного убийцы Арчер вдруг превратился в испуганного мальчишку.

– Теперь ты сядешь не на два года, а лет на десять. Ты рад? Ты думал хоть о чём-то?

В глаза Арчера проник неистовый страх.

– Простите, но я был сам не свой, – попытался он оправдаться, но один только взгляд Глесона чуть не убил его.

В этот самый момент в кабинет влетела Ривальда Скуэйн, едва ли не снеся дверь ногой.

– Что произошло? – спросила она, оглядев за секунду всех присутствующих в помещении по очереди.

На Юлиане застыл самый долгий её взгляд.

– По их словам, Арчер пытался убить Мерлина, – сообщил Глесон, заставив Ривальду задуматься.

– В карцер его. До утра, – распорядилась она.

– В карцер? – удивился Глесон. – Мы даже не устроим ему допрос?

– Ему допрос и не нужен. Очевидно, что Арчер делал это под какими-то чарами.

– Да-да, под чарами, – заговорил Арчер.

Как есть, маленький напуганный мальчишка. Что же такого с ним случилось?

– С чего вы взяли? – спросил у Ривальды Глесон.

– Позже расскажу. Допрашивать нужно Юлиана Мерлина, а не Арчера. Отправьте его уже в карцер!

Охранники послушно повиновались и, скрутив Эдварда ещё раз, снова куда-то увели. Похоже, что бедолагу-соседа Юлиан увидит ещё очень не скоро.

Надо сказать, Юлиан всё ещё был очень напуган тем, что минуту назад едва не погиб.

– Я жду твоих комментариев, – строго сказала Ривальда, начав искать место, на которое можно присесть.

Её излюбленное место Глесона было занято им самим, поэтому ей пришлось довольствоваться стоячим положением.

– Я должен поговорить с вами наедине, – настаивал на своём Юлиан.

– Это не нужно.

– Я хочу признаться, – выпалил неожиданно сам для себя Юлиан.

– В чём?

– Это я расскажу вам только наедине.

Ривальда обменялась взглядами с Глесоном, но ни к чему стоящему эта взаимная перестрелка не привела.

– Хорошо. Устрою аудиенцию.

С души Юлиана словно спал камень, и он тяжело вздохнул, вспоминая тот момент, когда находился на волоске от смерти.

Не снимая наручников, она затащила его в тёмный пустующий кабинет Сорвенгера, так и не включив там свет. Юлиану показалось, что сейчас она сейчас завершит начатое Арчером, но вместо того она сказала:

– Начинай.

– Это же вы заставили Арчера убить меня? – спросил он.

– Я жду признания, которое ты обещал.

– И поэтому вы сразу отправили его в карцер, чтобы он не рассказал, что это вы, – невзирая на серьёзность намерений Ривальды, продолжил он.

Его намерения были не менее серьёзны.

– Любопытная сказка, не лишённая смысла. Но ещё одно подобное заявление, и ты отправишься в карцер вслед за Арчером.

Тем не менее, рискнуть стоило.

– Я знаю о договоре с Эрхарой. Благодаря ему Молтембер был побеждён. Я знаю, что вы были одной из тех семерых. И знаю, что остались только вы одна.

Похоже, что Скуэйи нарочно не включила свет, чтобы

Юлиан не видел реакцию её лица. Оставалось только догадываться, каким оно было.

– Через два дня Иллиций доберётся и до вас, после чего Молтембер освободится из Эрхары.

– Было бы мудрым заточить его именно туда, но это противозаконно. И кто тебе сказал, что в случае смерти тех, кто заключил договор, Молтембер вернётся?

– Грао Дюкс. Он это собирался мне сказать. Он верил мне, а я подвёл его.

– Я жду твоих признаний.

– То есть, вы не хотите меня слушать? Миссис Скуэйн, вы же знаете, что я не причастен к убийствам! Зачем прятать меня здесь?

– Потому что это сделал не Иллиций, а ты. В мотивах нам только предстоит разобраться.

Юлиан снова был готов биться что есть мочи головой о стол, но что-то смогло его остановить. Наверняка то, что Ривальда была подозрительно спокойной.

– Признание, – тихо сказала она.

– Это и есть моё признание. Я вам признался, что знаю, почему гибнут люди. Вы готовы к тому, чтобы погибнуть?

– Если это угроза, то не боюсь.

– Послушайте меня! Через два дня вы можете умереть! В городе находится шпион, который помогает Иллицию выволить из заточения Молтембера. И я считаю, что это вы.

– Смело, – равнодушно произнесла Ривальда.

– Я – свидетель. Я залез слишком далеко. Именно поэтому вы хотите убить меня.

– Но ведь я спасла тебя, – сказала Скуэйн.

– Каким образом?

– От смерти тебя спас мой амулет. Может, ты подумал, что в тебе заключена какая-то великая сила, которая не пропускает ножи к твоему сердцу?

– А кто знает. Вы же считаете, что я убиваю присяжных на расстоянии. Это сильная магия.

– Пока ты подозреваемый только в деле Грао Дюкса. А его ты убил при непосредственном контакте. Сейчас ты должен признаться, иначе мне придётся отправить тебя в карцер.

Юлиан понял, что Ривальда не слышит его. Вернее говоря, слышит, но ей это совсем не нужно.

– Я почти знаю, где может прятаться Агнус Иллиций. И я расскажу вам, если вы отпустите меня из тюрьмы. Хотя бы под залог.

– Не отпустим, – сухо произнесла Скуэйн. – Не исключено, что ты с ним в сговоре, и это какая-то ловушка. Из этих же стен магия не работает, поэтому ты сейчас безопасен.

– Не работает? – удивился Юлиан. – Но ведь кто-то заколдовал Арчера, чтобы он убил меня!

Ривальда промолчала, потому что не знала ответа на этот вопрос.

– В этом случае надо проверить Арчера на предмет колдовского воздействия. Не исключено психологическое воз-

действие, а не магическое. Не исключено и его желание. Твёрдо мы не можем быть уверены.

Юлиану начало казаться, что на этом месте Ривальда в чём-то ошиблась. Не мог такой выдающийся ум допустить несостыковку – в стенах полиции магия не работает, но Арчер был заколдован.

– Полагаю, что вы убьёте его, – предположил Юлиан. – Чтобы он молчал.

– У меня более нет терпения. Нет признаний – нет аудиенции. Я итак оказала тебе великую честь.

Юлиан замялся, потому что в его голову прокралась тень сомнения. Согласиться с ней и сдаться, или бороться дальше?

– Есть у меня кое-что, – решил сказать Юлиан. – Но мне кажется, что вы итак это знаете. В этой тюрьме один из заключённых погиб той же смертью, что и трое присяжных.

Выражало ли лицо Ривальды удивление? Выражало ли оно, напротив, насмешку? Она маскировала это отсутствием света, тем самым всё глубже и глубже заводя Юлиана в заблуждение.

– Я не знала об этом, – сказала Ривальда, и, опять же, Юлиан не мог понять, лжёт она или нет.

– Его звали Тильман Штрассер, – сознался Юлиан. – Он тоже заключал договор с Эрхарой?

– Я не знаю ничего об Эрхаре, но и о смерти заключённого я не слышала.

– Может быть, вам будет полезно.

– В этом случае наш разговор окончен. В карцер переведён не будешь. В камере сидеть будешь один. Считай это за мою милость и мою благодарность, Юлиан.

Она вышла из кабинета, не забрав с собой Юлиана. Так он и просидел здесь в наручниках около десяти минут, прежде чем его забрали охранники и отвели в камеру.

15. Защитник

"Тот, кого меньше всего слушают, чаще всего оказывается прав."

Пол У. Глесон, ноябрь 2010

Он никогда не считал себя и близко одним из лучших людей в городе, но совершенно точно был одним из самых честных. Город погряз во лжи и пороке, в том же погрязла и некогда славная полиция Свайзлаутерна. Наверняка, и в Департаменте ситуация была ничем не лучше.

Когда Уэствуд Глесон был молодым, всё было иначе. Каждый уважал своего ближнего, и это считалось за норму. В жизни молодого Уэствуда не была места для лжи и лицемерия. Тогда и солнце светило ярче, и трава была зеленее, и вода была словно прозрачнее.

То, что Уэствуд любил, осталось в далёком прошлом. Теперь, когда его зрелый возраст подходил к концу, практически ничего его не радовало. Не было ни людей, ради которых хотелось бы двигаться дальше, ни событий, которые сподвигали бы на это.

Даже отношения с женой с десятков лет назад зашли в тупик. Оба сына Глесона покинули его дом и несколько лет даже не присылали короткого письмаца. Чего оставалось человеку, к которому вот-вот в гости нагрянет старость? Только пытаться помочь тем, кто в этом нуждается. Борьбаться за

справедливость и правду. Вести родной город к лучшему.

Но, несмотря на все усилия Уэствуда, всё это обращалось лишь каплей воды в море недоверия и недопонимания. Правда покинула этот город, покинула его семью и уже потихоньку начинала покидать его сознание.

Полиция отныне не второй дом, не работа, на которую он шёл с радостью, с нетерпением ожидая, чего же готовит день грядущий. Она стала каторгой, на которой хорошим можно было посчитать тот день, в котором в лицо вылилось минимальное количество грязи.

Но, несмотря ни на что, Уэствуд любил эту работу. Она всё так же оставалась делом его жизни, и он надеялся, что когда-то всё изменится к лучшему. Вернутся старые добрые времена и заставят уже старика Глесона снова радоваться.

С самого начала утра Уэствуд непрерывно просматривал бесконечную кипу бумаг, которая буквально заполонила его рабочий стол каким-то захватническим нашествием.

Среди скучных и однотипных отчётов более всего Глесона интересовала разбушевавшаяся в последнее время в Свайзлаутерне серия загадочных убийств присяжных, защитников города.

Всех троих Уэствуду приходилось знать лично, только вот они вряд ли знали имя скромного инспектора, который явно по рангу не был четой им.

Столько пробелов в одном деле Уэствуду не приходилось наблюдать никогда. Словно кто-то, находящийся слишком

близко, умело замечает все следы, хладнокровно оставляя всю полицию во главе с Якобом Сорвенгером в дураках.

Юлиан Андерс Мерлин явно был не самым лучшим кандидатом на эту роль, но с уликами, которые добывал сам Уэствуд и его подручные, спорить было трудно.

Вряд ли Глесон скрывал, что ему искренне жаль парня. Если докажут вину Мерлина в убийстве Грао Дюкса, он получит пожизненный срок. Но это не самое страшное, что может произойти. Ведь найдись доказательства убийств ещё и Люция Карнигана с Ровеной Спаркс, смертной казни избежать не удалось бы.

К одиннадцати часам утра дверь в кабинет Глесона без стука открылась. Поступить так мог только один человек и им, как Уэствуд и предполагал, оказался Сорвенгер.

– Что происходит в моём участке? – в нетерпении спросил он.

Похоже, он очень ждал момент, когда наконец сможет это выбросить.

– Простите, сэр, мы не могли это контролировать.

– Не могли? – злостно спросил Сорвенгер. – Тут убивают людей, а они ничего не могли предпринять.

– Мерлина не убили, а покушались на его жизнь, – поправил начальника Уэствуд.

– Никакой разницы. Если бы не святое везение, парень был бы мёртв. Возможно, что невиновный.

В это время дверь снова раскрылась без стука, и Глесон

понял, что Сорвенгер был не единственным в этом мире, кто обладал такой привилегией. Ривальда Скуэйн считала себя минимум не хуже, поэтому не утрудила себя необходимостью стучать в дверь.

– Приветствую, господа, – сказала она, уже начав искать взглядом место, куда можно сесть.

Скуэйн посмотрела на Глесона, но тот пообещал себе твёрдо стоять на своём и не уступать место этой даме.

Мягко говоря, он недолюбливал Скуэйн за её тщеславие, честолюбие, обращение с другими людьми и очень острый порой язык. Сносно к ней он относился только лишь благодаря её выдающимся способностям детектива, которые не раз и не два помогали следствию, которое до неё не просто стояло на месте, а плавно двигалось назад.

И в Департаменте Расследования Особо Важных Преступлений едва ли не половину дел за последние два года раскрыла именно она.

– Глесон не хочет говорить о безопасности внутри этих стен, – пожаловался Сорвенгер Ривальде.

– Ты имеешь в виду вчерашнее покушение на убийство Мерлина? – спросила Скуэйн.

– Именно его. Уэствуд, почему он оказался в камере с этим самым Арчером?

– Арчер всего лишь украл антикварную монету, – сказал Глесон. – Я не думал, что он вообще способен на убийство.

Уэствуд уже давно привык, что все неполадки начальство

сваливает на него и терпимо к этому относился. Как бы то ни было, Глесон наверняка являлся ценным работником этого места, и мало что могло сподвигнуть начальство уволить инспектора с работы.

– Тогда чем занималась охрана?

– Охрана как раз и спасла Мерлина. Вообще, Арчера кто-то заколдовал.

– Этого не может быть, – сквозь зубы процедил Сорвенгер. – В этих стенах невозможно применять магию.

Этот факт был неоспоримым. Но в то же время Глесон порой не понимал – зачем вообще в крови полицейских есть Проксима. Они же всё равно ей никогда не пользуются.

– Странно, что ты так завёлся из-за этого происшествия, – сказала из-за спины Скуэйн. – К смерти Тильмана Штрассера ты отнёсся так же?

– Тильман Штрассер? – спросил Сорвенгер. – Это кто ещё такой?

– Тильман Штрассер умер прямо в подземельях, – пояснил Глесон. – В начале сентября.

Сорвенгер немного пошевелил бровью, после чего обернулся в сторону Ривальды.

– Очередное следствие бардака, который процветает в нашем участке, – сказал он.

– Стоило сказать об этой смерти мне, – ответила ему Скуэйн.

– Смерть бедолаги в следственном отделе не является

делом такой важности, чтобы переправлять его в Департамент, – пояснил Сорвенгер. – По правде сказать, его смерть не была раскрыта. Но об этом как-то все забыли.

Почему все подобные разговоры происходят именно в кабинете Глесона? У Сорвенгера же есть свой, более просторный и комфортный кабинет, в котором они могут общаться хоть до захода солнца.

Уэствуд практически не спал этой ночью, и сейчас ему хотелось бы хоть как-то отдохнуть. И явно непрекращающиеся разговоры за ухом не способствовали этому.

– Обстоятельства его смерти видятся мне похожими на гибель Ровены Спаркс и Люция Карнигана, – поведала Скуэйн.

Сорвенгер секунду обдумывал её слова, после чего согласился:

– Очень похоже на это. Только Штрассер скончался до того, как всё это началось, поэтому тогда я ничего не подумал. И ты бы ничего не подумала.

– Конечно, его смерть ни с чем не вяжется. Мистер Глесон, а у Штрассера был сокамерник?

Уэствуд был практически уверен, что помнил сокамерника Штрассера, но проверить всё же стоило. Заглянув под стол, он за полминуты нашёл нужный документ и прочитал:

– Был. Агнус Иллиций.

На мгновение в помещении воцарилась мертвенная тишина.

– Почему именно так я подумала? – спросила Скуэйн. – Штрассер умер до побега Иллиция или после?

– После, – сказал Сорвенгер. – Это случилось после.

– Этот негодяй нас запутывает всё больше и больше, – пробубнила под нос Ривальда и уселась прямо на стол Глесона.

Надо сказать, понравилось это Уэствуду чуть меньше, чем никак.

– Почему же я закрыл на это глаза? – буквально с покаиванием спросил сам у себя Сорвенгер. – Быть может, это зацепка?

– Быть может, Якоб, – согласилась с ним Ривальда. – Но пусть эта новость пока не выходит в свет. Мы должны подождать.

– Я должен попытаться отследить связь между Иллицием и Штрассером, – сказал Сорвенгер. – Тебе ведь тоже кажется это логичным?

– Вполне. Я удивлена, что ты не сделал этого раньше.

Сорвенгер собирался было что-то сказать, но не нашёл слов, поэтому беззвучно удалился.

Уэствуд очень надеялся, что за ним сейчас смоемся и Скуэйн, но, похоже, что никуда она не собиралась. Неужто она решила испортить день уставшего Глесона?

Что ж, это было неувидительно!

– Мне нужна твоя помощь, Уэствуд, – спустя пять минут молчания и раздумий выложила Скуэйн.

Этого Глесон желал меньше всего.

– Что я должен сделать? – послушно повиновался он.

На самом деле он совсем не был обязан подчиняться работникам Департамента. Но Сорвенгер давно уже позволил Скуэйну вмешиваться в дела полиции и делать тут всё, что заблагорассудится.

Не самый лучший шаг, как всегда казалось Уэствуду.

– Что-то мне подсказывает, что ничего общего у Иллиция и Штрассера найдено не будет, – сказала Скуэйн. – А вот кое-кто другой... Элвиг Золецкий...

– Золецкий? – удивился Глесон. – Бывший заключённый, сгоревший в пожаре?

– Вы ещё не доказали, что это было преднамеренное убийство? Я очень опечалена вашей работой.

– Мы работаем как можем.

Уэствуд был готов огрызаться, потому что этого ему никто никогда не запрещал. Но он не будет так делать, потому что великодушие всякий раз побеждает.

– Ты должен отследить связь между Тильманом Штрассером и Элвигом Золецким, – выпалила Скуэйн.

– Почему именно между ними?

– Я так хочу. Я бы рассказала, почему именно, но ты не поймёшь. Ваша же работа – думать, а не искать.

– Почему вы не попросили сделать это герра Сорвенгера?

– Тебе не нравится то, что я тебе так доверяю? Оказываю большую честь – даю работу прямиком из Департамен-

та. Лично.

Честью для Уэствуда было бы никогда не быть знакомым со Скуэйн. И вернуться в полицию старого образца.

– Я сделаю всё, что смогу, – несмотря на громкие мысли, повиновался Глесон.

– Сделай больше, чем можешь. Если надо, посети их могилы и выпроси у духов воспоминания.

– Повторяю – сделаю всё, что только смогу.

– Я очень на тебя рассчитываю, Уэствуд. И прошу – оставь это втайне между нами двумя. До поры до времени. У тебя время до вечера.

Уэствуд не привык выполнять задания своими руками. Вот уже десять лет он руководил теми, кто это делает.

Но послушаться он не мог – не только он руководил, но и им руководили более значимые люди.

После этого недолгого разговора Скуэйн наконец-то ушла. Уэствуд должен был бы радоваться, но теперь времени отдыхать у него нет. Ему поручили наиглупейшее задание, и он должен был приложить максимум усилий для того, чтобы хоть что-то выяснить.

Ближе к ночи Уэствуд подъехал к дому Скуэйн и с минуту ещё колебался, стоит ли заходить к ней в жилище.

Но буквально на инстинктах он подошёл к дверному звонку и позвонил.

Дверь открылась не сразу, и инспектору пришлось ещё ка-

кое-то время подождать, пока старый дворецкий не подошёл и не впустил его.

– Мистер Глесон, я полагаю? – учтиво спросил он.

– Да, это я, – сказал Уэствуд. – Разрешите мне войти?

– Извольте. Миссис Скуэйн уже ждёт вас. Разуваться не стоит.

Сняв с дороги пальто, Уэствуд прошёл в гостиную и обнаружил там одиноко сидящую Ривальду Скуэйн. Она обречённо и явно со скучающим видом крутила в руке пустеющий бокал с красным вином и в сторону инспектора даже не обернулась. Похоже, о накрытом столе и ужине Уэствуду приходилось только мечтать.

А ведь он был очень голоден, потому что весь день провёл в делах. Делах, которые выполнял ради Ривальды Скуэйн.

– Ты справился? – спросила она.

– Да. Я присяду?

– Если да, то садись, – сказала Скуэйн. – Угостить вином?

– Не откажусь.

Не ужин конечно, но тоже вполне неплохо. Одним глотком Глесон выпил сразу половину стакана, но наполнить его не попросил.

– Значит, я была права?

– Да. Вы были правы. Между Тильманом Штрассером и Элвигом Золецким была связь. Настолько тесная, что я поражаюсь, как мы её просмотрели.

– Тебе было трудно? – спросила Скуэйн.

– Да. Но не спрашивайте, как я этого достиг. Ведь ваша работа – думать, а наша – искать.

Уэствуду показалось, что он очень грамотно и прямо-таки в точку применил эти слова.

– Рассказывай, я внимательно слушаю.

– Хорошо. Начну сразу с конца, безо всяких разъяснений. Золецкий и Штрассер искали Роковые Часы. Вместе.

Уэствуд немало удивился практически равнодушной реакции Скуэйн. Она сидела в половину оборота к нему, не выпуская стакан из рук, но и не поднося ко рту, что вкупе со слабым освещением гостиной придавало загадочности этой женщине.

– То есть только искали?

– Вам что-то говорят Роковые Часы?

– Да. Я слышала о них. И если то, что я слышала, было правдой, то вы попали прямо в точку. Эти Часы способны убивать на расстоянии. Кого угодно. Я не знаю, как они действуют, потому что всегда считала это за миф. Но как бы то ни было, это сильнейшая магия. Говорят, что Роковые Часы – это наследие самого Меркольта.

– Похоже, что миф оказался правдой. Но я не нашёл никаких подтверждений тому, что Золецкому и Штрассеру удалось найти эти Часы. Только известия о том, что они пытались.

– Да, ты прав. Это не доказательство, но большой шаг вперёд. И распорядиться этим нужно как можно грамотней. Ты

понимаешь меня?

– Понимаю. Со слов очевидцев, около десяти лет назад между Золецким и Штрассером случился разлад и с тех пор они никогда более не виделись и не общались.

– Но погибли в одном городе, – задумалась Ривальда. – Если это действительно Роковые Часы, то картина для меня сходится. Получается, что Агнус Иллиций нарочно попал в тюрьму. Чтобы узнать у Штрассера правду о Часах. Штрассер указал Иллицию на Золецкого. Иллиций сбежал из тюрьмы, наведаясь к Золецкому, убил его и...

– И нашёл Роковые Часы у него, – дополнил Уэствуд.

– После чего при их помощи убил Штрассера, чтобы тот никому ничего не рассказал. И тогда уже начал проворачивать убийства Спаркс и Карнигана.

Глесон обнаружил, что дворецкий налил ему ещё один стакан вина. Уэствуд задумался – почему Скуэйн ничего не скрывает от своего дворецкого? Он всё это время находился в этой же гостиной, слушал все разговоры, но никак не реагировал.

Получается, что он глухой? Нет, на входе Уэствуд разговаривал с ним и ничего такого не заметил.

– Но тогда это означает невиновность Мерлина, – заключил Глесон.

– Не думаю, – сказала Скуэйн. – Роковые Часы – это лишь одно из предположений. Очень правдоподобное, но ничем не доказанное. К тому же, Юлиан пока обвиняется только в

убийстве Грао Дюкса, а там не всё так однозначно.

– Но по его словам Грао Дюкс погиб именно так.

– И это очень удобно. Нет, из-под стражи Юлиан освобождён не будет. Это слишком опасно. Слышал, что он говорил про меня?

– Что вы умрёте...

– Именно. Я посчитала это за угрозу, и, право, я его боюсь.

– Я считаю мальчика невиновным... Он не мог. Теперь я в этом уверен ещё больше.

Скуэйн наконец-то повернулась к Уэствуду всем лицом и уверенно и громко проговорила:

– Эмоции и догадки не значат ничего.

– Будем надеяться, что до правды мы доберёмся. Рано или поздно. Но в то же время у меня созревает другой вопрос. Почему вы вовлекли во всё меня и всё мне рассказываете?

– Потому что я проверяла твою реакцию, – улыбнулась Скуэйн.

– Реакцию на что?

– На правду. Кто-то определил Иллиция в одну камеру со Штрассером в самом начале. А потом помог ему бежать. Кто-то замёл следы убийства Тильмана Штрассера, когда это было необходимо. Кто-то просто водил следствие за нос и этот "кто-то" явно был частым гостем в полиции. И подозрительно быстро и легко узнал про Роковые Часы.

Выражение лица Уэствуда резко начало меняться, потому что в голову пришла самая худшая догадка по этому поводу.

– Что вы имеете в виду? – спросил Глесон, хотя уже догадывался, каков будет ответ.

– То, что тот самый продажный полицейский – это вы.

– Я? Это оскорбление! Я работаю тут почти тридцать лет, меня каждая собака знает.

– Но не я! – Скуэйи даже привстала из-за стола.

Её тон стал прямо-таки зловещим. Уэствуд слукавил бы, если бы сказал, что не испугался.

– Это ошибка!

– Я выведу тебя на чистую воду. Будь уверен. Жаль, что сейчас закон не позволяет мне ничего сделать своими руками.

– Сорвенгер обо всём узнает. И ограничит вас. Я невиновен. Я просто не могу им быть!

– Вот она – та самая реакция на правду. Я расписала тебе все твои действия по порядку, и ты всё понял. Ты согласился со мной, а ведь я только предполагала, не более того. Уэствуд, глаза тебя выдали. Скажи – на кого ты работаешь? На Молтембера?

– Я работаю на Якоба Сорвенгера и его участок полиции! Всё, я не желаю продолжать разговор. Он оскорбительный. Я покидаю вас, и не вздумайте идти за мной.

Уэствуд встал и, преисполненный жадной гнева, отправился к выходу. Стоило сказать "спасибо" за вино, но эта женщина такого не заслуживала.

Сейчас она едва не разрушила репутацию Уэствуда. Зав-

тра она расскажет о своих догадках Сорвенгеру и тот поверит ей. Есть между ними какая-то связь покрепче дружбы, которую они скрывают. Они будут считать, что нашли того самого сообщника Иллиция и с радостью отправят Глесона на суд, не предоставив никакого права слова.

В грязи Уэствуд погряз по самые уши. Нужно было выбираться.

Несмотря на внешнюю наивность и природную скромность, Уэствуд никогда не считал себя тем, кого можно легко обвести вокруг пальца. Слишком много обмана и предательств в своей жизни он пережил, чтобы впредь доверять кому-то или сдаваться.

Глесон никогда не был героем подавления восстаний, как известный Уильям Монроук, который стал фигурой едва ли культовой в каких-то кругах. Уэствуд остался тогда в тени, в безызвестности и бесславии, хотя участие принимал в войне непосредственное. Крови тоже немало пролил, немало эмоций оставил.

Но никто никогда не скажет за это "спасибо". Все забыли, что такое благодарность. После того, как Уэствуду ещё тринадцать лет назад вручили почётный орден борьбы с терроризмом, никто и никогда о нём не вспоминал.

Глесон ещё долго в одиночестве сидел в машине, размышляя, как несправедливо обошлась с ним судьба. Именно сейчас ему показалось, что жизнь достигла самого дна.

В то же время, это значило, что и терять ему, по сути, было

нечего.

Поначалу он планировал взять бутылочку горячительного, и в одиночестве испить её, но никаких проблем это не решило бы. Несмотря на соблазн выпить и забыться в синем тумане, Уэствуд нажал на газ и поехал прямо в полицейский участок.

– Мистер Глесон? – удивился дежурный, едва заведя инспектора в дверях.

– Да, я, – ответил Уэствуд. – Сегодня ты освобождаешься от работы, иди домой. Я продежурю сам.

– Но у меня же смена, – неуверенно сказал дежурный.

– Марв, не испытывай моё терпение. Сегодня я продежурю вместо тебя, и оплату за смену ты получишь.

– Как скажете, мистер Глесон, – сказал Марв и отправился в кабинет за своими вещами.

Над участком нависла тишина. Уэствуд понимал, что его разоблачат в первую же минуту, но почему-то именно сейчас было на это наплевать. Его работа, истинное призвание – вершить справедливость, а не прыгать под дудку негодных людей. Глас рассудка не вторил самому себе и никакого выбора не осознавал.

Когда Марв наконец покинул участок, Глесон снял связку ключей со своей стены, и, помявшись с пару минут, отправился вниз, в подземелья.

Он шёл очень тихо, не используя фонаря, и спящие заключённые вряд ли его замечали. А если и замечали, то, скорее

всего, считали, что это очередная проверка охраны, на которую они уже внимания почти и не обращали.

Дойдя до нужной ему камеры, он нагнулся и проговорил:
– Вставай, Мерлин.

Но юноша спал, и эдакий полушёпот Уэствуда вряд ли вообще мог его разбудить. В кармане Глесон нашёл только завалявшуюся баранку, и, посчитав её за неплохой будильник, кинул прямо в подозреваемого.

Тот немного поёжился и повернул голову в сторону Глесона.

– Вставай, Мерлин, – повторил Уэствуд и зажёл спичку, чтобы юноша смог увидеть его лицо.

Увидев это, подозреваемый вскочил, и полусидя забился в угол кровати.

– Вы пришли убить меня? – испуганно спросил Юлиан.

– Нет, – ответил Уэствуд. – Скорее наоборот – спасти. Я тут краем уха слышал, как ты говорил, что знаешь, где можно найти Агнуса Иллиция. Это правда?

Юлиан протёр глаза, однако спичка в это время догорела, и видеть он лучше не стал. Новую же Уэствуд зажигать не стал, посчитав, что для юноши этого достаточно.

– Я не уверен, – сказал он. – В этом месте так много думаю, что разуверился почти во всём.

– Мы должны найти его, Юлиан, – поведал Уэствуд. – Мне нужна твоя помощь.

– Это не очередная ловушка?

– Можешь быть уверен, что нет. Ривальда Скуэйн оклеветала и меня. Единственный способ реабилитироваться – это найти Агнуса Иллиция и заставить рассказать правду.

Похоже, что Юлиана такое предложение очень заинтересовало. Не просто так же он вскочил со своей кровати и прильнул к внутренней стороне клетки:

– Мне кажется, что его укрывают вервольфы в лесу! – азартно проговорил парень.

– Ничего не объясняй сейчас. Ты пойдёшь со мной!

Уэствуд демонстративно потряс ключом перед лицом Мерлина. Не отрывая глаз от средства спасения, парень ответил:

– Вы не шутите?

– Нет. Тебе тут задерживаться нельзя. Каждая секунда может оказаться роковой и тебя убьют. Тот, кто решил это сделать прошлой ночью, не остановится. Так что собирайся.

Похоже, мальчик до сих пор не верил, что с ним предельно честно. Наверняка, он тоже разуверился в этом городе и потому перестал доверять кому бы то ни было. Как же Уэствуд понимал этого мальчика! Как же хотел открыться ему!

Но время не медлило. В очередной раз оглядевшись по сторонам и никого там не заметив, Уэствуд медленно повернул ключ и раздался щелчок.

Только что полицейский совершил то, что поклялся не совершать никогда. И всегда был уверен, что слова своего не нарушит.

Времена меняются.

16. Похититель

"Оклеветанный, униженный, израненный... Моя душа была буквально освежёвана, но то, что ещё осталось, пылало ярким огнём. Ещё недавно я говорил, что в этом городе неоткуда ждать помощи и полагаться можно на себя. Но сегодня случилось приятное исключение, которое вернуло мне веру в человечество и в человечность. Во мне снова заиграл огонёк природного любопытства и безумия..."

Юлиан Мерлин, ноябрь 2010

– Как вы сказали? Роковые Часы? – ещё раз переспросил Юлиан у ангелоподобного полицейского-спасителя, сидя на переднем пассажирском сиденье машины, которая стремительно рассекала Свайзлаутерн.

Ситуация кое-что очень напоминала Юлиану. А именно последние часы жизни Грао Дюкса. Если сейчас ещё и Глесон умрёт прямо за рулём машины, это удивит парня уже не так сильно.

– Именно они, – ответил Глесон. – Мне кажется, что Скуэйн уже знала про них, поэтому ничему не удивилась. Знаешь ли, это очень сильный артефакт. И поговаривают, что проклятый. Каждый, кто им пользовался, в скором времени умирает. При загадочных обстоятельствах.

– Но как вы узнали? – спросил Юлиан.

Если Глесон не умрёт за рулём машины, то завезёт Юли-

ана в ловушку. Где-нибудь на окраине города его будут поджидать двенадцать мужчин в широких шляпах и ружьях, которые расстреляют Юлиана, даже не дав шанс что-то сказать.

Как он мог доверять даже этому честному с виду полицейскому? Где гарантии, что его не заколдовали и это не очередное ухищрение с целью погубить невинную душу Юлиана? И кто вообще сказал, что Глесон и сам не работает на Молтембера и Иллиция?

– Мне очень повезло, – сказал Глесон, поворачивая куда-то направо. – Я нашёл знакомых Золецкого? и они хранили его старые письма. В одном письме я и нашёл обращение к Штрассеру. Но всё легко только тогда, когда знаешь, как работать. Только Скуэйн этого не знает и решила меня во всём обвинить.

Юлиан тоже подозревал Глесона. Он вообще всех подозревал.

– Это какая-то уловка, – предположил Юлиан.

– Уже завтра она расскажет это некоторым людям, ей поверят, и меня открыто обвинят. Посадят, как и тебя, в какой-нибудь изолятор, и я уже ничего не смогу сделать. Поэтому теперь мы с тобой в одной лодке. Нам обоим нужен Агнус Иллиций, без него способа спастись нет.

Юлиан кивнул.

– Справедливости ради, пару раз Агнус Иллиций был замечен, – сказал Глесон, повернув к Юлиану голову. – Не нами замечен, но он же был объявлен розыск. И лицо его и в

каждой газете, и на каждом фонарном столбе. Люди видели его где-то на окраине, но нам даже при помощи их слов ничего найти не удалось. Да и кто ж знает их, людей-то. Обознаться могли же? Да? Тоже так думаешь?

– Иллиций очень умён для того, чтобы так легко попадаться, – ответил Юлиан. – Он неуловим, как молния. И даже то, что его заметили, не даёт никакого преимущества. Вдруг он сам так захотел?

– Ты в тюремной камере долго об этом думал?

– А что там ещё делать? Собеседника у меня отняли. Того, который чуть не вогнал заточку мне в грудь. Вот я и думал обо всём, что случилось. Переживаю, что пока сидел там, всё изменилось и теперь нам больше не найти Агнуса Иллиция. Никто за это время больше не умер?

Юлиан неожиданно сам для себя стал слишком разговорчив. Ещё бы – с кем только не разговоришься после затворного одиночества!

Но в то же время Юлиана без перерыва буквально раздирало изнутри то, что он не знал, рассказать ли Глесону о том, что он узнал в Комнате Воспоминаний Грао Дюкса. Глесон не вызывал слишком много подозрений, говорил он очень убедительно, но всё же Юлиан эту историю приберёт для других времён. Тем более, что под зельями правды Иллиций сам всё выложит.

– Люди умирают каждый день, – ответил Глесон. – Но ничего подобного тому, что было. Тебя это расстроило?

– Нет, вам показалось.

– Ну, как знаешь.

– Нам нужно попасть в больницу Святых Петра и Павла, – сказал Юлиан, когда Глесон где-то остановился и поставил машину на ручной тормоз.

– Это ещё зачем?

– Там должен находиться один вервольф, через которого мы всё узнаем.

– То есть сейчас ты ничего не знаешь? – недовольно спросил Глесон, открывая им обоим двери. – Вылезай, мы приехали. Я думал, ты знаешь точное место наверняка, и мы сейчас туда отправимся.

– Простите, сэр, но я не успел. Меня арестовали. Я знаю, что это находится в лесу, но лес большой, и мы там можем до утра блуждать. А вот вервольф приведёт нас к своей стае и облегчит задачу.

Только произнеся эту фразу, Юлиан вылез из машины и спросил:

– Куда мы приехали?

– Это мой дом, – ответил ему Глесон, закрывая обе двери ключом.

Машина было очень старой и буквально разваливалась.

– Но зачем нам сюда? – удивился Юлиан.

– Там оружие. А ещё нам нужно подкрепиться и составить план.

"Подкрепиться" – это самая лучшая идея за сегодня. Даже

чуть лучше, чем побег из подземелья.

Излишеств Глесон ему не предоставил, но сравнительно скромная трапеза от блюстителя закона оказалось в несколько тысяч раз лучше той, которой Юлиан питался последние несколько дней.

И сам дом, хоть и был хуже, чем у Ривальды Скуэйи, но в сравнении с тем, что было, не нуждался.

– Только жену не разбуди, – предупредил Глесон, откусывая сосиску. – А то объяснений не оберёшься. Я и не знаю, что она подумает, увидев тебя.

– Я бы сказал вам, кто этот вервольф и где находится, но это может быть опасно, – сказал Юлиан, с сожалением осознавая тот факт, что так и не доверился к Глесону.

– Понимаю. Ты опасаясь, что узнав, кто он и где, я убью его, и единственная ниточка в охоте на Иллиция будет потеряна. Это очень справедливо и убедительно. Ты мог бы стать очень перспективным полицейским.

– Ни за что, – ухмыльнулся Юлиан. – Только не это.

– Времена меняются и всё непредсказуемо. Значит, ты отправишься к вервольфу один?

– Да. Вы будете ждать меня снаружи и по возможности контролировать ситуацию.

– Опасно всё это, Юлиан, – покачал головой Глесон.

– А нам другого выбора не дали.

– Только ночь к концу. Я не думаю, что соваться утром в больницу и в лес – это хорошая идея. Боюсь, что на наш

страх и риск придётся переждать до вечера, а потом уже приступать. Я думаю, ты не против?

Юлиан отодвинул в сторону пустую кружку из-под чая. Определённо, огромное "спасибо" Уэствуд Глесон заслужил.

– Уже утром меня объявят в розыск. Я смогу быть здесь в безопасности? У вас в доме? – с надеждой спросил Юлиан.

– Думаю, что сможешь, – покивал головой Глесон. – Тебе придётся спрятаться в подвал и не высовываться оттуда.

– Но мне кажется, что Ривальда Скуэйн первым делом отправится искать меня именно к вам в дом?

– И как же я не подумал? – почесал затылок Глесон и встал.

Всё это выглядело немного подозрительно.

– А надёжных друзей, у которых можно спрятаться, у тебя нет? – спросил Глесон, после чего на секунду остановился и снова стал рассказывать вокруг стола.

– Вы же сами знаете, – развёл руками Юлиан. – Я в этом городе меньше двух месяцев и всегда жил у Ривальды Скуэйн. Только теперь, понимаете сами, я остался кем-то вроде бездомного. Я знаком, конечно, с некоторыми людьми, но они меня и в гости-то ни разу не звали, не то что переночевать.

Глесон остановился, присел и задумался. У него легонько задергалась левая скула, будто бы даже не подчиняясь инспектору и живя своей жизнью. Юлиан понял, что Глесон и

сам в растерянности и давно не знает, что делать.

– В таком случае, – начал уныло лепетать Юлиан. – Мы должны рискнуть и не ждать до утра. Отправимся в больницу Петра и Павла, пока она ещё не закрылась, и вытащим оттуда вервольфа.

– Прямо сейчас? – удивлённо спросил Глесон.

Похоже, что этот человек не очень привык к неожиданностям и прочим авантюрам. Его всегда устраивала целиком и полностью его скучная и обывательская жизнь и другой он никогда не хотел. Не помышлял о чём-то большем, таком, что в один краткий миг может необратимо изменить жизнь.

Тут недвусмысленно напрашивается аналогия с жизнью Юлиана Мерлина, в особенности же с её последними двумя месяцами, которые включили себя главным образом побег из-под крыла дедушки, попадание в рабство к Ривальде Скуэйн и всё такое прочее. Каждое из этих событий, случившихся под действием мимолётных и необдуманых, казалось бы, пустяковых решений, поменяло жизнь в корне, сделав Юлиана Мерлина уже не тем человеком, каким он был раньше.

– Да. Я думаю, что так будет лучше, – кивнул Юлиан, который, надо сказать, в своих словах тоже не был уверен целиком и полностью.

– Что для этого нужно? – спросил Глесон, делая такой вид, что готов на всё, что угодно, что скажет юноша.

Почему этот инспектор совершенно не опасается того, что Юлиан и впрямь может быть задействован в тех кошма-

рах, которые происходили во всём городе? Почему доверяет именно ему, а не людям, которых знает уже очень и очень много лет? Всё это даже немного льстило Юлиану, и он начал осознавать себя человеком необычайно важным.

– В идеале – пара листов красного призрака, а ещё верёвка-прилипала из магазина шалостей. Кажется, так и называется – "верёвка Ромео".

У Глесона буквально глаза полезли на лоб, после того, как он услышал это. Наверняка, это и было ответом Юлиану на слишком разыгравшееся воображение.

– Можно заменить порохом, который позволяет летать, – словно поправил сам себя Юлиан. – У меня был и красный и призрак, и порох, но всё это в моей комнате в доме миссис Скуэйн. А это неприступная крепость и туда никак не пробраться.

– Верно говоришь, – кивнул Глесон. – Порох у меня есть, но вот только тебе придётся обойтись без красного чуда-листа, который сделает тебя невидимым и незаметным даже для самого Меркольта.

– Это опасно, – ответил Юлиан.

Ибо он считал красный призрак надёжнейшим помощником любого, кто вдруг решил поиграть в шпиона и беглеца. Ещё бы – невооружённым взглядом обнаружить того, кто защищён этим листом, попросту невозможно! В библиотеке Ривальды Скуэйн Юлиан как-то читал, что есть специальные приборы, которые могут выявить того, кто скрылся. А ещё

некоторые существа чувствительны к красному призраку и могут его заметить. Да, заметить наличие самого красного призрака, а не человека который он принял. Но, впрочем, это немногим отличалось бы.

Сначала Юлиан думал, что на месте Агнуса Иллиция он закупился бы целым мешком этого счастья и постоянно принимал бы его. Поначалу он даже пытался озвучить в Департаменте идею, что Агнус Иллиций постоянно принимает красный призрак. Но его быстро осадил, объяснив, что это растение крайне токсично и постоянное его употребление хотя бы однажды в день может привести к необратимым последствиям. Ещё обвинили его в незнании трав и отправляли лучше учить уроки.

Впрочем, это знание не мешало Юлиану время от времени грешить красным призраком. Но в этот раз, увы, он был лишён его.

– Мы оказались втянуты в опасность не по своей воле, – сказал ему Глесон. Но это – единственный способ спасти наши жизни.

– И поэтому придётся подвергать себя опасности как можно больше, – не то спросил, не то ответил Юлиан. – На полную катушку, так сказать.

– Да нет же, – поправил его Глесон. – Ты мне и вовсе смутяна напоминаешь. Нам, напротив, нужно быть максимально осторожными. Верить или нет, но я уже почти двое суток не спал. И меня жутко валит с ног.

– Но вы знаете, что спать нельзя.

– Конечно. Больше кофе. Нам пора в путь, Юлиан.

Конечно, Юлиан никуда не хотел. Даже невзирая на то, что именно он выступил инициатором отказа от отдыха и немедленного выступления. Такое своего рода необходимое зло самому себе, чтобы сделать всё так, как надо, а не так, как могло бы быть, если бы Юлиан отказался думать и отдался бы в руки судьбы.

Божественная тишина окружила Свайзлаутерн, захватив его в свои объятия до самого рассвета. Благо, рассвет ещё не наступил, и ни кому в голову не пришло выходить прогуляться, поэтому машина с Уэствудом Глесоном и Юлианом благополучно подобралась к больнице Святых Петра и Павла.

– Возьми это, – протянул Глесон Юлиану в руку револьвер за секунду да того, как тот собирался выйти на своё опасное дело.

– Вы серьёзно? У меня же нет никакой лицензии...

– Тебе ли говорить? Человек, который уже два раза попал в следственный изолятор. Если что, он заряжен серебряными пулями. Знаешь же, что выстрел серебряной пулей прямо в сердце для оборотней смертелен...

– Это вервольф, – поправил Глесона Юлиан.

– Не суть какая разница, – как ни в чём не бывало продолжил инспектор. – Боятся они одного и того же. Выстрел не в сердце их, конечно, не убьёт, но поранит, и рана будет

долго заживать. На случай, если вдруг этот твой вервольф не захочет с тобой разговаривать, поверти перед его носом револьвером.

Юлиан неуверенно взял в руки кобуру с револьвером. Что должно быть дальше? Внутри больницы он найдёт труп условного Стюарта Тёрнера, необыкновенным образом убитого именно тем пистолетом, который держал в руках Юлиан? Из-за всех сторон вылезет полиция, окружит Юлиана и тогда уже доказательства будут неопровержимы.

Таким образом – варианта было лишь два. Либо Глесон действительно честно настроен и проявил величайший знак доверия, либо же и впрямь собирался тупо подставить Юлиана. Но не оставалось ничего другого, кроме как рискнуть.

Юлиан спрятал во внутренний карман пальто револьвер, но всё ещё не вышел из машины. Он посмотрел на Глесона таким взглядом, будто напоминал тем самым о чём-то очень навязчивом.

– Мистер Глесон, – пробормотал Юлиан, кивая глазами куда-то в сторону груди.

– Ах, да! – опомнился Глесон и вытащил свой полицейский значок. – Отдавая тебе его, я рискую больше, чем когда отдавал тебе револьвер. Запомни это и будь осторожен, как никогда.

Юлиан повертел в руке железный, выполненный в форме герба Свайзлаутерна, агрегат, наделяющий его прямо здесь и сейчас немалой властью. И как Юлиан добрался до того,

что один из самых известных полицейских в городе даёт ему на время свой значок?

Это придало ещё больше значимости и без того напыщенному взгляду Юлиана. Напыщенному, но напуганному.

– Удачи, – произнёс Глесон, после чего Юлиан кивнул и приоткрыл дверь.

404 палата – это совершенно точно четвёртый этаж. Но с какой стороны? Не было времени на размышления, надо было найти хоть какое-то незакрытое изнутри окно. Не так просто это сделать в это не самое тёплое время года, да ещё учитывая, что на улице ночь.

Но Юлиану найти удалось. Бросив на землю горсть пороха, он взлетел и медленно устремился вверх, к самому четвёртому этажу. Он бы мог пролететь мимо нужного окна, если бы в своё время едва ли не мастерски научился пользоваться парящей субстанцией.

Зацепившись руками за подоконник, Юлиан тихонько приоткрыл его и заглянул внутрь. Тьма кромешная. Больница спала, не подавая совершенно никаких признаков жизни.

Забравшись внутрь, он первым делом огляделся и нашёл дверь хоть какой-нибудь палаты. 432. Значит, не так уж он и близко к конечной цели, но, по крайней мере, он на правильном пути.

Откуда-то снизу раздался женский кашель, заставивший Юлиана содрогнуться. Насколько он мог полагать, на ночное дежурство должна оставаться хотя бы одна медсестра.

Вряд ли она будет ежеминутно обшаривать все этажи в происках злоумышленников вроде Юлиана Мерлина. Да и бодрствовать будет вряд ли. Однако ухо стоило держать остро – немало неприятностей было пережито из-за неосторожности.

Юлиан дунул в воздух и в нём мгновенно образовался небольшой горящий огненный шар, который должен был освещать путь Юлиану. Обычно в таких случаях он использовал фонарь, потому что использование магии требовало постоянного сосредоточения и внимания, иначе огонёк погасал. Тем более, это хоть немного, но отнимало внутренние силы.

Он подошёл к плану эвакуации к стене, который планировал использовать в качестве карты. Итак, прямо до развилки, потом направо до упора, там снова направо и первая же дверь слева – это нужная палата. Самое главное – не забыть, потому что частенько кое-что только увиденное Юлиан забывал. Главным образом это касалось информации из учебника или с урока, но никто не гарантировал, что память может подвести и в этот ответственный момент.

Как бы сейчас был полезен один несчастный листок красного призрака! Он бы сорвал этот план эвакуации со стены и тоже сделал бы его невидимым! Ничего не боясь, ни о чём не волнуясь и не думая, Юлиан вольготным и лёгким шагом пошагал бы на встречу с вервольфом Теодором и с большим количеством уверенности, чем сейчас, явно добился того, чего

хотел бы.

Но дорогу он не забыл, и в тёмных коридорах никто его не поймал. Трупов, которые он ожидал тут найти, тоже видно не было. Пока всё складывается так, как надо.

Тихо приоткрыв дверь палаты № 404, Юлиан просунул туда только одну лишь голову и посмотрел. Одиночная палата. Очень повезло. Как Теодору, так и Юлиану.

Только Теодор ли это мирно спал прямо посередине?

Юлиан подошёл к нему. Вряд ли возможно было узнать в этом черноволосом кучерявом пареньке того самого угрожающего волка, при помощи которого вервольфы едва не отправили на тот свет Юлиана и его друзей.

Он всё так же спал. Ничего не замечал. Немного пригнувшись, Юлиан прикоснулся амулетом, подаренным Ривальдой, к коже больного и отпрянул.

На руке Теодора появился махонький ожог, утверждающий то, что он был восприимчив к серебру, а значит, являлся либо оборотнем, либо вервольфом.

– Вставай, Теодор! – вслух сказал Юлиан, совершенно забыв о страхе быть обнаруженным.

Сон у вервольфов должен был быть очень чутким, поэтому Юлиан был весьма удивлён, что больной никак не отреагировал на ожог серебром. Теодор вообще мог проснуться только от того, что учуял в помещении наличие серебра.

Но сейчас он встал, и его глаза испуганно загорелись красным светом.

– Ты кто такой? – спросил он. – И что с моей рукой?

– Пройдёт, – сказал Юлиан, максимально старательно пытаясь изобразить серьезный, суровый, и даже немного злоедающий голос. – Требовалась небольшая проверка. Так ты Теодор?

– Да, я Теодор. А ты кто такой?

– Неважно. Но я думаю, что мы с тобой уже встречались. Ты однажды ранил моего друга.

Юлиан подобрался поближе к окну, чтобы при свете луны вервольф разглядел очертания его лица.

– Я? – удивился Теодор. – Я точно никого не ранил. Это меня ранили и чуть не убили!

Голос был едва ли не жалостным, просящим в очередной раз пощады. Да и вообще Теодор выглядел совсем ещё мальчишкой, разве что на год-два он выглядел старше самого Юлиана. И то, во многом благодаря своей развитой мускулатуре. Что само по себе свойственно вервольфам в человеческой форме и не выходило за пределы обыденности.

– Напротив, Теодор, – сказал Юлиан. – Это мы с трудом вырвали нашего друга из твоих лап прежде, чем ты его разорвал. И немного ранили.

Пока что Юлиану казалось, что он отлично играет свою роль. Уверенности ему придавало наличие револьвера с серебряными пулями в кармане.

– Нет, – уверенно сказал вервольф. – Это ложь. Вы же... Постой. Я помню!

– Помнишь, как напал на нас? Со своими друзьями?

Теодор сделал не по годам глупое лицо.

– Что ты здесь делаешь вообще? – недовольно спросил он. – Почему ты в моей палате в такое время?

– Есть важный разговор, – сказал Юлиан.

– Я не хочу с тобой разговаривать. Ты врешь мне, я не хочу так. Уходи.

Юлиан приблизился к Теодору. Не сказать бы, что он не боялся накаченного красавца-вервольфа. Скорее наоборот, мандраж в его голову немного ворвался. Но стоило держаться и не показывать слабинку.

– Я сейчас отключу этот аппарат, – он указал на штуку, из которой в Теодора что-то вливалось через шприц.

– Пожалуйста, – сказал Теодор. – Это морфий. Они думают, что мне больно. А мне на самом деле не больно. Я буду рад избавиться от этой штуки, только утром меня будут ругать.

– Ты же не хочешь, чтобы тебя ругали? – осторожно спросил Юлиан.

– Ты разговариваешь со мной, как с маленьким. Не делай этого.

Теодор привстал с койки, и его глаза налились красным цветом. Это означало, что вервольф готов к атаке и может обратиться в гигантского волка, если вдруг понадобится.

– Если взрослый, то хочу серьёзно поговорить с тобой, – сказал Юлиан.

Похоже, что хватку он начал немного терять.

– У нас не принято с людьми разговаривать.

– Но эти люди тебя лечат и заботятся о тебе. Так что послушай. Правда, что ваша стая укрывает Агнуса Иллиция где-то в лесу?

Взгляд Теодора притупился, а глаза сменили цвет на светло-голубой. И едва заметный, ибо яркость поубавилось.

– Нет. Вернее, мне запрещено об этом говорить.

Юлиан немного опустил брови.

– Так "нет" или "нельзя говорить"? – спросил он.

– Нет у нас никакого Иллиция. Не понимаю, о чём ты.

Похоже, что Теодор уже допустил ошибку. Оставалось лишь довершить начатое и вывести молодого вервольфа на чистую воду.

– Ты не должен лгать. Теодор, ты не должен лгать. Особенно сотруднику полиции.

Юлиан потянулся в карман, не будучи уверенным, что ему вытащить – револьвер или значок. Остановился всё же на втором.

– Видел такой? Это полиция, – сказал Юлиан.

– Так ты из полиции? – удивился Теодор. – Почему же ты сразу не сказал?

– Не подумал, что будет необходимость. Знаешь ли, люблю решать дела, не прибегая к своим полномочиям. Знаешь ли, это называется "злоупотреблять служебным положением".

– Что? – спросил Теодор, состроив недовольно-идиотскую мину.

Жизнь в лесу, похоже, ничему Теодора не научила. Кроме как угрожающе сверкать глазами и обращаться в волка. Вернее, обращаться человеком, будучи в первую очередь волком.

– Забудь. Я ставлю тебе условие. Я знаю, что Агнус Иллиций находится среди вашей стаи и знаю, что ты знаешь, где именно. А взамен я не арестую тебя за нападение на меня и моих друзей. Идёт?

Юлиан ещё раз сверкнул значком, чтобы Теодор не забывал, кто тут контролирует ситуацию. Сам вервольф задумался, понуро опустив голову и постоянно взлохмачивая руками волосы. Юлиан понимал его сомнения. Это и впрямь нелегко – выбирать.

– Я не знаю, – в итоге ответил он.

– Не будь глупцом, Теодор. Тебя нескоро из этой больницы выпустят. Тем более другие могут указать на тебя полиции. Я же решу все твои проблемы, Теодор. Только проводи нас в лес к своей стае, и ты вернёшься к своим друзьям и будешь жить так, как раньше.

Теодор поднял на него свою голову. Глаза снова налились красным цветом, и Юлиану стало немного боязно.

– А с чего ты взял, что я хочу возвращаться туда? – неожиданно спросил Теодор.

– Как? Ты не хочешь в стаю?

– Я в стае самый младший и самый слабый. Я... Я для них что-то вроде мальчика для битья. И так ещё долго будет продолжаться. Понимаешь – не хочу. Я человеком хочу быть.

Эти слова немного изменили нынешнюю позицию Юлиана.

– А что, если я тебе и в этом помогу? Я сделаю так, что полиция не будет трогать тебя. Ты сможешь спокойно здесь жить и делать всё, что угодно.

– Но у меня нет дома! – пожаловался Теодор. – Мой единственный дом, который я знал – это моя стая в лесу. И я не хочу туда возвращаться, поэтому делаю вид, что мне больно, чтобы как можно дольше пробыть здесь. Даже здесь лучше.

– Я не могу предоставить тебе дом, Теодор, – сказал Юлиан. – Но я обязательно что-нибудь придумаю. Потом. По крайней мере, я знаю, как защитить тебя от твоих соплеменников.

– Защитить? Ты хотя бы примерно знаешь, сколько их? Если они захотят, то уничтожат весь ваш город! Вот сколько их много.

Юлиану стало не по себе. Эти слова Теодора совсем не радовали Юлиана.

– Понимаешь, у меня в кармане револьвер с серебряными пулями, – скрепя сердце, сказал Юлиан. – И я очень не хотел его доставать. Поэтому не заставляй меня использовать его. Прости, но так надо. Ты должен помочь мне.

– А тем, кто меня обижал, станет плохо? – в надежде спро-

сил Юлиан.

– Можешь не сомневаться.

– Но вы их не убьёте?

– Думаю, что нет. Собирайся, Теодор. Мы бежим.

Сомнения в душе Теодора были очень велики. В нём и вовсе разгорелась настоящая ожесточённая война, и он не мог победить сам себя. И Юлиан очень хорошо понимал его. Вервольф по своей природе более зависим от инстинктов, нежели человек, поэтому ему порой труднее с ними совладать. В природе любого вервольфа – забота о своей стае, защита любого из них и всё такое прочее. Но вервольф, который в своей стае изгой... Сердцем он ненавидит их, но инстинкт раз за разом настаивает на том, что нужно держаться их и защищать любым способом.

– Хорошо. Но я не хочу, чтобы стая знала, что это я предал их, – сухо сказал Теодор и встал с койки.

– Так Агнус Иллиций у вас?

– Я не знаю, как его зовут. Но кто-то там был. У меня, кстати, нет никакой одежды, меня нашли голым. Придётся в больничном идти.

– Что-нибудь найдём, – ответил Юлиан и подошёл к окну.

Окно выходило на другую сторону больницы, не ту, с которой Юлиан сюда залез. Но бежать обратно было бы логичнее здесь, так как снаружи меньше шансов наткнуться на какой-нибудь подвох.

Теодор, несмотря на свой грозный вид, выглядел как ма-

ленький ребёнок, когда Юлиан предложил ему прыгнуть в туманное облачко, образованное от волшебного пороха. И лишь после того как Юлиан прыгнул сам, Теодор наконец-то перестал дрейфить и проследовал за ним.

– Это он и есть? – спросил Глесон у Юлиана, едва тот затолкал Теодора в машину.

– Да, мистер Глесон. Он обещал помочь.

– Я впервые сижу в машине! – в восторге сказал Теодор.

Глесон и Юлиан молча переглянулись, но ничего ему не ответили. Зато Глесон кое-что сказал Юлиану:

– Ты забыл, парень?

– Что? – удивился Юлиан, сразу не поняв, в чём дело. – Точно, – опомнился он и вернул инспектору его значок и оружие.

Глесон бережно взял в руки полученный значок, перепроверил, настоящий ли он, и нацепил обратно на форму. Похоже, что ничего дороже этого в жизни Глесона не было. Ибо с револьвером он и близко так не поступил.

– А что делать дальше? – спросил Юлиан у Глесона. – Светает уже.

– Кое-где укроемся до вечера.

– Я так полагаю, у вас дома?

– Мы поедem к кому-то домой? – спросил с заднего сиденья Теодор. – Меня никогда не приглашали в настоящий дом!

Юлиан посмотрел в зеркало заднего вида и увидел неве-

роятно довольное лицо Теодора. Лицо, которое было слишком наивно даже для пятилетнего ребёнка.

– Нет, – ответил Глесон и завёл машину. – Говорил же, что слишком опасно. Не хочу, чтобы первым делом бригада наёмников во главе со Скуэйи и Сорвенгером, которым она так умело манипулирует, сунулась ко мне.

– Но там же ваша жена! – в ужасе сказал Юлиан.

– У неё работа сегодня с утра до ночи, – ответил Глесон, но в голосе всё же выражались нотки неуверенности по этому поводу. – Риск определённый есть, но даже если её возьмут, она ничего им не скажет. Потому что ничего не знает. Когда я вернусь...

На этом месте Глесон неожиданно осёкся и застыл.

– Что будет, когда вы вернётесь? – спросил Юлиан.

Глесон словно поморщился, а потом тронулся и сказал:

– Да какая разница, что будет. Проследи за вервольфом сзади, пожалуйста. Надо ли тебя учить, что доверять им нельзя.

Не надо учить. Всё Юлиан знал, и, ясное дело, не доверял. Уже тысячу раз говорилось выше, что он вообще никому тут не доверял. И даже Глесону, который пока вызывал подозрения разве что только своими неожиданно добрыми и благими намерениями. Юлиан уже и не мог припомнить подобных случаев, поэтому почти в них не верил.

Когда уже рассвело, примерно через час, машина Глесона добралась куда-то до окраины Свайзлаутерна и останови-

лась. Эти места уже не были похожи на привычные центральные части города, которые были донельзя аккуратно обустроенные, словно на подбор построенные из огненно-красного кирпича и с похожими крышами. Никто не говорил, что окраины напоминали глухую деревню, но ощущения какой-то неполноценности всё же были. Главным образом, потому что дома тут были ниже, да и располагались реже. И время от времени попадались полуразваленные дома и здания, выставленные на продажу.

– Что это за место? – спросил Юлиан, когда Глесон заставил его и Теодора выйти из машины.

– А что, не видно? – удивился Глесон. – Это заброшенный склад. Мне он достался уже как шесть лет назад от двоюродной тётушки в наследство, а я так и не нашёл ему достойного применения. Мог бы, конечно, попытаться открыть тут какое-то дело... Но разве ж это выгодно будет на окраинах? Сам понимаешь, что нет. Я даже его на своё имя оформлять не стал, так и принадлежит он формально моей почившей тётушке. А у неё другая фамилия, поэтому никто не знает, что склад-то на самом деле мой.

– Хотите сказать, что полиция не догадается? – спросил Юлиан.

– Конечно, догадается. Но я там работаю тридцать лет и отлично знаю, что менее, чем за сутки им не разобраться. Как бы сильно они не старались. Поэтому переждать день у нас будет время.

– Вы уверены? – ещё раз спросил Глесон.

– Доверься мне. Никто нас тут сегодня не найдёт.

Юлиан на словах согласился, но мыслями не мог понять, что всё может быть так легко. Все, кто знает Ривальду Ску-эйн, расписывают её едва ли не как гения, поэтому трудно было представить, что на подобную загадку ей понадобится более суток. Тем более, если учесть, что в помощь ей Якоб Сорвенгер и вместе они владеют всеми возможными базами данных, связанных со Свайзлаутерном.

– Это не настоящий дом! – недовольно воскликнул Теодор, едва Глесон отпер двери склада.

И впрямь, не хватало тут разве что скелетов. Тогда точно был бы самый что ни на есть склеп из зловещих сказок. Где-то в углу должен был находиться кувшин, из которого всё норовил вылететь злой демон, выразивший недовольство, что "кто-то посмел нарушить его покой". Старая огромная люстра на потолке вот-вот была готова обрушиться прямо на голову полицейскому, бежавшему и вервольфу. А пол грозил провалиться и вместе с собой унести и героев куда-нибудь в глубинные недра Эрхары.

Опять разыгралась фантазия.

– Надо кое-что показать, – с лёгким оттенком ухмылки сказал Глесон и поманил Юлиана с собой.

На Теодора он и не смотрел, но вервольф явно без дела оставаться не хотел, поэтому отправился напрямик за Глесоном и Юлианом.

Где-то в углу инспектор нашёл напольный, старый и обветшалый ковёр, который он сдвинул ногой и открыл вид на люк в подвал.

– Пожалуй, это ценнее всего остального склада, – заговорчески сказал Глесон и, открыв ключом замок люка, приподнял его.

Вниз вела небольшая лестница. Инспектор щёлкнул пальцами и загорелся огонёк в воздухе, подобный тому, который Юлиан создавал сегодня в больнице, но немного посветлее.

Это был настоящий арсенал с оружием. С тыльной стороны в ряд красовались несколько ружей, правая часть была полностью усеяна всевозможными ножами, кинжалами и прочим холодным оружием, а левая часть была хранилищем для патронов. Самого разного калибра и буквально в огромном количестве.

– Нет! Только не это! Слишком много серебра, я сейчас задохнусь, – закричал Теодор и выскочил наружу.

Юлиан не сдержал своей улыбки и даже неожиданно для самого себя немного захохотал.

– Да, серебро есть везде, – пояснил Глесон. – А вообще, это оружие универсально. Снаружи и ножи, и пули покрыты серебром, а внутри них тонкий ствол из осины. На случай, если придётся спастись от вампира. Против призраков есть заряды из соли... Хотя они и для оборотней сойдут, если вдруг надо припугнуть, но не навредить. И, само собой, на людей здесь действует всё. Без магии не обошлось.

Юлиан осмотрел всё, что здесь находилось. Он бы не стал скрывать, что всегда хотел иметь и револьвер, и ружьё, и какой-нибудь полусогнутый одноручный клинок для красоты.

Глесон оказался не так уж прост, как казался ранее.

– Откуда у вас всё это? – спросил Юлиан.

– Я тридцать лет в полиции, Юлиан. Повидал немало. Я же не всегда был инспектором и занимался перебиранием бумаг в душных кабинетах. В своё время я побывал оперативником, а это был как раз период массового нахлыва оборотней и вампиров на Свайзлаутерн. У них тут что-то вроде войны было, а страдали обычные люди.

– И решили перестраховаться?

– На самом деле это уже наследство двоюродного дяди и крёстного отца. Он ещё в старые времена был охотником на нежить. Знаешь, лет так пятьдесят назад эта работа была весьма востребованной и достаточно высокооплачиваемой. Это сейчас как-то установили перемирие и установили контроль. Почти каждое оружие было когда-то измазано кровью какой-то нежити. Дядя мой весьма знатным охотником был. Наверняка, и Теодор твой об этом слышал.

– И погиб ваш дядя тоже во время охоты? – предположил Юлиан.

– Нет, – решительно сказал Глесон. – Однозначно нет. Такого, как он, ни один вервольф взять не мог. Всё было гораздо прозаичней. Закончив с работой в шестьдесят лет, он вышел на пенсию и стал частым гостем в местном баре. Ко-

гда ему было восемьдесят пять, он выпил в баре один-единственный стакан, и сказав, что наконец-то побеждён самой злостной из всей нежити, упал замертво.

– Ух ты, – изобразил восторг Юлиан.

Слишком поэтично и, наверное, выдуманно. Но Глесон старался.

– Прости, я завтраком не накормлю, – сказал Глесон. – Тут есть только оружие. Если хочешь, отведай пороха. Шучу, конечно. Я должен поспать. Не спал аж двое суток. Ты тоже можешь прикемарить, но лучше бы тебе проследить за вервольфом. Не очень-то я ему доверяю.

– Я тоже, – согласился Юлиан.

Теодор оказался одним из самых неинтересных собеседников, которые когда-то выпадали на долю Юлиана во всей его жизни. Ни одной стоящей темы он в виде разговора поддержать не мог, потому что он и уроженец Грунндебайтена не имели абсолютно ничего общего. Они были словно из разных миров. Всё, что знал Теодор – это лес, волчья стая, волчьи законы, а ещё, как прокормиться, когда день не богат на дичь. Он рассказал Юлиану душеращипательную, как ему казалось, историю о том, что в стае всегда питался самым последним, и добротный кусок мяса выпадал ему далеко не часто. Обычно несчастный молодой вервольф довольствовался объедками.

Наверняка, Теодору было весьма интересно и приятно по-

общаться с человеком, который не унижает его и не кормит объедками, но Юлиану эта беседа принесла удовольствие явно ниже среднего. Он невероятно скучал, слушая глупые рассказы Теодора, напоминающие сочинения младшеклассников о том, как они провели лето. Теодор вообще читать-то умеет?

Почему вервольфам нравится такая жизнь в изоляции? Живут в лесу, не знают цивилизации, хотя их разум официально признан почти человеческого уровня, а в конвенции о правах они и вовсе стоят на одной ступени развития с людьми. Почему же не могут внедриться в человеческое общество и жить нормальной жизнью? Юлиан спросил бы об этом у Теодора, но вряд ли тот поймёт хоть что-то. Тем более, что парень сам хочет жить, как человек и не вполне понимает логику своих братьев.

Когда было уже за полдень, Юлиан не выдержал и сказал:

– Прости, Теодор. Мне нужно отлучиться.

– Отлучиться? – удивился вервольф. – Куда?

– У меня есть очень важные дела.

– А как же я?

– А ты веди себя хорошо и не вздумай творить глупости.

А я очень скоро вернусь. Но если вдруг Глесон проснётся, скажи, что я прогуливаюсь где-то недалеко.

– Но тебя заметят и посадят обратно в тюрьму.

– Не посадят. Я знаю, что делаю. Просто доверься мне.

Сиди здесь и не высовывайся. Ты же не хочешь, чтобы он

тебя отправил в полицию? Он сущий демон, способен на всё.

– Не похож на такого, – оглянулся Теодор.

– Но ты же видел, что у него в подвале. Так что будь осторожнее. Он неуравновешенный.

– А что это значит?

– Всё, Теодор. Мне пора, – отмахнулся Юлиан и выбежал из склада.

Делал он это всё на свой страх и риск, но по-другому просто не мог. Его душа не была на месте, сердце буквально выпрыгивало из груди, тянувшись туда, куда оно хочет. И поэтому Юлиан не вслушался в глас рассудка и отправился туда, куда вели его эмоции.

Как раз примерно к двум часам дня он добрался до центра города. Казалось, что это было великим чудом, потому что ни на какие неприятности по дороге он не наткнулся. Совершенно никто не узнавал его, хотя Юлиан видел раскурителя едва ли в каждом прохожем. Даже маленькие девочки сейчас были ужасны никогда. Вдруг у каждой под курточкой спрятан огромный револьвер, из которого она мастерски прострелит голову Юлиана?

Никому нельзя доверять, Юлиан опять это вспомнил.

Однако самым страшным было находиться на центральной площади, потому что тут количество людей на квадратный ярд было максимальным. И никто не исключал, что сама Ривальда Скуэйн каким-то образом будет случайно тут проходить.

Наверное, полиция ещё не объявила Юлиана в розыск, поэтому простые люди ничего необычного в простом юноше в мятой одежде не находят.

А совсем скоро из цветочного магазина вышла Пенелопа. Юлиан так боялся, что проделанный путь и череда страхов были зря, но этого не случилось. Едва его заметив, девушка с букетом аметистов кинулась ему навстречу и буквально утонула в его объятьях. Она даже коснулась губами его губ, но только на секунду, поэтому Юлиан не мог определить, были ли это поцелуй или нет. Очень хотелось бы, чтобы был, но сейчас это не главное. Главное – что он наконец увидел её.

– Где ты пропадал? – в нетерпении спросила она.

– Надо уйти с людного места, Пенелопа. Я попал в большую неприятность. Поверь, я очень скучал по тебе.

За углом по утрам обычно располагался продуктовый рынок, но после обеда он расходился, поэтому сейчас это место было самым малолюдным из всех возможных.

– Какая ещё неприятность? – спросила Пенелопа, усиленно вглядываясь в Юлиана своими голубыми глазами.

– Так ты не знаешь? – удивился Юлиан. – Газеты ничего про меня не писали?

– Газеты? О чём ты говоришь? Ничего подобного не было!

– Ух ты. Не ожидал. Но это на самом деле очень хорошая новость. Я в большой опасности и ты пока не должна ничего знать.

Только сейчас она заметила не самый опрятный внеш-

ний вид Юлиана. Пальто, которое они купили совсем недавно, было помято, лишено одной пуговицы и оборвано снизу. Вместо ботинок были дешёвые белые тюремные кеды, а брюки будто бы высморкал дракон. Повезло ещё, то он не в тюремной форме, так как тогда Юлиан вряд ли смог бы затеряться в толпе. Но к счастью Глесон позволил Юлиану забрать его вещи, когда устраивал побег из изолятора.

– Что с тобой случилось? – спросила Пенелопа. – Ты будто бы с войны вернулся.

– Почти с войны.

– Расскажи мне. Расскажи мне всё, Юлиан Раньери!

А она всё так же красива. Сейчас, возможно, даже больше, чем когда-либо.

– Не могу.

– Тогда зачем ты пришёл ко мне?

Она попыталась отпрянуть от Юлиана, но тот не желал никуда отпускать её, поэтому прижал только сильнее.

– Чтобы ты знала, что я жив и не покинул тебя. Я очень скучал. Мне не терпелось тебя увидеть.

– Так много сразу всего. Удивляешь всё больше и больше. На оборванца похож. Даже не верится, что я это делаю.

– Что?

Пенелопа ответила на этот вопрос не совсем чётко, но всё было предельно понятно. Она впиалась в его губы и с невероятным порывом страсти начала целовать его. Так Юлиана не целовал ещё никто и никогда, потому что на целую вечность

он грянул в какое-то блаженное и необыкновенно сладкое небытие. Тепло захватило его тело полностью, и так тепло ему не было никогда. Не жарко, а именно тепло, хоть это и звучало немного странно. Словно река из парного молока...

Но через пару минут слева донёлся знакомый голос:

– Что вы тут делаете?

Юлиан обернулся и увидел прямо на площади рынка машину с сидящим там Глесоном, который через приоткрытое окно говорил свою фразу.

– А вы как тут? – спросил Юлиан у Глесона.

– Ты не должен был никуда выходить. Ты хоть чем-то думаешь?

– Простите, но я должен был её увидеть.

Он прижал Пенелопу к себе ещё ближе. Хотя и до этого было ближе некуда.

– Всё понимаю. Эх, молодость. Быстрее прыгай в машину!

– Сейчас? – удивился Юлиан. – До вечера я же был свободен!

– Всё поменялось, – недовольно проворчал Глесон. – Меня нашли, и я с трудом сбежал. Быстрее в машину, не трати время!

Знал бы кто-нибудь, как Юлиану не хотелось расставаться с Пенелопой. Особенно сейчас, когда случилось что-то невероятное. Но у Юлиана был долг перед собой и поэтому, скрепя сердце и остальные свои органы невидимой цепью, он сказал:

– Мы ещё увидимся. Обещаю. А теперь мне пора бежать.

Пенелопа сделала недовольные глаза, но, похоже, вошла в положение.

– А теперь иди и никому ничего не рассказывай, – напоследок сказал Юлиан. – Хорошо?

– Они здесь! – раздался неистовый крик Глесона. – Бежим, времени нет.

Пенелопа не поняла ничего, но вот Юлиан понял всё. Справа, со стороны выхода, уже готовы были начинать преследование два пеших полицейских, потому что проход был слишком узок для машины.

Недолго думая, Юлиан схватил Пенелопу за руку и рванул в сторону машины Глесона. Поступить иначе он не мог, потому что оставлять её здесь откровенно глупо. И вообще это значило подвергнуть её опасности. Такого Юлиан себе не простил бы!

– На заднее сиденье! – воскликнул Глесон. – Оба!

Дверь сама раскрылась, и Юлиана с Пенелопой буквально втянуло туда какой-то невидимой силой. Дверь захлопнулась и Глесон тронулся. В это время сзади раздались звуки выстрелов, с помощью которых блюстители закона хотели испортить колёса. Но этого удалось избежать, и уже вскоре Глесон набрал приличную скорость.

Спереди сидел Теодор, который почему-то ничего не боялся, но был чем-то очень удивлён.

– Сейчас машины снарядят в погоню, – сказал Глесон,

оглядываясь назад. – Юлиан, ну зачем ты сунулся в город?

– Что здесь делаю я? – в бешенстве спросила Пенелопа.

– Прости, но было опасно оставлять тебя там, – искренне извинился Юлиан. – Знаю, что это приключение – уже перебор. Но они могли убить тебя. Или забрать и пытаться.

– Кто это вообще такие?

– Полицейские. Обычные полицейские.

– Почему они ловят тебя?

Юлиан секунду помялся, но невольно выпалил правду:

– Я сбежал из тюрьмы. И теперь мы едем в лес охотиться на Агнуса Иллиция.

Пенелопа откровенно непонимающим взглядом посмотрела на Юлиана. Было бы неплохо, если бы она поцеловала его ещё раз.

– Это он убил Грао Дюкса.

– Появились! – сказал Глесон, указав на три машины преследования дальше. – Итак, используем немного моих полномочий. Приготовьтесь...

Он медленно, всё ещё чуть колеблясь, потянул какой-то рычаг сверху, оттуда вылезла гармошкообразная трубка, которая начала сужаться... Мир за окном начал становиться расплывчатым, пейзажи начали перемежаться между собой, а потом вдруг всё стало чёрным.

И словно выплюнуло всю машину из трубы в какой-то незнакомой части города.

– Что это было? – удивлённо спросил Теодор.

– Это была телепортация, друг мой, – похвастался Глесон. – Машины, оборудованные телепортами, очень дорогие, но у важных лиц в полиции есть свои привилегии. У федералов тоже, но не суть.

– Ощущения не из лучших, – пожаловался Юлиан, которого во время телепортации словно зажало куда-то и он не мог дышать во всю грудь.

– Я ухожу, – горделиво сказала Пенелопа. – В эти игры я не играю, Юлиан. Когда-то ты за это заплатишь.

А как неплохо всё было только пять минут назад.

– Нет, девочка, уходить тебе нельзя, – обернулся Глесон. – Я не могу отпустить меня. Преследователи запомнили тебя и наверняка нагрянут в твой дом. И если ты будешь там, они не поспеют на зелья правды. Ты хочешь попробовать зелье правды?

– Это разрушает психику, – сказала Пенелопа.

– Именно. И нам не очень полезно. Они ведь узнают от тебя, где мы... В общем, не могу. Прости, девочка.

– Хотите сказать, что она поедет с нами? – недовольно вмешался Юлиан. – Нет, это опасно. Я не допущу. Пусть лучше мы попадёмся полиции.

В это время все трое, кто находился в машине помимо Юлиана, словно уставились на него одним большим взглядом.

– Ты сказал, что вы отправляетесь на поиски убийцы моего дяди? – вдруг спросила Пенелопа.

– Нет, даже не думай об этом, – уверенно сказал Юлиан. И будь рядом стол, он бы ещё ударил ладонью по нему. Как строгий отец.

– Всё решено! Я еду с вами. Но тобой, Юлиан, я очень недовольна. И ещё долго не буду с тобой разговаривать.

– Наверное, я заслужил это, – согласился Юлиан. – Именно поэтому я хочу сделать тебе добро и не пустить туда, куда едем мы.

– В лесу очень опасно, – сочувствующе дополнил Теодор.

– Пули тоже опасны.

– У нас есть два варианта, – сделал вывод инспектор Глесон. – Либо мы берём её с собой, либо накладываем какое-нибудь парализующее заклятье и прячем.

– Вы с ума сошли? – крикнула Пенелопа.

– Выбор за Юлианом, – оговорил её Глесон.

Снова Юлиан. Всегда Юлиан, всё он должен за всех решать. В обиду он Пенелопу не даст и сделает для этого всё. Но он понимал в то же время, что Глесон старше него, а значит и сильнее, поэтому свою точку зрения навряд ли ему навяжет.

– Едем с ней, – с грузом на сердце сказал Юлиан.

Груз на нём так и остался.

– Ну и славно, – с не меньшим грузом произнёс Глесон. – Теодор, показывай дорогу. Трогаемся.

17. ОХОТНИК

"В жизни каждого мужика хотя бы один раз в жизни перестают трястись колени, и он перестаёт бояться. Вот и со мной такое случилось. В один момент мне показалось, что я всемогущ и способен на всё."

Юлиан Мерлин, ноябрь 2010

Пенелопа всю дорогу не разговаривала с Юлианом. Он даже не понимал, всерьёз ли она всё это задумывает или просто испытывает парня. Как же ей удалось совладать с любопытством? Ведь на её месте Юлиан попытался бы разузнать абсолютно всё, что вокруг происходит.

Когда машина подъехала к лесу, Теодор спросил:

– Вы в лес собираетесь ехать на этой штуке?

– А по-твоему, как безопаснее? – поинтересовался Глессон.

– Безопаснее вообще туда не ходить, – сказал Теодор. – Но, если вам так сильно захотелось, то лучше пешком. Я знаю много тайных троп, и пробраться на этой штуке будет трудновато. Она же машиной называется, да? А то я никогда не был в настоящей машине. В лесу только однажды находил, но она была очень старая и ржавая.

– Пенелопа, ты должна остаться в машине, – властно произнёс Юлиан, что явно не ахти как понравилось девушке.

– Ещё чего, – уверенно парировала она. – Ни в какой ма-

шине я не останусь. Это ещё опаснее. С чего ты вообще, Юлиан, взял, что ты сильнее меня? У меня личные счёты к убийце моего дяди, и я заслуживаю пойти туда не меньше, чем вы все.

Зато хотя бы разговаривать начала. Не то, что несколько минут назад.

– Мы её не удержим, – обречённо сказал Глесон. – Её остановит только парализующее заклятье, но ты от него уже отказался. Не передумал?

– У меня и у самой есть право выбора! – влезла Пенелопа. – Не вам решать за меня, что надо, а что нет.

И почему вообще Юлиану угораздило отправиться к ней на встречу тогда, когда это делать было категорически запрещено? Насколько бы спокойнее всё было сейчас.

И о том самом поцелуе Пенелопа, похоже, решила забыть.

– За ваши жизни в ответе я! – сказал Глесон. – Так что, если не жалко несчастного старика, то добро пожаловать! Вот вам лес, полный опасностей, в который даже взрослые не рискуют заходить!

Юлиан и Пенелопа переглянулись меж собой. У Глесона вышло не очень убедительно.

– Я пойду, – решительно ответила Пенелопа. – А если вы в ответе за меня, то приглядывайте лучше.

Глесон смутился. Юлиан представил, какой ему показалась Пенелопа, и не пожелал разделить с ним этого чувства. Юлиану, например, было жаль "несчастливого старика", коим

нарёк себя Глесон, но у него-то выбора никакого не было. И сам Глесон ни за что не отпустил бы его.

– Ты не понимаешь, что говоришь, – сказал ей Юлиан. – Помнишь, как мы на старом складе сцепились с вервольфами? Сколько их было? Десять? Двенадцать? Кстати, вот один из них, на переднем сиденье!

– Недобитый, – улыбнулась Пенелопа, хотя она вряд ли намеревалась зло подшутить над вервольфом.

– Легко нам тогда было справиться? – продолжил ворчать Юлиан. – Не думаю. А в этом лесу таких вервольфов в десятков раз больше. Мы зайдём в их владения, и они попытаются всеми силами защитить их. То бишь, убить нас. Всё ещё хочешь в лес?

– Теперь желания стало ещё больше, – улыбнулась Пенелопа.

Почему она была так довольна? Она не понимала, что это не шутки совсем?

– Мы будем незаметно пробираться туда при помощи этого вервольфа. Знаешь ли, мы не можем доверять ему. Вдруг он предаст нас? Мы очень рискуем. А если и не предаст, нас легко могут заметить. Тогда нам не спастись. И это очень страшно.

– Боишься ты, а не я, – сказала Пенелопа. – Сам же учил меня.

Ничему такому он её не учил. И явно не имел в виду такие вот смертельно опасные приключения.

– Сейчас наложу парализующее заклятье...

– Я его сама на тебя наложу.

Юлиан понял, что спорить уже бессмысленно. Если девушка настаивала на своём, она ни за что не сходила со своей точки зрения. И не боялась Юлиана, потому что знала, что никакого вреда он её не причинит. И, увы, это было правдой.

Глесон заставил всех выйти из машины и открыл багажник машины. Он сейчас очень напоминал старого охотника на нежить, потому что чего только в этом багажнике не было. Похоже, что весь свой арсенал из склада он перенёс сюда. Ножи, ружья, револьверы...

– Вы берите по два револьвера, – сказал он Пенелопе и Юлиану. – На всякий случай, возьмите ещё по ножу. Очень надеюсь не вцепиться в драку, но перестраховаться стоит. Теодор не получит ничего.

– Мне ничего и не нужно, – понимающе кивнул Теодор. – Я до ужаса боюсь этих штук.

– Заклятья какие-нибудь помните?

Юлиан подумал, но ничего целесообразного не придумал. В прошлый раз же не вспомнил ничего из магии, и пришлось отбиваться от орды разъярённых вервольфов подручными средствами.

– Ружьё? – удивился Юлиан. – Вы возьмёте с собой ружьё?

– Это дробовик, – поправил юношу Глесон.

– Мои собратья не очень-то доверяют людям с оружием, – сказал Теодор.

– Они вообще никому не доверяют, – ответил инспектор. – Всё, выходим.

Юлиан набрал побольше воздуха, посмотрел на Пенелопу и вновь убедился, что она ничего не боится. Ему бы её бесстрашия! Потому что он очень боялся, но не за себя в первую очередь, а за неё. Юлиан никогда не простит себе, если с ней что-то случится. Даже если Пенелопа просто получит безобидную царапину.

Когда они вошли в лес, всё изменилось. Он был настолько густым, что сразу показалось, что там ночь. Внутри этого леса, похоже, всегда ночь. И он явно был недружелюбен. От него прямо-таки пахло страхом.

Не все леса были такими. Дед Юлиана владел обширными территориями около своей усадьбы, и он включали в себя живописного вида озера и опять же лес. Только этот лес был не четой этому, потому что выглядел он как никогда приветливо. Вся живность этого леса ограничивалась всегда поющими птичками и ещё вечно прыгающими с ветки на ветку белками. И света там было больше, и деревья зеленее.

– Много лет назад охотники были здесь частыми гостями, – поведал Теодор, когда четвёрка пробиралась сквозь трущобы. – Тогда они понаставили тут кучу капканов, и далеко не все из нас смогли уйти. Я и сам как-то находил капкан. Ну как находил. Я в него наступил, и мне чуть не оторвало ногу. Жуть какая боль была. Вспоминаю каждый день. Поэтому до сих пор смотрю под ноги.

– Почему охотники не ходят туда сейчас? – поинтересовалась Пенелопа.

– Здесь слишком много вервольфов, – ответил ей Глесон. – И другие твари водятся, но волки явно преобладают. Они господствуют тут и не выгоняют остальных только потому, что тем больше негде будут жить. Что-то вроде солидарности, но явно неустойчивой. Люди же перестали сюда ходить, когда поняли, что так много вервольфов им не истребить. Тогда и заключили что-то вроде перемирия. Люди не суются в лес, а вервольфы не лезут в город. Так вот и живём уже лет двадцать. И, надо сказать, спокойнее как-то стало. Разве что местным охотникам работы поубавилось.

– И мы это перемирие сейчас нарушаем, – заключил Юлиан.

– Именно. Надеюсь, что нас простят.

А ведь Юлиан сын человека, который, возможно, был другом вервольфа. Как они отнесутся к этому? Стоило спросить у Теодора, но все карты в присутствии Глесона он раскрывать не хотел. Не время.

Чем дальше они шли, тем темнее становилось. Теодор и впрямь их вёл какими-то тайными обходными тропами, которые зигзагами водили туда-сюда, но никогда не обрывались на тупике. Юлиан всё больше и больше верил в пригодность Теодора как помощника.

Однако в это время где-то справа раздался шорох и Юлиан, Пенелопа и Глесон мгновенно достали оружие.

– Стойте! – оборвал их Теодор. – Не надо этого делать. Я бы учуял собрата, у меня ведь знаете какой нюх. Поблизости нет никого, надо идти дальше.

Глесон недоверчиво опустил ствол дробовика. Юлиан и сам боялся, что Теодор что-то не так почуял и сейчас из-за какого-нибудь дерева выскочит огромный вервольф и растерзает их всех.

Но, убедившись, что опасности нет, они продолжили путь. Напряжение всё увеличивалось, и как раз в этот момент Юлиан перестал бояться. А ведь до этого у него аж дрожали коленки, и он ничего не мог поделывать с этим. Наверное, в один момент его боязнь достигла пика, а потом вдруг перегорела и страх отошёл. Абсолютно.

Либо же у Юлиана голова пошла набекрень, и мозг отключился, передавая владение телом полностью и безвозвратно в руки инстинктов. Но, это было лучше, чем то, что он ощущал совсем недавно, потому что теперь уже никакого отсутствия веры в успех он не чуял. Теперь он только переживал за Пенелопу, но этого страха не ощущал физически.

– Есть одно дерево, – через несколько минут сказал Теодор. – Огромный такой вековой дуб. Под ним всегда спит наш вожак.

– Сейчас около пяти, – перебил его Глесон. – Кто будет в такое время спать?

– Мы как раз всегда спим после обеда и до ночи. Ночью у нас свои дела, такой у нас режим.

– Понятно. Зачем нам дуб?

– Вы не понимаете? Идти на целую стаю опасно, вас всех могут растерзать и ни о чём не спросить. А с одним лишь только вожаком у вас есть шанс тихо поговорить.

– Направим на него оружие и заставим выдать Иллиция? – спросил Глесон.

– Я думал, что вы так и хотели, – сказал Теодор. – Всё сделать бесшумно. Если вожак завоет, это будет означать призыв, и я не смогу ему сопротивляться. И мне придётся выполнять всё, что он скажет. Понимаете?

Ещё одна причина, почему Теодору не хочется больше находиться в этой волчьей шайке. Беспрекословно исполнять чью-то волю немного унизительно. Самое, что ни на есть рабство.

Юлиан посмотрел на Пенелопу. В темноте было плохо заметно её мимику, но руку она держала возле оружия и всё ещё не боялась. Совсем.

– Мы совсем скоро, – сказал всем Теодор. – Так что даже дышите тихо.

Они выбрались из густой чащи на относительный пустырь, но и там было темно. И даже небо, которое проглядывалось сквозь мало-мальски заметные просветы меж деревьями, выглядело чёрным. А дорогу освещала только луна, потому что уж очень похожи были тропинки на лунные лучи.

– Это здесь, – еле слышно прошептал Теодор, когда они

снова зашли в чащу самых высоких деревьев.

Глесон и Юлиан переглянулись. Сейчас им приходилось импровизировать, потому что времени на составление плана у них в силу некоторых причин не было. Сначала Юлиан сбежал, а потом полиция накрыла склад Глесона... Событий было предостаточно.

Юлиан глянул меж веток и видел спящего под дубом огромнейшего волка. Его однозначно не было среди тех, кого он вызывал при помощи Хелен, Пенелопы и Йохана. И, насколько он знал, не было в компании вызванных советников Ривальды.

– Я пойду один, – прошептал Глесон и, еле наступая, боясь задеть хоть какую-нибудь веточку он земле, он отправился на опаснейшую встречу.

Юлиан замер и пристально начал наблюдать. Шаг, ещё шаг... Сон вожака вервольфов не выглядел смертным, и был риск того, что он в любой момент очнётся. Но этого не наступало. Со лба капнула капля пота, и он прижался поближе к Пенелопе, чтобы ощутить её тепло.

Пенелопа же, похоже, ощущала только азарт и ничего более. Для неё сегодняшний день был просто игрой, она не думала о том, что серьёзность тут имеет место. Наверное, в её книгах про принцесс всё именно так легко и происходит, а герои всегда выбираются сухими из воды.

Настолько же сухими, насколько и сам Юлиан в последнее время. Он мог отрицать это перед другими, но врать сам себе

не мог.

Ещё шаг и ещё... Сейчас Глесон подойдет и всё решится.

Но рык раздался сзади. Юлиан очень надеялся, что ему это причудилось, поэтому обернулся посмотреть и... Результат превзошёл все его ожидания.

Сразу около десятка больших взрослых самцов вервольфов стояли сзади, пристально смотря на происходящее и еле слышно порывивая.

– Теодор, – сухо сказал тот, что был посередине, и, судя по всему, всех возглавлял. – Ты предал нас.

Теодор медленно нагнул свою шею и против своей воли начал превращаться обратно в волка. Из-за того, что увеличивался в размерах, больничная одежда начала расходиться по швам, а после и вовсе оказалась порвана на мелкие части и раскидана по земле.

Пора было бить панику, но Юлиан оцепенел и не знал, что делать. Пенелопа резко ухватило крепко его за руку, что тоже немного напугало, так как поначалу Юлиану показалось, что это волк хочет ему откусить эту самую руку.

– Чужаков мы тут не терпим! – воскликнул вервольф. – Было же перемирие, вы должны были его уважать! Вы нарушили наш договор, и за это мы исполним свой долг!

Они дружно раскрыли свои пасти, раздался один большой зловещий рык и все вервольфы разом приготовились атаковать.

Их рык разбудил и вожака их стаи, который до этого впол-

не себе мирно нежился на своём любимом месте под дубом.

Глесон хотел этого меньше всего, но ничего уже было не избежать.

Время словно зависло, но Юлиан всё ещё держался в оцепенении и не знал, что делать. Они были окружены и спасения не было. Тот, самый большой, в силе явно не уступал всем десятерым, а значит, прохода для бегства не было.

Когда пасти зверей уже приблизились к Юлиану и Пенелопе, вервольфы неожиданно остановились.

Юлиан посмотрел налево и увидел человека, который как раз в это время опускал руку. Это был жест, призывающий отменить атаку. И человека этого Юлиан знал – это Агнус Иллиций.

– Куда же так быстро? – сказал он своим подчинённым. – Порвать их всегда успеем, а вот посмотреть на лица... Как вы узнали, что я здесь?

Выглядел Иллиций не так, как в момент последней встречи. Теперь он вполне себе прилично был умыт и расчёсан, а кожаный плащ явно был новым и ещё не грязным. Иллиций стал похож на человека, а оттого почему-то выглядел ещё более жутко.

– Это он? – спросила Пенелопа, не отпуская руки и приближаясь всё ближе и ближе.

– Да, – во всеуслышание заявил Юлиан и закрыл её спиной.

Наивно полагаю, что сможет чем-то помочь ей, если вдруг

придётся.

– Я многое знаю! – сказал Юлиан. – Потому что я борюсь за правду.

– Как гордо, – ухмыльнулся Иллиций. – Сам Юлиан Мерлин наградил меня великой честью и пришёл ко мне. Похвально и очень интересно. Намереваешься отомстить за своего отца?

– Отца? О чём он? – спросил Глесон.

– С каких пор это держится в тайне? – удивился Иллиций. – Не думал, что кто-то скрывал, что у великого Уильяма Монроука есть сын. Не такой великий, как он, но разве это не честь?

– Ты убил его, – сквозь зубы процедил Юлиан.

– Убил, – гордо, но в то же время с долей выражения сожалений согласился преступник. – Скажем так, это не составило особого труда. Знал бы я тогда, в ранг кого вы возвели Монроука, растянул бы удовольствие.

– Ты предал Алуию Завесу, – в дополнение сказал Юлиан.

– Она была безнадёжна, – ответил Иллиций. – Столь же жалкая, как и их легендарный боец. Их идеи не имели под собой никаких обоснований того, что они пойдут на благо. Монроук не понимал этого. Он слепо верил в то, что никогда не могло бы случиться. Будь он хоть каплю умнее, он бы понял, как легко закончить войну.

– Всего лишь убив Молтембера, – сказал Юлиан.

– И тем самым ничего не изменить. Мир остался всё та-

ким же – лживым и погрязшим в грязи. За это боролась Алая завеса? Это вы получили? Молтембер бы тем, кто привёл бы Сообщество в порядок.

– Вы это называете благом? – удивился Глесон.

– Глупо называть благом то, что вы имеете сейчас. Ваш мир уже на грани того, чтобы рухнуть. Это вот-вот случится. Вы сами не заметили, как загнали самих же себя в ловушку. Я знаю, что в глубине души вы думаете о положении дел. Вы никому не верите, иначе не пришли бы сюда одни. Вы давно уже усомнились в существующих порядках, но настолько слабоумны, что ещё за что-то боретесь. За что вы боретесь?

– Я всегда боролся за справедливость, и буду бороться за неё дальше! – гордо заявил Глесон.

– А я не хочу, чтобы война возобновилась, – сказал Юлиан. – Я знаю, что ты хочешь вызволить Молтембера из неволи и потому вернулся в Свайзлаутерн.

– Интересно. Очень интересно, – поджал губы Иллиций. – Но как ты пришёл к такому умозаключению?

Терять Юлиану было нечего, потому что предпосылок к тому, что все они вернутся обратно, не было никаких.

– Потому что я знаю способ. И именно сейчас ты и твои помощники пытаетесь его применить. И уже близки к концу.

– И каков этот способ?

– Я думаю, что ты итак знаешь. Не играй с нами в игры – сделай то, что хочешь – убей нас!

– Нет. Я хочу выслушать.

– Молтембер в Эрхаре, – сказал Юлиан, посмотрев на изрядно удивившегося Глесона. – Томится в ожидании того, что кто-то разрушит договор и вернёт его. Остался ведь только один человек из тех, кто поставил печать. Так ли?

– Не буду лгать. Все, кто тогда заключил договор с Эрхарой, мертвы. Вот ведь занятное совпадение. Могу перечислить их имена, но думаю, что ты и так уже выучил их наизусть. Ты и впрямь заметил взаимосвязь между погибшими. И ты во всём прав, хоть и с небольшой оговорочкой. Не будь у графа Акрура якоря на земле в виде осколка души, все попытки расторгнуть договор были бы напрасными. И теперь, когда все карты брошены на стол, что же ты хочешь услышать от меня?

– Я просто хочу знать – зачем? Зачем всё это? Зачем возвращать Молтембера?

– Ради избавления. Ради блага. Того, чего у вас нет и не будет, пока правит нынешняя власть.

Пенелопа ничего не понимала. Похоже, что она и вовсе не знала, что такое Эрхара и где она находится. А вот Глесон всё понимал и с ужасом слушал весь разговор, так и не решаясь в него влезть.

– Тогда зачем вы убиваете людей? – спросил Юлиан. – Ради забавы?

– Не ради забавы. Ты считаешь нашу сторону за сущих зверей, но это далеко не так. Звери – это Департамент, полиция, Алая Завеса, но не мы. Ты можешь пойти со мной и всё

узнать. Мы не убиваем лишь ради убийства. Мы стремимся к миру, и подавление несогласных – это лишь вынужденная мера. И, надеюсь, что временная. Мы сможем всё обсудить, у нас будет достаточно времени, не то, что сейчас. Умоляю, не будь таким дураком, как твой отец...

– Меня это не интересует. Ты всё это рассказываешь, но смотришь на нас, как на мертвецов. Ни к чему играть в эти игры. Убьёшь нас – я знаю. Но если ты не такой зверь, каким тебя считают, расскажи всё.

– Скажем так, Молтембер вернёт всю свою мощь из Эрхары. Этого уже не избежать. Поэтому все наши рассказы не имеют никакого смысла. У тебя был шанс не лезть в наши дела и защитить тем самым невиновных, но ты не использовал свой шанс. Знаешь, твоего отца погубило то же самое. Но я тебе шанс исправить всё даю. Не считай это за оскорбление.

– Да пошёл ты! – сказал Юлиан и полностью закрыл молчавшую Пенелопу.

– Тогда выбор свой ты сделал, – ответил Иллиций и обратился к вервольфам. – Юного Монроука забрать с собой, а остальных в расход.

Юлиана объял ужас. Не страшно умереть в компании тех, кого любишь. Страшно не умереть, но видеть, как тех самых дорогих людей убивают на глазах, и ты ничего поделать с этим не можешь. Ничего! Абсолютно ничего! Агнус Иллиций сыграл с ним очень злую шутку. Это оказалось даже выше той жестокости, которую он поначалу ожидал. Эх, до-

говорился Юлиан. Стоило молчать, тогда, быть может, кого-нибудь он бы да спас.

– Убей и меня, – сказал Юлиан.

Но в это время его буквально свалил с ног здоровенный вервольф. Пенелопа не хотела отпускать его, но её откинули в другую сторону. Юлиан было вскочил, чтобы кинуться за ней, но его плотно придавили сверху, и он лишь краем глаза мог увидеть, как она с безнадёжным усилием убегает. Она ещё жива, Юлиан чувствует это и кое-какие надежды есть на Глесона.

Раздались два быстрых выстрела из дробовика, а за ними и протяжный волчий вой. Юлиана в это время подняли с земли, и, плотно прижав к дереву, заставили смотреть.

– Видишь, как они умирают? – нагло спросил Иллиций, подойдя в упор к Юлиану. – Это то, к чему привела тебя твоя глупость. Кто эта девчонка? Давно любишь её? Нет, не любишь. Я знаю. Никого ещё долго не полюбишь, это не твоё.

Юлиан выглянул из-за плеча Иллиция и услышал ещё пару выстрелов. Глесон и Пенелопа были ещё живы и убегали. Глесон параллельно пытался отстреливаться, закрывая своим телом Пенелопу, но никого насмерть срубить ещё не смог.

– А этого мужика я тоже видел, – сказал Иллиций. – Когда меня арестовали, он был. И ты, кажется, был.

– Откуда ты меня знаешь? – спросил Юлиан.

– Скоро всё узнаешь, – проговорил Иллиций и отошёл в сторону, чтобы отдать какую-то команду своим волкам.

Вервольф, который держал Юлиана, как раз отвернулся, чтобы посмотреть, что там происходит, тем самым предоставив юноше очень выгодный шанс. Юлиан залез свободной рукой во внутренний карман, и, вытащив оттуда нож, с силой пырнул вервольфа куда-то в район ноги.

Раздался крик боли и Юлиан, вырвавшись из объятий волка, упал на сухую листву. Но лежать нельзя было – нужно было улепётывать!

Он не помнил, как встал и почему его никто не ударил в спину. Опомнился он тогда, когда заметил на горизонте Глесона, который безнадежно пытался спасти. За Юлианом уже гнались двое волков, но пока ещё им не удалось нагнать его.

– Они забрали её! – в гневе выкрикнул Глесон, когда Юлиан подбежал к нему.

– Кого забрали? – переспросил Юлиан, но, не увидев Пенелопы, сразу всё понял.

Его сердце на секунду остановилось, но уже не хотелось биться дальше. Случилось то, чего он боялся едва ли не сильнее всего. Юлиан погубил Пенелопу. Погубил своей глупостью и безрассудностью.

Обернувшись, он понял, что убежать уже было некуда. Волки окружили их со всех сторон. Каждый оскаливался так, словно уже предвкушал вкус свежего человеческого мяса. Им была отдана команда убить Глесона и забрать Юлиана, но они ещё чего-то ждали.

И где Теодор? Он жив?

– Спасибо за попытку, – вышел из толпы Иллиций и даже изобразил что-то вроде поклона. – А мне казалось, что я убедил вас, что сопротивляться бесполезно.

– Где Пенелопа?! – в гневе выкрикнул Юлиан.

– Прости, но ты меня расстроил и тем самым лишился права задавать вопросы. Понял?

Теперь он ещё и лишился шанса спастись. Но Юлиану всё равно – пусть убивают. Он не сможет жить с осознанием того, что погубил Пенелопу.

Однако в это время начали раздаваться многочисленные выстрелы ружей сзади. Некоторые вервольфы упали замертво, некоторые оказались ранены и не могли двигаться...

Это была самая большая облава из всех, что когда-либо устраивались в этом лесу. Около двадцати пяти человек в белых формах мастерски побеждали вервольфов, и те не могли ничего поделаться с вооружёнными людьми.

Ещё недавно живая идея полакомиться мясом обернулась для них сущим кошмаром.

После того, как все вервольфы либо бежали, либо погибли, на лужайке осталось лишь трое – Глесон, Юлиан и Иллиций.

Охотники? Тогда почему они наставили стволы на всю трицу?

– Так-так, – азартно произнёс Якоб Сорвенгер, сжимая в руке какой-то усовершенствованный дробовик. – Сразу

двойной сюрприз?

– Похоже на то, – кивнула появившаяся Ривальда Скуэйи. – Сговор?

– Сговор? – в сердцах выкрикнул Юлиан. – Этот урод и его волчья стая пытались убить нас!

– Это правда, герр Сорвенгер, – сказал Глесон, обращаясь именно к своему начальнику. Ривальде он не доверял.

– Они забрали Пенелопу! – снова крикнул Юлиан.

– Что? Лютнер была здесь? Вы держали её пленницей? – спросила Скуэйи.

– Не несите ерунды! – гаркнул на неё Глесон. – Мы нашли для вас Агнуса Иллиция, а это стоит благодарности, а не направленного в лицо дробовика.

– Ты прав, – сказал ему Сорвенгер. – Иллиций сейчас важнее будет. Отправляйте их всех в участок, пока новое зверье не набежало.

– Иллиция под усиленную охрану! – дополнила Скуэйи.

И как они вообще здесь оказались? Получается, что следили всю дорогу и не дали возможности умереть в самый последний момент? Хотя счастья мало – Пенелопу же спасти не смогли.

К счастью, Юлиана и Глесона не скрутили и даже не направляли на них оружие, когда уводили из леса. По-другому всё обстояло с Иллицием, охрана которого была едва ли не тройной. Ждали от него каких-то штучек и боялись.

На выходе из леса их ожидал целый кортеж из полицей-

ских машин. Похоже, это был другой выход из леса, потому что машины Глесона поблизости не наблюдалось.

Юлиана и Глесона сунули на заднее сиденье какой-то машины и на какое-то время подзабыли про них. Около десяти минут никто никуда не ехал, разбираясь о чём-то снаружи. Юлиану и Уэствуду не дано было увидеть, что именно, потому что окна были затонированы, да и подкралась незаметно ночь. Очень быстро, потому что по ощущениям ещё недавно был солнечный день.

– Они забрали её, мистер Глесон, – еле сдерживая приступ паники, сказал Юлиан.

– Я сожалею, что не смог это предотвратить, – понимающе кивнул полицейский. Но что он мог понять!

– Это я виновен, а не вы. Я никогда не прощу себе этого. Никогда, никогда.

Он понуро опустил голову и стал разглядывать темноту под ногами.

– Но она ещё жива, – сказал Глесон.

– Откуда вы знаете?

– Я так думаю. Иллиций отдал приказал волкам забрать её, потому что не получилось забрать тебя. Значит, на неё есть какие-то планы.

– И пока эти планы не приведены в действие, у нас есть шанс... Но что мы можем, сидя здесь?

– Ничего не можем, – ответил Глесон. – Мы в ловушке.

Юлиан ещё больше впал в тоску. Как бы сильно не хоте-

лось, но он не верил в благоприятный исход. Последнее время не щадило никого, и Юлиан представлял себе самое худшее.

Вскоре машина тронулась, и весь кортеж отправился в город. Скорее всего, в полицию.

– Кстати, что ты там говорил про Эрхару? – спросил Глесон, когда они уже ехали.

– Ничего важного. И простите, я не могу об этом говорить.

– Но это же касается всех нас! Не делай вид, что все это мало значит. Я слышал всё и могу воспроизвести буквально дословно. Договор с Эрхарой... Мне приходилось слышать про это чёрное колдовство, но я не знал, что его кто-то когда-то мог использовать. Всё на уровне теорий и догадок. Но я правильно понял, что Молтембер в Эрхаре и выбраться может, только убив тех, кто наложил заклятье.

Юлиан посмотрел на ширму, разделяя их часть машины от водительской. Судя по всему, водитель их не слышал.

Глесон заслужил доверие. Стоило открыться.

– Да, – ответил Юлиан. – Я боялся кому-либо говорить, потому что никто бы не поверил. Но теперь Иллиций важный свидетель, из него должны как-то выпытать правду.

– И доказать нашу невиновность, – сказал Глесон. – Хоть этого мы добились. Без нас они бы не поймали Иллиция. Кто знает, вдруг и награда какая полагается.

– Не нужна никакая награда, – сухо пробормотал Юлиан. – Я потерял самое ценное, что у меня было. Чем мне смогут

заменить её?

– Не бей тревогу раньше времени. Её спасут. Я уверен, что спасут. Только зачем она нужна Молтемберу?

– Это очевидно, – ответил Юлиан. – Для шантажа того человека, чья смерть отделяет Молтембера от побега.

– Ты же знаешь, кто это?

– Ривальда Скуэйн, – не стал скрывать правды Юлиан.

– Что? – Глесон буквально пришёл в шок. – Получается, что Карниган, Дюкс и Спаркс тоже были среди тех, кто заключал договор с Эрхарой?

– И ещё трое, но я их не знаю и они давно мертвы.

– Они так долго скрывали это... Жили среди нас. Одновременно и тяжкий грех и подвиг... Бывает же так.

– Выходит, что если Ривальда умрёт, то ворота для Молтембера откроются, – сказал Юлиан. – Всё логично. Но пробелы есть. Почему он не может просто-напросто убить Ривальду при помощи Роковых Часов?

– Подумай. Что-то должно мешать.

– Может быть... Может быть, её оберег? Такой же оберег спас меня от покушения Эдварда Арчера!

Юлиан вытащил свой кулон и показал его Глесону. По правде говоря, внешне он ничего особенного из себя не представлял, но похвастаться стоило. И вдруг Глесону такая вещица могла бы показаться знакомой?

– Легенды, витающие вокруг Роковых Часов, говорят, что никакой оберег от них не спасёт. Но я не думаю, что кто-то

мог создать всепобеждающий артефакт.

– На каждую силу найдётся большая сила? – предположил Юлиан. – Ривальда Скуэйи очень сильная волшебница, она способна на всё. Тем более, кто её знает? Наверняка она в сговоре с Молтембером.

– Наверняка...

Спустя полчаса машина добралась до полицейского участка и всех арестованных вывели на улицу. Что подумали люди, живущие неподалёку, увидев целую кучу полицейских машин? И знает ли кто, что один из преступников Юлиан?

Однако никто их не встречал возле входа в полицию. Создавалось ощущение, что операция была спонтанной, и никто про неё даже не знал.

Довольно бережно Юлиана и Глесона доставили в кабинет Сорвенгера. Иллиция тоже привели сюда, после чего все полицейские удалились, а остались только Сорвенгер и Ривальда. Оба были напуганы и возбуждены, ожидая, что вот-вот свершится что-то важное.

– Наконец-то, – пробормотала Ривальда и уселась за место Сорвенгера.

Комиссар услужливо уступил ей и встал рядом. Иллиция даже привязали к стулу, а вот Юлиану и Глесону такой чести не оказали.

– Я верил тебе, Уэствуд, – сказал Сорвенгер. – А ты подвёл меня.

– Вы же видите, что Юлиан ни в чём не виновен. Мы по-

могли вам найти самого опасного преступника за многие годы!

– Понятия не имею, как вы узнали, где находится Агнус Иллиций, – удивлялась Ривальда. – В голову приходит лишь одна мысль – вы всё уже знали заранее. Вы те самые его сообщники?

– Как смеете вы? – гневно спросил Глесон. – Мы потеряли правду и отправились искать Иллиция вдвоём. Он ведь хотел убить нас! Это что, тоже часть сговора?

– Как всё запутано, – обратилась к небесам Ривальда. – Не разобраться, кто прав, а кто виноват.

Улыбался один лишь только Агнус Иллиций, которого не смущало и то, что он привязан, и ночь ему предстоит не самая лёгкая.

– Они забрали Пенелопу! – крикнул Юлиан. – Для того, чтобы вы, миссис Скуэйн, сдались Молтемберу!

Лицо Ривальды наполнилось белым цветом.

– Ничего твои слова не значат, – сказала она. – Если Лютнер и впрямь пропала, предстоит разобраться в этом поглубже. Якоб, достань зелье правды. Мы должны выведать всё, что скрывает Иллиций.

Иллиций снова нагло улыбнулся. Создавалось впечатление, что он ничего не боялся и в рукаве скрывал какой-то козырь. И ни капли не сомневался в нём.

Ривальда выставила руку вперёд, Иллиция резко откинуло назад, а рот насильно раскрылся. Подбежавший Сорвен-

гер в один миг откупорил небольшую склянку и залил её содержимое в рот преступника, после чего прижал губа к губе и заставил проглотить волшебную субстанцию.

Юлиан не отрывал глаз от Иллиция. Он ждал, что будет дальше.

– Ты убил Ровену Спаркс и Люция Карнигана при помощи часов смерти? – тихо спросила Ривальда, подойдя к Иллицию и улыбнувшись.

Прежде чем ответить, Иллиций улыбнулся, вдохнув побольше воздуха. И умер. Мгновенно, безо всяких ран, конвульсий и мучений. Просто умер и всё. С той же самой наглой улыбкой на лице.

Часы пробили полночь.

18. Странник

"В моём небе зажглась чужая звезда."

Юлиан Мерлин, ноябрь 2010

– Он мёртв? – спокойным, размеренным тоном спросил Сорвенгер у ошарашенной Ривальды.

– Быть такого не может, – пролепетала она.

– Как такое могло случиться?! – истеричным тоном воскликнул Сорвенгер, чем даже заставил Юлиана вздрогнуть. – Он мёртв! Кто мог убить его?!

– Это Роковые Часы, – сказал Юлиан. – Его убили, чтобы он ничего не рассказал.

Ривальда и Сорвенгер синхронно повернулись к нему.

– Роковые Часы? – спросил комиссар. – Вы уверены в этом?

– Подожди, – остановила его Ривальда. – Если они что-то знают, то мы должны узнать у них. Но отдельно, чтобы сверить их показания и убедиться тем самым, что они лгут.

Сорвенгер недовольно посмотрел на мёртвое тело Иллиция. Оживать этот подонок не думал, а улыбка на его лице, обманувшая всех, всё так же не сходила.

– Хорошо. Кого будешь расспрашивать ты?

– Лучше бы Уэствуда. Хотя... Ты лучше его знаешь, а я лучше знаю Мерлина. И подходы у меня есть. Если можешь, уступи мне его.

– Всё равно, – сказал Сорвенгер. – Учти, Уэствуд, если будешь молчать, я залью в твою глотку зелье правды. Тогда твоя голова пойдёт набекрень, и ты можешь оказаться не в тюрьме, а в психиатрической лечебнице.

– Я расскажу всю правду, – обречённо ответил Глесон.

Его обречённость легко можно было понять. Он потерял последнюю возможность реабилитировать себя и Юлиана в глазах общественности. Теперь не поможет ничего. Ибо пустые разговоры ни к чему не приведут.

– Вставай, – скомандовал Сорвенгер. – И не выкидывай никаких штучек вроде той, что сделал. Не время.

Глесон послушно встал. Похоже, что и он понял, что цепляться уже не за чего. Стоит отдаться в руки судьбе и надеяться на то, что будет дальше.

Того же мнения был и Юлиан.

Сорвенгер ушёл, оставив в своём кабинете Ривальду, Юлиана и мёртвого Иллиция. Никто и не собирался выносить тело куда-то, несмотря на то, что кого-то мертвецы могли смущать. Например, Юлиана.

– Мы остались вдвоём? – спросила Скуэйн.

Отвечать не было смысла.

– Пришла пора раскрыть все карты, – продолжила она и посмотрела на Юлиана.

Тот тоже не отрывал от неё глаз.

– Мне нечего сказать, – ответил он. – Я пытался найти убийцу моего отца и у меня получилось. Если бы не вы, Аг-

нус Иллиций и его волки убили бы нас.

– Ты благодарен мне за это?

– Вам? За что я могу быть вам благодарен? С вашей руки я оказался в тюрьме. Вы оклеветали меня, хотя знали, что я просто-напросто влез не в своё дело.

– Не в своё. Я согласна.

– Как вы узнали, что я в лесу? – спросил Юлиан. – И зачем было нас спасать?

– Ты редко держишь язык на замке, – ответила Ривальда и привстала со стула. – Кое-кому ты выпалил всё как на духу. В Академии. Ты ясно дал тогда понять, что собираешься в лес на поиски Иллиция.

– Мистер Тейлор? – удивился Юлиан. – Вы знакомы с ним?

– Это неважно. Но когда тебя объявили в розыск, он пришёл в полицию и сказал, где бы ты мог быть. Поступил как совестный гражданин, даже учитывая некую его лояльность к тебе.

Одновременно мистер Тейлор и сдал его, и спас. Какие слова тут уместны?

Ривальда подошла к Иллицию и посмотрела на него. Наверное, надеялась, что он притворяется и в итоге встанет и скажет, что пошутил. Но этого не случилось и не случится никогда.

– Почему Молтембер не убивает вас?

– А он должен убить меня? – спросила Ривальда.

– Вы же сами знаете, что это так. Вы – последний шаг к его побегу с Эрхары. У него в руках Роковые Часы, он только что это доказал, убив Иллиция. Почему он не может убить вас?

– Потому что это всё твои нелогичные доводы, – сухо произнесла Ривальда.

– Но какие-то цели же должны стоять за всеми этими убийствами! Иллиций и сам признал, что присяжные умирали с целью разрушения договора...

– Молтембер мёртв. Его душа не в Эрхаре, а в обычном аду.

Ривальда вытащила револьвер из пальто и положила на стол.

– Спасите Пенелопу, – сказал Юлиан. – Если вам наплевать на меня, то хотя бы помогите этой несчастной девушке! Она ни в чём не виновата, я заманил её с собой и причинил тем самым большое зло.

– Ты знаешь, где она? – Ривальда принялась расхаживать по кабинету, словно думая о своём, не слушая ни единого слова.

– Я не знаю. Если бы я знал, то сказал бы сразу же. Агнус Иллиций хотел, чтобы забрали меня, а Пенелопу и мистера Глесона убили. Но мне удалось вырваться, и поэтому он приказал вервольфам забрать Пенелопу... Она всё ещё может быть в лесу, миссис Скуэйн!

– Ты предлагаешь прочесать лес с наводки того, чьи слова крайне ненадёжны?

– Я хочу, чтобы вы спасли невинную жизнь!

– С чего я должна верить, что это не ловушка?

Ривальда встала спиной к Юлиану и стала смотреть в ночной пейзаж города, раскрывавшийся из окна. О чём же она думала?

– На кону жизнь невинного человека, – медленно и размеренно, буквально с настойчивостью, процедил Юлиан.

– То, что мы сделали сегодня, аукнется нам не раз. Мы нарушили договор с волками, и это правда, а не твои сказки про Эрхару. Да, мы убили несколько вервольфов и некоторых ранили, но есть ещё шанс всё уладить. Но если мы сунемся туда ещё раз, тем более не зная куда, последствия могут быть фатальными. Я не хочу показаться циничной, но спасение Лютнер было бы очень нелогичным действием. Так рисковать мы не можем.

– У вас нет сердца!

Ривальда всё ещё стояла возле окна и не думала обращаться. Взгляд же Юлиана упёрся в лежащий на столе револьвер, который Ривальда по неосмотрительности оставила здесь. Что это значит? Проверка? Или действительно неосмотрительность миссис Скуэйп?

– У меня есть сердце! Но не тебе судить о его наличии. Не тебе говорить, что мне делать. Твоя задача на сейчас – это преподнести мне хоть какую-то ценную информацию. Иначе ты будешь бесполезен и отправишься гнить в подвал, туда, откуда ты и вылез.

Ривальда обернулась и впилась глазами в своего юного собеседника. Выражение её глаз даже немного напугало Юлиана.

– А что, если Пенелопу доставили к Молтемберу? И теперь он хочет обменять её в обмен на вас?

– Зачем я ему?

– Потому что ваш оберег не даёт Роковым Часам убить вас. Я знаю, как силен ваш оберег. Он меня спас от покушения Эдварда Арчера.

– Выходит, что я дважды спасла твою жизнь? Я настоящий герой. Тебе этого мало?

– Моя жизнь не будет ничего стоить, если Пенелопа погибнет!

– Если Молтембер и впрямь хочет, чтобы я пришла к нему, иначе он убьёт Лютнер, то его план провалился. Какой смысл мне идти туда? Почему её жизнь дороже моей?

– Потому что она моложе. И гораздо лучше вас.

Ривальда немного покашляла. Похоже, что слова Юлиана немного задели её самолюбие. Ну и поделом.

– Согласно твоим словам, если я умру, то вернётся Молтембер. Повторяю – согласно твоим словам. Этого ты хочешь?

В этот момент словно разрубили канат, связывающий сердце и мозг Юлиана. Почему он сразу об этом не подумал?

– Тогда что я должен сделать? – в растерянности спросил Юлиан.

– Ты бесполезен. Надеюсь, что Уэствуд что-нибудь скажет.

Она снова отвернулась к окну. Когда она не смотрела на Юлиана, на душе было как-то легче и спокойнее. Никто не давил, было время подумать или оценить обстановку.

Он снова посмотрел на револьвер. Слишком соблазнительно он выглядел в этот момент.

– А что вы хотите узнать? Я уже запутался в ваших мотивах. Найти убийцу Карнигана, Спаркс и Дюкса? Он перед вами и он мёртв. Кто за этим стоит? Молтембер.

– Остановись.

– Зачем он это делает? А чтобы вернуть всю свою душу из Эрхары!

Ривальда молчала.

– Остался один вопрос – что здесь делаю я?

– Подозреваешься в убийстве. И Иллиций тебя не спасёт.

Внутри у Юлиана что-то взорвалось. Он вскочил со стула, к которому будто прирос, схватил револьвер и направил на Ривальду. Даже не проверив, заряжен ли он. Как-то Юлиан слышал, что многие определяют наличие патронов по весу оружия. Что ж, делает вид, что и он так понял.

– Ни с места, – сказал Юлиан.

Ривальда обернулась. Лицо её вновь не выразило никакого удивления. Её хоть чем-нибудь возможно удивить?

– Что ты собираешься делать? – спросила она.

– Уйти, – уверенно произнёс он. – И вы мне не помешаете.

Указательный палец Юлиана был на изготовке. Он очень надеялся, что прицелился правильно и в случае чего попадёт. Демон потихоньку вырывался наружу и уже не ограничивал себя ни в чём. Юлиан выстрелит, если придётся, и демон не будет об этом сожалеть.

– Дверь открыта, Юлиан, – сказала Скуэйн. – Я не буду рисковать своей жизнью.

– И правильно.

– Кто знает, на что ты способен? Ты же убил Грао Дюкса. Можешь убить и меня.

Почему она сдаётся? Такие, как она, в таких случаях не сдаются, а что-то придумывают. Что-то вроде "Если ты убьёшь меня, то вернётся Молтембер и всем будет плохо". Почему она про это не подумала? Не могла такая, как она, не догадаться. Не могла.

Юлиан неуверенно попятился назад. Появилось впечатление, что в дверях стоит Якоб Сорвенгер, который с распростёртыми объятиями встретит Юлиана. Например, усыпит его или причинит невообразимую боль.

– До встречи.

Юлиан не верил в свой успех. Кто-то должен был поймать его. Но полиция была пуста. Даже на выходе не было охранника, который по непонятной причине отправился налить себе кофе.

Но у Юлиана не было времени думать о том, кто для него сложил все звёзды и зачем. Нужно было убежать, пока есть

шанс, думая только о том, как спастись.

Со скоростью пули он вырвался на улицу и окунулся в ночную прохладу осени. Того, чего он боялся, не случилось – снаружи не было полицейских патрулей, а, значит, можно уходить спокойно.

Спрятав револьвер во внутренний карман, Юлиан забежал за первую попавшуюся подворотню и только там немного отдышался. Заряжено ли было оружие или нет, Юлиан не знал, но сейчас это не имело никакого значения.

Совсем скоро Ривальда подаст сигнал тревоги и за Юлианом отправится целая поисковая операция, которая, скорее всего, его найдёт.

Уэствуд Глесон был бы сейчас очень хорошим вариантом подмоги, ибо Юлиан совершенно не представлял себе, как действовать в одиночку. Ровным счётом, он и не знал, что делать вообще и к кому обратиться.

Главное – найти переулок потемнее. Днём ещё можно было попробовать затесаться в толпе, но сейчас о толпе можно было только мечтать. Где-то недалеко веселилась молодёжь, но Юлиан предпочёл обойти её стороной, чтобы избежать лишних проблем.

Чем глубже Юлиан углублялся в тёмные улицы, тем меньше понимал, где находится. Город он знал не так хорошо, как хотелось бы, поэтому карты Свайзлаутерна в голове не имелось.

Примерно через пятнадцать минут послышался вой си-

рен вдалеке, и Юлиан понял, что они выехали по его душу. Очень странно, что так поздно. Потому что Юлиан ожидал, что миссис Скуэйн сразу кинется к Сорвенгеру, и вместе они организуют погоню. Наверняка, сами они тоже будут в ней участвовать.

Когда сирены поутихли, Юлиану пришла в голову мысль, что он достаточно грамотно провернул своё дело. Ведь его никто не смог найти, по крайней мере, пока что.

До окраин города было далеко, поэтому, судя по всему, Юлиан всё ещё бороздил центр. Опасно тут, в центре, потому что полицейские могут неожиданно нагрянуть в любую секунду, и действия их тоже непредсказуемы.

Малолетний преступник в бегах миновал Центральные Часы Свайзлаутерна, потом здание Парламента, после чего оказался у небольшой статуи Гуса Айдура, где и решил передохнуть.

Конструкция монумента была такой, что к нему вели две небольшие лестницы друг напротив друга, и между ними можно было достаточно незаметно затесаться. Любопытно, но это место Юлиан облюбовал ещё несколько недель назад, и тогда ему пришла в голову мысль, что тут можно неплохо спрятаться на какое-то время.

Присев прямо на мокрые ступени, Юлиан обречённо задумался о будущем. В одиночку ему не победить того, кто собирается причинить зло Пенелопе. Нужна помощь, но от кого её тут ожидать? Глесон сейчас в крайне незавидном по-

ложении, а ведь только ему Юлиан начал более-менее доверять. Были ещё Йохан и Хелен, которых Юлиан и знал-то совсем недолго, но которые вроде бы ничего плохого ему не делали и даже готовы были помочь. Только вряд ли его ровесники могли бы стать целесообразной помощью в ситуации Юлиана. Не хватало ещё и их поставить под угрозу опасности.

Сорвенгер выглядел серьёзным и сильным человеком, которому можно довериться. Но была очень большая проблема – Ривальда пропудрила ему мозги на столько, что сейчас он верит только ей и более никому.

Но размышления Юлиана уже совсем скоро прервали.

– Так-так, – услышал он знакомый голос, который заставил его незамедлительно обернуться. – Что вы здесь делаете в столь поздний час, герр Мерлин?

Это был Лиам Тейлор, который совершенно непонятным для человечества образом оказался тут.

– У меня к вам встречный вопрос, – кинул Юлиан и отвернулся обратно.

– Быть может, я люблю ночной город и прогулки по нему. Не правда ли – он прекрасен сейчас!

В жизни Юлиана уже не нашлось места прекрасному. Всё куда-то забрали, оставив только негатив и грусть.

– Я подумал так же, – сказал беглец.

– И решили посидеть возле памятника? Нравится Гус Ай-дур?

Все знания Юлиана о Гусе Айдуре ограничивались только знанием его имени.

– Нравится, – сказал он.

– Я разделяю ваше мнение. Великий мыслитель и философ был. Иногда я даже вижу в нём себя, только куда умнее. Один его трактат о судьбе и мысли последнего мореплавателя чего стоит. Вам не приходилось читать его?

Не время и не место.

– Разве что отрывками, – солгал Юлиан.

– Что-то подсказывает мне, что ты здесь не просто так.

– Что-то подсказывает мне, что вы тоже, – приподнял голову Юлиан.

– Мне и впрямь нравится прогуливаться по ночному городу. И я всегда делал это один, но сейчас посчитал бы за честь разделить эту прогулку с вами. Вы не против, геррр Мерлин?

– У меня немного другие дела.

– Боюсь, что мне придётся настаивать. Мистер Мерлин, прогуляйтесь со мной.

– Я не могу идти с вами гулять, – медленно и размеренно, выделяя каждое слово, проговорил Юлиан.

– Бойтесь, что вас поймают?

– Кто?

– Вы и сами знаете, кто. Я знаю, что только что вы бежали от допроса. Поправьте, если где-то ошибаюсь.

Юлиан привстал, готовясь к самым радикальным мето-

дам.

– А вы здесь, чтобы отправить меня обратно?

– Мне нет до этого дела. Я выдвинул предположение, и оно оказалось верным. Как добропорядочный гражданин, я должен отправить вас обратно в участок полиции.

– Боюсь, что у вас не получится, – спустя секунду раздумий сказал Юлиан и вытащил револьвер.

Рука на этот раз дрожала не так, как в предыдущий, и Юлиан был уже куда больше уверен в своих способностях.

– Тоже украл из полиции? – спросил мистер Тейлор и сделал шаг назад.

– Вы не отведёте меня туда. И будете помогать мне.

– Тогда чего же ты хочешь?

– Укрытия. Я не смогу скрываться здесь всю ночь.

– Укрытия, значит, – призадумался мистер Тейлор. – Как насчёт нашей кафедры?

– Кафедры? Как я могу быть уверен, что вы не заведёте меня в ловушку?

– Ты не можешь быть уверен. Но придётся поверить мне, потому что больше верить некому. Но кафедра – это лучшее место, потому что в Академии никто тебя ночью искать не будет. Ну, так как?

– Хорошо. Пусть будет так. Но учтите – пистолет всегда будет наготове.

Лиам Тейлор кивнул и отвернулся. Неизвестно, боялся он или нет, но вся его мимика, жесты, выражение глаз выдавали

какое-то безразличие ко всему.

Однако он добросовестно подошёл к тому, что вынудил его сделать Юлиан и никаких сюрпризов не преподнёс. Обходные тропы, которыми они шли, знал, похоже, только сам Лиам Тейлор. И, возможно, что сам их и проложил, потому что такой потрясающий по сути лабиринт запомнить было выше человеческих сил.

Академия пустовала, и Юлиан не смог даже сразу понять, осталась ли здесь вообще на ночь охрана. Ни единого фонаря, ни единой живой души. Похоже, Академия защищала себя сама.

При помощи чёрного хода, который обычно использовал садовник, двое путников проникли в корпус Общих Наук, иначе Мерлинстон. Там было всё так же темно.

– У вас есть шанс одуматься, мистер Мерлин, – предупредил Тейлор, едва закрыв за собой дверь. – Держать меня в заложниках – это не самая лучшая идея, особенно учитывая нынешние обстоятельства, в которые вы угодили.

Это были его первые слова за всё время дороги.

– Нет другого выхода, – сухо пробормотал Юлиан и потряс револьвером.

– Выход есть всегда. Вы могли бы поделиться со мной своей историей, и, быть может, я бы её понял. Тогда бы, возможно, вам не приходилось удерживать общение со мной посредством этого оружия.

– Простите, но я никому не могу доверять. В этом городе

меня пару раз крупно предали и очередное такое происшествие мне ни к чему.

– Понимаю вас, и вы правы. Во всяком случае, у вас будет время подумать.

Кафедра Естественных Наук находилось на шестом этаже из семи и всё это время приходилось подниматься пешком, потому что лифтов тут никогда не было, а магию мистер Тейлор наотрез отказался использовать.

Оказавшись у двери кафедры с крупными буквами названия, мистер Тейлор учтиво сказал:

– Прошу, герр Мерлин. Будьте как дома.

И повернул ключ, распахнув дверь.

Юлиан сглотнул скопившуюся слюну, оглянулся на мистера Тейлора, снова показав ему дуло револьвера, и переступил порог.

После чего мгновенно провалился в забытье.

19. Безумец

"В тот самый момент я пообещал себе, что в последний раз проявляю инициативу хоть в чём-то."

Юлиан Мерлин, ноябрь 2010

Когда Юлиан очнулся, он лежал на диване, а из окна бил яркий свет. На столе стоял чай, а возле него шоколад.

– Что случилось? – первым делом спросил Юлиан, пытаюсь собрать в голове пазл из последних событий.

– Защита этого кабинета, – ответил мистер Тейлор, который всё это время сидел на кресле подле Юлиана и не спускал с него глаз, ожидая пробуждения. – Она ставится на ночь и первый, кто пересекает её порог, теряет сознание вровень до полудня.

– Полудня? – удивился Юлиан. – Уже полдень? Почему кафедра пустует?

– Вы меня удивляете, герр Мерлин. Знаю вас совсем мало, но с каждым разом вы всё интереснее и интереснее. Сегодня же воскресенье. Вам когда-нибудь приходило в голову пойти на работу или на учёбу в воскресенье?

– Я всё понял, – ответил Юлиан, подняв наконец тяжёлую голову к свету. – Почему я до сих пор здесь? Почему вы не отдали меня в руки Ривальды Скуэйн?

– Выпейте прежде чаю, – посоветовал мистер Тейлор. – И шоколад не помешает. Поможет прийти в себя, я добавил

целебных трав.

– После той шутки со входом как я могу пить чай? Вдруг вы его отравили?

– Я мог убить вас, пока вы спали. И усыплять вас заново тоже мне незачем. Забочусь о вас же, поэтому пейте, пока не остыл.

Юлиан взял дымящуюся чашку в руки и отпил. К сожалению, без сахара, а Юлиан никогда не пил чай без сахара. Что ж, шоколад сможет хоть как-то компенсировать этот недостаток.

Конечно, мистер Тейлор не был идиотом и забрал револьвер Юлиана к себе. Теперь оружие покоилось себе спокойно возле самых рук преподавателя. Вряд ли повторится история, похожая на историю с Ривальдой. Юлиан не сможет украсть револьвер ещё раз.

Да и пальто он с Юлиана снял, которое сейчас аккуратно висело на вешалке возле входа.

– Тогда зачем вы держите меня здесь? – спросил юноша.

– Честно говоря, я хотел помочь полиции и передать вас им. Но в вашем пальто я нашёл кое-что интересное. Вот это.

Он приподнял со стола мятый конверт, в котором находилось последнее письмо, которое Юлиан переписывал для Ривальды.

– И что оно вам даёт?

– То, что я знаю, что вы и я в одной лодке.

Он положил письмо на стол и сказал:

– Надо сказать, вы получили их от миссис Скуэйн?

– Да. Именно от неё. И довольно давно.

– У меня тоже есть кое-что.

Мистер Тейлор залез под стол и вытащил оттуда аккуратно связанные между собой несколько писем, очень похожие на те, которые имел Юлиан.

– Что это такое? – спросил он.

– Вы имели при себе письма, которые неизвестный, окутанный пеленой тайны, господин Р. писал для не менее загадочной госпожи М. Так вот, у меня тоже такие есть.

Юлиан забыл про чай и шоколад и мгновенно вскочил с дивана.

– Откуда они у вас?

– Оттуда же, откуда и у вас. Я получил их на хранение от Ривальды и сберёг своё обещание. По каким-то причинам, мне неизвестным, она поделила их между мной и вами. Случаем, вы не знаете, по каким?

Юлиан обратно сел, так и не поняв, зачем же вскакивал.

– Она ничего не говорила. Вы же тоже можете их читать?

– Да, могу. Я знаю, что их могут читать как бы только отправитель и получатель, и мы с вами не такие, но читаем их. Не спрашивайте меня почему, потому что я понятия не имею. Вот и понадеялся, что вы можете знать.

– Скуэйн очень необычный и непонятный человек. Мне не разобраться в её мотивах, но уверяю вас, что она замышляет что-то очень нехорошее. Я пытался понять, но мне не

хватило сил.

– Теперь и я уже не могу быть ни в чём уверен. Поделившись со мной своими знаниями, вы сможете и сами узнать кое-что. Вместе мы сможем воссоздать какую-либо картину.

Юлиан насторожился.

– Я не могу, – сказал он. – Всё выглядит так, будто вы пытаетесь обманом выманить из меня важную информацию. Именно поэтому и оставили меня при себе.

Глаза мистер Тейлора забегали туда-сюда, но он всё ещё не вызывал своей внешностью подозрений. А вот словами очень и очень вызывал.

– Я знаю, что всё выглядит именно так. Вы мальчик, который слишком многое за это время пережил и явно никому уже не верите. И это правильно – в нынешней ситуации никому верить нельзя. Я знаю, что господа присяжные Дюкс, Спаркс и Карниган погибли не просто так и за всем этим стоит что-то страшное и могущественное.

Юлиану так и хотелось крикнуть во всеуслышание "Молтембер!", но он смог сдержать себя, чтобы не рисковать.

– У вас есть какие-то предположения? – спросил он.

– Есть. И одно хуже другого. Как бы Департамент не укрывал правдивые факты, я и сам не дурак и кое к каким умозаключениям прийти могу. Кто-то должен был погибнуть ещё пару дней назад, но ничего об этом не слышно. То ли Департамент скрыл этот факт, то ли никто не погиб и в первоначальном плане произошёл какой-то пробой. Что думаете вы?

Мистер Тейлор говорил слишком много, включая в свои слова слишком много эмоций. Расчётливого человека, пытающегося выбить информацию, Юлиан представлял себе немного по-другому.

– Я уже ничего не думаю. Я запутался. Во время своего ареста я предупреждал полицию, в какой именно день произойдёт новое убийство, но его произошло.

– Я знаю, что вы не убивали герра Дюкса. Этот город населяют одни глупцы и верят всей информации, которую им подкидывает пресса.

– Что? – удивился Юлиан. – Про меня и газеты пишут?

– Да, вы стали местной звездой. Но, знаю, что это не повод для гордости. Инспектор Глесон пытался вас реабилитировать, но сделал себе только хуже. Я хочу попросить у вас прощения за то, что рассказал, что вы находитесь в лесу. Именно поэтому вы снова очутились за решёткой.

– Не стоит. Вам не за что извиняться. Если бы не вы, мы бы погибли. А так хотя бы жизнь герра Глесона и моя спасены. И Агнус Иллиций пойман.

– Что? – неподдельно удивился мистер Тейлор. – Агнус Иллиций арестован?

– Да. Я был прав, когда предположил, что он в лесу скрывается у вервольфов.

– И что? Они что-нибудь узнали от него?

– Нет. Иллиций мёртв.

Лицо мистера Тейлора побледнело, и он сам отпил из той

кружки чая, которую налил Юлиану.

– Кто убил его?

– Я не знаю. Сам по себе умер и всё. Так же, как и Грао Дюкс, когда я был в машине с ним. Предполагаю, так же погибли и мистер Карниган и Ровена Спаркс.

– Это какое-то оружие?

– Роковые часы... Постойте, я итак вам слишком много рассказал. Похоже на то, что вы удачно проводите невидимый допрос. Вы должны доказать мне, что вам можно доверять, иначе я вам и слова не скажу.

Мистер Тейлор был очень разочарован и привстал, отойдя к окну. Трюка Ривальды он не повторил, и револьвер прихватил с собой.

– Единственное моё оправдание – это моё незнание, – проговорил он, не оглядываясь в сторону Юлиану. – Всё, что у меня есть – это непонятные письма. Получив ваше, я стал знать больше. И это единственное, чем я обладаю.

– И что же это? – спросил Юлиан.

– Я прочитал письмо, которое было у вас. Многого оно мне не дало, но только прочнее укоренило мои мысли. Конечно, любовная ода мне ни о чём не сказала, да и не могла бы. Может, между строк и был заложен какой-то смысл, но я не столь умён, чтобы его познать. Но всё остальное... Те немногие слова. Даты, намёки и события. Всё это привело меня к умозаключению, что Господин Р. – это сам Молтембер.

– Что? Молтембер?

– А вам не видится это логичным? Как раз в 1993 году о нём были первые упоминания, но не особо важные, ничего особенного он не предпринимал. Именно оттуда и начинается отсчёт данных писем. Дальше – лучше. Он обвиняет Сообщество в том, что они не разделяют с ним его идей. Они выставляют его злодеем, и он уверяет Госпожу М. в том, что они не правы. Конечно, у нас нет доказательств существования загадочной Госпожи М., но она здесь и не важна. Если верить письму, которое было у вас, однажды Господин Р. пустился в бега. Если верить дате письма, это случилось как раз после того, как был взорван Парламент. Совпадение, не так ли? Ведь именно после взрыва Парламента Молтембер пустился в бега и залёг на дно.

– И как же я сам не догадался, – пробормотал Юлиан, перебарывая события.

Неизвестно, действительно ли верил мистер Тейлор в свои слова или же делал так, чтобы верил Юлиан, но всё звучало более чем убедительно.

– Позвольте, я зачитаю вам кое-что, – мистер Тейлор аккуратно раскрыл один из конвертов и достал оттуда письмо. – Так, это не важно... Это тоже не особо. Ах, вот. "Я не ожидал удара со спины именно с Вашей стороны, и оттого оно лишь более болезненно. Я ведь люблю Вас больше всей своей жизни, а Вы предали меня. Откуда мне теперь искать мотивацию к дальнейшему существованию? Я верил только

вам, но вы окончательно убили мою веру в человечество... "Дальше опять о любви... И наконец: "Неважно, что случится. Рано или поздно я приду к Вам, и Вы это знаете. Какой бы сильной не была моя любовь, рука не дрогнет. Я всегда буду рядом, даже если буду находиться на небесах". Как Вам?

– Очень интересно. В конечном итоге Госпожа М. предала Господина Р., то бишь Молтембера, как вы говорите.

– Если бы у нас были все письма, которыми обладаете вы, мы могли бы узнать больше. Но, увы, сейчас не то время.

– Да не нужны никакие письма, – уверенно сказал Юлиан. – Хочу только узнать у вас кое-что. Что позволяет части души человека оставаться на земле даже после смерти?

– Очень интересный вопрос, герр Мерлин... Но к чему он?

– К тому, что это может быть ключом ко всему.

– Только самая мощная и разрушительная сила позволяет осколку души оставаться на земле целую вечность. И это, как бы странно не звучало, сила настоящей любви. Мы так часто недооцениваем её мощь и бросаемся ей, но только любовь способна творить настоящие чудеса. Гибельная, опасная, но оттого не менее прекрасная. Каждый человек любил хоть однажды, а кто-то думал, что дважды и больше, но они не правы. По-настоящему каждый из нас способен любить только один раз в жизни и это и есть истинное предназначение. Ты отдаёшь этому человеку самое ценное, что есть у тебя, ибо сила двух влюблённых делает их одним целом. Как

бы не старался удержать, но частичка души проникает в душу того, кого любишь и кто любит тебя, и этого не избежать. Даже умирая, часть твоей души не покидает землю, потому что остаётся в теле любимого человека. Ведь он же не перестанет любить, и потому и говорят что-то вроде "Ты навсегда в моём сердце". Это не аллегория, герр Мерлин. Это правда.

– Выходит, и Молтембер любил. Выходит, и ему не было чуждо человеческое.

И сразу стало невероятно интересно, а оставил ли Юлиан в Пенелопе часть своей души тогда, когда она поцеловала его. Ведь в ком ещё оставлять, если не в ней?

– Вы считаете, что Молтембер и впрямь любил Госпожу М.?

– Иначе он никогда бы не смог вернуться из Эрхары.

– Почему ты говоришь про Эрхару?

– Потому что Молтембер там. Он для того и устраивал убийства присяжных, чтобы разрушить договор и вернуться. Но, не имея он на земле часть себя, у него никогда не получилось бы сунуть на землю хоть палец. Молтембер оставил часть своей души в Ривальде Скуэйн, я больше не могу в этом сомневаться...

Мистер Тейлор буквально опешил. Похоже, что для него эта новость была неожиданностью года, которую он и предположить не мог.

А ведь в голове Юлиана витало что-то подобное, но мысль умирала, едва зародившись в корне. То ли он чего-то боялся,

то ли что-то другое блокировало его мысли, но так смело выразить свою мысль он не мог.

Но ведь именно это предположение всё расставляло по своим местам.

– Молтембер и миссис Скуэйн любили друг друга?

– Они были любовниками. И переписка это их, но вы уже и сами это поняли. Ведь именно миссис Скуэйн была тем самым последним человеком, смерть которой отделяла Молтембера от возвращения из Эрхары. И он не мог убить её при помощи Роковых Часов, потому что это убило бы и остатки его души, перекрыв любую возможность вырваться на свободу...

– Очень интересно, герр Мерлин. Вы умнее, чем я думал.

– Был бы умным, понял бы сразу и не вгонял себя в ловушку. Выходит, Молтембер каким-то образом пытается забрать кусок своей души из Ривальды, после чего уже убить её. Но, наверняка ему не хватает сил для того, чтобы вторгнуться с боем в город и забрать миссис Скуэйн силой, поэтому он решил действовать методом шантажа.

– Шантажа? – удивился мистер Тейлор.

– Именно шантажа. Когда я встретился с Агнузом Иллицием и его армией вервольфов, он хотел, чтобы Пенелопа Лютнер и мистер Глесон были убиты, а я захвачен в плен. Не просто так же! Наверняка Молтембер и Иллиций справедливо рассудили, что я дорог для Скуэйн и таким образом получится выманить её...

– Но вы сейчас находитесь здесь, рядом со мной, а не в лапах Молтембера. Почему?

– Потому что он не смог меня захватить. Вместо меня была захвачена Пенелопа... Несмотря на то, что Иллиций был пойман, его вервольфы доставили Пенелопу к Молтемберу, и теперь он её держит у себя.

– Не мог представить, что фрейлейн Лютнер находится там. Герр Мерлин, вы уверены в этом?

– В чём именно?

– Во всём.

– Да, мистер Тейлор. Я уверен во всём, и вы можете мне верить. Слишком долго я вертелся во всём этом и слишком много познал лжи. Теперь умею распознавать её. Если миссис Скуэйн не отправится к Молтемберу, он убьёт Пенелопу. Понимаете, убьёт!

– Никакой паники, герр Мерлин, – предостерёг Тейлор. – Самое главное, что мы знаем правду, а это уже больше, чем ничего. Если миссис Скуэйн сочтёт фрейлейн Лютнер недостаточной приманкой, очевидно, что Молтембер не остановится. Он отлично знает, чем она дорожит, если они и впрямь были любовниками, а значит ситуация будет только усугубляться. Одной фрейлейн Лютнер дело тут не ограничится.

– Ривальда не хочет выполнять требования Молтембера. Я уверен, что она их не выполнит, потому что у неё нет сердца.

– А если выполнит? – спросил Тейлор. – Вы будете рады, если она сделает так, как захочет Молтембер? Ведь в этом случае он сможет вернуть всю свою былую мощь из Эрхары и тогда продолжит дело, которое когда-то замыслил. Мы не знаем, что именно он замышлял этой войной, но что-то очень ужасное. Не говоря уже о том, насколько ужасной была сама война.

– То есть мы должны позволить Пенелопе умереть? Я никогда не соглашусь на это, ведь она всё, что есть у меня в этом городе. И никогда уже ничего лучше не будет.

– Никто об этом и не говорил. Я лишь хотел действовать предусмотрительней, а не ломиться сразу в бой. Как видите, у Молтембера мало сил, поэтому войну он начал тайно, с помощью хитрости. Мы должны его как раз хитростью и победить, потому что одних только желания и отваги мало.

Внутри Юлиана всё кипело. Своей апатичностью мистер Тейлор начинал раздражать. Несмотря на полную противоположность Ривальде Скуэйну в плане характера, бесил он уже не меньше её.

– Настоящие герои становились героями при помощи отваги, а не хитрости, – выпалил Юлиан.

– Это всё герои книг! А мы настоящие герои, и начинается настоящая война! Мы не можем допустить её, потому что это будет в сто крат хуже, чем то, что имеем сейчас. Ваше юношеское тело сейчас бурлит от переизбытка эмоций, но когда внутри всё перегорит, останется лишь прагматизм. И

тогда вы поймёте, какую глупость совершили, предпочитая не обращаться к помощи других, а сумасбродно действуя самому.

– Как бы то ни было, оставить всё как есть мы не можем. Есть у меня ощущение, что Ривальда и Молтембер находятся в сговоре и это какой-то их план.

– Вы предлагаете отправиться поговорить с миссис Скуэйн? Выпалить всё как на духу и попросить помощи?

– Я ни за что не пойду к ней. Она отвратительна мне, и я не хочу даже видеть её. Но те, кто защищают город, обязаны узнать правду и помочь мне. Отпустите меня, и я отправлюсь в полицию.

– Туда, где вас арестовали и, судя по всему, оклеветали?

– Они арестовали меня, потому что Ривальда хитро водила их за нос и играла их умами, – сказал Юлиан. – Теперь уже у меня есть неоспоримые доказательства. Если я расскажу историю Молтембера и Ривальды Сорвенгеру, он сможет найти её правдоподобной и поверить.

Тейлор немного замаялся. Был ли он готов отпустить юношу одного?

– У меня нет власти держать вас здесь, – сказал преподаватель. – Вы хотите, чтобы я отправился с вами?

– Если можете, то отправьтесь. Если вы, честный человек, покажете ваше доверие ко мне, Сорвенгер найдет мои доводы более убедительными.

– Вы говорите правильные вещи, но они не идут на пользу

осторожности. Что если мы разделимся, и вы отправитесь, как и планировали, в полицию, а я пойду к миссис Скуэйн? Я попробую поговорить с ней и выведать её настоящие планы.

– Вы полагаете, что я справлюсь один? – спросил Юлиан.

В любом другом случае он предпочёл бы действовать один, но сейчас, учитывая, что на карту поставлена жизнь Пенелопы, он был бы рад любой помощи.

– Даже если вы в розыске, у вас есть право слова. Просто воспользуйтесь им. Под предлогом повинной, сдачи, чего угодно. Главное – найдите того, с кем поговорить.

Юлиан кивнул, однако уверенности в благоприятном исходе не ощущал.

– Я постараюсь, – пробормотал он.

– Вы прошли славный путь, герр Мерлин. Вы не плыли по течению, как это могло показаться. Вы сами писали историю и теперь можете оставить в ней жирный след. Я уверен, что вы способны на большее. Если у вас что-то не получится, я постараюсь помочь. В тюрьму вы не вернётесь.

Несмотря на то, что должного оптимизма слова Тейлора не внушали, Юлиан очень старался в его слова верить. Во всяком случае, в такие тяжёлые времена во что-то верить надо, и абсолютно неважно во что. Главное – это сила веры.

– Вы поможете мне добраться? – в надежде спросил Юлиан.

– Да. Помогу.

Всю дорогу Юлиана не покидали дурные мысли. Какие

ещё загадки крылись впереди? Подходит ли история к концу, если он наконец-то распутал ведущий к ответу клубок, и теперь осталось лишь ударить в нужное место?

И не подвёл ли он мистера Тейлора, который, по сути, всю ночь укрывал у себя преступника? Всё это могло снести голову, а голова должна быть свежей как никогда, ведь момент его ожидал крайне ответственный.

Преступник, который шёл сдаваться – разве таким Юлиан видел себя ещё пару месяцев назад? Может быть, но явно не обвинённый в убийстве и не подозреваемый ещё в двух.

Когда мистер Тейлор ушёл в другую сторону, Юлиан остался в этом мире один. Не смеющий никому доверять, имеющий право полагаться сам за себя.

Едва завидев юного беглеца, вооружённые полицейские выскочили на улицу, а Юлиан поднял руки вверх.

– Я сдаюсь! – громко и уверенно, как только мог, проговорил он.

– Арестуйте его! – сказал какой-то полицейский, после чего его коллеги заломили Юлиану руки за спину и повели вперёд.

– Мне нужен комиссар Сорвенгер! – крикнул Юлиан, но на его слова особо не отреагировали. – У меня для него важная информация!

– Ты не можешь удостоиться личной аудиенции с герром Сорвенгером, – ответили ему. – Такой прерогативы у преступников нет.

– Я буду разговаривать только с ним! – не унимался Юлиан. – Я готов написать повинную, но только в его присутствии.

Конвой остановился и полицейские призадумались.

– Какая у тебя информация для него? – спросил начальник конвоя.

– Я всё расскажу только ему. Вам я не скажу ни слова.

– Мы сможем выбить у тебя слова.

– Но герру Сорвенгеру выбивать не придётся, я сам всё расскажу. Это поможет закрыть вам дело прямо сейчас.

– Как будем действовать, Марв? – спросил полицейский у своего коллеги.

– Я спрошу у Сорвенгера. Если позволит, то мы разрешим мальчишке.

В это время Юлиану отцепили руки и запечатали их в наручники. Надо сказать, ощущения не улучшились, потому что ношение металлических наручников не было самой приятной вещью на свете.

– Ждите здесь, – сказал начальник конвоя и отправился в кабинет Сорвенгера.

Лишь бы он был один. Лишь бы с ним не было вездесущей Ривальды Скуэйл. Это могло бы всё испортить.

Через пару минут Марв вернулся и сказал:

– Заводите к Сорвенгеру. Он сказал, что можно.

С души упал камень. Первый шаг Юлиан сделал и сделал довольно уверенно. Без особо неприятных обстоятельств.

Дверь раскрылась, Юлиана завели туда, словно он не мог ходить сам, после чего уже оставили его и Сорвенгера наедине.

Юлиану стало достаточно неловко. Он не помнил, чтобы когда-то оставался наедине с этим строгим прокурором, тем более в свете таких обстоятельств. Но, благо, никакой Ривальды тут не было и в помине. Похоже, что сегодня она не решилась жертвовать своим выходным.

– Так быстро, – проговорил Сорвенгер. – Почему вы так быстро вернулись, герр Мерлин? Надоела жизнь на воле?

– Не было никакой воли, – отрезал Юлиан. – Это были бега, а они ничем не лучше заточения.

– Мудрые слова, – сказал Сорвенгер. – Жаль, что многие другие этого не понимают. Значит, заново бежать ты не собираешься?

– Нет, мне уже незачем.

Сорвенгер понимающе кивнул и приблизился к Юлиану. Из ниоткуда в его руке появился маленький ключик, которым он раскрыл наручники и тем самым освободил Юлиана от них. Они с грохотом упали на пол, и никто не решался поднять их оттуда. Мысленно Юлиан прочувствовал эйфорию от освобождения своих рук, несмотря на то, что находился в них всего лишь пару минут.

– Вы намерены сознаться в убийстве Грао Дюкса? – отправившись обратно к столу, спросил Сорвенгер.

– Не совсем, но это тоже важно.

– "Не совсем" меня не очень интересует. Я слышал от своих подчинённых, что я услышу повинную, а не очередные ваши показания.

– Прошу, выслушайте меня. В последний раз. После чего уже можете упечь меня за решётку хоть на всю жизнь. Мне уже всё равно.

Сорвенгер напряг своё и без того вечно напряжённое лицо, после чего проговорил:

– Я выслушаю тебя. Во всяком случае, это моя работа. Присаживайся, Юлиан.

Юлиана не особо приветствовали эти правила гостеприимства, но всё же он решился присесть.

– Сейчас решу, с чего начать, – привёл свои мысли в порядок Юлиан и выдохнул. – Как я уже говорил, гибели Грао Дюкса, Ровены Спаркс и Люция Карнигана связаны между собой причастностью к заточению Молтембера в Эрхару. Смерть всех людей, которые отправили его туда, помогла бы разрушить договор и выпустить его обратно. При том условии, что на земле оставался бы какой-нибудь якорь.

– Сколько уже можно... Опять ты за старое.

– Дослушайте, – необычайно дерзко сказал Юлиан, но Сорвенгер не отреагировал на это и продолжил наблюдать за происходящим дальше. – Вообще, изначально дух Молтембера в Эрхару был заточён семью людьми, но трое из них были мертвы уже давно. Оставались только трое погибших ранее в этом городе и Ривальда Скуэйн.

– Почему именно она? Почему такая неприязнь к ней?

– Если и есть неприязнь, то она никак не связана с этим.

Вообще, Молтемберу требовалось оружие, чтобы он мог убивать на расстоянии. Таким оружием были Роковые Часы, но Молтембер не знал, где они находятся. Единственный человек, который что-то знал и мог помочь в поисках – это Тильман Штрассер, который сидел как раз у вас в тюрьме. Именно поэтому Молтембер отправил сюда одного из своих агентов – Агнуса Иллиция. Иллиций выведал секрет Часов у Штрассера, после чего бежал из тюрьмы, а Штрассера убил.

Сорвенгер слушал, не отрываясь, но Юлиану казалось, что тот только изображает заинтересованность.

– И где были Часы? – спросил он.

– У Золецкого. Который сгорел как раз через день после побега Иллиция из тюрьмы. Он замёл за собой все следы, поэтому мы не могли узнать ничего больше. Затем при помощи Часов Молтембер начал убивать тех, чья смерть помогла бы ему освободиться. Я не знаю, почему он не мог убить всех сразу, а убивал раз в десять дней. Вероятно, была ограничена сила Часов, или же и вовсе ограничена сила Молтембера.

– Но если Молтембер был заточён в мифическую Эрхару, как он мог убивать? – нашёл несостыковку Сорвенгер.

– Потому что его душа была не полностью там. Я же говорил, что ему был нужен якорь на земле. Якорь, то есть часть его души, оставался здесь, в теле Ривальды Скуэйи.

– Безумие, – сказал Сорвенгер.

– Не безумие. Просто вслушайтесь в мои слова, и вы поймёте, что это правда. Давно, семнадцать лет назад, Молтембер и Скуэйн были любовниками и тогда, при помощи любви, он оставил в ней кусочек своей души, который и позволил его духу блуждать по земле, даже оставаясь мёртвым. Именно поэтому он не мог убить её при помощи Часов, потому что тогда он убил бы и остатки своей души, а это означало бы его окончательную смерть.

Юлиан ожидал, что Сорвенгер начнёт сейчас крутить пальцем у виска, но этого не произошло.

– Доказательства? У тебя есть доказательства?

– То, что всё сходится. Если вы найдёте информацию о Часах, то узнаете, что их жертвы как раз так и умирают. К тому же, в доме Грао Дюкса есть комната памяти, в которой он подробно рассказывает о преступном договоре с Эрхарой. Вы можете проверить.

– Могу. Но стоит ли это того?

– Это поможет раскрыть вам дело. И предотвратить восстание Молтембера. От восстания его отделяет только смерть миссис Скуэйн, поэтому он хочет заманить её к себе, используя шантаж. Пенелопа Лютнер находится у него и ей он собирается шантажировать Скуэйн. Это как вы объясните?

– Лютнер – это несчастный случай. Жертва твоей и Глессона безрассудности. Если она погибла от рук вервольфов, то её кровь на твоих руках.

– Не говорите так. И у нас ещё есть шанс спасти её. Молтембер желает обменять её на Скуэйн, и вы должны что-то предпринять. Во имя города, который вы поклялись защищать.

– Не диктуй мне условия, – воспротивился Сорвенгер.

– Но у вас нет никаких наводок. А у меня есть теория, которая заслуживает как минимум проверки.

– Придумав эту захватывающую историю, ты хочешь выгородить себя. Или выиграть время для того, чтобы проделать какое-нибудь дело ещё. Может, меня хочешь убить? Я ведь тоже теперь вхожу в совет присяжных.

– И я тоже вхожу.

– Входил, – поправил опального юношу Сорвенгер. – Ты уволен оттуда.

– Я только рад этому. Там мне точно не место. И здесь не место. Я оклеветан Ривальдой Скуэйн, и она сделает всё, чтобы я молчал. Сделает всё, чтобы вы не верили мне.

– Если это последнее, что ты хотел сказать мне, то я и впрямь больше не буду слушать. Мне надоело.

– Я знаю, где находится Молтембер!

– Снова скажешь, что в Эрхаре?

– Нет. Я знаю, как найти его на земле. Добравшись до него, мы сможем спасти Пенелопу. И вы должны помочь мне в этом.

Сорвенгер вскочил с места. Было бы вполне логичным, если бы сейчас он вытащил из-под своего костюма револьвер

и пристрелил Юлиана.

– Какая глупая попытка заманить в ловушку...

– А как же то самое покушение на мою жизнь? Здесь, в тюремной камере! Как вы объясните то, что меня хотели убить? Кто-то заколдовал Арчера, у него у самого не было никаких мотивов на это.

– Откуда мне знать, что мотивов не было? Я не слышал ваших с ним разговоров и не могу ни в чём быть твёрдо уверен.

– Зато я уверен!

Выражение лица Сорвенгера резко поменялось, словно он прямо сейчас что-то переосмыслил или пытался показать это.

– Ты говоришь так, словно и впрямь веришь в это, – размеренно проговорил Сорвенгер и посмотрел в окно. – Что ты знаешь ещё?

– Ничего, – ответил Юлиан. – Кто-то помогал Иллицию и Молтемберу в этом городе, какой-то засланный шпион, но я ещё не понял, кто это. Слишком сложно.

– Слишком сложно, – сквозь зубы повторил Сорвенгер. – Как бы то ни было, знаешь ты слишком много. Ты не должен был этого знать. Ты не должен был находиться здесь!

– Что? О чём вы говорите? – в надежде воскликнул Юлиан. – Вы тоже что-то знаете? Тогда вы должны помочь мне, вы должны...

– Может знаю, а может и нет, – перебил юношу Сорвен-

гер. – Как ты там сказал – Молтембер хочет обменять Лютнер на Скуэйн? Так ведь? И, судя по всему, Ривальда не собирается идти на этот обмен. Лютнер не дорога ей. А как думаешь – ты ей дорог? Если бы ты оказался на месте Лютнер, Скуэйн пошла бы за тобой?

– Не знаю. Я почти уверен, что нет. Наши отношения с ней в глубокой яме...

– А я не сомневаюсь. Может быть, ты был бы лучшим вариантом для Молтембера?

В голову Юлиана прокрались сомнения. Он не верил своим ушам, когда слушал Сорвенгера.

– Если вы верите мне, то мы должны действовать немедленно. Прямо сейчас.

– Мы? – удивился комиссар. – Ты имеешь в виду меня и тебя? Возомнил себя тем, кто способен биться бок о бок со мной, на равных? Считаешь себя неоценимой помощью?

– Не считаю. Но я готов.

– Не готов. Ты не тот, юный Мерлин.

– Если вы говорите, что я дорог миссис Скуэйн, то отпустите меня поговорить с ней. Я постараюсь её убедить и что-то предпринять.

– Не могу, – на лице Сорвенгера появилась лёгкая улыбка. – Исключено. Никак. Ты не выйдешь отсюда один. Как я сказал, ты не должен был этого знать. Это не твоя дорога. Своей опальностью ты сделал только хуже.

– Конечно, я потерял Пенелопу.

– Я не это имею в виду. Ты загнал себя в ловушку, придя сюда. Как я понял, тюрьма тебя не сможет удержать. Нужна клетка попрочнее.

– Что? – недоумевал Юлиан. – Почему вы говорите такое?

– Потому что всё идёт к тому, что ты узнаешь ещё кое-что. Ты и узнаешь. Только никому и никогда не сумеешь рассказать.

А это уже было страшно. И стало страшнее в пару раз, когда Юлиан понял, в чём же дело.

– Я уже знаю, – сказал юноша. – Вы тот самый засланный шпион Молтембера. Вы отправили Агнуса Иллиция именно в камеру к Тильману Штрассеру. Это не было случайностью. Вы освободили Иллиция из тюрьмы... Вы, а не Скуэйн. Как же я был глуп. В конце концов, это вы наложили заклятье на Эдварда Арчера, чтобы он убил меня. Как раз таки потому, что я много знал.

Улыбка Сорвенгера становилась всё шире и шире. Он насмеялся над Юлианом, потому что позволил узнать ему правду, но не позволил хоть что-то сделать. Никто отсюда Юлиана не отпустит. Он допустил колоссальную ошибку, когда пришёл сюда один.

– А сам бы не понял? – спросил Сорвенгер. – Никто не понял бы сам. Даже Скуэйн, которую я считал самым умным человеком в городе. После меня, конечно. Главным моим заданием было не помогать Иллицию, а доставить Ривальду к графу Акруру, потому что сама она ни за что не согласилась

бы. Но никакой обман не подействовал. А силой мне её не взять. А тут ты вдруг сам пришёл в мои руки, и она об этом ничего не знает. Не сказка ли?

– И что вы сделаете со мной? – тихо спросил Юлиан.

Самое главное – это не показывать свой страх. Терять всё равно нечего, а вот честь необходимо сохранить.

– Прежде всего – заставлю замолчать. Скуэйи ни за что не должна знать моего истинного лица, иначе план будет заранее провален. Я не хочу подводить графа Акрура. Он может быть мне очень полезен, когда вернётся из Эрхары. Он щедро наградит меня.

– Молтембер затуманил вашу голову!

– Он не мог. Знаешь ли – сейчас у него совсем нет сил. Я справедливо рассудил, что в условиях нашей жизни важнее всего выбрать правильную сторону. И правильная сторона – это не Свайзлаутерн и не Департамент. Правильная сторона – это могущество.

– Вы трус! – в сердцах воскликнул Юлиан.

– Я ли трус? Насколько я знаю, это Скуэйи более всего дорожит своей жизнью и готова пожертвовать Лютнер, чтобы выгородить себя. Это ли не трусость? Почему она не может смотреть опасности в лицо? Это ей плевать на остальных. Я же по головам идти не собираюсь. Молтембер всё равно рано или поздно смог бы сбежать. И тут уже важно, с чьей помощью. Если это буду я – тогда я стану его правой рукой и наберу почти столько же могущества. Знаешь, им мог стать бы

и ты, если бы был поумнее. Вы защищаете то, что нет смысла защищать. А потому всегда будете на стороне проигравших.

Юлиан осторожным взглядом посмотрел в сторону окна. Оно было приоткрыто, но смущение наводило то, что здесь был второй этаж, а с него падать больновато.

– Я доверял вам, – обречённо произнёс Юлиан. – Все доверяли вам. А вы обманули весь город. Вы подвели его!

– Кто-то должен был исполнить эту роль. И я себе вижусь идеальным кандидатом.

Как только Сорвенгер отвернётся хоть на мгновение, Юлиан выпрыгнет в окно. Как уже было им отмечено, терять в данной ситуации нечего. Если повезёт и он не сломает себе ногу или что-то ещё, то сможет убежать к Ривальде Скуэйну. Как Юлиан убедился, она была честнее Сорвенгера.

– И что вы собираетесь делать после? – тоскливо спросил Юлиан.

– В виду того, что ты сам пришёл в мои руки и, учитывая то, что Скуэйн не собирается выручать Лютнер, её роль исполните вы.

Окно. Последний шанс.

– Она не придёт, – проговорил Юлиан.

– Но попытаться стоит. Не вздумай предположить, что ты – это последний вариант. Ты – всего лишь начало...

Нет времени думать. Нет времени ждать. Когда Сорвенгер находился на максимально далёком расстоянии от окна, Юлиан начал действовать. В мгновение ока он вскочил, за-

прыгнул на подоконник и, уже не думая о последствиях, собрался прыгнуть.

Но не вышло – грузная рука схватила его сзади за воротник, и Юлиан неуклюже упал на пол.

– Ты ожидал, что я позволю тебе уйти? Ты проделал однажды побег с непосредственной помощью Скуэйн, но я помогать тебе не собираюсь.

Сорвенгер был очень силен физически, и у Юлиана не было никакой возможности выбраться из-под его удавки. Осталось лишь стиснуть зубы и ждать.

– Позволь устроить тебе небольшое путешествие, – безумным тоном проговорил Сорвенгер. – Туда, где тебя давно ждут.

Он приподнял Юлиана с земли и крепко обхватил его голову руками, не отрывая взгляда от юноши. Затем он закатил глаза, и пространство буквально начало выезжать из-под ног. Всё перемешалось, а затем наступила крошечная тьма, однако Юлиан ощущал движение буквально со скоростью света.

Это была телепортация.

20. Приманка

"Я не мог здесь не оказаться. Все события, происходившие до этого, вели меня незримой нитью именно сюда."

Юлиан Мерлин, ноябрь 2010

Темнота развеялась, и обессиленный Юлиан открыл глаза. Судя по всему, он находился в депо, о котором ему уже приходилось раньше слышать.

Воспользовавшись тем, что Сорвенгер тоже потерял немало сил из-за перемещения, Юлиан приложил усилие и всё-таки вырвался.

Сорвенгер не сразу понял, в чём дело, потому что хоть Юлиан великой силой не обладал, но, как не раз отмечалось ранее, был весьма ловок и проворен.

Не став теряться, он забежал за первый попавшийся поезд, и, посчитав, что исчез из виду, отправился вглубь депо, надеясь незаметно найти отсюда выход.

В эти времена вечерело рано, и темнота уже начинала окутывать город. Едва ли не все поезда были сейчас в депо, и представляли из себя целый комплекс, напоминающий лабиринт. Главное – не заблудиться здесь самому.

Один из этих поездов может привести как раз к Молтемберу. Это Сорвенгер и собирался сделать. Только вот Сорвенгер знал номер нужного поезда, а Юлиан не знал. Однозначно, это число представляло из себя день знакомства Риваль-

ды и Молтембера, но столь ценной информацией Юлиан не обладал.

– Тебе не скрыться, – Юлиан отчётливо услышал в своей голове голос Сорвенгера.

От голоса и впрямь не скрыться, но Юлиан предпочёл проигнорировать этот факт.

Какая же печаль, что Юлиан сейчас находился здесь один! Будь хоть кто-то ещё здесь, они вместе отправились бы к Молтемберу и освободили бы Пенелопу. Но, как бы смел не был Юлиан, в одиночку ему ни за что не справиться. А ведь Пенелопа ждёт именно его там. Именно он видится ей благородным спасителем, прекрасным принцем, который не оставит её. А что может Юлиан? Только надеяться на чудо и ничего более.

В конечном итоге он оказался в тупике. Идти обратно было самоубийством, забраться на крышу какого-то поезда было тоже не самым привлекательным вариантом. Оставалось только войти внутрь поезда и спрятаться там.

Внутри было темно и смердело холодом. Наверняка, именно этим поездом никто давно не пользовался, и он был списан. Для чего же он здесь стоит?

Юлиан осмотрелся и направился к двери в другой вагон, но, едва стоило открыть её, как за ней появился неожиданный сюрприз по имени Якоб Сорвенгер.

– Напрасно ты это сделал, – издевательским тоном проговорил Сорвенгер и щёлкнул пальцами, после чего со всем

сторон зажётся свет.

– Вам не запугать меня!

– Мне этого и не требуется. Будь моя воля, я растоптал бы тебя прямо на месте, но не мне твою судьбу решать. К сожалению, она в руках графа Аккура.

В это время поезд загудел, тронулся и отправился в путь. Никакого машиниста тут и в помине не было. В поезде находились только Юлиан и Сорвенгер и больше никого. Поезд управлял собой сам.

– Скуэйн знает, что именно этот поезд ведёт к Молтемберу, – сказал Юлиан. – Она может набрать отряд и...

– Не может. Этот поезд может принять только того, кого захочет граф Аккур. У него мало сил, но я его сила и воля и, по сути, я веду поезд.

Не получится. Юлиан догадывался о чём-то таком. Не мог Молтембер быть таким неосмотрительным. Не мог и Сорвенгер, и он это доказал.

– Другим способом никому и никогда не найти графа Аккура, – продолжил продажный комиссар. – Только при помощи этого поезда, только при его разрешении. Забавную штуку он придумал, не правда ли?

– Запомню на всякий случай, – съязвил Юлиан, но Сорвенгер этого совсем не оценил.

Поезд меж тем набирал всё больше и больше скорости, и она вскоре стала просто какой-то невероятной.

– Если Скуэйн не придёт за тобой, то у тебя уже никогда

не будет всякого случая. Граф Аккур не столь добр как я. Он не станет тратить время на одну какую-то несчастную жизнь. Ты же согласен с тем, что ты невероятно жалок?

– Быть может я и жалок, но на моей стороне правда.

– Какие громкие слова. От всех вас я регулярно слышу только слова, но не вижу никаких действий. Это только показывает вашу слабость. Особенно сильно меня цепляют эти слова, когда вспоминаю славный Департамент и его славных присяжных. Я провёл в их компании всего несколько заседаний, но меня уже успело пару раз стошнить. Они бесконечно говорят одно и то же, но ни капли не продвигаются по нужному делу. То ли не хотят, то ли попросту не умеют. Когда Скуэйн пыталась выдвинуть какую-нибудь более-менее стоящую мысль, они едва ли не пальцем у виска крутили, намекая на то, какая она странная.

– Вы имеете в виду, что она умна?

– Отчего же нет? – удивился Сорвенгер.

– Она поверила в то, что это я убил Грао Дюкса! Это же было столь нелепо...

– Нелепо, но я умею убеждать. Приводить нужные доводы, правильность которых весьма сложно опровергнуть. Даже она прогнулась под моим гнѐтом, хотя я её за это не виню.

– Она разрушала мою репутацию день ото дня, – вспомнил Юлиан. – Она практически уничтожила мою личность, и я её за это практически возненавидел. И теперь вы утверждаете, что всё это затеяли вы?

– Да. А Скуэйн лишь грамотно выполняла указания, которые я незримо подавал ей.

– Она не могла, – пробормотал Юлиан. – Она должна была обо всём догадаться... Должна была изобличить вас. Я много раз слышал её слова и очень часто они были верны. Инспектор Глесон рассказал мне, сколь лихо она навела его на мысль о Роковых Часах...

– Увы, без моего участия. Тут они справились сами.

За окнами не было видно совершенно ничего, только крошечную темноту. На какой скорости они сейчас ехали – Юлиан понятия не имел. Но столь быстро он не передвигался даже во снах.

– Если бы Скуэйн хотела бы меня спасти, она спасла бы меня, – сказал Юлиан. – Она смогла бы найти способ, я уверен. Но ей наплевать на меня и Пенелопу, она будет ждать до самого конца. Она не хочет рисковать. Ей дорога только она сама.

– Есть в этих словах доля правды. Но пока мы только проверяем. Если не получится, ставки повысятся. И тогда уже и она дрогнет. Будь в этом уверен. Ради возвращения граф Акруп пойдёт до конца. Ради его возвращения и я пойду до конца.

– Какое низменное желание.

– Мы обсуждали это не раз. Тебе ещё предстоит понять, что важно, а что нет.

– А что вы сделаете, если Молтемберу всё же удастся осво-

бодиться? – поинтересовался Юлиан. – С чего начнёте?

– Я бы был глупцом, если бы посвятил тебя в наши планы. Наверняка, ты думаешь, что мы настолько злы, что будем просто-напросто убивать всех подряд, потому что это якобы принесёт нам удовольствие. Но это из-за того, что ты считаешь нас за злодеев и в одночасье тебя не убедить. Нет – граф Акрур не злодей. Он творитель нового мира. Он пытался сделать это тогда, а сейчас он не будет пытаться. Сейчас он просто сделает. Тебе ещё рано знать, как. Но, если вдруг он захочет с тобой поговорить лично, сочти это за честь и спроси. Хуже тебе уже не будет.

– Спрошу, – уверенно сказал Юлиан.

– А мы уже приближаемся, – сказал Сорвенгер, посмотрев на наручные часы.

– Так быстро? – удивился Юлиан. – Мы же только сели!

– Прошло уже четыре часа. Кое-где время идёт по-другому. Но не время вдаваться в подробности.

Юлиан ещё раз посмотрел в окно, но увидел там опять же темноту. Ни единого признака света.

Поезд постепенно начал сбавлять скорость и уже через пару минут остановился.

– Весьма приятная поездка, герр Мерлин, – учтиво сообщил Сорвенгер. – Вы были довольны моим обществом? Общением непосредственно со мной, а не с той маской, которую вы лицеизрели несколько месяцев?

То, что Сорвенгер попеременно называл Юлиана то на

«ты», то на «вы» начало раздражать уже давно. Это ли не лицемерие?

– Вы мне и тогда не нравились. А теперь не нравитесь ещё больше. Так что думайте сами.

– Ожидаемо и предсказуемо.

Сорвенгер щёлкнул пальцами руки, и двери вагона отворились. Только тогда Юлиан наконец смог разглядеть какие-то очертания снаружи. Только совершенно не мог понять, какие именно.

– Мы приехали, – торжественно сообщил Сорвенгер и выпрыгнул наружу.

То же самое пришлось проделать и Юлиану. Он словно ощутил, настолько холодная здесь была земля. И даже ботинки не спасали от этого холода. Внутри земли находился вечно холодный ледник и источал оттуда ледяной пар. Ничего более убедительного Юлиан придумать не мог. Не до фантазии сейчас было.

– Где мы? – спросил Юлиан, едва осмотревшись, но так и не успев ничего понять.

– Это не важно, – сказал Сорвенгер, и в его голосе Юлиан почувствовал какую-то таинственность.

В этот момент со всех сторон зажглись факелы, и Юлиан наконец-то смог определить, что они находятся в каком-то каменном подвале, стены которого были украшены зловещими статуями драконьих голов. Но они были столь ужасны, что на их фоне Драго казался милейшим созданием на зем-

ле, а драконы из сказок, которые Юлиан слышал в детстве, выглядели не более чем клоунами в цирке.

Лица их были перекошены, у кого-то глаз было больше, чем нужно и сказать по их поводу можно было только одно – это драконы-мутанты.

Через пару секунд Сорвенгер невольно упал на колени, словно что-то злое скосило его и заставило потерять силы. Та же самая участь пришлась и на долю Юлиана – он что есть мочи схватился руками за голову, будто бы её проткнули тысячи тонких иголок. Тело выворачивало на изнанку, и создавалось впечатление, что Юлиан теряет что-то важное.

Он умирает?

– Это необходимый ритуал, – сообщил Сорвенгер, едва только почувствовал, что боль начинает его покидать. – Все мы должны принести какую-то жертву для того, чтобы увидеться с господином. Даже я.

– Что случилось? – спросил Юлиан, с трудом сдерживая порыв тошноты.

– Мы на время потеряли большую часть своей силы. Граф Акруп не может так рисковать. Никто не придёт к нему во всеоружии.

– Но люди без Проксимы умирают! – недовольно проговорил Юлиан.

– Умирают, но не сразу, – поведал Сорвенгер. – До тех пор, пока это случится, сила вернётся к нам обратно.

Он прикоснулся рукой к одной из драконьих голов, и на-

чал бормотать какие-то странные заклинания, которые доселе слышать Юлиану не приходилось.

Каменные стены начали расступаться, а свет становился только ярче. Юлиан поднял глаза наверх и увидел ночное небо, украшенное полной луной. Луна так велика, как никогда. Каменные стены постепенно трансформировались в лестницу, а это означало, что проход открыт.

– Мы можем идти, – сказал Сорвенгер. – Господин ожидает нас.

А хитро всё Молтембер придумал. Добраться до него можно было только лишившись силы. К нему не подобраться никому, даже самому опытному бойцу. Просто невозможно.

Сорвенгер осторожно выставил вперёд ногу и начал свой путь. Юлиан нехотя поплёлся за ним. Ноги были словно ватными, но это было объяснимо. Только нисколько не делало процесс хождения приятным.

Поднявшись наверх, Юлиан обнаружил, что они находятся на вершине какой-то башни. Вершина представляла из себя форму креста, и подобной этой башне видеть раньше ещё не приходилось.

На краях башни, словно охраняя её, находились красноглазые вервольфы, а снизу их была целая орда. Мало того, что Молтембер установил магические системы охраны для себя. Он не брезговал прибегнуть и к грубой силе в виде вервольфов.

А в самой середине башни гордо стоял человек. Юлиан

знал, что это за человек и оттого только меньше хотелось приближаться к нему.

– Господин, – обратился к Молтемберу Сорвенгер. – Я привёл его.

– Ни капли не сомневался, что ты грамотно выполнишь свою работу, – ответил Молтембер и обернулся.

Каких только ужасов не представлял себе Юлиан от этой встречи, но увидел всего-навсего обычного человека. Насколько же было удивительным, что существо, от которого на земле остался лишь жалкий отпечаток, был похож на человека даже больше, чем нынешний Юлиан? Ни зловещих красных глаз, не мертвенно-бледной кожи, ни старинных жутких доспехов. Всего лишь спадающие до плеч золотистые волосы, вполне себе обычные голубые, такие же, как и у Юлиана глаза, и длинный красный плащ, нисколько не выглядевший зловещим.

– Простите за оплошность, – начал оправдываться Сорвенгер. – Но я не смог доставить вам Ривальду Скуэйи непосредственно.

– Ты и так сделал больше, чем было в твоих силах, – похвалил соратника Молтембер и приблизился.

Юлиан ожидал ощутить какой-то ужас хотя бы сейчас, но снова лицезрел обычного смазливого дядьку. Если бы он сказал, что был разочарован, то не сказал бы ничего.

– Юлиан Андерс Мерлин, – размеренно проговорил Молтембер и уставился прямо в лицо юноши, досконально изу-

чая каждый его изгиб. – Я уже достаточно давно ожидал нашей встречи.

Он попытался изобразить улыбку, но улыбка, судя по всему, коньком его смазливой внешности не являлась.

– Вам не получится заманить сюда миссис Скуэйн, – смело проговорил Юлиан. – Вы так и останетесь без сил и будете находиться в бегах всю вашу жизнь.

– Верно, ты не знаешь, как делаются дела, – усмехнулся Молтембер и оторвал наконец от него свой взгляд. – К тому же, ты имел несчастье заблуждаться, что сейчас мы с тобой устроим долгий и пронзительный диалог. Прости, но ты не достоин такой чести. У меня нет на это времени.

А вот это уже Юлиана немного разочаровало, хотя он и знал, что поводов для этого нет.

– Сейчас, маленький Монроук, ты узнаешь, как делаются настоящие дела. Якоб, я полагаю, что Ривальда добралась до кинотеатра?

– Да, она должна быть там, – сообщил Сорвенгер.

– Отлично, – ответил Молтембер. – Мы можем приступить.

– Приступить к чему? – непонятливо спросил Юлиан. – Что она делает в кинотеатре? Вы собираетесь атаковать её там?

– К сожалению, мы пока не так сильны, – сказал Молтембер и отдал рукой какой-то знак. – Эх, Ривальда, знала бы ты, как я скучал...

Пара вервольфов, обращённых в людей, приблизилась к Молтемберу, Юлиану и Сорвенгеру и принесла с собой большую видеокамеру.

Вервольфы считались другим видом разумных существ, не людьми, поэтому Проксимой не обладали. Они обращались в людей при помощи какого-то врождённого биологического механизма, поэтому не могли лишиться этой способности, пройдя через подвал, лишаящий сил.

– Что это ещё такое? – спросил у самого себя Юлиан и, как полагается, никто ему сразу не ответил.

Однако Молтембер всё же выложил всё через несколько секунд, когда камера, руководимая Сорвенгером, уже была готова снимать:

– Мы должны отправить небольшое сообщение Ривальде, пока она мирно наслаждается фильмом, пытаюсь уйти таким способом от своих проблем. Не правда ли, наиглупейший способ? Якоб купил все билеты на этот фильм. Кроме одного. Того, что предназначался для Ривальды Скуэйн. Сейчас она находится в кинозале одна, наверняка немного удивлённая этим фактом. Но это ей только понравится, потому что общество никогда не было любимой частью её существования.

В это время Сорвенгер толкнул Юлиана прямо в руки Молтембера и тот его поймал. Надо же – даже прикосновения злодея не были враждебными и ужасными! Ни холода, ни пронизывающего страха. Они были даже немного тёплыми.

ми.

– Я начинаю, – сказал Сорвенгер и нажал на какую-то кнопку.

Молтембер улыбнулся, и, зажав рукой рот Юлиана с гордостью начал:

– Неожиданно, да? Ривальда, скажи мне – ты рада меня видеть? Не сомневайся, – я тебя услышу! Ты же не забыла про ту роковую связь между нами? Не забыла, что кое-что забрала у меня и теперь не хочешь отдавать? А ведь пришло время выплачивать долги. Скажи мне – почему ты ещё не вернула мне мой долг? Мне не очень нравится находиться в ветхом теле, не имея души. Как ты можешь обходиться так с человеком, которому столько раз клялась в любви? И не говори, что я стал чудовищем. Я не обрекал никого на многолетние муки в ужасном месте под названием "Эрхара". Это ты предала меня. И я всего лишь вежливо прошу тебя всё исправить. Я даже не угрожал тебе смертью... Хотя кого я обманываю? Только твоя смерть поможет мне вернуться обратно, так сказать, целиком... Как я вижу, пропажа Пенелопы Лютнер несколько не озадачила тебя. Тебе оказалось на неё наплевать! Очередное подтверждение тому, что зверь среди нас двоих не я. Скажу даже больше – фрейлейн Лютнер всё ещё жива. Мне же не нужна её смерть. Мне нужна моя жизнь! Если тебе не дорога жизнь Лютнер, то обрати внимание на мальчишку, стоящего подле меня. Он же дороже для тебя, чем какая-то малознакомая девчонка... У тебя

ещё есть время до половины одиннадцатого для того, чтобы спасти его. Но если ты не придёшь... Или, что ещё хуже, решишь вдруг покончить с собой, наивно полагая, что это убьёт меня навсегда, то не поддавайся искушению. Ты знаешь, каким оружием я обладаю. Я уничтожу весь твой дорогой и прогнивший насквозь Свазлаутерн, как давно и мечтал, если ты решишь оставить маленького Монроука на произвол судьбы. Если же ты решишь пожертвовать собой, то мои верные слуги всё равно уничтожат Свайзлаутерн, принеся его весь в жертву Эрхары. Выбор за тобой, дорогая Ривальда!

Он нисколько не напоминал того благородного романтика из писем под псевдонимом "Господин Р.". В словах этого человека не было ни капли красивого, ни частички тёплого или рыцарского. Он был сухим и холодным – и это уже выдавало не его тело, а его душа. Если от неё, конечно, хоть что-то осталось.

На протяжении всего монолога Молтембера Юлиан пытался вырваться и закричать, что его и всех остальных предал Сорвенгер, что он находится на странной башне в виде креста, но Молтембер, несмотря на прописное отсутствие сил, сжимал его рот достаточно крепко.

Одно только радовало – по словам Молтембера Пенелопа ещё жива. Но надолго ли? И стоит ли верить словам этого лицедея и безумца?

– Она видела ваше лицо на экране кинотеатра? – спросил Юлиан.

– Да, – довольно ответил Молтембер. – Очень надеюсь, что ей понравилось. Я же ведь очень старался. Как же я рад, что наконец-то выговорился! Я подарил бы ей долгий разговор, но она пренебрегла этим шансом, и теперь наш с ней разговор обещает быть недолгим.

– Вы собираетесь убить всех людей в городе! – яростно воскликнул Юлиан.

– Иногда большие дела требуют больших жертв, мой мальчик. Кровь этих людей будет на руках Ривальды, а не на моих. Я предлагал ей всего лишь одну смерть, но её это не устроило. Пока что. Нам ещё предстоит узнать, что победит в ней – человечность или самолюбие! Как думаешь, Якоб, что же всё-таки победит?

– Я ставлю на человечность, – секунду подумав, ответил Сорвенгер. – Всё-таки целый город... Тут и я бы мог сломаться.

– А тебе, юный Монроук, дальше ничего слушать не следует, – сказал Молтембер. – Господа, отправьте Монроука к его любимой! – сделал он жест вервольфам и трое из них послушно повиновались.

Мгновенно обратившись в людей, двое из них схватили за руки яростно сопротивляющегося Юлиана и подвели к какому-то люку. В это время третий вервольф нажал на стоящий неподалёку рычаг, и Юлиан провалился куда-то в недра башни.

Полёт был недолгим, а в самом конце, вместо того, что-

бы с грохотом плюхнуться на камни и что-то себе сломать, полёт вдруг прекратился, после чего Юлиан спокойно себе приземлился на холодный пол. Это подозрительно напомнило дорогу в зал присяжных Департамента.

Он приподнялся и попытался отряхнуться от витавшей здесь пыли, но, увидев одиноко сидящую в углу Пенелопу, в один момент забыл обо всём.

– Пенелопа, – проговорил Юлиан и ринулся к ней.

Она сжалась, словно маленький ребёнок. Вся такая чумазая и потрёпанная, но, самое главное – живая. О лучшем в этот момент Юлиан и мечтать не мог.

– Ты пришёл ко мне, – сказала она. – Ты попытался спасти меня.

– Попытался, попытался, – ответил Юлиан и жадно обнял девушку, не собираясь выпускать её из объятий по крайней мере пару вечностей.

– Я знаю, ты не мог, – сказала Пенелопа. – Никто не может. Они слишком сильны... Сюда невозможно подобраться. Но ты... Но ты пытался. Ты настоящий герой, Юлиан Раньери.

– Какой же я герой, – отмахнулся было Юлиан. – Я же и сам оказался в этой яме. Я и сам оказался побеждён.

– Но не оставил меня одну, – ответила Пенелопа и ещё крепче обняла его.

Она была ещё теплее чем обычно. И сам Юлиан старался передать ей столько своего тепла, сколько только мог.

– Кто этот ужасный человек? – спросила Пенелопа про

Молтембера. – Зачем я ему нужна?

– Это Молтембер, – поведал Юлиан. – И нужна ему вовсе не ты, а Ривальда Скуэйн.

– Миссис Скуэйн? – удивилась Пенелопа. – Ну а что тогда я здесь делаю? Почему именно я?

– Ты попала под горячую руку, Пенелопа. А Скуэйн не захотела тебя спасти. Теперь они думают, что она придёт спасти меня. Сорвенгер. Якоб Сорвенгер предал меня. Он работает на Молтембера. Скажи мне – Молтембер мучил тебя?

– Я не знаю, как объяснить, – ответила Пенелопа. – Он не бил меня и не пытал. Но заточил здесь на несколько дней. В холоде, грязи и темноте. Почти без еды.

– Значит, ты нужна ему живой. Как и я, – сказал Юлиан. – Мы должны выбраться отсюда!

– Ничего не получится. Я всё осмотрела здесь. Ни единой лазейки. И я совсем не могу пользоваться магией. Будто у меня вырезали Проксиму.

– Так и есть. Меня тоже её лишили.

Юлиан посмотрел вверх. Отсюда до металлической клетки, которой заменили люк, не менее пятидесяти футов. Многовато для прыжка. Высоковато для того, чтобы карабкаться. И впрямь в ловушке. Уж это-то Молтембер точно не мог не предусмотреть.

– И как же? – спросила Пенелопа. – Как же мы будем дальше?

– Не знаю. Но я не позволю кому-то из нас умереть.

Эти слова были сказаны скорее сердцем Юлиана, чем остатками прагматизма в его разуме. Он отлично понимал, что надеяться они могут на чудо, плывя по течению и дожидаясь дальнейшего развития событий, на которые они никоим образом не могли повлиять. Но то знал Юлиан, а Пенелопе было необходимо хоть во что-то верить.

Так они и остались сидеть вдвоём, не выпуская друг друга из крепких объятий и слепо ожидая светлого будущего. Никаким светом впереди и не пахло, лишь ночная темень окутывала клетку. Сверху не доносилось никаких звуков, словно все, кто находились там, вдруг дружно решили поспать, предпочтя забыть про все свои хлопоты и смятения.

Юлиан сбился со счёта времени и уже не представлял даже приблизительно, который сейчас час. С равной вероятностью могло быть и восемь часов вечера, и два часа ночи. Незаметная поездка на поезде длительностью аж в четыре часа тем паче сбила его с толку, не давая выстроить никаких предположений. Знал он только одно – когда Юлиан и Сорвенгер покидали Свайзлаутерн, солнце только садилось за горизонт, а значит, было не более шести вечера.

И кто знает – вдруг поезд отвёз их так далеко, что сейчас они находятся и вовсе в другом часовом поясе? Вдруг они подводным каналом примчались в Америку, и именно поэтому во время поездки за окнами была непроглядная темень?

Однако через пару часов люк в виде клетки отворился, и сверху в лунной клетке показалось какое-то лицо.

– Вы живы, господа? – послышался голос Молтембера, однако в подвал глядел не он.

– Живы, – ответил вместо пленников вервольф, который смотрел на них сверху.

– Тогда вытаскивай их оттуда, – сказал Молтембер. – Время пришло!

После этих слов Молтембер злостно захохотал, чем окончательно придал себе клоунский вид. Клоунский вид, но не клоунскую натуру. Смеяться над сегодняшним вечером настроения не было.

Едва ли не на голову Юлиана упала ветхая веревочная лестница, которую вервольфы планировали использовать в качестве спасительного каната.

– Я первый, – вырвался в бой Юлиан и уцепился за ступеньку на уровне своих плеч. – Если меня там сразу не убьют, то лезь и ты, – обратился Юлиан к Пенелопе и принялся карабкаться наверх.

Что Молтембер замыслил такого, что ему понадобился Юлиан?

– Поторапливайся! – буркнул сверху вервольф, но это не придало ему сил.

Когда Юлиан наконец вытащил голову на воздух, то обнаружил, что ничего существенно на крыше не изменилось. Молтембер всё так же хаотично расхаживал по поверхности,

а Сорвенгер хмуро и неподвижно стоял на месте, не осмеливаясь и бросить мимолётного взгляда на своего господина.

– Зачем я здесь? – спросил Юлиан, едва ощутив на себе взгляд Молтембера.

– Вытаскивайте уже девчонку! – Молтембер предпочёл отвечать не сразу. – Уже половина одиннадцатого, юный Монроук, а я не вижу здесь никакой Ривальды Скуэйн. Час расплаты настал! Вытаскивайте уже девчонку!

Выбравшись окончательно, Юлиан посмотрел вниз на дрожащую от страха Пенелопу.

– Ничего не бойся, – сказал он ей. – Ты должна подняться, иначе нам обоим будет хуже.

Он не стал говорить, что ничего не случится и их отпустят. Пенелопа не была дурочкой и сама всё отлично понимала. И знала, что довериться Юлиану и выжить – не одно то же. Но выхода у неё, как и у самого Юлиана, не было.

– Она уже лезет, – сообщил юноша Молтемберу, надеясь, что Пенелопа будет карабкаться как можно медленнее.

Он всё ещё втайне надеялся на что-то. Например, на явку Ривальды с повинной.

– Почему именно сейчас? – спросил Юлиан, осмелившись сделать пару шагов вперёд в направлении Молтембера.

– Разве ты не знаешь, что Роковые Часы работают только в полночь? – удивился злодей и полез за чем-то в карман.

Как Юлиан и ожидал, Молтембер вытащил оттуда небольшие серебристые карманные часы на длинной цепочке.

– Да, я заметил эту закономерность.

Но не придал ей никакого значения. Это Юлиан ему не сообщил. Значило ли это, что у него и Пенелопы есть ещё полтора часа?

– Так сказать, небольшой их изъян, – скривил нижнюю губу Молтембер и раскрыл роковое оружие. – В любое время суток я раскрываю их крышку, завожу на тринадцать оборотов и загадываю имя и внешность того человека, кто мне уже не угоден. Иначе говоря – представляю его. С этого момента в душе этого несчастного поселяется бурный страх и тревога. Смерть буквально ходит за ним по пятам. Он не видит её, но отчётливо ощущает. Какая изощрённая пытка! Ровно в полночь же бедняга умирает от внезапной остановки сердца и ни один врач или алхимик не сможет установить причину смерти. Красиво, да?

– То есть, убить они могут только одного человека в сутки? – предположил Юлиан.

– К сожалению, именно эта модель – да.

– И кого же они убьют сегодня? Меня, Пенелопу или Ривальду Скуэйн?

Молтембер сначала непонятым взглядом посмотрел на Юлиана, а потом вдруг дико расхохотался.

– Я не собираюсь тратить силу этого артефакта на столь жалких созданий, как ты или фрейлейн Лютнер, – сказал он, едва только наигранный смех прекратился. – Быть может, мне он и не понадобится вовсе. Итак, уже 22:28, а Ривальды

Скуэйн я здесь не вижу!

Он огляделся по сторонам, изображая активные поиски своей бывшей любовницы. Само собой, это клоунада никакого результата не принесла.

– Девчонка здесь? – обратился Молтембер к Сорвенгеру. – Предлагаю начать с неё. Кто осмелится её убить?

– Нет, – вдруг задрожала нижняя губа Юлиана. – Только не она. Умоляю, не трогайте её! Убейте меня!

– Она первая здесь оказалась, – безжалостно проговорил Молтембер. – Ей же первой и умирать. Ну, так кто? Кто осмелится убить девчонку? У всех кишка тонка? Все вдруг стали жалостливы? Якоб, ты тоже настолько слаб, что у тебя не поднимается рука?

Все вокруг молчали.

– Что ж. Тогда я исполню приговор сам.

Теперь его лицо уже не изображало никакой радости. Он вытащил из-под плаща длинный блестящий кинжал и окинул его своим взглядом.

Что вообще Молтембер собирается вернуть из Эрхары? Он здесь, во плоти, живой и невредимый. Он вполне силён физически, а душа ему и не нужна.

Верфольфы толкнули плачущую Пенелопу прямо в руки Молтембера, не обращая никакого внимания на истошный и отчаянный крик Юлиана.

– Любовь погубит тебя, юный Монроук, – сказал Молтембер, сжимая одной рукой Пенелопу, а другой рукой кин-

жал. – Меня же погубила. А ты не хочешь повторить мою судьбу.

Юлиан кинулся прямо на встречу Молтемберу, желая хоть как-то предотвратить его план, но уже через половину секунды вервольфы схватили его сзади, и, больно сжав, не желали отпускать.

Мир замер. Какие-либо звуки перестали иметь для Юлиана смысл. Всё перестало иметь для него смысл, даже он сам. Его сердце вот-вот вырвет из груди, потом обратят в лёд и разобьют на мелкие кусочки. И тогда он не повторит судьбу Молтембера. Тогда он станет ещё хуже, чем он. Юлиану никого не будет жаль. Он не сломается, он лишится души.

Но, прежде чем Молтембер нанёс роковой удар, его самого что-то отвлекло. Словно что-то ударило сзади и заставило сменить гримасу на только что испытавшую какой-то шок. Он получил ещё один удар сзади, после чего кинжал упал из его рук, а сам он подкосился на одно колено.

Сзади, с окровавленным мечом и безжалостным лицом стояла Ривальда Скуэйн. Казалось, что она и наслаждается смертью бывшего любовника, и тоскует по этому факту.

– Как ты оказалась здесь? – яростно спросил Сорвенгер. – Ты должна была приехать сюда на поезде и потерять все свои силы! Как ты узнала, где находится это место?

Пенелопа, освободившись от захватов Молтембера, сама подкосилась и упала возле его уже бездыханного тела. Только вот она дышала и не собиралась это прекращать.

– Ты слишком увлѣкся своей манией величия, Якоб, – гордо сказала Ривальда, наконец придя в чувство и опустив меч.

В этот момент из окровавленного меча Ривальды выскочил шарообразный пучок голубого света, который, немного покружив в воздухе, вдруг неожиданно завис и перестал двигаться.

Наверняка, это был осколок души Молтембера, его якорь. Но почему-то после его смерти он не растворился, как должен был, а оставался пульсировать в воздухе.

По лицу Ривальды мгновенно стало понятно, что всё пошло не по её плану. Хотя, честно говоря, Юлиан и сам не знал, как это работает, а оттого приходилось лишь строить догадки.

– Что это значит? – спросила она сама у себя.

– Поднимите её и закуйте в цепи! – скомандовал Сорвенгер. – Она думала, что перехитрила меня. Но это я перехитрил её.

– Не Аккур, – бормотала Ривальда, когда её заковывали. – Не Аккур... Двойник... Как я не догадалась... Не мог Аккур выглядеть так хорошо.

– Именно! – сказал Сорвенгер, приблизившись прямо к её лицу. – Светлая память Яну Поборскому, он отлично сыграл свою роль. Не правда ли – он отлично сыграл роль графа Аккура? Его последняя и, безусловно, самая яркая роль!

– Он актёр, – сказала сама себе Ривальда. – Всего лишь актёр. Но готовый на хладнокровное убийство...

Поняв, что никто не смотрит на неё, Пенелопа вскочила и снова отправилась в тёплые объятия Юлиана. Все понимали, что ничего не кончено, и, более того, всё только началось, но для Пенелопы и Юлиана это не имело никакого значения. Для них имели важность только они сами. Только их близость и тепло друг друга.

– Что случилось? – шёпотом она спросила у Юлиана.

– Она пришла спасти нас, – ответил ей юноша. – Я не верил ей, а напрасно. Она обманула Молтембера, каким-то образом узнала, где он находится... Только обманули и её.

– Теперь точно конец...

– Сейчас он убьёт её и вернётся...

– Полно любовных соплей! – крикнул сзади какой-то вервольф, и силой вырвал Пенелопу из рук Юлиана. – Есть дела поважнее!

Юлиан приподнял взгляд и первым делом увидел безнадежно смотревшую на него Ривальду Скуэйн. Её держали едва ли не десять вервольфов, но она и не думала сопротивляться.

– Как ты это сделала? – спросил Сорвенгер, посмотрев на свои наручные часы. – Как ты это, Меркольт бы тебя побрал, сделала?

– Ты не смотришь дальше своего носа, – тихо ответила она. – Это ведь я позволила Юлиану добраться сюда. Я! Это не твоя заслуга. На его шее отслеживающий амулет. Поэтому я прибыла сюда не на поезде, и это не лишило меня Прокси-

мы. Я прибыла сюда просто словно по стрелке компаса.

Юлиан прикоснулся к своей груди и обнаружил, что он так и не снимал всё это время оберег, дарованный ему когда-то Ривальдой Скуэйн. Он оказался не только защитой, но и путеводной нитью.

– Побрякушка! – крикнул один из вервольфов, державший Юлиана и сорвал амулет с его шеи.

– Право, низкий тебе поклон, – сказал Сорвенгер. – Какая изошрённая находка. Но какой в этом прок, если ты проиграла?

– Я была близка...

– Молчи уже! Время дорого, к делу! – скомандовал он вервольфам и вскинул руки вверх.

Все закопошились и совершенно не обращали внимания на безжизненное тело Яна Поборского, которого ещё несколько минут назад величали Молтембером. Он был для настоящего Молтембера всего лишь игрушкой, аргументом для достижения цели, пешкой в игре... Тогда Юлиану стало даже немного жаль этого двойника. Он ведь такая же жертва.

Теперь стало понятно, почему он выглядел так нелепо для злодея. И почему был таким живым.

А дальше всё было как во сне – ватного Юлиана волокли вниз по лестницам, он не замечал ничего, кроме каменных стен и далеко не был уверен, что Ривальда и Пенелопа живы.

Уже внизу, на сухом и холодном пустыре, вервольфы образовали большой круг, и тогда Юлиан немного пришёл в

себя. Пенелопа и Ривальда были всё ещё живы, пусть и не в лучшем своём состоянии. Их берегли для какого-то важного дела. Другого дела.

Сорвенгер встал в самую середину круга и снова начал бормотать непонятные заклятья.

– Как ты собираешься телепортироваться отсюда? – спросила у него Ривальда.

– В этот раз я знаю конечный адрес. А адреса Крестовой Цитадели граф Аккур мне никогда не давал.

И, прежде чем Ривальда успела что-то ответить, а Юлиан что-то понять, все они снова оказались в тёмном адском вихре, засасывающем их всё глубже и глубже в непонятные свои недра. Они сужались до размера игольного ушка, но это самое ушко тоже становилось меньше и не собиралось пропускать их. Но в итоге сдалось.

Сорвенгер, Юлиан, Пенелопа, Скуэйн и ещё пара вервольфов оказались на крыше другого высоченного здания. А снизу простирался Свайзлаутерн. Во всей своей красе.

Юлиана вновь чуть не вырвало. Телепортацию он переносил не самым лучшим образом.

– Что это за место? – в суматохе спросил он и приподнял голову наверх. Вроде все были живы.

– Не притворяйся, что не знаешь, – прошептала Ривальда, которая находилась ближе всех к нему.

– Центральные Часы Свайзлаутерна! – торжественно возвестил Сорвенгер, даже приподняв руки вверх.

21. Кульминация

"Некоторые войны заканчиваются так, что неизвестно, кто победитель."

Юлиан Мерлин, ноябрь 2010

Юлиана и Пенелопу уже никто не удерживал. Враги справедливо рассудили, что с крыши Центральных Часов бежать им никуда не удастся, потому никакой опасности они уже не представляют. О существовании их двоих, казалось бы, все давным-давно позабыли.

Другое дело – Ривальда Скуэйн. С неё не спускали глаз, так как всё ещё верили, что она может выкинуть какую-нибудь роковую штуку, которая испортит всё.

Юлиану всегда хотелось увидеть столь большой город, как Свайзлаутерн, с такой колоссальной высоты, но явно не при таких обстоятельствах. Несмотря на ночь, Юлиан видел каждое здание этого города, даже каждую башню Академии принца Болеслава.

И символично, что в этот момент он находился именно с Пенелопой. Потому что то, что происходило сейчас, было действительно идеальным свиданием. Вернее говоря, было бы им, если убрать отсюда Сорвенгера и пару десятков вервольфов. А так же висящее прямо в воздухе овальное зеркало высотой едва ли не в человеческий рост.

Однако, это зеркало ничего не отражало, и сквозь тьму,

которой оно было наполнено, показался силуэт. С головы и до пят этот силуэт был окутан в потёртый и местами порванный коричневый плащ. Но и через этот плащ было явно заметно его аномальную худобу.

Молтембер?

– Я ждал тебя, дорогая, – произнёс металлический голос, так и не повернув головы. – Даже скучал. Скажи мне, а ты скучала по мне?

Ривальда помялась несколько секунд, но затем едва слышимым голосом пробормотала:

– Скучала.

– Обняла бы меня, как раньше, если бы я не находился по другую сторону? – пафосно спросил Молтембер. – Предалась бы эмоциям и забвению, как это было пятнадцать лет назад? Этот отрезок времени был лучшим в твоей жизни. Не так ли?

– Был до тех пор, пока я не узнала правду, – уже более громким голосом сказала Ривальда.

– Какую правду? Чем эта правда напугала тебя?

– Не заставляй меня повторять это снова. Открытие ворот альтернативного ада, уничтожение Парламента, контроль над Сообществом...

– Ты солжёшь, если скажешь, что не разделяла моих идей. Я сотни раз повторял тебе, что мы похожи друг на друга больше, чем кто-либо. За исключением одного. Я не умею предавать. А у тебя это хорошо получается.

Ривальда дёрнула правой рукой, словно попыталась вырваться из захвата, но ничего у неё не получилось.

– Я не предавала то, за что сражалась всю свою жизнь. Я и ещё несколько человек спасли Сообщество от ужаса вроде тебя, и я всегда буду гордиться этим.

Юлиан ждал, когда Молтембер повернётся и откроет своё лицо, но этот момент так и не наступал. Чего он ждал?

– Гордиться предательством, – процедил Молтембер. – Ничего более мерзкого в жизни я не слышал. Ничего более лицемерного. Пожалуй, кроме твоих слов о любви.

– Я любила тебя! – крикнула Ривальда.

– И любишь сейчас. Я слышу дрожь в твоём голосе. Но, в то же время, и фальшь. Ты снова пыталась убить меня. Пыталась обмануть меня. Как повезло, что я знаю тебя настолько хорошо, что больше не смогу позволить себе повестись на обман. Не попадусь в твои ловушки, потому что знаю, как они устроены.

– Я сделала всё, что могла, – сказала миссис Скуэйн. – И горжусь тем, что хотя бы пыталась.

– Я выражаю тебе своё почтение, – перебил её Молтембер. – Твой план был очень хорош. Не только по своей идее, но и по содержанию и исполнению. Перенесла часть моей души, что хранилась в тебе, в меч и убила им Поборски. Да, это убило бы меня. Но, к сожалению... Не все мечты сбываются.

Под эти пламенные речи Юлиан даже не заметил, как к Молтемберу приблизился Сорвенгер с вытянутой ладонью,

над которой парировал голубой сгусток души Молтембера.

Почувствовав приближение, Молтембер обернулся, и все наконец-то увидели его лицо.

Да, с Поборским тут не было ничего общего.

Если бы ужас имел лицо, то он имел бы лицо Молтембера. Да и не лицо это было вовсе, а череп, обтянутый тонкой-тонкой иссохшей кожей. Выделялись только ярко горящие и блестящие жёлтый глаза, пронизывающие всех вокруг такой яростью и злостью, что более чем на мгновение в них заглянуть было невозможно.

Более того, если смотреться во весь этот ужас, то можно было заметить, что Молтембер просвечивает.

Выходит, призрак. Субстанция, застрявшая между землёй и адом. Душа, не нашедшая себе покоя.

– Спасибо, Якоб, – ответил он и протянул руку в ответ. – Спасибо тебе за мой якорь.

Он прислонил руку к внутренней стенке стекла и сделал вид, будто прикасается к сфере. Разумеется, межпространственный барьер не позволял ему это сделать.

Шар немного увеличился в размерах, однако так и остался парить в воздухе. Юлиан ожидал, что сейчас случится единение призрака Молтембера и его души, но этого не случилось.

– Моя мечта об избавлении от этой черни наконец-то сбылась и это самое главное, – произнесла Ривальда. – Оно отравляло меня все эти годы. Портило мою жизнь. Осквер-

няло само мироздание.

– Я рад за тебя, – сделал вид, что успокаивает возлюбленную Молтембер. – Всё равно не достойна носить в себе то, что всё это время делало тебя сильнее. Но твой план... Как одинокий разум мог всё это распланировать? Так включить в свои соображения юного Юлиана Мерлина. Да так, чтобы он ещё ничего и сам не понимал.

– Что это значит? – вмешался в разговор Юлиан. – При чём здесь я?

– Мне пришлось использовать тебя, Юлиан, – сказала Ривальда. – Ты появился именно тогда, когда это было необходимо. Словно сам нарвался на ту роль, которую тебе пришлось исполнить. Я умышленно разрушала твою репутацию. Умышленно сделала так, чтобы ты оказался первым подозреваемым в убийстве Грао Дюкса.

– Но зачем? – удивился обескураженный Юлиан.

– Потому что уже тогда я догадывалась, кто такой Якоб Сорвенгер и зачем он здесь. Я сделала вид, что считаю виновным тебя, чтобы усыпить его бдительность. Чтобы он и дальше верил в то, что его план работает и однажды ошибся.

– И когда же ты поняла это? Поняла, что это был я? – спросил из-за спины Сорвенгер.

– Ты с самого начала вызывал у меня подозрения, – уверенно ответила ему Скуэйи. – Чем именно? Своей безупречностью. Ты был просто-таки безупречным комиссаром. Всегда заранее всё знал, всегда был уверен во всём. Никогда

не слушал меня, потому что заранее знал, права я или нет. Мои же подозрения окончательно развеялись после того, как Юлиан оказался в следственном изоляторе. А именно – после покушения Эдварда Арчера на него.

После этих слов Сорвенгер нахмурил брови, сжал глаза и стал пристально и внимательно слушать. Скорее всего, он услышал от Ривальды то, что никто не ожидал услышать именно от неё.

– Очевидно, что Арчера кто-то заколдовал, – продолжила Скуэйн, всё больше и больше вгоняя Сорвенгера в ступор. – А мы все знаем, что на территории участка магия не работает. За редким исключением. Защиту может снять на какое-то время только один человек. Начальник участка. Ты отключил защиту, Якоб, и наложил заклятие на Арчера. Но тем же самым ты спас и Юлиана, потому что с отключением защиты активировался и его защитный амулет.

– Моя ошибка, – признал Сорвенгер. – Моя ошибка, но никоим образом не твоя гениальность. Всё тоже самое мне пересказал и юный Мерлин, только более поверхностно. Расскажи мне ещё, что я специально посадил Иллиция в камеру к Штрассеру, что я специально отпустил Иллиция... Всё это мы знаем.

– Но суть свелась к одному, – сказал Молтембер. – Несмотря на некоторые сложности и твоё сопротивление, ты здесь. И я забрал у тебя то, что хотел.

– Ты получил его! Чего же ты ждёшь дальше? – крикнула

Ривальда, снова попытавшись вырваться.

– Потерпи. Дай насладиться мне моментом моего триумфа.

– Когда злодей слишком долго хвалится собой, прежде чем совершить своё злодеяние, появляется что-то, что мешает ему, – сказала Ривальда.

– Да, мы много это обсуждали. Но кое-какие вещи не подвластны даже мне. *Например, время.*

– Часы работают только в полночь! – выпалил Юлиан, надеясь, что кто-то вспомнит о его существовании.

– Да, – сказал молчавший так же Сорвенгер. – А у нас ещё аж двадцать две минуты. Достаточно для того, чтобы господин и миссис Скуэйн поговорили друг с другом.

– Мы же не просто так здесь, – продолжил свои вольные думы Молтембер.

– Двадцать две минуты до чего? – в ужасе спросил Юлиан.

– Ты всё понимаешь, – ответил ему Молтембер. – Ты всегда понимал всё, но слишком часто тебе не хватало смелости это признать. Шестнадцать лет назад я пытался принести в жертву Эрхаре ваш жалкий Парламент. И я принёс, но это не покорило сердца властителей ада. Знаете ли, недостаточное зло. Слишком маленькое. Злодей-неудачник. Злодей-ребёнок. Именно так меня окрестили тогда. Именно таким я считал себя, несмотря на то, что никогда ранее не считал, что творил зло. И, что ещё более опозорило меня, в итоге я и сам оказался пленником Эрхары. Сначала я думал, что это

конец. Но потом я неожиданно понял, что находясь там, я оказался куда ближе к их господам. Все эти годы я пытался добиться аудиенции с ними до тех пор, пока мне это не удалось. Я заключил с ними сделку, и они не смогли отказаться.

– Какую ещё сделку? – презрительным голосом спросила Ривальда.

– Много лет назад я пытался получить их армию. Чёрных Рыцарей. Тогда мне не пришлось бы прибегать к помощи людей, которые имеют свойство умирать и предавать. Но мне не удалось договориться. Теперь же... Теперь они не смогли мне отказать.

– Что ты предложил им? – негодовала Ривальда.

– Почему ты считаешь, что я должен выкладывать тебе весь план перед тем, как убить? Насмотрелась дешёвых фильмов?

Нижняя челюсть Юлиана задрожала сама собой, потому что он действительно всё понимал. Возможно, что не совсем так, как должен был понимать. Возможно, что мотив он до конца и не понимал. Но понимал исход. Понимал, что он будет означать.

– Ты хочешь принести в жертву весь город? – робко спросил он и крепко-крепко прижал к себе Пенелопу, словно намеревался этим самым объёмом защитить её от всех невзгод.

– Я рад, что ты понял, – ответил Молтембер. – Но немного не так, как оно на самом деле есть. Я не совершаю злодей-

ства ради злодейств. В природе любого человека нет желания убивать своих же собратьев. Но есть такое понятие, как вынужденная мера. Кто-то должен выполнять малое зло во имя большого блага. Две тысячи непобедимых Тёмных Рыцарей помогли бы мне свергнуть всю нынешнюю гнилую власть и подарить мир тому, кому он принадлежит по праву – народу. Ривальда тоже всё поняла, но только слишком поздно.

– Нельзя. Так не должно быть. Это не стоит того! Это пятьсот тысяч живых людей! – крикнул Юлиан, заставив тем самым вздрогнуть Пенелопу.

– Не пятьсот, – ответил Молтембер. – Всего лишь сто. Да, я торговался за ваш город и мне предоставили минимальную цену. Сто тысяч самых грешных душ вашего города. Хотя сердцем я и хотел бы сжечь весь этот город. Город, предавший меня. Город, который всегда лжёт. Ты же и сам, юный Монроук, уже удостоверился в этом!

Внутри Юлиана разразился столь великий гнев, что обладал бы какой-либо великой силой, всё вокруг начало бы рушиться. Люди и вервольфы начали бы плавиться на глазах, стены обращаться в пыль, а всё оставшееся – гореть.

Но всё это происходило только в мыслях Юлиана. В действительности же он не мог даже уберечь Пенелопу. И, к великому горю, всё это отлично понимал.

– Вскоре ты поймёшь, что это того стоит, Юлиан Андерс Мерлин, – грозно проговорил Молтембер.

Юлиан молчал. Спорить с фанатиком не было никакого

смысла, особенно тогда, когда он уже давно сделал свой выбор.

Не найдя в себе желания дальше что-то доказывать Юлиану, Молтембер переключил взгляд своих жёлтых глаз на Ривальду.

– Нравится моё обличие? – спросил Молтембер у бывшей возлюбленной, лицо которой буквально скосилось от комбинации жалости и ненависти.

– Это был твой выбор, – сухо произнесла она.

– Мой ли? – воскликнул Молтембер. – Это ты сделала меня таким! Ты обратила меня в почти бестелесный дух! Без какого-либо подобия физической или магической силы! Я не могу ничего! Абсолютно ничего! Только летать, смотреть и наблюдать за тем, как всё, во имя чего я сражался, разрушается. Погибает всё, что я когда-либо любил. Не правда ли, лучше я выглядел в обличии Яна Поборски! Но ты и его отняла у меня!

Гримаса Ривальды уже через несколько секунд сменилась на полное равнодушие. Она смотрела своими полужакрытыми глазами в ужасные глаза Молтембера, но не отводила взгляда ни на секунду. Она не боялась. Она перестала бояться чего-либо.

– Однако твоё существование позволило и мне продолжить своё, – продолжил свой монолог Молтембер, так и не отводя своих ужасных глаз от застывшего лица Ривальды. – Одно только удручало. Я был привязан к тебе. Я черпал силы

из тебя. Я не мог находиться далеко от тебя. Якоб был чем-то вроде связующего звена между мной и тобой. Он часто находился возле меня, часто находился возле тебя. Это позволяло поддерживать связь между нами. Но знаешь, как сильно это удручает? Ведь моя свобода полностью ограничена! Я не могу делать всего того, что хочу. Не могу бывать там, где я хочу. Когда я терял связь с тобой, меня снова откидывало в Эрхару. И Якобу приходилось проводить изнурительные обряды возвращения меня обратно. Всякий раз он терял часть своих сил, и всякий раз всё меньшая часть моей души возвращалась обратно. Я уже начинал бояться, что следующий раз может стать последним. Но последний раз не наступил.

– Он наступит, – наконец проявила голос Ривальда. – Не сегодня, так когда-то.

Молтембер на какое-то время отвёл взгляд от Ривальды, посмотрев зачем-то на Юлиана и Пенелопу.

– Я однажды умер, – сказал он. – Один. Без тебя. Теперь твоя очередь.

– Если ты считаешь, что поступаешь правильно, то делай со мной всё, что заблагорассудится.

После этих слов Ривальда закрыла глаза и чуть приподняла подбородок вверх, словно оголяя свою шею под укус вампира.

Молтембер, казалось бы, замялся, потому что с половину минуты думал, что сказать. После чего он наконец сформулировал:

– Я вырву твоё холодное сердце из твоей груди своими горячими руками и съем его! Только после этого ты поймёшь, что ощущал я! Ведь именно это ты сделала со мной пятнадцать лет назад!

– Помяни моё слово, Акрур, – сказала Ривальда, не открыв глаз. – Ты борешься только за себя, а я за весь город. Именно поэтому я всегда буду на шаг впереди тебя. Я не побоюсь пожертвовать собой для того, чтобы победить. А для тебя пожертвовать собой – значит проиграть! – выпалила на прощание миссис Скуэйи и приготовилась к неизбежному.

Казалось, Молтембер медлил с задуманным. Казалось, ему и самому было страшно сделать этот шаг. Будто он надеялся на то, что случится что-то, что позволит ему это не делать.

Как же наивно было полагать, что у этого полуистлевшего призрака ещё остались какие-то эмоции.

– Я любил тебя, – сказал Молтембер. – И мне жаль это делать. Но ты сделала свой выбор. Пришла пора платить.

Он развернулся и поплыл куда-то. Ривальда стояла в недоумении. Сейчас что-то случится или всё уже в прошлом?

– Якоб, исполняй свой долг, – сказал Молтембер Сорвенгеру, когда отдалился уже достаточно.

Сорвенгер неторопливо моргнул и сделал шаг в сторону Ривальды. Приблизившись к ней, он остановился, словно ожидая какой-то исповеди.

– Ты была самой великой, но умирают и самые лучшие, –

сказал он ей.

– И такие, как ты, – ответила она ему.

Похоже, что это немало смутило Сорвенгера, потому что после этих слов его рука со скоростью света вонзилась в грудь Ривальды, буквально проделав в ней огромную кровавую дырку. Она даже не успела закричать. Всё, что смогла сделать несчастная миссис Скуэйп – это изобразить удивлённую гримасу, в особенности в области глаз.

А Сорвенгер сжимал в своей руке большое, кровавое и всё ещё бьющееся сердце.

Раздался отчаянный крик Пенелопы, который привёл в ужас и Юлиана.

Тело Ривальды с грохотом упало на каменный пол. Это определённо был конец. Последняя надежда Юлиана и Пенелопы только что замертво рухнула, лишившись сердца.

– Словно в себе дырку проделал, – презрительно произнёс Сорвенгер, после чего брезгливо посмотрел на сердце и выкинул с крыши.

– Я вижу, ты довольно стойко воспринял это, юный Юлиан Мерлин, – с улыбкой произнёс Молтембер.

На небе заиграли молнии, и шар в его руке тоже начинал искриться.

– Это уже третья смерть, которую я вижу за последнее время, – выдавил из себя юноша, хотя переварить случившееся до конца ещё не смог.

– Не тот послужной список, чтобы гордиться, – сказал

Молтембер и повернулся к своим подчинённым. – Ну вот и всё! Теперь следует лишь немного подождать, и ваш господин наконец вернёт себе свою плоть, свой дух и свои силы.

Молнии начинали бить всё сильнее, шар возле Молтембера стал превращаться в сгусток бешеной энергии, и, когда происходящее начало достигать своего апогея, огромный разряд молнии ударил прямо в зеркало. Вернее, и не в него даже, а в его якорь.

После этого небо стало столь же безобидным, что и раньше, а на месте удара молнии образовалась рытвина.

Зеркало было расколото на тысячи осколков, а в самой середине рытвины находился человек, очень похожий на Яна Поборского, однако выглядел он заметно старше, и, несмотря на сходные черты лица, на клоуна похож не был.

Юлиан ощущал бешеное сердцебиение Пенелопы. Он начинал бояться, что сейчас оно выскочит из её груди, и Юлиан потеряет ещё одного близкого и родного человека.

– Слава господину, – сухо произнёс Сорвенгер, однако через секунду его буйным рёвом поддержал отряд вервольфов.

– Не время для бравад, – перебил их Молтембер и обернулся к Юлиану и Пенелопе. – У нас меж тем осталось всего лишь четыре минуты. Я вообще не знаю, что вы делаете здесь!

– Если я правильно понял, через четыре минуты это кончится, – сказал Юлиан.

– Да, ты правильно понял. Но не для тебя, юный герр Мер-

лин. Ты меня покори́л. Я хочу видеть тебя подле себя. Поэтому прокля́тье обойде́т тебя стороной. Знаешь, почему мы находимся на крыше самых больших часов Свайзлаутерна?

– Наверное, вы перенесли в них силу Роковых Часов, – предположила Пенелопа.

– Какая сообразительна девочка. Да, ты понравилась мне, и при других обстоятельствах я бы оставил тебя. Но не при тех, когда ты являешься едва ли не единственной слабостью Монроука. Любовь губит горячие сердца, увы. Без неё тебе будет легче, юный Юлиан. Понимаю твой гнев, но со временем тебе станет лучше. Если нет любви – никто не вырвет тебе сердце!

– Убей лучше и меня, – собрав всю волю в кулак, проговорив Юлиан, прижав Пенелопу к себе уже до невозможности крепко. Так можно и кости поломать. – Если ты лишишь меня Пенелопы, но оставишь в живых меня, пожалеешь об этом. Однажды я приду за тобой и вырву уже твоё сердце.

– Какие пафосные речи, – перебил его Молтембер, изобразив что-то руками. – Тебе следует правильно учиться говорить и мыслить. Я научу тебя. Нас и наш новый мир ожидает великое будущее. Всего лишь сто тысяч людей. Плохих людей. Взамен мы спасём миллиарды.

Юлиан промолчал. Он мог бы снова распалиться в речах с угрозами, но всё это было бы только словами и ничем более. С Ривальдой умерла его последняя надежда спасти Пенелопу.

– Да начнётся обратный отсчёт! – воскликнул Молтембер, после чего взмахнул рукой и создал в ночном воздухе огромное летающее зеркало, на котором отражался циферблат Центральных Часов.

Оставалась ровно минута.

– Сейчас все в панике, – сказал Молтембер. – Все предчувствуют скорую гибель. Фрейлейн Лютнер, вероятно, тоже. Как это символично – под бой курантов люди будут умирать!

Оставалось тридцать секунд. Юлиан не замечал в Пенелопе никакой паники, только обречённость и бешеное биение сердца.

– Всё будет хорошо, – прошептала она ему и поцеловала на прощание.

Прощание? Пора прощаться? Через несколько секунд её не станет? Нет, этого не может быть. Юлиан не смирится с этим!

Хотя кто его спросит ровно через восемь секунд?

Обратный отсчёт... Семь... Шесть... Пять... Четыре... Три... Два... Один... И...

Снова два. Почему два? Ровно за секунду до полуночи часы вдруг остановились и пошли в обратную сторону.

– Как это возможно? – в исступлении спросил Молтембер.

"Прыгай" – неожиданно раздался голос Ривальды прямо из амулета Юлиана, и её образ привиделся ему в последний раз.

Пенелопа, похоже, ничего не слышала. Но она была жива.

И другого выхода не оставалось. Только лететь. Навстречу ветру. Всяко там, в полёте, хуже уже не будет.

Он схватил её, прошептал что-то вроде "доверься мне" и прыгнул вместе с ней.

Но полёт был недолгим. Стремительно летящий дракон подхватил их буквально сразу же и усадил на свою огромную рыжую спину.

– Драго? – удивился Юлиан, не в силах поверить, что он так незаметно вырос за это время настолько, что мог переносить на своей спине сразу двоих почти взрослых людей.

– Что это такое? – спросила Пенелопа.

– Миссис Скуэйн заботится о нас и после...

Договорить он это не успел, потому что в это же мгновение сзади раздался громогласный взрыв Центральных Часов. Дракон еле-еле успел покинуть эпицентр взрыва, тем самым не дав в обиду своих всадников.

– Что случилось? – спросил Юлиан сам у себя и обернулся.

Пенелопа не дала ему договорить. Она развернула его всеми своими силами к себе и принялась яростно целовать.

22. Реквием

"Карты брошены на стол, но я не вышла победителем из этой игры."

Ривальда Скуэйн, ноябрь 2010

Лиам Тейлор кропотал за книгами, ища в них информацию для грядущих конспектов, когда дверь в его кабинет без стука отворилась.

Поднимать головы, для того, чтобы узнать, кто это, смысла не было никакого. Без стука в этот кабинет заходил только один человек. И в этот раз это снова был он. Вернее говоря, она.

– Я рада, что ты ждёшь меня, – сказала миссис Скуэйн и тихо прикрыла за собой дверь.

– Ещё бы, – недовольно огрызнулся мистер Тейлор, посмотрев поочерёдно на наручные часы и на настенные. – Ночь на дворе, а я всё в академии. Меня дома сын ждёт...

– Он справился, – перебила его Ривальда и села за стол напротив него.

Мистер Тейлор снял свои очки, которые использовал исключительно для чтения и положил на стол. Читать сегодня больше вряд ли пришлось бы.

– Ты про Юлиана Мерлина, – максимально изображая непонимание, кивнул мистер Тейлор. – У тебя хватило смелости и бесчеловечия...

– Не время для нотаций, – остерегла его Ривальда. – Сейчас на кону нечто большее, чем спокойный сон мальчика.

– И чем его жизнь...

– Молтембер не убьёт его. Я это знаю точно. Но теперь, – она вытащила из-под воротника невыразительный, несвойственный остальному её гардеробу, кулончик. – Теперь я знаю, где находится Молтембер.

– Отследила...

– Да. Всё вровень так, как я и хотела.

– Отправишься вслед за ним? – спросил мистер Тейлор, сделав голос чуть потише.

– Разве у меня есть другой выход? Я всё это начала. Мне всё это и заканчивать.

Мистер Тейлор привстал из комфортного стула и сделал пару кругов вокруг стола, предварительно надев очки.

– Тебе не справиться, – сказал он. – Отправившись к Молтемберу, ты сделаешь всё так, как он и хочет.

– Разве? Он хочет, чтобы я добралась до него через депо, на поезде, который едет не пойми куда. И в котором я потеряю Проксиму и буду бессильна.

– Даже имея силу, одной тебе не справиться, – проговорил мистер Тейлор. – Ты знаешь, у кого черпает силы Молтембер. Да-да, у тебя. И рядом с тобой его силы будут такими же, как и твои.

Пока мистер Тейлор всё так же беспечно ходил по кабинету, Ривальда схватила его чашку с чаем и немного отпила.

– Даже если мне не удастся его убить, Лиам, – сказала она. – Если он убьёт меня, разве мы проиграем? Тогда он погибнет и сам. Не отправится в Эрхару, а просто умрёт.

– Ты думаешь, что он не знает того, что знаем мы?

– Он не знает того, что я провела Сорвенгера

– Тише! – кинулся мистер Тейлор к ней и прижал свой указательный палец к её губам. – У стен есть уши.

– Если бы он знал об этом, Сорвенгер был бы уже мёртв.

Кому, как не мне знать, как он наказывает за ошибки?

– И то верно, – согласился с ней Лиам и наконец присел обратно.

Он инстинктивно потянулся за своим чаем, но, обнаружив его там, не особо расстроился.

– И это остаётся нашим козырем. Я применю эффект неожиданности и постараюсь его убить его же душой. Если не получится и я проиграю... Он тоже умрёт.

– Я правильно понял? Ты идёшь на жертву? – удивился мистер Тейлор.

Он постарался изобразить столь невообразимое удивление, что его глаза сами собой полезли на лоб.

– А что здесь необычного?

– Такой самолюбивый человек, как ты? Столь эгоистичный и социопатичный?

Ривальда немного смутилась, но Лиам Тейлор был одним из немногих людей, чьи слова никогда её не задевали за живое.

– Можешь посчитать это за пиар-ход, – сказала она. – Напиши статью, а в заголовке что-то вроде "Ривальда Скуэйн меняет имидж с мизантропа на защитницу слабых". Ты же хочешь этого, Лиам?

– Как бы ты не раздражала меня, терять тебя не очень хочется.

– Люблю слышать от тебя такие слова, – скупно улыбнулась Ривальда. – Но, если серьёзно, я пришла к тебе не просто так похвастаться своими намерениями.

Лиам Тейлор обречённо вздохнул и произнёс:

– Слушаю тебя.

– Ты правильно понял, что мне требуется твоя помощь. Какая? Я постараюсь сейчас объяснить.

Приготовившись слушать, мистер Тейлор снял с подставки чашку и наполнил её чаем. На этот раз для себя.

– Я получила сообщение от Молтембера, – сообщила Ривальда. – Не сказала бы, что сообщение было очень трогательным, но это был он. Он выглядел ровно так же, как в момент нашей последней встречи.

– Эрхара совсем не меняет людей? – удивился мистер Тейлор.

– Не приходилось проверять раньше, – ответила миссис Скуэйн. – Наверняка, какое-то колдовство.

– Например, Сорвенгер помог, – съязвил Тейлор.

– В союзниках у него не только Сорвенгер. Шпионов ловить придётся долго.

– Так что тебе сообщил Молтембер?

– Угрожал. Шантажировал. Поставил мне ультиматум.

Если я не явлюсь к нему с повинной, он уничтожит весь Свайзлаутерн.

– Но ты явишься к нему, – сказал мистер Тейлор. – Он получит желаемое и...

– То есть ты веришь слову Молтембера? Тебе приходилось знать его лично, в лицо, как я? Я знаю, что нет. А мне приходилось. Даже больше, но не будем раздувать эту тему. Молтембер не шантажирует. Он всё уже решил. Город будет уничтожен.

Лиам Тейлор застыл в глазах, всё ещё не веря умозаключению Ривальды. Он бы так и молчал, если бы миссис Скуэйн не окончила свой монолог.

– Если не вмешаешься ты, – аккуратно дополнила она.

Услышав это, Лиам сделал слишком большой глоток чая, чем обжёг язык и гортань. Но боль он по-геройски проигнорировал.

– Что я должен сделать?

– Чтобы уничтожить целый город с полумиллионным населением, маленьких Роковых Часов будет недостаточно. Тут нужно нечто большее. Силу часов нужно перенести в большие часы. Самые большие, что есть в городе.

– Центральные? – осмелился предположить мистер Тейлор.

– Именно они. И Молтембер с Сорвенгером именно это и

сделают. Независимо от того, что будет со мной, они попытаются убить всех в городе. Поэтому мы должны перестраховаться и опередить их на шаг. В моём доме, в подвале, есть большой запас взрывчатки. Я специально берегла его на этот случай.

– Безумие, – сказал мистер Тейлор. – Сколько же нужно отчаяния, чтобы взорвать Центральные Часы?

– Я знаю, что это вандализм. Часы стоят четыре сотни лет, они наша достопримечательность, но... Ты сам понимаешь.

– Тебе плевать?

– Не совсем. Но это единственный способ. У тебя есть ключи от моего дома. Джо ты не скажешь ни слова. Главное – успеешь до полуночи заложить взрывчатку под часы. Детонатор должен сработать за секунду до полуночи. И ещё. Часы не должны пробить полночь. Ты должен нарушить их механизм, чтобы в нужное время они остановились.

Мистер Тейлор с горечью почесал затылок.

– А так хотелось провести вечер с сыном, – пробормотал он. – А тут ты снова втягиваешь меня в свои игры. Рано или поздно я погибну. Слово даю, погибну.

– Главное, чтобы не сегодня. Считай, что своими сегодняшними действиями ты спасаешь жизнь своему сыну. Это ли не геройский поступок?

– Тоже мне нашла героя.

– Героев в городе только двое. Это ты и я.

После этих слов Ривальда словно на прощание улыбну-

лась. Лиам хотел поддержать её и своей улыбкой, но вышло что-то не до конца понятное.

Пришедшая спустя секунду в голову мистера Тейлора мысль не вызвала у него бурю восторга.

– Постой, – неожиданно выпалил преподаватель. – А что, если в это время там будешь находиться и ты? И... О нет... Там могут быть Лютнер и Мерлин.

– Могут, – кивнула Ривальда, словно понимая, к чему Лиам клонит.

– Ты предлагаешь мне вас всех убить?

– Мне этого всё равно не избежать. А заботы о Юлиане и Пенелопе оставь мне.

– Не избежать чего? – насторожился мистер Тейлор.

Ривальда явно не хотела поддерживать эту тему, но Лиам вынуждал.

– Ты всё понимаешь! – сказала она и вскочила со стула. – Лиам, не пытайся спасти меня. Это моё дело от начала и до конца. И ты сделаешь всё вровень так, как я тебе сказала. Для того, чтобы спасти Гарета, спасти город, спасти эту Академию.

Если бы у мистера Тейлора имелись усы, он на этом месте потрепал бы их. Однако ничего между носом и верхней губой не нашлось.

– Знаешь что? – сказал он. – А я не буду делать вид, что я лучше тебя. Я спасу город. И в случае чего... Ты должна знать. Мне будет не хватать тебя.

– Прощаешься со мной?

– Очень охота сказать "нет". Прежде всего, потому что я уверен, что оттуда ты выберешься живой. В одной руке ты будешь держать голову Молтембера, а в другой голову Сорвенгера. Сделай это для меня!

– Я не делаю что-то ради кого-то. Я делаю только ради города. Который я люблю. Ты этому городу нужен не меньше, чем я. Ты нужен Юлиану. Не оставляй его.

Лиам понуро опустил глаза вниз и привстал. Что делается в таких случаях? Следует жать руку или приобнимать на прощание? А может, позволить уйти ей по-английски? Или расплакаться навзрыд, и не пытаться скрыть своих настоящих эмоций?

Как бы то ни было, Ривальда знает это лучше мистера Тейлора.

– Слишком много требуешь от меня, – сказал он.

– Да. Но сделай это... Во имя моей последней воли. В таких случаях не принято отказывать.

И она резко отвернулась и направилась к выходу, потому что ей совсем не хотелось всячески мусолить и перемывать эту тему.

– На прощание! – окликнул Ривальду Лиам, после чего она всё же остановилась и обернулась. – Когда в следующий раз свидимся с тобой, будь живой.

– Иногда, для того, чтобы выжить, нужно умереть.

– Ты снова говоришь загадками!

Но ответа не последовало. Ответом был лишь хлопок закрывающейся двери.

23. Эпилог

"Пришла пора прощаться."

Юлиан Мерлин, ноябрь 2010

Спустя два дня после шокирующих событий последнего времени Юлиана наконец-то вытащили из камеры и отправили в комнату допроса.

Казалось бы, само это кресло было мертво. Его уже не занимали ни Уэствуд Глесон, ни изменник Якоб Сорвенгер, ни трагически погибшая Ривальда Скуэйи. На этот раз на нём с важным видом сидел Стюарт Тёрнер – человек, которого Юлиан видел далеко не один раз, но близко совершенно не был с ним знаком.

– Что я здесь делаю? – спросил Юлиан у Тёрнера, даже не заботясь о тонах вежливости.

– Пришла пора всё разрешить, – ответил Стюарт, даже не поднимая на юношу глаз.

Насколько Юлиан знал, Стюарт Тёрнер работал на Департамент и отношения к полиции не имел. Что же он сейчас делал здесь? Не спросить ли об этом в лоб?

– Я снова в чём-то обвиняюсь?

– Не беспокойся об этом, – ответил Тёрнер. – Очевидно, что взрыв Центральных Часов – это не твоих рук дело.

– С меня не переставая снимали показания уже два дня. Мне больше нечего вам рассказать.

– Ничего рассказывать и не надо. Я здесь для другой новости. Вчера в Департамент анонимно поступили документы.

Он пододвинул к Юлиану солидную кипу бумаг. Однако Юлиан и не думал открывать их и изучать.

– Не считаешь?

– О чём эти документы?

– Перестань выражать недовольство, – сказал Тёрнер. – Это документы, полностью оправдывающие тебя и Пола Уэствуда Глесона.

– Что? – глаза Юлиана полезли на лоб то ли от счастья, то ли от недоумения. То ли и вовсе от чувства, что его жестоко разыгрывают. – От кого они?

– Говорю же, анонимные. Но мы удостоверились в их подлинности. С утра с вас были сняты все обвинения. Более того, эти документы изобличают настоящего виновника – Якоба Сорвенгера.

– Значит, теперь вы верите мне? – в надежде спросил Юлиан.

– Верю ли я словам о том, что Сорвенгер помогал вызволить Молтембера из Эрхары? Верю ли я в Эрхару вообще? Нет, конечно. Но тебе и не положено знать, во что я верю.

– Я же видел это своими глазами. Я был на той самой крыше...

– Остановись. Не следует всё усложнять, – перебил разошедшегося юношу Тёрнер. – Ты хочешь, чтобы твои далеко не подлинные показания отправились на рассмотрение в ме-

стобольский сенат? Всё, что касается Молтембера – уже не наша прерогатива. Там тебя никто не защитит. Более того, могут наказать за дачу ложных показаний. Поэтому настоятельно советую – не лезь не в своё дело. Тебя освобождают. Обвинения сняты. Радуйся свободе и неприкосновенности.

– Значит, вы оставите всё, как есть? А вдруг Молтембер не погиб?

– У нас никаких свидетельств о том, что он действительно там был. И нам ничего не узнать. Молтембера можно найти одним способом. Если он сам этого захочет.

– Тогда в чём обвиняют Сорвенгера? – спросил Юлиан.

– В совершении трёх хладнокровных убийств членов Совета Присяжных, в освобождении из изолятора Агнуса Иллиция. Цель очевидна – убивая присяжных, он хотел влиться в их совет.

– Это правда, в которую я должен верить? – недовольно поинтересовался Юлиан.

– Это правда, которую ты должен знать, – довольно грубо ответил ему Тёрнер. – Будь уверен, в конечном итоге мы разберёмся во всём.

– Мне кажется, вы уже разобрались.

– К сожалению, нет. Спешу тебя расстроить, но Сорвенгер не погиб. Его израненное тело было найдено на месте взрыва. И спасено. К великому сожалению.

Хуже этой новости была только новость о смерти Ривальды.

– А миссис Скуэйн? – спросил Юлиан. – Она была найдена?

– В куче обугленных тел вервольфов мы нашли и её. К несчастью, тело опознанию не подлежит. Опознали её только по кулону. Как раз такой же есть у тебя, – Тёрнер кивнул подбородком на последнее напоминание о Ривальде, висевшее на шее Юлиана.

– Значит, ей повезло меньше, чем Сорвенгеру.

– Мне очень жаль, – постарался выразить сочувствие Тёрнер.

Да что он понимает? Как ему может быть жаль? Хуже его равнодушия может быть опять же только смерть миссис Скуэйн. Ему её гибель может и на пользу пойти. Вдруг замахнётся на пост первого присяжного? Со смертью Ривальды дорога туда прямо открыта.

Юлиан не ответил ничего. Он вольготно откинулся на спинку стула в ожидании того, когда его уже отпустят отсюда, и он раз и навсегда забудет это ненавистное место.

– Это ещё не всё, – спустя полминуты напомнил о своём существовании мистер Тёрнер. – После смерти миссис Скуэйн было вскрыто её завещание. И тебя она не обошла стороной. Она завещала тебе своего дракона.

– Драго? – искренне удивился Юлиан.

– Вот уж не знал, что миссис Скуэйн обладает зарегистрированным драконом. Ну да не моё дело. Надеюсь, ты справишься с ним.

– Я отказываюсь, – уверенно ответил Юлиан. – Мне не нужен дракон. Не нужно ничего, что будет о ней напоминать.

– Твоё дело и твоё право.

– А дом миссис Скуэйн? Всё её состояние? Кому это досталось?

– На самом деле эту информацию я не могу распространять. Но ты не являешься посторонним человеком. Дом и все банковские счета оставлены некой Клаудии Бартон.

– Клаудия? – удивился Юлиан. – А кто это?

– К сожалению, этого никто не знает. Узнаем тогда, когда она приедет получать своё новое имущество.

Даже Юлиан не знал, что такая Клаудия Бартон. Хотя знал он о Ривальде больше, чем основная часть этого города и Департамента.

– Сорвенгер пролежит на лечении несколько месяцев, после чего его дело будет направлено в окружной суд, – перевёл тему Тёрнер, не дав времени Юлиану подумать. – Слушания состоятся в конце января – начале февраля. В случае чего, будь готов.

– Я не хочу на суд...

– Если вызовут, придётся.

Тёрнер посмотрел на наручные часы, которые носил почему-то на правой руке и спохватился:

– Мне пора в Департамент. Время поджимает.

– Похороны Ривальды были сегодня?

– Да. Сожалею, что ты на них не попал.

Он встал, а Юлиану так и хотелось крикнуть ему в спину, что он ничего не смыслит в сожалении. Однако сказал ему юноша другое:

– В одной книге я прочитал, что истина важнее свободы. Вы не согласны с этим?

– Согласен, – обернулся Тёрнер. – Но откуда нам знать точно?

Он эффектно закрыл дверь и ушёл. Теперь уже не только кресло инспектора, но и сам кабинет казался мёртвым. Ещё недавно он был заполнен всевозможными красками общества – Ривальдой, Уэствудом, Сорвенгером. В этом кабинете умер Иллиций, в этом кабинете Юлиан прожил едва ли не половину последнего месяца.

Теперь же в воздухе витала пустота. Одно радовало – вскоре это место снова должен был занять инспектор Глесон.

А уже спустя два часа полностью свободный Юлиан стоял возле могилы Ривальды Скуэйн, сжимая руку Пенелопы, и не мог подобрать нужных слов.

Могильный камень был выполнен в самом простом стиле, без излишеств, украшений и богатств. Сверху было выбито большими золотистыми буквами "Ривальда Скуэйн", причём и второе имя использовано не было. Сразу под инициалами красовались годы жизни "1971-2010". Никаких грустных фраз, наподобие "Requiescat in pace", никакой принадлежности к религии. Только имя и годы жизни.

– О чём думаешь? – решила нарушить неловкое молчание Пенелопа.

Юлиан ответил не сразу, потому что не знал, что сказать. Эмоции переполняли изнутри – подавленность, гнев, ненависть. А вот слов было мало.

– Она не могла так поступить с нами, – выдавил из себя юноша. – Как она могла оставить нас в столь трудный момент?

– Я так и не поняла, что произошло тогда на крыше...

– Тебе и не надо понимать.

– Постарайся объяснить.

– Всё очень просто, – ответил Юлиан. – Ценой своей жизни она спасла город. Уничтожила оружие Молтембера, и, судя по всему, и его самого.

– Она могла спастись так же, как и мы. На драконе хватило бы места.

– Не могла, – отрезал Юлиан. – Выходом была только её смерть. Но она не могла! – закричал Юлиан. – Она должна была что-то придумать, чтобы не умирать! Её же считают самой умной в этом городе, у неё всегда должен был быть план.

– Ты любил её? – робко спросила Пенелопа.

– Что? В каком смысле?

– Ты был привязан к ней.

– Я её ненавидел, – сознался Юлиан. – Теперь же я и сам не знаю, что ощущаю. Я не хотел, чтобы она уходила. Когда

тебе или мне будет страшно – кто придёт на помощь? Мы сами за себя?

– Мы есть друг у друга, – сказала Пенелопа и прижалась к Юлиану.

– Есть, – кивнул Юлиан, в сотый раз прочитав имя на могильном камне.

Он всё ещё не верил в то, что это могло случиться.

– Самое главное, что город в безопасности, – рассудила Пенелопа. – Если бы не смерть миссис Скуэйн, мертвы были все.

– Не утешает. Однажды мы должны будем отомстить, – сказал Юлиан, и выражение его лица полностью окрасилось оттенком ненависти.

– Главное – не спеши, – сказала Пенелопа. – Не забывай – у тебя есть я. И всегда буду.

Она повернула Юлиана к себе и крепко-крепко обняла его. Только вот Юлиан не ощущал себя в безопасности, находясь в этих объятиях. Он начинал ощущать себя чужим.

– Подожди, – остановилась Пенелопа. – Что шуршит у тебя в кармане?

– Да так, ничего, – попытался отвязаться Юлиан, но не тут-то было.

– Нет-нет, покажи.

– Юлиан молчал.

– Я сама возьму.

Со скоростью света она распахнула пальто Юлиана и вы-

ташила из внутреннего кармана подозрительную бумажку.

– Зачем это тебе? – спросила она, вглядываясь в буквы, которые видела и надеясь, что всё это ей мерещится. – Свай-злаутерн – Грунндебайтен, через два часа...

– Ты всё понимаешь...

Пенелопа держала ненавистный билет в своих руках и готова была порвать его, раскромсать и сжечь, но никуда не отпускать Юлиана.

– Ты не должен уезжать. У нас семестр в разгаре. И я...

– Мне стал ненавистен этот город. Он принёс много зла.

Прости, я больше не могу тут находиться.

– А я как же?

– Прости. Может быть, я вернусь... Может, нет...

Что должно следовать дальше? Пощёчина? Нет, Пенелопа держалась.

– А знаешь, что? – выпалила она. – А езжай, куда хочешь!

Только... Только я буду тебя ждать.

А не стоит, подумалось Юлиану. Только вслух он ничего не сказал. И не скажет.

– До встречи, – выпалила она, развернулась и ушла.

На могильный камень упала снежинка. Первый снег в этом году. Снег, который Ривальде увидеть было не суждено.

Юлиан даже не проводил взглядом Пенелопу. Не хотел. Не мог. Он не хотел никого видеть, в том числе и её. А ведь недавно думал про себя, что всё готов за неё отдать.

Может, и да, но явно не сейчас.

Юлиан подошёл к могильному камню и аккуратно положил на него свою руку.

После чего, запинаясь, воспроизвёл заученную фразу.

– Ты смогла обмануть Молтембера. Значит, можешь обмануть и смерть. Если ты меня слышишь, не проигнорируй мои слова. Просто однажды... Будь живой.